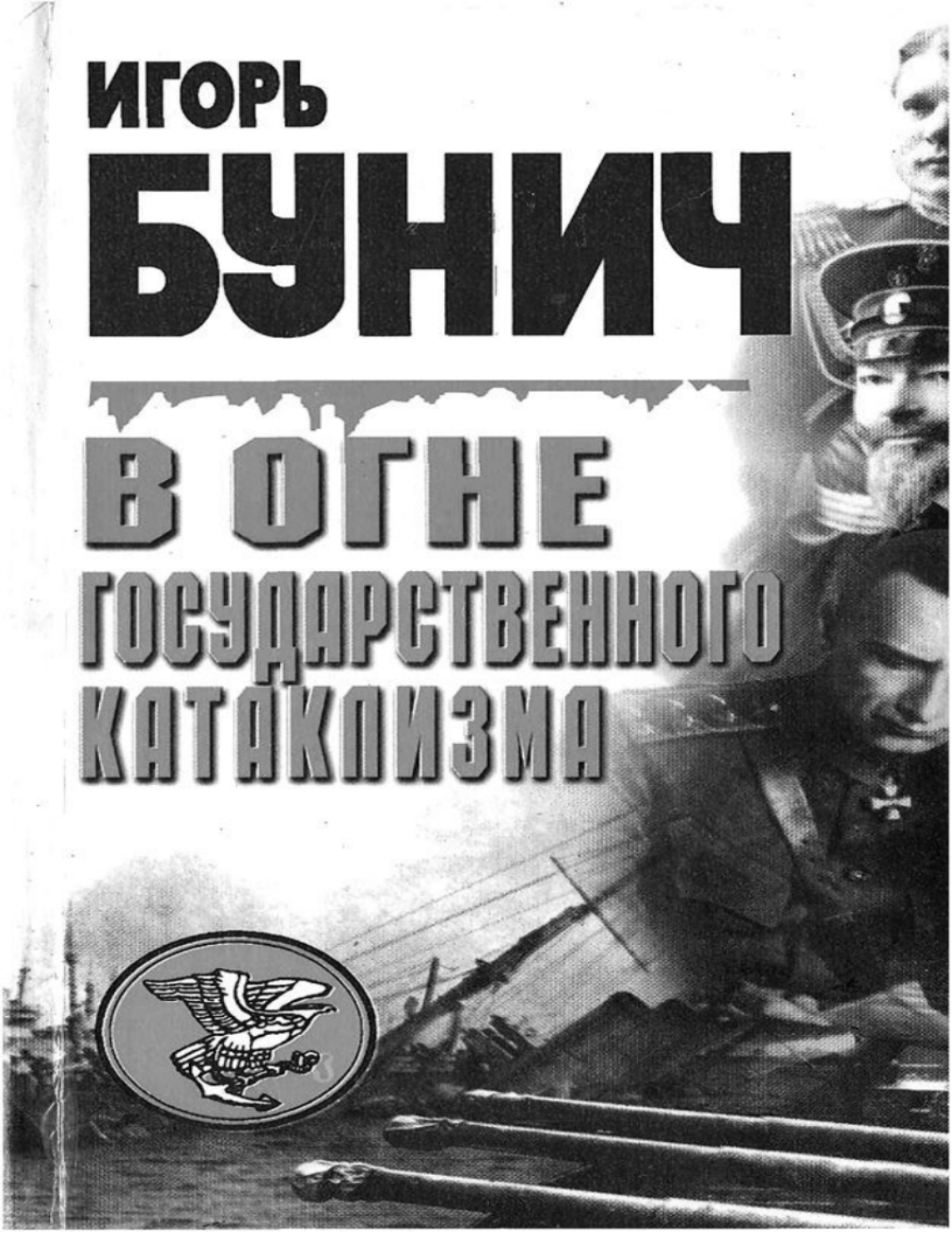
ИГОРЬ

БУНИЧ

В ОГНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАТАКЛИЗМА



SHOUT
SHARE
IT

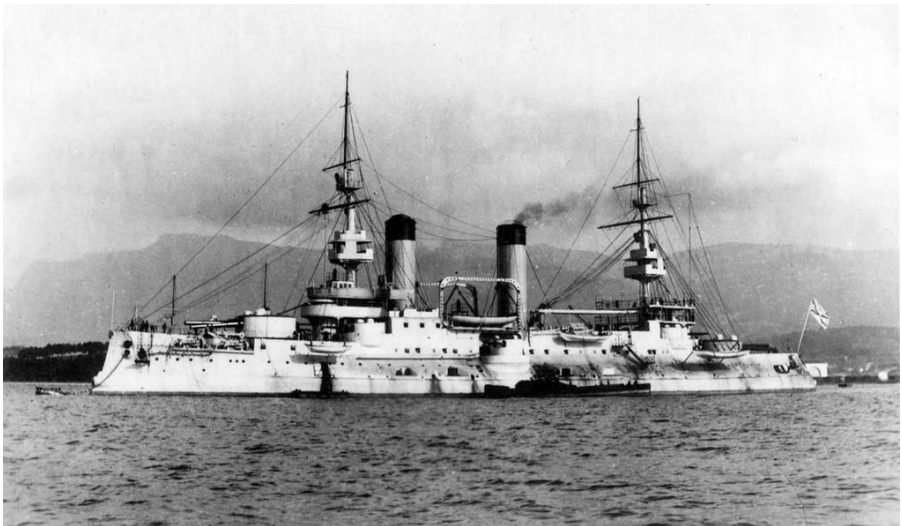
- В огне государственного катаклизма
  - ЦЕСАРЕВИЧ
    -
    - ПРИЛОЖЕНИЕ
  - СЛАВА
- АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ
- ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I
  -
  - ПРИЛОЖЕНИЕ
    - Строительство линейного корабля «Император Павел I» — с 15 октября 1904 года по 19 октября 1910 года.
    - Список исторических предметов, находившихся на борту линейного корабля «Император Павел I»
- ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II
- ПРИЛОЖЕНИЕ (Составление и редакция И. Бунича)
  - ЦАРСКАЯ СТАВКА И ФЛОТ
    -
    - Военные действия на море
    - Турецкие проливы
    - Россия и проливы
    - Революция
    - Революционный хаос
    - Конец Ставки. Генерал Духонин
  - СМУТНЫЕ ДНИ
    -
    - В портах Балтики
    - Бунт в Гельсингфорсе
    - Кровавая ночь
  - ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРМАНЕНТНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ
    -
    - Так называемая забота
    - Все было просто, все ясно.
    - Троцкий действует.
    - Продолжение следует
    - Формируются флотские дела
    - ГПУ искореняет «вредителей»
    - Чекисты «трудятся» на флотах
    - Было ли «вредительство»?
    - Офицерские судьбы
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

В огне государственного катаклизма

ЦЕСАРЕВИЧ

Цесаревич – титул наследника русского престола «Цесаревич»



«Цесаревич» (ББ-12)

Водоизмещение- 12 912 т
Главные размеры – 118х23х8 м
Мощность механизмов 16 300 л.с.
Экипаж – 25 офицеров, 724 матроса

Эскадренный броненосец «Цесаревич» был заложен 18 мая 1899 г на верфи анонимного общества «Фордж и шантье» в городе Тулон, Франция.

Заказ на постройку броненосца во Франции был выдан фирме 8 июля 1898 года. С русской стороны за постройкой «Цесаревича» наблюдали корабельный инженер Боклевский К. П. и капитан 1 ранга Григорович И. К.

Анонимное общество «Форж и Шантье де ля Медитерранне», основанное в 1835 году, являлось самым значительным судостроительным предприятием Франции. Общество имело верфи и мастерские в Гавре, Марселе и в городке Ля-Сен близ Тулона, где и строился «Цесаревич».

В феврале 1898 года русское правительство выделило дополнительные ассигнования на кораблестроение и предложило Морскому Техническому комитету выработать технические задания для проектирования броненосцев водоизмещением примерно в 12 000 тонн. В апреле 1898 года технические задания были составлены и разосланы русским и иностранным заводам с

заданием разработать конкурсные проекты. В итоге французские инженеры предложили проект «Цесаревича», а американские — «Ретвизана». Эскадренный броненосец «Цесаревич» послужил прототипом для самой крупной серии эскадренных броненосцев Русского Флота. Проект «Цесаревича» был составлен французским инженером Лаганем, который предложил расположить двенадцать шестидюймовых орудий в шести двухорудийных башнях с вынесением средних башен на бортовые срезы, что давало им угол обстрела в 180° и позволяло в носовом и кормовом залпах (то есть, когда корабль представляет наименьшую по площади цель) кроме концевых 12" орудий использовать и восемь шестидюймовых. Новой в проекте была и 38-мм броневая противоторпедная переборка протяженностью около девяноста метров, установленная в средней части броненосца на расстоянии двух метров от наружной обшивки по типу французского броненосца «Жорегибери». «Цесаревич» отличался от прежних броненосцев значительно более полным бронированием: масса новой крупповской брони, на 16-30% превосходившей по сопротивлению гарвеевскую, достигала примерно 30-32% водоизмещения.

Орудия для броненосца были изготовлены на Обуховском заводе, однако, башенные установки, в отличие от существовавшей практики, были также изготовлены во Франции, не считая верхних откатных частей. Попутно выяснилось, что принятые в России башенные станки для 12" орудий не помещаются в башнях французского образца. Пришлось срочно спроектировать новые станки и заказать их Путиловскому заводу за дополнительные 237 600 рублей. Петербургский Металлический завод изготовил для броненосца торпедные аппараты. Все остальное, включая машины, котлы и прочие системы, было изготовлено во Франции.

23 февраля 1901 года эскадренный броненосец «Цесаревич» был спущен на воду, пробыв на стапеле один год и десять месяцев: Достройка корабля затянулась: русские орудия не хотели влезать во французские башни, не совпадали зарядные системы, оказались слабыми станки Путиловского завода. Все это требовало многочисленных переделок и доводок, задерживая сдачу корабля.

2 августа 1903 года эскадренный броненосец «Цесаревич» официально вошел в строй. Первый командир — капитан 1 ранга Григорович. Общая стоимость постройки корабля — 14 004 286 рублей.

Затянувшиеся заводские испытания и медленные работы по исправлению дефектов башенных установок сорвали график

прибытия броненосца в Порт-Артур. Главный морской штаб предполагал направить «Цесаревича» на Дальний Восток в составе эскадры контр-адмирала Вирениуса, который 15 августа прибыл в Ля-Сен, подняв на «Цесаревиче» свой флаг. Однако, связав главные силы эскадры Вирениуса с непригодными для океанского плавания номерными миноносцами. Главный морской штаб обрек всю операцию по усилению Тихоокеанской эскадры на провал. Несмотря на заклинания адмирала Алексеева и яростные телеграммы Вирениуса, Петербург не разрешил оставить никуда негодные миноносцы в Средиземном море, но распорядился выделить из состава эскадры броненосец «Цесаревич» и крейсер «Баян» (построенный несколько ранее на той же верфи, что и «Цесаревич») для самостоятельного следования на Дальний Восток.

4 сентября 1903 года эскадренный броненосец «Цесаревич» оставил Тулон и направился в Порос на соединение с ранее пришедшим туда крейсером «Баян», неожиданная авария в машине вынудила «Цесаревича» зайти на короткое время в Неаполь для срочного ремонта и только 27 сентября корабль пришел в Порос, где его более месяца ожидал пришедший с Балтики «Баян». «Цесаревич» пришел в Порос без боезапаса и с еще не сданными башенными установками главного калибра, которые решено было окончательно ввести в строй в Порт-Артуре совместными силами местного порта и командированных французских специалистов.

Транспорт с боезапасом для «Цесаревича», вышедший из Севастополя, не прибыл вовремя в Порос, а ожидать его уже не было времени. Град телеграмм из Петербурга требовал срочного ухода кораблей в Порт-Саид. Назначив транспорту рандеву в море, «Цесаревич» и «Баян» вышли 30 сентября на Пороса, взяв курс на Порт-Саид. Приняв в море с транспорта боезапас, «Цесаревич» в сопровождении «Баяна» прошел Суэцкий канал и, сделав короткую остановку в Адене, вышел в Индийский океан, понукаемый бесконечными телеграммами из Петербурга форсировать переход в Порт-Артур. (Без сомнения, «Цесаревич» и «Баян» усилили 1-ю Тихоокеанскую эскадру гораздо сильнее (больше), чем могли бы ее усилить все корабли эскадры Вирениуса вместе взятые. Их выделение из эскадры было весьма мотивированным, но следует помнить, что это произошло только из-за аварии на «Ослябя», которая, очевидно, импульсивно подействовала на мысли Морского министерства).

Прибыв 24 октября в Сабанг, «Цесаревич» и «Баян» погрузили там уголь и 29 октября снова вышли в море. 19 ноября 1903 года. «Цесаревич» и «Баян» прогрохотали якорными цепями на внешнем

рейде Порт-Артур а, приветствуя крепость и эскадру громом артиллерийского салюта. Это было последнее пополнение Тихоокеанской эскадры перед войной.

Прибытие броненосца «Цесаревич» на Дальний Восток довело число русских броненосцев на театре военных действий до семи, в то время как японцы имели их шесть. На совещании 18 декабря адмирал Алексеев заявил, что «считает желательным идти к Сасебо и отыскать неприятеля для нанесения ему второго Синопа». Флаг-капитан эскадры, капитан 1 ранга Эбергард высказал мнение, что «после прихода «Цесаревича» с наличными силами можно идти к Японии и принять бой у ее берегов». Начальник временного морского штаба наместника контр-адмирал Витгефт, которому суждено было погибнуть на борту «Цесаревича», высказался также за активизацию действий в связи с прибывшим пополнением для эскадры.

Между тем, сам «Цесаревич», столь воодушевивший русское морское командование в Порт-Артуре, строго говоря, ещё не был в строю — на броненосце не действовали башни главного калибра. Весь декабрь «Цесаревич», номинально считаясь в кампании, заканчивал работы в башнях, которые все не удавалось довести до эффективности, предусмотренной проектом. Русские станки не подходили к башням, орудия не подходили к станкам, башенные системы не соответствовали требованиям, особенно, система подачи. 2 января 1904 года «Цесаревич» стал к стенке восточного Вассейна и приступил к монтажу новых подач для орудий главного калибра. Работы закончились 19 января, а 20 января «Цесаревич» вышел на внешний рейд Порт-Артура и, уничтожив девиацию компасов, занял якорное место №8. Башни броненосца оставались весьма ненадежными, хотя и были официально приняты комиссией. 21 января «Цесаревич» участвовал в выходе эскадры к Шантунгу, а 22 января вернулся в Порт-Артур, испытав на себе все конвульсии стратегической нерешительности адмирала Алексеева, безуспешно пытавшегося размахивать связанными руками.

Вернувшись в Артур, «Цесаревич» занял свое место по диспозиции, имея по носу крейсер «Аскольд», по пеленгу правого борта — броненосец «Победу» и становясь в створ с броненосцем «Севастополь». «Цесаревич» занимал место на внешней линии диспозиции — левый борт броненосца был обращен к открытому морю. Напряжение на «Цесаревиче», как и на других кораблях эскадры, возрастало. С борта броненосца наблюдали повальное бегство японцев из Порт-Артура, в кают-компании муссировали слух о разрыве с Японией дипломатических отношений и о возможном развитии дальнейших событий. Мощный и вместе с

тем изящный корабль совершенно нового типа — «Цесаревич» — выделялся на фоне неуклюжих броненосцев эскадры. Соперничать с ним мог только «Ретвизан», но все единодушно отдавали предпочтение «Цесаревичу». «Краса нашего флота!» — с восторгом записал в своем дневнике один из офицеров эскадры, явно передавая общее мнение. (Броненосец «Цесаревич» очень выгодно отличался и от кораблей, которые вчитались его улучшенными вариантами, и уж конечно, был мощнее любого из японских броненосцев. Достаточно вспомнить, что даже «Микаса» и «Асахи» при стрельбе орудиями главного калибра для перезарядки вынуждены были ставить башни почти по ДП. На русских же кораблях башни перезаряжались в любом положении. Не плохая боевая техника, а полное неумение и нежелание воевать привели Русский Флот к уничтожению

Ночь с 26 на 27 января 1904 года выдалась тихая, темная, ясная и прохладная. «Прекрасная ночь для атаки!» — записал в своем дневнике командир японского миноносца «Акацуки» лейтенант Суецуги, чей миноносец в составе 1-го отряда истребителей подкрадывался к рейду Порт-Артура. Вынужденная взяться за оружие, чтобы отстоять свою честь и интересы, Япония решила использовать это оружие с наибольшей эффективностью. Весь исход будущей войны зависел от захвата флотом инициативы в войне на море. Нокаутировать Русский Флот первым ударом так, чтобы он долго не мог прийти в себя и предпринять какие-либо активные действия, вот что лежало в основе японского боевого плана. И, право, нет ничего постыдного во внезапном ударе по противнику. Напротив, удача внезапного нападения говорит о прекрасном планировании в обеспечении операции, а также, о великолепном боевом мастерстве ее непосредственных исполнителей. Позорно другое — в течение ста пятидесяти лет постоянно подставлять свои вооруженные силы под удары внезапного нападения, терпеть позорнейшие поражения или, завалив противника десятками миллионов трупов, достигать сомнительных побед. Достижение же внезапности, особенно внезапности в войне на море, является вершиной военно-морского искусства.

Естественной целью для головных японских миноносцев стали русские корабли, дежурившие по освещению рейда — «Ретвизан» и «Паллада». Шедший концевым «Акацуки» вышел в атаку в 23.38, почти одновременно с «Касуми». Уже был подорван «Ретвизан», море кипело от снарядов, миноносцы шли через перекрестие щупальцев прожекторов. «Акацуки» выпустил торпеды, услышал прекрасную музыку их взрыва и, резко положив руль, вышел из боя в спасительную темноту ночи. На

броненосце «Цесаревич» вахтенный офицер мичман Гильдебрандт в 23.38 заметил два миноносца, приближавшихся с левого борта без огней. Он тут же пробил сигнал «отражение минной атаки» и приказал открыть огонь. Выбежавший из своей каюты по тревоге командир броненосца капитан 1 ранга Григорович в 23.40 увидел в воде приближающуюся торпеду, которая попала в кормовую часть корабля.

После взрыва торпеды «Цесаревич» резко накренился на правый борт, затем выпрямился и стал валиться на левый борт. Немедленно был отдан приказ разводить пары во всех котлах и затопить водой коридоры правого борта. Крен «Цесаревича» быстро увеличивался, вскоре достигнув 16°. Вода, хлынув через пробитые переборки, затопила рулевое отделение, помещения кормового ТА, боевого лазарета и склада мин, кают-компанию и офицерские помещения. Была затоплена вся жилая палуба от 73 шпангоута и часть батарейной палубы. Электричество по всему кораблю погасло, кормовые водоотливные средства вышли из строя... От подводки пластыря пришлось отказаться, поскольку пробоина оказалась под подзором: и пластырь нельзя было подтянуть, не пропустив шкоты снаружи гребных винтов, что помешало бы дать ход.

Между тем, миноносцы второй волны пытались добить «Цесаревича» торпедами. Однако, встреченные сосредоточенным огнем кораблей русской эскадры японские миноносцы выпустили торпеды с большой дистанции. Одна из этих торпед прошла за кормой «Цесаревича» ближе к берегу, а вторая — в нескольких десятках метров по левому борту. Крен «Цесаревича», несмотря на энергичные меры, принятые для спасения корабля, продолжал увеличиваться и поэтому командир броненосца принял решение при первой же возможности сняться с якоря и выброситься на мель.

В 00.50 электричество на корабле было восстановлено и машины были готовы к действию. На броненосце отклепали якорный канат, и «Цесаревич», дав ход, пошел, управляясь машинами, в обход эскадры к берегу. Крен корабля, дойдя до 18°, стал медленно уменьшаться. С броненосца велся беспорядочный огонь по всем подозрительным предметам на воде. Только в 00.55 с «Цесаревича» сигналом известили командующего эскадрой о случившемся, передав прожектором сообщение: «Взорван. Имею сильную течь. Нуждаюсь в немедленной помощи. Прошу прислать буксирный пароход.» Когда «Цесаревич» в обход эскадры шел ко входу на внутренний рейд Порт-Артура, к нему по приказу адмирала подошел крейсер «Аскольд», на который с «Цесаревича» голосом передали: «Иду в гавань». Корма броненосца продолжала

погружаться, корабль терял ход. Только в 02.30, когда броненосец уже обошел эскадру, к нему наконец подошли портовые баркасы и повели «Цесаревича» на внутренний рейд.

Благополучно миновав сидящий на мели в проходе подорванный «Ретвизан», который загородил собою половину прохода, «Цесаревич» приткнулся затопленной кормой на мель. Корма броненосца погрузилась до батарейной палубы, и вторая половина прохода оказалась блокированной. Несмотря на все усилия, буксиры не могли стащить гигантский броненосец с мели. Немедленно была начата разгрузка кормы «Цесаревича» — были разгружены кормовые снарядные погреба и угольные ямы. Утро 27 января осветило мрачную картину подорванных кораблей, блокированной гавани и нараставшую неразбериху в сочетании с начинающейся паникой из-за подхода японского флота к Порт-Артуру.

В бою 27 января, когда к Порт-Артуру подошли главные силы адмирала Того, сидящий на мели в проходе «Цесаревич» был снят с мели с помощью буксиров и собственных машин. Волоча корму по грунту, броненосец перешел на внутренний рейд и стал там на бочку. При осмотре корабля выяснилось, что на броненосце затоплены: рулевое отделение, машинный и провизионный склады, арсенал, боевой лазарет, минные и электропомещения, помещения водолазов и гальванеров, цейхгауз и один кормовой отсек левого борта. Корма «Цесаревича» погрузилась на восемь футов выше ватерлинии.

Водолазы выяснили, что удар торпеды пришелся между 31-37-м шпангоутами у начала дейдвудной трубы, причем, центр взрыва находился в девяти дюймах ниже ватерлинии против помещения корабельного арсенала. Силой взрыва борт броненосца был прогнут на три-четыре фута внутрь, образовав большую чашкообразную впадину с пробоиной площадью в двести кв. футов. Наибольшая длина пробоины двадцать футов, высота — семнадцать футов. Листы обшивки оказались загнутыми далеко внутрь корабля и приподнятыми кверху. Переломаны, скручены и смяты восемь шпангоутов, двухслойная броневая палуба выгнута вверх на два-три фута, бимсы смяты, оторваны и расплющены. Поперечная переборка из помещения арсенала в рулевое была повреждена у борта, водонепроницаемая дверь сорвана с задраек, однако, продольная двухслойная переборка, отстоящая на двенадцать футов от борта, выстояла и не получила никаких повреждений. Борт «Цесаревича» оказался помятым на длину тридцать шесть футов, ширину — двадцать четыре фута, с общей площадью вмятины пятьсот кв. футов. Кроме того, оказалась вдавленной внутрь 10" броневая плита

нижнего пояса, рубашка за которой была местами прорвана и растрескалась. Во время взрыва в затопленном рулевом отделении утонул машинист Афиноген Жуков, оказавшийся единственной жертвой на «Цесаревиче» в первую ночь войны.

Все очевидцы торпедирования «Цесаревича» сходятся на том, что когда подорванный броненосец шел в гавань с огромным креном па левый борт, у всех было такое впечатление, что корабль вот-вот перевернется. По-видимому, так оно и должно было случиться, если бы нерешительные, героические действия трюмного инженер-механика Федорова, быстро принявшего меры для затопления водой бортовых коридоров правого борта. Федоров приказал сразу затопить девять коридоров, хотя одновременно можно было затопить только три коридора. Затем Федоров спустился в трюм кормового подбашенного отделения, куда, по донесению трюмного старшины Петрухова, по перепускной 9" трубе быстро прибывала вода из затопленного рулевого помещения. Увидев, что поврежден клинкет трубы, Федоров вместе с Петруховым вылез из подбашенного отделения и, захватив первые попавшиеся под руку вещи — подушку, одеяло, какую-то доску и вымбовку, полез обратно в подбашенное отделение затыкать трубу. С большим трудом бьющую из трубы струю воды удалось уменьшить — труба была заткнута подушкой, упертой вымбовкой. Едва Федоров и Петрухов успели это сделать, как погасло электрическое освещение и возвращаться пришлось в абсолютной темноте, ползком, по скользкому наклонному днищу в ледяной воде, ориентируясь по доносящимся из люка голосам.

Выбравшись наверх, Федоров приказал осушить этот отсек помпой, после чего он был вызван к командиру корабля. Выбираясь на верхнюю палубу, Федоров заметил оборванную цепь от крана затопления средних 6" погребов: оказалось, что затопление открыто по приказу старшего офицера. Федоров немедленно закрыл клинкет и приказал осушить затопленный почти наполовину снарядный погреб. Доложив командиру обстановку, Федоров кинулся в румпельное отделение, горловина которого находилась в кают-компании. Двери в кают-компанию были задраены, так как помещение было затоплено. Определив по стуку, что по правому борту воды в кают-компании нет, Федоров отдраил правую дверь и обнаружил, что по левому борту, где находился люк в румпельное помещение, вода в кают-компании стояла выше иллюминаторов.

Для осмотра люка пришлось лезть по горло в ледяную воду. Убедившись, что горловина люка исправна, Федоров решил, что румпельное отделение осталось незатопленным, а вода в кают-компанию попала при крене через открытые полупортики,

которые отдраили по сигналу «отражение минной атаки» и не успели задраить после взрыва. Федоров приказал задраить полупортики и по мере выравнивания крена организовал выкачивание воды брандспойтами.[1] За те же самые мероприятия командир «Цесаревича», капитан 1 ранга Григорович был награжден сразу же после боя мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени.

Отсутствие дока в Порт-Артуре (в Порт-Артуре дока) для броненосцев крайне затрудняло ремонт повреждений у «Цесаревича» и «Ретвизана», поскольку такой ремонт предстояло проводить в кессонах.

Постройка кессона для «Ретвизана», получившего пробоину в носовой части, где борт был почти «прямостенным», была относительно легкой. Что же касается «Цесаревича», то многие специалисты сомневались в возможности подведения кессона под его пробоину, поскольку, не говоря уже о чрезвычайной сложности кормовых обводов броненосца, возникала необходимость пропустить через кессон гребной вал корабля. Малейшая ошибка при этом в обводе кессона и любая неточность при его установке могли привести к деформации гребного вала и к выходу «Цесаревича» из строя по меньшей мере до первого докования.

Прибывший вместе с адмиралом Макаровым во главе группы рабочих Балтийского завода корабельный инженер Кутейников Н. Н. решил все сомнения. Под его руководством для ремонта «Цесаревича» был построен кессон длиной тридцать шесть футов, шириной в верхней части четыре фута, в нижней части в корме — тридцать футов, в носу — шестнадцать футов и высотой тридцать пять футов. Своей кормовой поперечной стенкой кессон был надет на дейдвуд броненосца, для чего в этой стенке была сделана вырубка с дверцею на двух петлях, которую водолазы закрыли, забили клиньями и законопатили при установке кессона к пробоине 21 марта 1904 года. Глубина погружения кессона составила семь метров. Из-за большого давления воды и неплотностей вокруг дейдвудного вала, кессон постоянно тек так, что не успевали откачивать воду.

Адмирал Макаров, осмотрев кессон, приказал вырубить два круглых отверстия для стока воды в переборке, отделяющей помещение арсенала от машинного отделения. По мере накопления, воду спускали в машинное отделение, а затем отверстия забивали пробками. Работы по ремонту броненосца начались 24 марта вырубкой и выжиганием поврежденных взрывом частей корпуса. Вырубка велась вручную, а выжигание — с помощью вольтовой дуги. В кессоне стояла страшная духота. От

вентиляционных шлангов пришлось отказаться, так как они еще более увеличивали немыслимую тесноту в кессоне. Грохот ручной и пневматической рубки, испарения от выжигания набора угольными электродами вольтовой дуги, повышенная влажность — все приводило к повышенной утомляемости рабочих, к частым сменам, а в итоге — к медленному ходу работ. Для выпрямления загнутых внутрь листов наружной обшивки, их долго нагревали керосиновыми форсунками, а затем отжимали 50-тонными домкратами. Дока рабочие, работая круглосуточно в кессоне, делали, казалось бы, невозможное для введения «Цесаревича» в строй, между адмиралами Макаровым и Алексеевым разгорелась склока по поводу кандидатуры нового командира «Цесаревича» в связи с предстоящим производством в контрадмиралы капитана 1 ранга Григоровича. Адмирал Макаров выдвигал на эту должность своего старого соплавателя и сотрудника капитана 2 ранга Васильева — в прошлом командира ледокола «Ермак». Адмирал Алексеев в свою очередь пытался выдвинуть на этот пост бывшего флаг-капитана эскадры Тихого океана, капитана 1 ранга Эбергарда (будущего командующего Черноморским флотом). Макаров, как обычно, грозил отставкой и апеллировал к царю, и в итоге было утверждено назначение командиром «Цесаревича» капитана 2 ранга Васильева.

Однако, когда 27 марта капитан 1 ранга Григорович вступил в должность командира Артурского порта, капитан 2 ранга Васильев не успел принять у него дела, так как 30 марта он погиб вместе с Макаровым при взрыве «Петропавловска». После гибели капитана 2 ранга Васильева, командиром на «Цесаревич» был назначен капитан 1 ранга Эбергард, занимавший к этому времени пост флаг-капитана при адмирале Алексееве в Мукдене. Эбергард, задержавшийся с передачей дел, не успел до блокирования Порт-Артура вступить в командование броненосцем. Таким образом, после ухода капитана 1 ранга Григоровича, то есть, с 27 марта весь гигантский объем работ, связанный с ремонтом «Цесаревича», лег на плечи старшего офицера броненосца, капитана 2 ранга Шумова, исполнявшего обязанности командира до 11 мая, когда на «Цесаревича» был назначен новый командир — капитан 1 ранга Н. Иванов — в прошлом командир крейсера «Диана».[2]

Пока в высоких штабах споили о кандидатуре командира «Цесаревича», на корабле продолжались круглосуточные ремонтные работы. Вместе с тем, броненосец постоянно выделял свои катера для сторожевой и тральной службы.

Так 14 апреля катерам с «Цесаревича» было приказано протралить предполагаемое месте гибели «Петропавловска».

Траление проводилось под руководством младшего минного офицера броненосца лейтенанта Щетинина и в ходе его была обнаружена и обезврежена обширная минная банка.

А между тем, только 24 апреля рабочие приступили к установке новых элементов набора корпуса в районе торпедной пробоины «Цесаревича». В ходе ремонта пришлось перебрать всю броневую палубу корабля. Ее погнутые листы правились в горячем виде на плите в мастерской и устанавливались обратно. Новые бимсы склепывали из полос и угольников из-за отсутствия коробчатых профилей и устанавливали применительно к имеющимся отверстиям для заклепок в палубных листах. Вдавленную взрывом внутрь 10" броневую плиту нижнего пояса было решено не снимать, а также не снимать и потрескавшуюся стальную рубашку. Ее просто залатали изнутри железными планками на гужонах, а наиболее смятые стойки за броней срубили, выправили и поставили на винты. Шельфовые листы палубы подогнали под кромку брони. Старые листы были разорваны взрывом, пришлось изготовлять новые в мастерской и выгнуть их так, чтобы они плотно прилегли к нижней кромке брони и к бимсам. Для выравнивания наружной поверхности брони был установлен тонкий вертикальный лист, прикрепленный винтами к нижнему шельфу и к торцу следующей броневой плиты. Зазор между этим листом и бронею заполнили смесью цемента и гари. Затем началась установка листов наружной обшивки.

Пока «Цесаревич» ремонтировался, военная обстановка на южном театре продолжала ухудшаться. Последовавшая вслед за гибелью «Петропавловска» высадка японцев на Ляодунский полуостров привела к тесной блокаде Порт-Артура и с моря, и с суши. Туманный призрак гибели флота в случае падения крепости с каждым днем приобретал все более и более реальные черты. Русская армия, теснимая десантными силами японцев, откатывалась к линии артурских фортов. Необходимость ухода флота из Порт-Артура уже понимали все. Однако, с не меньшей ясностью все понимали, что прорыв из Порт-Артура не удастся осуществить без боя с японским флотом, а это страшило и командование русской эскадры, и ее личный состав на всех уровнях...

Временно командующий эскадрой контрадмирал Витгефт, засыпаемый приказами адмирала Алексеева, требующего немедленного ухода флота из Артура, откладывал выход, ожидая окончания ремонта поврежденных кораблей. Ремонт «Цесаревича» продолжался. Броненосец продолжал высылать свои катера для дозорной службы и траления, а 5 мая с «Цесаревича» в

бухту Инцендзы, где предполагался японский десант, была послана десантная полурота с четырьмя пулеметами под командованием лейтенанта Азарьева. Однако, японцы десанта в этой бухте не высаживали. И полурота лейтенанта Азарьева вернулась 14 мая в Порт-Артур в общем потоке отступления русских войск от Кинджоу. А между тем, 22 мая на «Цесаревиче» был установлен последний лист наружной обшивки и 24 мая от борта броненосца был отведен кессон. После четырехмесячного ремонта «Цесаревич» снова был в строю. (Внутренние работы по монтажу легкой настилки поверх броневой палубы и исправлению переборок продолжались еще около двух недель). 25 мая 1904 года на «Цесаревиче» поднял свои флаг контр-адмирал Витгефт, перенеся его с броненосца «Севастополь». Эскадренный броненосец «Цесаревич» стал флагманским кораблем 1-й Тихоокеанской эскадры. 1 июня «Цесаревич» занял место флагманского корабля в Восточном бассейне Порт-Артура, а «Севастополь» перешел в Западный бассейн.

Эскадра продолжала готовиться к прорыву из Порт-Артура. Выход откладывался по различным причинам со дня на день, пока наконец не последовал приказ адмирала Витгефта быть готовыми к прорыву из Порт-Артура к 03.30 10 июня.[3] Адмирал Витгефт делал все возможное, чтобы сохранить в тайне день выхода эскадры в море. Однако, весь Порт-Артур знал о дне выхода, поскольку спешную погрузку угля и других запасов, снятие кессонов и постановку орудий нельзя было скрыть. Всем, кроме того, было известно время полной воды, видны были и приготовления в порту для вывода на рейд боевых кораблей. Более того. 7 июня с «Цесаревича» был разослан по всем кораблям приказ Витгефта следующего содержания:

> «Эскадра, окончив исправления судов, поврежденных коварным врагом еще до объявления войны, теперь выходит по приказанию наместника в море... С помощью Бога и Св. Николая Чудотворца, покровителя моряков, постараемся выполнить наш долг совести и присяги перед Государем и разбить неприятеля, ослабленного гибелью на наших минах части его судов... Да поможет нам Бог!»

В тот же вечер приказ был опубликован артурской газетой «Новый край». Начался переполох: полиция кинулась конфисковывать номер газеты, а командиры кораблей были вызваны на «Цесаревича» с требованием вернуть приказ. По кораблям поползли самые невероятные слухи, настроение и боевой дух совершенно упали.

Наконец, 10 июня в 04.00 по сигналу с «Цесаревича» корабли эскадры начали выходить на внешний рейд. Выход из порта шел очень медленно из-за поломок на кораблях и организационной неразберихи. Когда броненосец «Цесаревич» вслед за «Севастополем» и «Полтавой» начал выходить на внешний рейд, к нему подошла шлюпка с крейсера «Аскольд», с которой предупредили, что на якорном месте «Цесаревича» замечено несколько мин, выставленных японцами на небольшой глубине. В этот момент с «Цесаревича» по обоим бортам было замечено несколько плавающих мин, и корабль был вынужден сменить назначенное якорное место. Мины продолжали всплывать, и вскоре стало ясно, что эскадра выходит на минную банку. Интересно, что в ночь перед выходом с наблюдательных пунктов флота, в том числе и от дежурного офицера на Золотой горе, пришло несколько сообщений о том, что японцы ставят мины на внешнем рейде. Но утром об этом почему-то забыли. Около девяти часов «Цесаревич» поднял сигнал: «Спустить паровые катера, обследовать промежутки между судами. Затем: «Аскольду осмотреть в море плавающие минные заграждения».

Началось запоздалое траление, в ходе которого вблизи «Цесаревича» была обнаружена банка из четырех мин, взорвавшихся одновременно. На «Цесаревиче» крестились, снимая фуражки: «Бог пронес!» Траление продолжалось до 12.40, когда сигналом с «Цесаревича» было приказано поднять все шлюпки и катера. Затем на всех кораблях зачитали уже давно опубликованный в газете и прочитанный японцами приказ адмирала Витгефта о прорыве из Порт-Артура и отслужили молебны. Только в 14.00 по сигналу с «Цесаревича» эскадра стала сниматься с якоря и медленно вытягиваться в море за тралящим караваном. «Цесаревич» шел замыкающим в колонне броненосцев. В 14.50 на броненосце «Цесаревич» испортился рулевой привод. (После ремонта капитан 1 ранга Григорович предупреждал о ненадёжности рулевого привода корабля, из-за неправильно собранных, поврежденных взрывом, несущих рам и станин). Пока рулевой привод исправляли, «Цесаревич» то стопорил машины, то давал снова ход, задерживая всю эскадру. Привод удалось исправить только к 16.00.

Эскадра продолжала движение, медленно ковыляя и совсем не напоминая боевое соединение, идущее на прорыв. В 16.40 был наконец отпущен тралящий караван, а в 16.50 эскадра перестроилась из походного ордера в боевой, имея головным флагманский броненосец «Цесаревич», который, увеличив скорость до десяти узлов, лег на курс S020°. Перестроение было сделано очень медленно, растянув линию эскадры и вызвав

дополнительную неразбериху. Глядя с мостика «Цесаревича» на маневрирование вверенных ему кораблей, адмирал Витгефт был очень удручен и, тяжело вздохнув, сказал, ни к кому не обращаясь: «Нет, ничего не получится. У покойного Степана Осиповича, может быть, что-нибудь и получилось бы. У меня — нет».

Примерно в 17.10 мрачные мысли командующего эскадрой были прерваны докладом сигнальщиков о появлении главных сил противника. Четко маневрируя, идя отдельными отрядами, подняв стеньговые флаги, японцы шли на сближение с русской эскадрой, охватывая ее с флангов и отрезая от берега. Со страхом смотря на своего грозного, опытного противника, адмирал Витгефт и офицеры его штаба неожиданно с совершенной ясностью для себя поняли, что шансов пробиться через японский флот нет никаких, что они будут разгромлены, рассеяны и смяты уже через несколько минут после начала боя, не только не выполнив поставленной задачи прорыва, но и еще более усугубив серьезность положения на южном театре военных действий. В 18.50, когда расстояние между эскадрами сократилось до пятидесяти трех кабельтовых, адмирал Витгефт принял решение не вступать в бой и вернуться в Порт-Артур. По сигналу с «Цесаревича», эскадра повернула на шестнадцать румбов и легла на обратный курс, оставляя противника за кормой.

Адмирал Витгефт и офицеры штаба эскадры, к сожалению, не знали (да и не могли знать, конечно), какое ошеломление, весьма близкое к панике, царило на японских кораблях. Несмотря на многочисленные агентурные сведения, японские моряки так и не верили до конца в возможность ввода в строй «Цесаревича» и «Ретвизана». Сейчас же, увидев эти корабли в строю русской эскадры с «Цесаревичем» в качестве флагмана, они были потрясены. Совсем недавно японский флот уже заплатил за слишком уж сильное пренебрежение противником гибелью двух броненосцев первой линии и нескольких других кораблей, а если вспомнить извечную японскую психологию, ввергающую их в уныние при любых неудачах, то цепь неудач, пусть даже очень короткая, могла иметь для флота адмирала Того, несмотря на его высочайшую боевую подготовку, самые катастрофические последствия. 10 июня 1904 года Русский Флот упустил свой шанс...

В 20.15 «Цесаревич» привел русскую эскадру на внешний рейд Порт-Артура. Всю ночь русская эскадра отражала атаки японских миноносцев, а в 05.30 начала втягиваться на внутренний рейд. Капитан 2 ранга В. И. Семенов записал в своем дневнике:

> «Удрали! Отступили без боя!.. Утром — Бог пронес, вечером — Бог пронес, ночью — Бог уберег... А сами-то что же?.. Мне казалось, что в этот день бесповоротно решилась судьба Артурской эскадры...»

12 июня броненосец «Цесаревич» стал на свое место в Восточном бассейне, а 14 июня на нем состоялось совещание флагманов, командиров кораблей и командующих сухопутными войсками. На этом совещании командование флота пыталось подбить командование армией присоединиться к мнению о невозможности выхода флота из Порт-Артура. Обосновывая свою точку зрения, контр-адмирал Витгефт в частности сказал: «Если пострадал всего один «Севастополь», а не взорвались при выходе и постановке на якорь «Цесаревич», «Пересвет», «Аскольд» и другие корабли, то это только милость Бога». По мнению адмирала Витгефта, «вторичный выход всем флотом может состояться лишь тогда, когда будет выбор между гибелью в гавани при взятии крепости, и гибелью на рейде». Однако, представители армейского командования, смотревшие на положение вещей более реально и не понимавшие трусости флота, не дали себя убедить доводами моряков.

Что же касается адмирала Алексеева, то тот, узнав о возвращении эскадры в Порт-Артур, пришел в ярость и засыпал Витгефта телеграммами, где со ссылкой на Высочайшее повеление приказывал немедленно уводить флот из Порт-Артура во Владивосток. 4 июля для обсуждения директив наместника на борту «Цесаревича» произошло еще одно совещание флагманов и командиров кораблей, на котором вновь был признан невозможным выход флота из Порт-Артура. Протокол совещания был переслан адмиралу Алексееву. Видя полное нежелание флота воевать, адмирал Алексеев вынужден был апеллировать к авторитету царя. В посланной им телеграмме адмиралу Витгефту говорилось:

> «На представленный протокол собрания флагманов и капитанов от 4 июля. Его Императорское Величество соизволили следующим ответом: «Вполне разделяю Ваше мнение о важности скорейшего выхода эскадры из Артура и прорыва во Владивосток». На основании сего подтверждаю Вам к точному исполнению приказания, изложенного в моей депеше №7".

Но выпихнуть флот в море оказалось совсем не легкой задачей. Если уж в России саботируют полученный приказ, то делают это долго и нудно. Было собрано (созвано) новое собрание

флагманов и капитанов, постановившее не уходить из Порт-Артура. Протокол был направлен адмиралу Алексееву, который очень резко напомнил Витгефту, что в армии приказы не обсуждаются вообще, а приказы царя — в особенности. Вынуждаемый правительством страны и главнокомандующим к активным действиям, флот сопротивлялся до последнего. Игнорируя категорические приказы, командование флотом приводило все новые и новые доводы, доказывая невозможность прорыва, настолько убедив себя в этом, что уже действительно ни о каком прорыве не могло быть и речи. И уже перед самым выходом в море, 28 июля адмирал Витгефт направил непосредственно царю телеграмму следующего содержания:

> «Согласно повеления Вашего Императорского Величества, переданного наместником мне телеграммой, выхожу с эскадрой прорываться во Владивосток. Лично я и собрание Флагманов и Командиров были против выхода, не ожидая успеха прорыва, о чем доносил неоднократно наместнику».

Эта беспрецедентная полемика между флотом и главнокомандующим на театре военных действий не имеет аналога в военно-морской истории человечества. В военное время флот упорно отказывался воевать на море, доказывая свою необходимость для сухопутной обороны крепости. Выкинутый в море целой серией резких приказов, потребовавших вмешательства самого царя, флот шел на прорыв в таком боевом настроении, что неудивительно, что ни один из русских кораблей так и не дошел до Владивостока, частично разбежавшись по нейтральным портам, а большей частью, вернувшись в Порт-Артур с тем, чтобы в итоге угодить в руки противника. Пока командование эскадрой отбивалось от приказов главкома, японцы, продолжая наступать, сбили русские войска с Зеленых и Волчьих гор и вышли на расстояние обстрела Порт-Артура из полевых орудий. 25 июля в 10.30 японская артиллерия, установленная на западных высотах Волчьих гор, начала обстрел внутренней гавани Порт-Артура из 120-мм орудий.

В 10.50 по сигналу с «Цесаревича» русские корабли открыли ответный огонь. Артиллерийская дуэль продолжалась весь день. В ходе её, в 16.15, в броненосец «Цесаревич» почти одновременно попали два снаряда. Один ударил в броневой пас и взорвался, не пробив его. Второй снаряд попал в адмиральскую рубку, где находились контр-адмиралы Витгефт и Григорович. Разрывом этого снаряда был смертельно ранен телефонист (в рубке находилась телефонная станция связи с берегом). Осколками в

плечо были ранены адмирал Витгефт и его старший флаг-офицер, лейтенант Кедров, а также легко контужены два матроса. Телефонная станция оказалась разбитой. Между тем, флот продолжал готовиться к выходу в море, что в достаточной мере стимулировала бомбардировка кораблей с сухопутного фронта осадными батареями противника. 26 июля на «Цесаревича» были вызваны флагманы эскадры и командиры кораблей на совещание с главнокомандующим. На этот раз разговор шел только о прорыве. Было решено выходить в море 28 июля с утренней полной водой.

28 июля с 05.00 эскадра стала вытягиваться на внешний рейд. В 06.00 «Цесаревич», неся флаг командующего, первым из броненосцев вышел на внешний рейд, эскортируемый миноносцами «Скорый» и «Статный». Выход эскадры, как всегда, шел мучительно медленно. В 06.30 на «Цесаревиче» был поднят сигнал: «Адмирал требует скорого выполнения выхода». Однако, это мало помогло. Эскадра выходила на внешний рейд в течение 3,5 часов. Несколько японских кораблей, дымя на горизонте, с рассвета наблюдали за действиями Русского Флота. В 08.15, после выхода на рейд броненосца «Полтава», на мачтах «Цесаревича» взвился сигнал: «Сняться с якоря и занять свои места в строю».

В 08.45 эскадра снялась с якоря, построилась и двинулась вслед за тралящим караваном в открытое море. В этот же момент на «Цесаревиче», который возглавлял колонну броненосцев, поднялся сигнал: «Приготовиться к бою», а в 09.00: «Флот извещается, что Государь-Император повелел идти во Владивосток». В 09.30 «Цесаревич» лег на курс S020˚, а через час сигналом отпустил в Артур тралящий караван и канонерские лодки. Ведя эскадру, «Цесаревич» лег на курс S055˚ и увеличил ход до восьми узлов.

В 10.35 на «Цесаревиче» сломался рулевой привод, и броненосец, подняв сигнал: «Не могу управляться», круто вышел из строя. Эскадра уменьшила ход. Через несколько минут, исправив повреждение, «Цесаревич» снова занял место во главе эскадры. В десять часов «Цесаревич» приказал всей эскадре постепенно увеличить ход, начиная с десяти узлов, чтобы выяснить надежность заделки пробоины на «Ретвизане». Сам «Цесаревич» шел очень неровно, несколько раз то уменьшая, то увеличивая ход, в результате чего следовавшим за ним кораблям было очень трудно держаться в строю.

Нашедший незадолго до этого легкий туман начал рассеиваться, открыв в юго-восточной четверти горизонта японские корабли. Параллельно курсу нашей эскадры шел 3-й

боевой отряд противника в составе броненосного крейсера «Якумо» и легких крейсеров «Касаги», «Читозе» и «Такасаго». Сзади и слева от эскадры шли корабли 5-го японского отряда. Около тридцати японских миноносцев охватывали русскую эскадру со всех сторон, выходя на ее курс. Строй русской эскадры сильно растянулся, и в 11.00 «Цесаревич» поднял сигнал: «Соблюдать расстояние». в 11.30 с востока появились главные силы японского флота, ведомые броненосцем «Миказа» под флагом адмирала Того. На мачтах «Цесаревича» запестрели флаги сигнала: «Новику занять место по диспозиции». Шедший в сторожевом охранении крейсер «Новик» вступил в кильватер крейсеру «Аскольд», оставив головным «Цесаревича». В 11.50 «Цесаревич» снова поднял сигнал: «Не могу управляться» и вышел из строя ремонтировать новую поломку в рулевом управлении. Через несколько минут флагманский броненосец исправил повреждение и снова занял свое место во главе эскадры, подняв сигнал: «Иметь тринадцать узлов хода».

Все это время по курсу «Цесаревича» шныряли миноносцы противника. Наблюдая за ними, начальник штаба эскадры контр-адмирал Матусевич заметил вправо по курсу на воде приспособление, с помощью которого японские миноносцы обычно сбрасывали мины. Считая, что миноносцы противника, ставя мины, случайно уронили это приспособление в воду, Матусевич приказал сигнальщикам следить за плавающими минами. В тот же момент одним из сигнальщиков была замечена мина. Вскоре командир «Цесаревича», капитан 1 ранга Иванов сам увидел по курсу броненосца два буйка замыкателей японских мин. Немедленно тревожными свистками и семафором эскадра была извещена об опасности. «Цесаревич» изменил курс, обходя мины. Следовавшие за ним корабли сделали то же самое — строй эскадры нарушился. В этот момент (12.20) с дистанции восемьдесят кабельтовых броненосный крейсер «Ниссин» начал пристрелку по «Цесаревичу» и сигналом сообщил дистанцию остальным кораблям 1-го боевого отряда.

Огонь противника сосредоточился на «Цесаревиче», однако, в первой фазе боя броненосец не получил опасных повреждений. Один 12" снаряд противника попал в правый борт «Цесаревича», причинив подводную пробоину, через которую корабль принял сто пятьдесят тонн воды, затопившей две междубортных отсека. Другим снарядом была разбита верхняя часть задней дымовой трубы. Крупным снарядом, попавшим в носовую часть «Цесаревича», сбило правый якорь, произведя большие разрушения на спардеке. 12" снаряд разорвался на крыше кормовой башни главного калибра, убив одного и ранив двух

матросов в башне, а также, ранив матроса у дальномера на кормовом мостике. Два 12" снаряда попали в борт под кормовой 6" башней, пробив борт и уничтожив адмиральский салон. 6" снарядом, влетевшим в иллюминатор, было уничтожено помещение лазарета. От многочисленных японских перелетов рвались снасти, змеями развеваясь по ветру.

«Цесаревич» вел интенсивный ответный огонь, сосредоточив его на броненосце «Миказа». Однако, во всех башнях зарядка орудий сильно затруднялась из-за выхода газов в башню при открытии замков. Более одной перезарядки комендоры не могли выдержать, поэтому в башни была назначена смена из числа комендоров мелкой артиллерии. Смена проводилась после каждого залпа. Свободная смена прижималась к башне, спасаясь от осколков беспрерывно падающих японских снарядов. Невзирая на эти чудовищные для морского боя условия ведения огня, залпы с «Цесаревича» постоянно накрывали флагманский броненосец противника «Миказа», который получил более двадцати попаданий крупными снарядами.

Один из снарядов «Цесаревича», пронизав грот-мачту «Миказы», разорвался на спардеке, убив двенадцать человек и ранив пять. Другим снарядом, попавшим в кормовую башню главного калибра, было выведено из строя одно 12" орудие и убит один матрос. При этом было ранено восемнадцать человек, в том числе, и командир башни капитан-лейтенант принц Хироясу — член божественной императорской фамилии.[4] Крупный снаряд, разорвавшийся на мостике, убил офицера и шесть матросов, ранив шестнадцать человек, в том числе командира корабля, капитана 1 ранга Идзичи, и двух флаг-офицеров адмирала Того. Последующими попаданиями на японском флагмане было убито шестнадцать и ранено пятьдесят два человека.

Адмирал Витгефт руководил боем, находясь вместе со своим штабом на правом крыле ходового мостика, упорно отказываясь от предложения пойти в боевую рубку или, по крайней мере, на верхний мостик, где было безопасней. «Всё равно, где умирать,» — прервал доводы штабных адмирал Витгефт.

Около 13.20 расстояние между сражающимися эскадрами увеличилось и только концевые корабли продолжали вести бой. Адмирал Того, разойдясь контр-курсами с русской эскадрой, опоздал с поворотом вправо и, выполнив этот маневр, оказался за кормой русской эскадры. Таким образом, на первом этапе боя русским удалось прорваться, оставив противника за кормой. Адмирал Витгефт приказал ложиться на курс S062° по направлению к Корейскому проливу. На «Цесаревиче» взвился сигнал: «Больше ход!» Броненосец увеличил ход до четырнадцати

узлов, но тут же пришлось его снова уменьшить, поскольку стали отставить концевые броненосцы «Севастополь» и «Полтава».

В 13.45 японцы нагнали русскую эскадру, и бой возобновился по всей линии, однако, в 14.30 адмирал Того, изменив курс вправо, снова отстал, и бой прервался. С «Цесаревича» запросили все корабли о повреждениях и убедились, что все повреждения незначительны. На все корабли был передан приказ в случае возобновления боя сосредоточить огонь на головном корабле противника. К борту «Цесаревича» был подозван миноносец «Выносливый», на котором находился начальник отряда миноносцев, капитан 2 ранга Елисеев, и ему были даны инструкции о торпедных атаках на противника в случае возможности. Адмирал Витгефт со своим штабом разбирал возможные варианты продолжения боя, приказав поднять сигнал: «С заходом солнца следить за адмиралом».

Между тем, японцы, пользуясь преимуществом в ходе, нагоняли русскую эскадру, и в 16.45 бой возобновился со всем ожесточением. Идя параллельным курсом, японцы охватили голову русской эскадры и к пяти часам обрушили всю мощь своего огня на «Цесаревича». Броненосец, ведя яростный ответный огонь, шел, в буквальном смысле слова, засыпаемый снарядами, временами скрываясь из вида в черном дыму разрывов.

Примерно в 17.25 японский снаряд разорвался между верхним и нижним мостиками «Цесаревича». Взрывом этого снаряда адмирал Витгефт был разорван на куски. (Позднее была обнаружена только его нога, опознанная по меткам на белье). Вместе с адмиралом этим же снарядом были убиты флагманский штурман, лейтенант Азарьев и флаг-офицер, мичман Эллис (обоим оторвало головы) и три матроса. Были тяжело ранены начальник штаба эскадры контр-адмирал Матусевич, старший флаг-офицер, лейтенант Кедров и младший флаг-офицер, мичман Кушинников. Взрывом была полностью уничтожена рубка беспроволочного телеграфа. Командир «Цесаревича» капитан 1 ранга Иванов, находившийся впереди боевой рубки, этим взрывом был сбит с ног и на какое-то время потерял сознание. Придя в себя и узнав, что выведено из строя все командование эскадрой, капитан 1 ранга Иванов решил сам вести эскадру, не объявляя о гибели командующего, чтобы не вызвать растерянности на других кораблях. Однако, в этот момент на мостике «Цесаревича» у коечных сеток взорвался еще один 12" японский снаряд, головная часть которого и осколки влетели в боевую рубку, убив и ранив всех находившихся там, в том числе смертельно старшего-штурмана лейтенанта Драгичевича-Никшича. Командир

«Цесаревича» упал без сознания, получив осколок в голову и руку. Были ранены и оглушены взрывом лейтенанты Ненюков, Пилкин и Кетлинский, а также все находящиеся в рубке матросы, включая рулевого. Перед самым взрывом руль на «Цесаревиче» был положен на борт и неуправляемый броненосец покатился влево из строя. Первым пришел в себя раненный в висок лейтенант Ненюков. Увидев, что в рубке, кроме убитых и лежащих без сознания, никого нет, лейтенант бросился к рулю, чтобы вернуть броненосец в строй, но руль не действовал. Попытка перевести управление кораблем в центральный пост на нижний штурвал также ни к чему не привела, поскольку после взрыва снаряда в рубке все покинули центральный пост. Броненосец продолжал катиться влево. В этот момент пришел в себя лейтенант Пилкин, а в рубке появился мичман Дараган. Лейтенант Ненюков приказал Дарагану завести румпель-тали. (Этот способ управления на «Цесаревиче» был разработан очень хорошо: тали брались на паровой кормовой шпиль, а приказы передавались через переговорную трубу). Пока этот приказ выполнялся, лейтенант Ненюков был вторично ранен и, чувствуя, что теряет сознание, передал командование кораблем лейтенанту Пилкину. Лейтенант Пилкин, убедившись, что машинный телеграф и телефон не действуют, перевел управление броненосцем в центральный пост. Ему помогали вернувшийся после перевязки старший рулевой Лавров и мичман Дараган, закончивший заводку румпель-талей.

Если бы эскадра продолжала идти прежним курсом, то лейтенанту Пилкину удалось бы поставить «Цесаревича» концевым в строю. Однако, к этому времени эскадра была уже рассеяна, и все корабли действовали самостоятельно. Минут через двадцать в боевой рубке «Цесаревича» появился старший офицер броненосца, капитан 2 ранга Шумов. Когда в боевой рубке взорвался роковой снаряд. Шумов направлялся в жилую палубу, чтобы выяснить причину значительного крена броненосца. По пути, в батарейной палубе, Шумов встретил командира корабля, которого вели под руки двое матросов. Капитан 1 ранга Иванов сказал Шумову: «Идите наверх, там никого нет. Я ранен». Едва капитан 2 ранга Шумов выскочил наверх, как броненосец сильно накренился на правый борт, как будто от новой подводной пробоины. В действительности же, крен был вызван тем, что на циркуляции корабля вода, хлынувшая из разбитой пожарной магистрали, всей своей массой перекатилась на правый борт.

Вступив в командование броненосцем, капитан 2 ранга Шумов приказал передать сигнал: «Адмирал передает командование старшему флагману, князю Ухтомскому». В это

время броненосец уже повернул примерно на 100° влево. Другие корабли эскадры обгоняли «Цесаревича», в панике отступая к Порт-Артуру. «Цесаревич» плохо держался на курсе и быстро отстал от остальных броненосцев. Японские броненосцы, находившиеся к востоку от «Цесаревича», снова открыли по нему огонь. С носа и с левого борта флагманский русский броненосец обстреливали крейсеры противника. Из-за наступившей темноты огонь японцев становился менее точным и, несмотря на большое количество падающих вокруг «Цесаревича» снарядов, противник добился только двух прямых попаданий 6" снарядов, взорвавшихся на юте.

Тем временем стемнело, и на «Цесаревиче» стали готовиться к отражению возможных торпедных атак, отражать которые при поврежденных рулевых приводах и управлении машинами было очень сложно. Темнота сгущалась, и «Цесаревич», отставая от эскадры, стал терять ее из вида. Капитан 2 ранга Шумов решил воспользоваться темнотой и, повернув на юг, идти, согласно приказу, во Владивосток. Около двадцати часов «Цесаревич», тяжело развернувшись, повернул на юг. На северо-западе от него слышалась частая стрельба и мелкой артиллерии: это корабли эскадры, возвращавшиеся в Порт-Артур, отбивали атаки японских миноносцев. Все компасы на «Цесаревиче» были разбиты или повреждены. Курс прокладывался примерно по Полярной звезде. Броненосец был полностью затемнен, чтобы избежать атак японских миноносцев. Однако, миноносцы обнаружили «Цесаревича» и произвели на него в течение ночи пять атак. Первые три атаки были отбиты артиллерийским огнем, а двух других удалось избежать, давая полный ход и подставляя миноносцам корму. Одна торпеда, выпущенная в «Цесаревича» японским миноносцем в упор (с расстояния около кабельтова), по какой-то причине сразу повернула влево и прошла параллельно борту броненосца в трех саженях от него.

Временами находивший туман хотя и мешал управлению броненосцем, однако, эффективно скрывал его от миноносцев противника. Около двадцати двух часов командир «Цесаревича» капитан 1 ранга Иванов, слегка оправившись от ран, приказал вынести себя наверх, в боевую рубку. По пути командир выслушал доклад старшего механика, доложившего о многочисленных неисправностях в машине и огромном перерасходе угля, вызванного падением тяги из-за разбитых дымовых труб. Выйдя на мостик, командир броненосца отменил приказ капитана 2 ранга Шумова идти во Владивосток и приказал взять курс на китайский порт Циндао (Киа-Чао), находившийся тогда под контролем Германии. «Цесаревич» продолжал идти

примерно на юг, держа Полярную звезду за кормой, поскольку капитан 1 ранга Иванов полагал, что этот курс выведет корабль на вид Шантунгского полуострова, где можно будет приблизительно определить свое место. Тем временем удалось исправить привод руля в боевую рубку и наладить один из путевых компасов. За час до рассвета в темноте по курсу обрисовались силуэты нескольких кораблей, шедших малым ходом примерно одним курсом с «Цесаревичем». Командир приказал уклониться от этих кораблей, чему способствовал внезапно нашедший низовой туман. На рассвете открылся огонь южного Шантунгского маяка. Капитан 1 ранга Иванов, не зная своего места и не рискуя приблизиться к берегу, приказал повернуть на восток, приведя Полярную звезду на левый траверз. Этим курсом «Цесаревич» шел, пока совсем не рассвело, когда открылись берега Шантунгского полуострова. Затем корабль повернул на юг, идя вдоль восточного берега полуострова. Между тем, на «Цесаревиче» выясняли полученные в бою повреждения. Оказалось, что фок-мачта броненосца держится только мостиками и в случае падения угрожает их вывернуть. Мостики же, будучи скрепленными с дымовой трубой и крышей боевой рубки, в этом случае могут увлечь за собой трубу и крышу рубки. Мачта могла упасть на трубы и повредить котлы. Средствами корабля укрепить мачту было невозможно — заведенные тали лопались от размахов мачты. Кочегары броненосца выбивались из сил и с трудом держали пар. Смены им не было, так как почти вся кочегарная смена была отравлена пороховыми газами. За сутки плавания было израсходовано шестьсот тонн угля. Из-за отсутствия тяги, расход угля все увеличивался и до Владивостока его бы не хватило.

Утром 29 июня пришел в сознание начальник штаба эскадры, контр-адмирал Матусевич. Командир «Цесаревича» доложил ему, что направляется в Циндао, чтобы исправить там, насколько возможно, трубы, снять перебитую фок-мачту и, пополнив запас угля, идти во Владивосток. Начальник штаба согласился с этим решением, и «Цесаревич», определив девиацию налаженного путевого компаса, взял курс на Циндао. 29 июля в 10.00 со всеми воинскими почестями были похоронены в море останки контр-адмирала Витгефта, лейтенантов Азарьева и Драгичевича-Никшича, мичмана Эллиса и восьми матросов.

В 21.00 броненосец «Цесаревич», приняв на борт немецкого лоцмана, вошел на рейд германской военно-морской базы Циндао. Там уже грузились углем пришедшие накануне русский крейсер «Новик» и миноносец «Бесшумный». (Ночью «Новик» ушел из Циндао, а утром пришли еще два миноносца

«Бесстрашный» и «Беспощадный»). 30 июля с «Цесаревича» в береговой госпиталь были свезены раненые, включая начальника штаба эскадры и командира корабля, который передал командование капитану 2 ранга Шумову. 31 июля на имя контр-адмирала Матусевича в Циндао пришла телеграмма от Николая II, в которой говорилось:

> «Изъявляю МОЮ сердечную благодарность Вам, офицерам и команде броненосца «Цесаревич» за беззаветное мужество при прорыве нашей эскадры 28 июля сквозь превосходящего силами неприятеля. Да ободрятся все чины в сознании свято и с честью исполненного долга перед Престолом и Родиной».

На это контр-адмирал Матусевич ответил:

> «С чувством святого благоговения я, офицеры и команда «Цесаревича» и миноносцев прочли всемилостивые слова Его Императорского Величества в телеграмме на мое имя и вознесли горячие молитвы Господу Богу о ниспослании здравия и благоденствия возлюбленному Государю-Императору и Высоконоворожденному Наследнику. Покорнейше просим повергнуть к стопам Его Императорского Величества наши верноподданнические чувства и единодушное желание снова нести наши жизни во славу Престола и Отечества».[5]

31 июля броненосец «Цесаревич» и три миноносца были переведены на внутренний рейд Циндао. Немецкие власти опасались, после захвата японцами в Чифу русского миноносца «Решительный», аналогичных действий в Циндао. Японский боевой отряд адмирала Дева с приданным крейсером «Якумо» патрулировал вблизи Циндао, надеясь, что у русских еще сохранился боевой дух. Немецкий губернатор запрашивал Берлин, требуя инструкций относительно обращения с русскими кораблями. Германия была единственной европейской страной, которая хоть как-то поддерживала Россию в ее конфликте с Японией, поскольку этот конфликт осуществлял заветную мечту кайзера убрать с Балтики Русский Флот.

1 августа губернатор Циндао в ожидании инструкций из Берлина сам определил предельный срок стоянки русских кораблей в порту. Броненосцу «Цесаревич» было дано шесть дней, а миноносцам различные сроки — до тридцати шести часов со времени объявления. Портовым властям было дано указание

оказать русским кораблям полное содействие в скорейшем ремонте с тем, чтобы они могли побыстрее выйти в море. Куда выходить и зачем — этого не знал никто, понимая, что в Артур уже не прорваться, а во Владивосток — тем более. Командиры миноносцев тщетно пытались получить на «Цесаревиче» какие-либо инструкции относительно дальнейших действий. Начальник штаба эскадры находился в госпитале, никого за себя не оставив.

Капитан 1 ранга Иванов сдал дела капитану 2 ранга Шумову и перестал вообще интересоваться делами. Капитан 2 ранга Шумов занимался составлением дефектных ведомостей, которые по совокупности должны были доказать невозможность выхода в море. Поэтому все облегченно вздохнули, когда 2 августа в 10.00 губернатор Циндао (капитан 1 ранга немецкого флота Труппель), ссылаясь на полученный приказ кайзера, потребовал от русских немедленного спуска военно-морских флагов и разоружения кораблей.

Не имея возможности связаться с командованием, контр-адмирал Матусевич собственной властью приказал разоружаться. На «Цесаревиче» немедленно приступили к выгрузке боезапаса. Андреевские флаги были спущены и на фок-мачте поднят зеленый флаг — «Интернирован». В тот же день на миноносце «Икадзучи» в Циндао прибыл флаг-офицер японского адмирала Дева, капитан-лейтенант Ямадзи, чтобы узнать о намерениях немцев относительно русских кораблей. Ямадзи был принят капитаном 1 ранга Труппелем, который заверил японского офицера, что «Цесаревич» и три миноносца уже спустили флаги и начали выгрузку боезапаса. Русские корабли будут задержаны в Циндао до конца войны. Получив эти заверения, Ямадзи покинул Циндао и доложил об этом адмиралу Дева, который затем приказал своему отряду закончить патрулирование у Циндао и идти на соединение с главными силами.

Между тем, на пирсе у «Цесаревича» встал кордон немецкой полиции. Съезд с корабля кому бы то ни было был запрещен. Немецкие миноносцы стали у выхода на рейд, следя за русскими кораблями. По наивности немцы полагали, что русские еще хотят воевать и будут прорываться в Циндао силой. Но «Цесаревич» продолжал выгружать боезапас. С броненосца были сняты замки с орудий главного калибра, замки 75-мм орудий, две крышки золотниковых коробок цилиндров среднего давления, а также все винтовки и револьверы, не считая пятидесяти винтовок, необходимых для несения на корабле караульной службы. «Цесаревич» оставался в Циндао до конца войны. Постепенно суровые правила интернирования ослабевали. Было разрешено производить своими средствами любые работы, необходимые для

приведения корабля в состояние, удобное для жизни экипажа. Была снята поврежденная мачта, отремонтированы трубы и другие боевые повреждения. Часть офицеров (в том числе адмирал Матусевич и капитан 1 ранга Иванов), дав слово не участвовать более в войне, уехали в Россию вместе с половиной матросов. Командовать «Цесаревичем» остался капитан 2 ранга Шумов, под руководством которого шли все ремонтные работы. Немцы пытались как-то скрасить тоскливую жизнь на русских кораблях. Матросам были выданы невиданные ими доселе велосипеды, офицеров приглашали на редкие приемы.

Пресса и слухи приносили неверные и туманные известия с театра военных действий. Рассыпались надежды на какой-то перелом в ходе войны. 20 декабря 1904 года миноносцы «Бойкий» и «Смелый», вырвавшись из агонизирующего Порт-Артура, пришли в Циндао, принеся на «Цесаревича» известие о страшной и бесславной гибели первой Тихоокеанской эскадры. С надеждой на «Цесаревиче» следили по газетным сводкам о движении 2-й эскадры, а в конце мая— ошеломляющая весть о небывалой катастрофе Русского Флота в Цусиме. Русские моряки в Циндао (да и не только в Циндао) с ужасом поняли, что из пятнадцати эскадренных броненосцев, принимавших участие в войне с Японией, уцелел только один «Цесаревич»! Но уцелел ли? Из Портсмута, где шли мирные переговоры с японцами, пришли известия, что японцы требуют выдачи им всех русских кораблей, интернированных в нейтральных портах. На «Цесаревиче» решили затопить корабль у стенки. Немцы, в ответ, пригрозили суровыми репрессиями вплоть до расстрела виновных. К счастью, все обошлось. Японцы не настаивали на своем требовании о выдаче интернированных русских кораблей; считая триумф своего флота достаточным.

Военно-морская история не знает примеров, подобных сокрушительному разгрому Русского Флота в русско-японской войне; в дальневосточных водах погибли или были захвачены в плен шестьдесят девять боевых и вспомогательных кораблей Русского Флота. Практически перестал существовать не только Тихоокеанский, но и Балтийский флот. Однако, страшнее огромных материальных потерь был моральный удар, от которого русские моряки не оправились до конца и по сей день. Русская океанская стратегия была заморожена на шестьдесят лет!

После ратификации мирного договора с Японией «Цесаревич» получил приказ следовать на Балтику. Эпоха колониальных захватов временно приостановилась: необходимо было думать об обороне и, в первую очередь, об обороне морских подходов к Петербургу. А для этого нужно было возродить флот и, самое

главное, боевой дух у подавленного и деморализованного личного состава.

14 ноября 1905 года капитан 2 ранга Шумов вывел «Цесаревича» из Циндао. Броненосцу предстояло длительное плавание на Балтику — в Россию, где он еще никогда не был. Недогруженный (боезапас остался в Циндао), с одной мачтой и поврежденными винтами, окрашенный в светло-коричневый цвет, «Цесаревич» шел через Индийский океан, Средиземное море и Атлантику домой. Позади остались кровавые воды Японского моря, где на полвека нашла себе могилу русская имперская политика, впереди была неизвестность…

2 февраля 1906 года капитан 2 ранга Шумов привел эскадренный броненосец «Цесаревич» в Либаву.[6]

В течение весны 1906 года эскадренный броненосец «Цесаревич» ремонтировался в Кронштадте. В ходе ремонта на корабле, наконец, качественно заделали подводные пробоины от японских торпед и снарядов, сменили винты, поставили новые мачты без массивных боевых марсов, изменили конфигурацию надстроек. В мае 1906 года броненосец «Цесаревич» был зачислен в особый отряд (позднее — Балтийский отряд), сформированный для производства учебных плаваний с корабельными гардемаринами Морского корпуса и Морского инженерного училища Императора Николая I. Кроме «Цесаревича», в отряд вошли броненосец «Слава» и крейсер «Богатырь».

1 июня 1906 года корабли отряда начали кампанию и до конца августа плавали по Балтийскому морю и его заливам. На «Цесаревиче» к этому времени полностью сменился экипаж. Работы по переоборудованию корабля в учебные фактически проведены не были, методик плавания без лоцманов по мелководным заливам Балтийского моря на существовало, равно как не существовало отработанных методик обучения корабельных гардемарин и строевых унтер-офицеров, ради чего, собственно, отряд и был сформирован. Все приходилось делать на ощупь, анализируя опыт минувшей войны и стараясь забыть ее позорные результаты… 20 августа отряд, закончив учения в Балтийском море, вышел в заграничное плавание. Посетив по дороге Киль и Берген, «Цесаревич» вместе со «Славой» и «Богатырем» прибыл 10 сентября 1906 года в Печенгскую бухту на Мурмане.

16 сентября отряд перешел в Екатерининскую гавань, а затем, пройдя Кильденским проливом, зашел в Териберку и 20 сентября вышел в обратный путь на Балтику. Утром 21 сентября «Цесаревич» вместе с остальными кораблями отряда встал на якорь в норвежском порту Варде. В Норвегии отряд пробыл до 10

октября, посетив Гаммерфест, Тромсе и Тронхейм, проводя при этом различные учения, главным образом, шлюпочные. 10 октября отряд, обойдя Британские острова с севера, пришел в Гриннок, перейдя затем в Барроу, где офицеры и гардемарины русских кораблей осмотрели завод Виккерса и строившийся там по русскому заказу крейсер «Рюрик». 26 октября отряд покинул Барроу, взяв курс в Средиземное море, посетив Бизерту и Тунис, где пробыл до 1 февраля нового 1907 года, после чего направился в Тулон. Пополнив запасы продовольствия, отряд снова прошел Гибралтар, зашел в Виго и направился в Портсмут, где офицеры и гардемарины осмотрели местное адмиралтейство и английские корабли. 15 марта 1907 года «Цесаревич» вместе с отрядом покинул Портсмут и, посетив по дороге Киль, прибыл 29 марта в Либаву. Плавание Балтийского отряда показало, что задача практического обучения корабельных гардемарин в целом выполняется и что целесообразно подобные плавания продолжить.

В конце апреля 1907 года «Цесаревич» вместе с другими кораблями отряда перешел в Кронштадт, произвел там необходимый ремонт и, приняв на борт еще один выпуск корабельных гардемарин, вышел в плавание по Балтийскому морю. Проплавав лето 1907 года на Балтике, отряд в начале осени сосредоточился в Либаве и 30 сентября ушел в заграничное плавание, посетив Христианию, Берген, Гриннок и Брест. В Гринноке офицеры и гардемарины «Цесаревича» ознакомились с заводами Барра и Струда, а в Бресте осмотрели новейшие французские броненосцы.

10 октября 1907 года эскадренный броненосец «Цесаревич» был переклассифицирован в линейный корабль. Из Бреста отряд отправился в Виго, где состоялись рейдовые учения и артиллерийские стрельбы. Из Виго «Цесаревич» вместе с отрядом совершил восьмисуточный переход в греческую бухту Мармарис, выдержав по пути сильный шторм, которым был поврежден крейсер «Богатырь», вынужденный пойти в Сиру для исправления повреждений. Оставшиеся в бухте Мармарис «Цесаревич» и «Слава» вели непрерывные учения: вели стрельбы, устанавливали леерные сообщения, проводили водолазные работы и шлюпочные гонки.

На Рождество 1907 года «Цесаревич» и «Слава» пришли в Пирей, откуда 3 января 1908 года вернулись в бухту Мармарис, где еще двадцать шесть дней проводили различные учения и проверочные экзамены корабельных гардемарин. 31 января русские линкоры покинули Мармарис и, произведя по дороге боевые стрельбы, прибыли вечером 1 февраля в Наваринскую

бухту. Простояв там три дня, «Цесаревич» и «Слава» вышли в море, прибыв 7 февраля 1908 года в Неаполь. По представлении русского посла в Италии Муравьева, командующий отрядом, командиры линкоров и несколько офицеров и гардемарин выехали 9 февраля в Рим, где были приняты королем Италии, членами итальянского правительства и французским посольством. Русский Флот еще не мог восстановить свой престиж, но уже восстанавливал международные связи. 12 февраля русские офицеры вернулись в Неаполь, а февраля «Цесаревич» и «Слава» покинули Италию, посетив по пути Гибралтар, Виго и Киль, и прибыли 26 марта в Либаву. В этом походе линкор «Цесаревич» прошел 11 500 миль без каких-либо крупных поломок в машине.

С 28 марта по 2 апреля на «Цесаревиче» проходили экзамены гардемарин, а 3 апреля отряду был дан смотр морским министром адмиралом Бирилевым, и гардемарины были списаны с кораблей. 15 апреля «Цесаревич» и «Слава» покинули Либаву и прибыли 16 апреля в Ревель для участия в морском параде по случаю визита в Россию короля Швеции. 17 апреля в Ревель пришла шведская эскадра в составе броненосца «Оскар II», крейсера «Филгия» и миноносца «Магнэ», конвоируемая 1-м отрядом миноносцев Балтийского моря. До 25 апреля на «Цесаревиче» гремели салюты и оркестры, вились флаги расцвечивания и сияло зарево ночной иллюминации. После ухода шведов «Цесаревич» перешел в Кронштадт, произвел профилактический ремонт, принял на борт новую смену гардемарин и учеников строевых унтер-офицеров и 9 июля 1908 года вышел в учебное плавание по Финскому заливу вместе с линкором «Слава».

Заграничное плавание отряда было задержано, из-за аварии назначенного в отряд крейсера «Олег», и началось не 29 сентября, как планировалось, а 4 октября 1908 года, когда «Цесаревич» и «Слава» покинули Либаву, придя 8 октября в Плимут. Простояв в Плимуте девять дней, русские линкоры перешли в Виго, простояв там до 4 ноября, после чего 10 ноября прибыли в Бизерту, где и оставались до 30 ноября. 19 ноября в Бизерте к линкорам присоединился пришедший из России крейсер «Адмирал Макаров», назначенный в Балтийский отряд вместо «Олега». 1 декабря 1908 года Балтийский отряд перешел в порт Аугуста, где к нему присоединился крейсер «Богатырь». Стоянка в Аугусте, используемая для практических артиллерийских стрельб, должна была затянуться, однако, 15 декабря планы Балтийского отряда оказались нарушенными известием о катастрофическом землетрясении, разрушившем до основания город Мессину.

Оставив крейсер «Богатырь» догружать уголь в Аугусте, «Цесаревич», неся флаг командующего отрядом адмирала Ливитина, повел «Славу» и «Адмирала Макарова» на помощь пострадавшему городу. Высадившиеся в Мессине русские моряки приняли активное участие в спасательных работах и в эвакуации уцелевших жителей города. На второй день Рождества, 26 декабря 1908 года, отряд во главе с «Цесаревичем» вышел в Александрию, где простоял до 8 января 1909 года, после чего направился в Гибралтар, где к нему присоединился пришедший из России крейсер «Олег».

Стоянка русского Балтийского отряда в Гибралтаре совпала по времени с приходом туда знаменитого Белого Флота Президента Рузвельта, совершавшего свое историческое кругосветное плавание. При обмене визитами, русских поразила недисциплинированность американских моряков, а американцев — тюремная муштра на русских кораблях, а также та пропасть, которая отделяла офицеров от матросов. Отсутствие показной дисциплины на американских линкорах не помешало им также поразить русских своей высокой профессиональной выучкой, о которой Русский Флот мог только мечтать. Рост морского могущества Соединенных Штатов был особенно заметен на фоне крушения морских надежд России, только начавшей выбираться из-под обломков русско-японской войны.

24 января 1909 года «Цесаревич», «Слава», «Адмирал Макаров» и «Богатырь» вышли из Гибралтара, направившись в Лас-Пальмас на Канарские острова. («Олег» самостоятельно пошел в Виго). Посетив на обратном пути Фунчал на острове Мадейра, русский отряд 8 февраля вернулся в Виго, где простоял двадцать дней, проводя различные учения, 28 февраля «Цесаревич» вывел весь отряд из Виго и взял курс на север — домой. Посетив по пути Портсмут и Киль, отряд 17 марта прибыл в Либаву, пройдя за это плавание 10 896 миль. После списания корабельных гардемарин линкор «Цесаревич» вошел в состав действующего флота Балтийского моря и все лето провел на Балтике, принимая участие в различных учениях и первых послевоенных больших маневрах флота, начавшихся в августе.

1 сентября 1909 года линейный корабль «Цесаревич» пришел в Кронштадт и был выведен в резерв. Планировалось провести капитальный ремонт линкора, однако затем решили ограничиться переделкой эксцентриков и бугелей, которые из-за неудачной конструкции были причиной многочисленных аварий. Балтийский завод, где ремонтировался «Цесаревич», был завален новыми заказами. Шел 1910 год. Появление в строю иностранных флотов линейных кораблей типа «Дредноут» сделало все линкоры

додредноутного типа, каким был «Цесаревич», устаревшими, чья модернизация не имела большого смысла. Шла яростная борьба Морского министерства и новорожденного Морского генерального штаба с Думой и Советом государственной обороны. Оплеванный и опозоренный флот делал все, чтобы вернуть себе доверие страны, спекулируя на уязвимости Петербурга со стороны моря и составляя новые программы, осуществление которых дало бы возможность захватить Босфор и Датские проливы, высадить десант в Германии и взять реванш у Японии в новой русско-японской войне, намеченной на 1921 год. Но все это были мечты, а пока на Балтике было всего два старых линкора додредноутного типа — «Цесаревич» и «Слава» — даже и неорганизованные как линейные корабли, а выполняющие задачи учебных судов.

1 января 1910 года застало «Цесаревича» у стенки Балтийского завода. Шел капитальный ремонт машины, заменялись элементы экономизаторов, ремонтировались стенки котлов, проверялись и регулировались оси валов. В начале мая «Цесаревич» вышел в море на пробу машин и уничтожение девиации, а 9 мая начал кампанию как флагман Балтийского отряда, в состав которого вошли: линкор «Слава», броненосный крейсер «Рюрик» и крейсер «Богатырь». 10 мая на корабли прибыли корабельные гардемарины, однако, отряд задержался с выходом из-за эпидемии тифа, неожиданно вспыхнувшей на крейсере «Рюрик».

23 мая «Цесаревич» привел отряд в район Биорке, где прошли учения по отработке совместного маневрирования с миноносцами. 24 мая «Цесаревич» вместе с отрядом вернулся в Ревель и приступил к артиллерийским учениям. При этом, на «Цесаревиче» широко практиковалось обучение комендоров на тренажере: стрельба винтовочными пулями по так называемому «звонкому щиту». В конце июня отряд снова перешел в Биорке, где провел учебные торпедные стрельбы, а 1 июля вернулся в Ревель продолжать артиллерийские учения. На 20 июля был назначен уход отряда в заграничное плавание с приказом принять участие в торжествах по случаю 20-летнего юбилея царствования короля Черногории Николая I. 14 июля «Цесаревич» вместе с отрядом прибыл в Кронштадт для погрузки угля и приема необходимых для дальнего похода запасов. 18 июля «Цесаревич», «Слава», «Рюрик» и «Богатырь» покинули Кронштадт, пройдя мимо яхты «Штандарт», с борта которой за уходом отряда наблюдал Николай II. 21 июля отряд, не принимая лоцмана, прошел Бельт, а 24 июля стал на якорь на Спитхэдском рейде. Приняв полный запас угля, отряд 27 июля вышел в море, взяв

курс на Алжир.

1 августа ночью, в тридцати милях от Гибралтара на линкоре «Слава» произошла авария в котлах. «Цесаревич» взял «Славу» на буксир и весь отряд 6-узловым ходом дошел до Гибралтара, где «Слава» была оставлена для ремонта. «Цесаревич», «Рюрик» и «Богатырь» в тот же день ушли в Алжир, куда прибыли 4 августа 1910 года. 10 августа «Цесаревич» повел отряд в Фиуме, прибыв туда 15 августа. 18 августа, в 07.30, на «Цесаревича» для плавания в Черногорию прибыл Великий князь Николай Николаевич со своей женой — черногорской принцессой — и свитой. В 09.00 на «Цесаревиче» был поднят флаг Великого Князя, а флаг командующего отрядом перенесен на крейсер «Рюрик».

В 10.00 корабли отряда снялись с якоря и взяли курс на порт Антивари. 19 августа, ночью, к отряду присоединился крейсер «Адмирал Макаров». В 11.30 на подходе к рейду Антивари с трапа «Цесаревича» волной был смыт работавший там матрос. Все корабли застопорив машины, спустили шлюпки, и матрос был поднят вельботом крейсера «Богатырь». В 13.30 отряд прибыл на рейд Антивари, а в 14.00 с «Цесаревича» отбыл на берег вместе со свитой Великий Князь Николай Николаевич и флаг был спущен под гром салюта. В тот же день командующий отрядом, а также, часть офицеров и гардемарин вместе со сводной ротой матросов и оркестром отбыли в город Цетинье.

Во время стоянки отряда на рейде Антивари постоянно штормило, дул сильный ветер. Корабли были вынуждены стоять под парами, часто меняя якорные места. По вечерам, когда позволяла погода, корабли иллюминировались, а черногорцы зажигали в горах костры, выложенные в приветствие: «Живи, о царь Николай I». 26 августа на линкор «Цесаревич» возвратился вместе со свитой Великий Князь Николай Николаевич, привезя с собой Великого Князя Петра Николаевича, находящегося с семьей и свитой в Черногории. На «Цесаревиче» был снова поднят флаг Великого Князя, а флаг командующего перенесен на «Рюрика».

В 11.00 на «Цесаревича» с визитом прибыл король Черногории Николай I с королевичами Данилой и Петром. На «Цесаревиче» рядом с Великокняжеским флагом был поднят штандарт черногорского короля. В 14.00 под гром артиллерийского салюта король и королевичи покинули «Цесаревича», а в 15.00 отряд снялся с якоря, взяв курс на Фиуме. Ночью флаг Великого Князя был спущен и на «Цесаревиче снова взвился флаг командующего отрядом. В Фиуме Великий Князь Николай Николаевич вместе с Великим Князем Петром Николаевичем и объединенными великокняжескими свитами съехал на берег и отправился поездом в Вену. Отряд покинул

Фиуме 4 сентября, задержавшись из-за торжественных похорон унтер-офицера с «Рюрика», убитого сорвавшимся мешком угля. 7 сентября «Цесаревич» привел отряд в Суду, где корабли пробыли четыре дня, выйдя 11 сентября в Тулон, где некогда «родился» «Цесаревич».

Вечером 15 сентября отряд встал на бочки на рейде Тулона. В Тулон прибыли все отделенные от отряда корабли, включая и пришедшую из Гибралтара «Славу». 24 сентября от отряда был отделен крейсер «Адмирал Макаров», а остальные корабли, оставив «Славу» ремонтироваться в Тулоне, 30 сентября покинули Тулон, взяв курс на Виго. Проведя по дороге учебные стрельбы, отряд 5 октября прибыл в Виго, где были произведены учебные парусные гонки для офицеров, гардемарин и матросов.

17 октября «Цесаревич» вывел отряд из Виго, взяв курс на Шербур. Однако, из-за свирепого норд-вестового шторма войти на рейд Шербура было невозможно, и отряд укрылся в Портленде. 21 октября погода улучшилась, и русские корабли, покинув Портленд, снова взяли курс на Шербур, где, невзирая на сильный ветер, произвели погрузку угля. 25 октября отряд покинул Шербур и взял курс на Либаву, идя через 9-балльный шторм в Северном море. 1 ноября, находясь в двухстах десяти милях от Либавы, линейный корабль «Цесаревич» установил радиосвязь с портом Императора Александра III, получив приказ следовать прямо в Кронштадт. 2 ноября 1910 года отряд прибыл в Кронштадт и 18 ноября «Цесаревич», закончив кампанию, был выведен в вооруженный резерв. Новый 1911 год застал «Цесаревича» на паровом отоплении в Кронштадте. На корабле велся профилактический ремонт механизмов, менялась система вентиляции и отопления помещений, обновлялась кладка котлов. В 1911 году была, наконец, сформирована бригада линейных кораблей Балтийского моря, куда вошли ещё не сданные флоту линкоры-додредноуты «Андрей Первозванный» и «Император Павел I», а также, «Цесаревич» и «Слава», ещё ремонтирующаяся в Тулоне.

Все лето «Цесаревич» плавал на Балтике вместе с «Андреем» и «Павлом», отрабатывая различные приемы боя на центральной минно-артиллерийской позиции. Дальние плавания были отменены и океанское мышление Морского генерального штаба было подавлено более реальной проблемой: как остановить мощный немецкий флот, если тот вздумает прорваться в Финский залив и высадить десант на подступах к Петербургу. «Если это произойдет, — заметил бывший командир «Цесаревича», — то наш флот уподобится мыши, которую бросили на растерзание дюжине котов». Спасение заключалось в перегораживании Финского

залива огромным количеством мин, а линкорам ставилась задача не допустить траления этих заграждений противником.

Эти планы не вызвали на «Цесаревиче» большого энтузиазма, поскольку был понятно, что старый линкор будет просто расстрелян у минной позиции немецкими кораблями, чьи орудия на две мили дальше русских. 29 мая 1911 года «Цесаревич» вместе с другими кораблями немногочисленного Балтийского флота принял участие в торжествах по случаю визита в Россию американской эскадры в составе дредноута «Саут Каролина», броненосцев «Канзас» и «Луизиана» и знаменитого угольщика «Циклон», чья мрачная тайна до сих пор будоражит умы…

В июле 1911 года «Цесаревич» с крейсером «Рюрик» совершили кратковременное учебное плавание в Травемюнде, а в сентябре «Цесаревич», «Слава» (вернувшаяся в июле из Тулона), «Рюрик», «Громобой», «Баян», «Паллада» и «Адмирал Макаров» совершили недельный поход в бухту Киеге у берегов Дании. 26 октября «Цесаревич» закончил кампанию и стал на ремонт, в ходе которого на нем была сменена артиллерия главного и вспомогательного калибров.

Новый 1912 год начался для «Цесаревича» интенсивными учениями в составе бригады линейных кораблей. Кипучая энергия и талант командующего морскими силами Балтийского моря адмирала Эссена делали все, чтобы высокой боевой подготовкой компенсировать очевидную слабость флота. Впервые за всю историю линкоры стали ходить через многочисленные опасные для навигации шхеры и проливы Балтийского моря без лоцманов. Усиление программы боевой подготовки, а в силу этого и ужесточение дисциплины, обострило недовольство матросов. Лишенные духовной связи со своими офицерами, политически индифферентные матросы легко попадали под влияние самых разнообразных подпольных к полуподпольных политических группировок, которые, пользуясь относительной политической свободой тогдашней России, вели разнузданную пропаганду среди личного состава флота. Подрывная деятельность среди военнослужащих по большей части финансировалась немецкой разведкой, которая, умело играя на социальных противоречиях России, заранее, на случай войны, разлагала ее вооруженные силы. На кораблях Балтийского флота группа матросов готовила мятеж, с весьма туманной и утопической программой, главным в которой было убийство офицеров. Руководители заговора находились на линкоре «Цесаревич», откуда сигнал к мятежу должен был быть передан на другие корабли. Однако, командование флотом проявило на этот раз несвойственную ему политическую бдительность и в канун мятежа, 22 июля 1912 года,

заговорщики на «Цесаревиче» были арестованы. Были проведены аресты и на других кораблях.

Между тем, боевая подготовка флота продолжалась. На линейных кораблях, в том числе и на «Цесаревиче», были установлены новые приборы управления огнем из боевого центрального поста. В конце августа 1912 года на зачетных стрельбах линкор «Цесаревич» получил «Императорский переходящий приз», достигнув небывалого доселе в Русском Флоте процента попаданий от общего количества выпущенных снарядов — 7,3%. В начале сентября 1913 года «Цесаревич» вместе с бригадой линейных кораблей и крейсеров, а также, с заградителями «Амур» и «Енисей» совершил короткое плавание в Копенгаген.

Зиму 1912-1913 годов «Цесаревич» провел в Гельсингфорсе. Зимой на линкоре была установлена антиобледенительная система для орудий, чтобы иметь возможность вести огонь в условиях сильных морозов, нередких для Балтийского театра. 1 апреля 1913 года линкор «Цесаревич» начал кампанию. 26 апреля «Цесаревич» вместе с другими кораблями эскадры принял участие в торжествах по случаю закладки порта Петра Великого в Ревеле. На церемонии закладки присутствовал царь Николай II, проведший большую часть юбилейного года своей династии на различных кораблях Балтийского и Черноморского флотов. 1913 год был годом еще более интенсивной боевой подготовки. Адмирал Эссен не давал флоту передышки: плавания в самых неблагоприятных условиях, артиллерийские стрельбы, учебные минные постановки чередовались смотрами на всех уровнях.

26 августа 1913 года «Цесаревич» в составе бригады линкоров, бригады крейсеров, четырех эсминцев и транспорта «Рига» начал месячное плавание, в ходе которого эскадра посетила Портсмут, Брест и Христианзанд. Намеченный было заход в один из германских портов был отменен. Отношения с Германией обострялись все сильнее. На кораблях уже открыто говорили о войне... 14 октября русская эскадра вернулась в Россию, а 31 октября «Цесаревич» закончил кампанию, оставшись зимовать в Гельсингфорсе.

Зимой 1913-1914 годов был несколько изменен внешний вид «Цесаревича» — с корабля была снята столь характерная для него «рамочная» шлюпбалка. Кроме того, были сняты 75-мм орудия нижней батареи, а их порты наглухо заделаны стальными листами.

Кампания 1914 года началась, как обычно. Интенсивные учения, выходы два раза в месяц на совместное маневрирование с бригадой крейсеров и миноносцев. Первые отработки совместных

действий с подводными лодками, артиллерийские и минные стрельбы, поиски оптимального варианта прикрытия центральной и фланговых минных позиций. Торжества по случаю визита эскадры английских линейных крейсеров адмирала Битти и французской эскадры, доставившей в Петербург Президента Пуанкаре. Политическая обстановка накалялась. Столкнувшиеся на Балканах и Среднем Востоке русско-немецкие интересы неминуемо вели к войне. С легкомысленной воинственностью престарелых империй Россия бесшабашно раздувала искры тлеющего конфликта, провоцировала войну, но, как всегда, к войне готова не была и, начав ее, не выдержав напряжения, развалилась, рухнула, погребя под своими обломками будущее своего народа...

Более всего неготовность к войне чувствовалась на флоте. Призрак неравного боя на центральной минной позиции давил на всех. В середине июля «Цесаревич» вместе с бригадой линкоров пришел в Ревель. Осенью намечался капитальный ремонт старого линкора, но в связи с международной обстановкой об этом не могло быть и речи. 26 июля «Цесаревич», «Слава» и «Павел I» перешли из Ревеля в Гельсингфорс, где на защищенном рейде произвели погрузку угля и боезапаса, сдав в порт учебные снаряды и лишнее дерево.

27 июля отряд заградителей сосредоточился в Поркалла-Удде в полной готовности выставить минное заграждение. В полночь 30 июля была объявлена мобилизация флота. 31 июля 1914 года, еще до официального объявления войны, были выставлены первые 2124 мины. «Цесаревич», «Слава» и «Павел I», прикрывая заградительную операцию, вышли из Гельсингфорса и были развернуты в районе мыса Пакерот. Для своевременного обнаружения немецкого флота в устье Финского залива был выдвинут крейсерский дозор. На флангах и шхерах заняли позиции эсминцы и подводные лодки.

В течение всего первого месяца войны «Цесаревич» в составе бригады линейных кораблей, к которой присоединился окончивший ремонт «Андрей Первозванный», в дневное время крейсеровал вдоль центральной минной позиции, производя учения по отражению немецкой попытки форсировать заграждение, а на ночь возвращался в Гельсингфорс. Время шло, но немецкий флот и не собирался прорываться в Финский залив. Скованные мощным английским флотом для операций в Балтийском море, немцы выделили весьма скромные силы, основу которых составляли девять легких крейсеров отнюдь не первой молодости. Как выяснилось, немецкое командование само страшно боялось нападения в первые дни войны Русского Флота

на свои базы.

На русских линкорах воспрянули духом, стараясь не вспоминать об оставленных на берегу завещаниях перед первым боевым походом 31 июля. Обстановка на Балтийском море складывалась гораздо более благоприятно, чем предполагалось перед войной. Воспрянувшее духом русское морское командование решило расширить операционную зону флота до меридиана мыса Дагерорт, укрепиться в Моонзундском и Або-Оландском архипелагах и, выдвинув базирование миноносцев и подводных лодок в эти районы, обеспечить, с одной стороны, более глубокую оборону Финского залива, а с другой — дать возможность флоту выполнять активные операции в Балтийском море. Неугомонный Эссен продолжал водить за собой свои четыре старых линкора, осуществляя активный поиск противника и вызывая его на бой. Все изменилось 11 октября 1914 года, когда дежурный крейсер «Паллада» был потоплен немецкой подводной лодкой «И-26», затонув в течение полутора минут со всем экипажем. Гибель «Паллады» ошеломила русское командование. С подводной опасностью на Балтике до этого совершенно не считались, только сейчас поняв полную беззащитность флота от подводной угрозы. Линейные корабли немедленно укрылись в Гельсингфорсе. Кампания 1914 года для «Цесаревича» закончилась.

В 1915 году состав Балтийского флота значительно усилился, благодаря вводу в строй четырех дредноутов, новых эсминцев и подводных лодок. Преимущество Русского Флота на театре военных действий стало подавляющим. Однако, подчинение флота штабу 6-й армии, невозможность использования дредноутов без личного приказа царя и ряд других причин сводили это преимущество к нулю, не допуская активных действий.

После введения в строй дредноутов, «Цесаревич» вместе с остальными додредноутами вошел в состав 2-й бригады линейных кораблей, разделенную (разделенной) на 3-ю и 4-ю боевые группы. В апреле 1915 года штаб Балтийского флота получил разведданные о намерении противника захватить Або-Оландский район и создать там передовую базу подводных лодок и эсминцев. Для предотвращения захвата немцами этой важной фланговой позиции было принято решение сосредоточить в данном регионе линкоры «Цесаревич» и «Славу», крейсеры «Аврора» и «Диана», два дивизиона эсминцев и подводных лодок и ряд других кораблей, включая минные заградители. Еще ранее для ознакомления с условиями базирования и плавания на Або-Оландской позиции, туда были командированы штурманы

«Цесаревича» и «Славы». Шхерный стратегический фарватер от Гельсингфорса до Юнгфурзундского рейда еще не был оборудован, поэтому 9 апреля «Цесаревич» и «Слава» перешли из Гельсингфорса в Ревель, а оттуда с помощью ледоколов «Ермак» и «Михаил Федорович» были проведены к Эре. Для обеспечения прохода с 15 апреля на подходах к Эре работали тральщик №1 и ледокол «Аванс» с буксируемым плавучим маяком «Люзерорт». 18 апреля «Цесаревич» и «Слава» вошли на Юнгфурзундский рейд в пяти милях на северо-восток от Эре. «Слава» в середине июля 1915 года была переброшена с Або-Оландской позиции в Рижский залив, а «Цесаревич» оставался на позиции еще год, пока в июле 1916 года он не был также переброшен в Рижский залив, куда переместилось главное направление немецкого удара. Переброске «Цесаревича» предшествовали 15-дневные интенсивные работы землечерпательного каравана Экспедиции особого назначения по углублению Моонзундского канала с пятнадцати до двадцати двух футов. Кроме «Цесаревича», через этот канал в Рижский залив были также введены крейсеры «Баян», «Адмирал Макаров», «Аврора» и «Диана». В течение кампании 1916 года «Цесаревич», патрулируя в районе Ирбенского пролива, следил за попытками противника прорваться через него, высвободив «Славу» для оказания содействия сухопутным войскам.

Линейный корабль «Цесаревич» перезимовал в Рижском заливе, где его и застало известие о Февральской революции в России. Корабли, находящиеся на передовых позициях под непосредственным воздействием противника, не пережили той ночи «длинных ножей», что имела место на кораблях, стоявших в Кронштадте и Гельсингфорсе, где по заранее составленным немецкой разведкой спискам были убиты сотни наиболее способных офицеров, включая и командующего флотом адмирала Непенина. Особенно свирепствовали разложенные немецкой агентурой и одуревшие от безделья матросы учебных отрядов Кронштадта и экипажи линейных кораблей в Гельсингфорсе. План немецкой разведки 1912 года наконец начал сбываться![7]

Февральская революция на флоте, помимо кровавого террора ее первых дней, ознаменовалась резким падением дисциплины и боеготовности. При убийстве адмирала Непенина, со штабного корабля «Кречет» были похищены секретные кальки минных позиций, включая и кальку минных заграждений Ирбенского пролива. Задерганные и запуганные офицеры были не в состоянии эффективно выполнять свои обязанности. Приказы не выполнялись. Началось повальное дезертирство с кораблей. Ломались двухсотлетние устои Российского Императорского флота, предвещавшие его конец...

13 апреля 1917 года линейный корабль «Цесаревич» был переименован в «Гражданина», продолжая нести боевую службу в Рижском заливе. В угаре митингов и падения дисциплины командование обороной Рижского залива пыталось принять меры по срыву планов противника. Талантливейшие адмиралы Развозов и Бахирев, которым ежечасно угрожали расправой, ежеминутно оскорбляя и унижая, чьи приказы или вообще не выполнялись или выполнялись после многочасовых буйных обсуждений, продолжали в этих невероятных условиях выполнять свой долг...

В Рижском заливе навигация 1917 года открылась позже обычного — в мае еще полностью не сошел лед. Противник вел воздушную разведку района, участились налеты немецкой авиации на русские корабли и береговые позиции, более интенсивными становились активные минные постановки. В августе 1917 года русский военно-морской атташе в Лондоне докладывал в моргенштаб:

> «Наступление противника должно начаться в самом ближайшем времени и будет поддержано атакой флота. Состояние Русского Флота и наличие у неприятеля точной карты минных полей даст Германии возможность атаковать с моря Ригу и другие, еще более важные пункты. Ближайшей задачей германского флота будет занятие острова Эзель и группы Оландских островов для обеспечения прорыва в Рижский, Финский и Ботнический заливы...»

1 сентября 1917 года немецкие войска начали наступление с целью окружить русскую 12-ю армию и захватить Ригу. Разложенная и деморализованная русская армия уже была не в состоянии оказывать эффективное сопротивление и 6 сентября немцы захватили Ригу, отбросив атаки 12-й армии к Вендену. Взяв Ригу, немцы начали готовиться к захвату Моонзундских островов, выделив для этой цели весьма внушительные силы: десять линкоров-дредноутов типа «Кениг» и «Кайзер», линейный крейсер «Мольтке», девять легких крейсеров, пятьдесят шесть эсминцев, одиннадцать миноносцев, шесть подводных лодок, двадцать шесть эскадренных тральщиков, шестьдесят пять катерных тральщиков и более трехсот других судов. Что могли противопоставить этим силам русские? Два дряхлых додредноута «Гражданин» и «Слава», несколько столь же почтенных крейсеров и пестрый набор эсминцев, канлодок и тральщиков, чьи экипажи находились в состоянии полного развала.

Приказы не выполнялись. Экипаж каждого корабля сам

решал, что ему делать. Адмирал Бахирев три дня (!) упрашивал минный заградитель «Припять» поставить мины на возможных путях прорыва противника. Руководства флотом не существовало; центробалты, центрофлоты, левые и правые союзы, корабли, сочувствующие большевикам, меньшевикам, эсерам, социал-демократам, конституционным демократам, анархистам, националистам и даже монархистам. После тысячелетнего голода Россия неумеренно объедалась политическими свободами, предоставленными Февральской революцией. И неизбежно должна была вскоре скончаться от заворота кишок, подтвердив гениальные пророчества Парвуса... На фоне этих динамических событий жизнь на «Гражданине» протекала сравнительно спокойно. Экипаж равно сочувствовал всем политическим партиям и в создавшемся равновесии приказы командира линкора капитана 1 ранга Руденского выполнялись относительно четко.

Перезимовав на рейде Куйвасте, «Гражданин» с началом навигации патрулировал в Моонзундском проливе, отбивая из вновь установленных зениток частые налеты авиации противника. Экипаж корабля несколько поредел от дезертирства и был пополнен новобранцами из кронштадтских учебных отрядов, которые только в машинной команде составляли более 60%. Когда 13 октября 1917 года немцы начали высадку десанта на остров Эзель и прорыв через Ирбенский пролив, как и следовало ожидать, они не встретили какого-либо организованного сопротивления. Героизм и самопожертвование отдельных воинских частей и кораблей не мог компенсировать общего развала и отсутствия руководства.

14 октября линкор «Гражданин», маневрируя у острова Шильдау, поддерживал действия легких сил на Кассарском плесе, куда противник рвался через Соэлозундский пролив. Тем временем немцы прорвали минные позиции в Ирбенском проливе и начали бомбардировку 12" Церельской батареи, находящейся на южной оконечности стратегического полуострова Сворбе. Немецкий десант, рассеяв по окрестным лесам русскую 107-ю дивизию и взяв в плен ее штаб, занял полуостров Сворбе, отрезав 12" батарею от остальной части острова Эзель. 15 октября, после долгих дебатов, митингов и решения Второго Всебалтийского съезда моряков в Гельсингфорсе на помощь отрезанной батарее в район Сворбе был направлен линейный корабль «Гражданин» под эскортом эсминцев «Стерегущий», «Туркменец-Ставропольский» и «Амурец». Линкор имел указание: в случае невозможности удержать Церельскую батарею в наших руках — уничтожить ее огнем главного калибра.

Вечером 15 октября «Гражданин» подошел к мысу Менто. В этот момент Церельская батарея уже агонизировала, оставленная большей частью личного состава. Церель представлял собой феерическое зрелище: над базой бушевал пожар, застилая густым дымом окрестности. Горели гарнизонные здания и склады. Объятый огнем, пылал Церельский маяк. Над полуостровом проносились немецкие самолеты, а на горизонте дымили дредноуты флота открытого моря. Слева от «Гражданина» около мыса Домеснес трудились на горизонте немецкие тральщики, готовя безопасный путь в Рижский залив для своего флота. А из пылающего Цереля, как когда-то из разрушенной землетрясением Мессины, на помощь которой ходил «Цесаревич», доносился тысячеголосый вой. Отбиваясь от налетевших самолетов, «Гражданин» подошел к батарее на тридцать кабельтовых и открыл по ней огонь левым бортом из орудий главного и вспомогательного калибров. Стрельба велась в полутемноте, без корректировки и была малоэффективной. После этого, «Гражданин», миноносцы, а также, два транспорта «Либава» и «Циммерман», приняли на борт тысячу пятьсот солдат и матросов гарнизона Сворбе и отошли к Куйваste. Заняв на следующий день церельскую батарею, немцы получили возможность ввести в Рижский залив 3-ю эскадру своих линейных кораблей. Одновременно с этим противник, овладев проливом Соэлозунд, закреплялся на Кассарском плесе, сметая русскую сухопутную оборону на южном побережье острова Даго. 17 октября линейные корабли «Гражданин» и «Слава» сосредоточились на рейде Куйваста. Флаг адмирала Бахирева был перенесен на крейсер «Баян». К этому времени обстановка уже достаточно прояснилась: вытеснив русские корабли из Рижского залива и Кассарского плеса, немецкие корабли двумя колоннами шли к южному выходу Моонзундского канала в составе двух линейных кораблей-дредноутов «Кениг» и «Кронпринц», восьми эскадренных миноносцев и нескольких тральщиков. Несколько сзади них шли два больших транспорта, миноносец и тральщик. С фланга их прикрывали легкие крейсеры «Кольберг» и «Страсбург», шедшие с флотилией тральщиков. Обходя справа русские минные поля, корабли противника приближались к району банки Ларина.

Неизвестно, какие мысли теснились в голове командира «Гражданина», капитана 1 ранга Руденского, когда, обратившись к офицерам, находившимся в боевой рубке линкора, он сказал: «Господа, это последний бой под Андреевским флагом!» «Гражданин» и «Баян» развернулись южнее «Славы», которая превосходила их дальностью огня (116 каб.) В 09.30 на русские корабли совершили налет самолеты противника, но были

отогнаны. В 09.50 по тральщикам противника открыла огонь русская береговая батарея на острове Моон, а в 10.05 линейные корабли «Кениг» и «Кронпринц» с дистанции сто тридцать кабельтовых начали пристрелку по русским кораблям. Одновременно с ними по приближающимся тральщикам противника открыл ответный огонь «Гражданин», к которому вскоре присоединилась и «Слава», немецкие тральщики, прикрываясь дымовой завесой, отошли на юг.

Около 11.10 начали отход на юг и линкоры противника с тем, чтобы обойти с запада русские минные заграждения. В 11.40 немецкие линкоры, повернув на север, резко увеличили ход. В 11.50, обнаружив маневр противника, русские линкоры снялись с якоря и пошли на юг. В 12.04 «Гражданин» с дистанции семьдесят кабельтовых открыл огонь по тральщикам противника, в 12.06 — открыла огонь «Слава», у которой к этому времени действовала только кормовая башня главного калибра, а затем — крейсер «Баян» и эсминцы. Героические немецкие тральщики, действовавшие в течение двух часов под огнем русских линкоров (случай еще небывалый!), прикрываясь дымовыми завесами, снова начали отход к югу.

Между тем, линейные корабли противника, продолжая большим ходом двигаться на север, быстро сократили невыгодную для них дистанцию и, удерживаясь на острых курсовых углах левого борта, в 12.13 с дистанции девяносто кабельтовых открыли огонь по русским линкорам. В 12.25 «Слава», скрывшаяся в всплесках накрытия, получила первое прямое попадание, за которым последовало еще шесть. Объятый пожаром линкор вышел из строя.

В 12.39 в «Гражданина» один за другим попало два 12" снаряда. Один из них пробил 38-мм броневую палубу по левому борту, повредив коечные сетки, и, взорвавшись, уничтожил каюту командира и прилегающие к ней помещения, вызвав сильный пожар. Второй снаряд пробил борт под средней башней и, взорвавшись, перебил кабель, идущий от вспомогательной динамомашины, провода электроосвещения в носового прожектора, магистральную отливную трубу, пожарную магистраль и несколько вспомогательных паропроводов. Несколько осколков этого снаряда через шахту для выгрузки мусора проникли в 4-ю кочегарку, но никого не ранили. Ядовитые газы от этого снаряда проникли в оба машинных отделения линкора, в результате чего машинисты «Гражданина» были вынуждены надеть противогазы. Кроме того, осколками были разбиты четыре шлюпки. Несколько немецких снарядов взорвалось вблизи «Гражданина», пробив осколками

небронированную часть борта. Взрывной волной одного из этих снарядов на носовом мостике был вышиблен из гнезд главный носовой компас. Вспыхнувший на левых шканцах пожар был быстро потушен. «Гражданин» вел интенсивный, но малоэффективный ответный огонь по противнику. Не в силах противостоять натиску противника, русские корабли в 12.40 начали отход по Моонзундскому каналу на север. Хотя немецкие линкоры быстро подавили русскую береговую батарею на острове Моон, они не решились преследовать русских в мелководном проливе, из-за большой минной опасности. Они продолжали обстреливать отходящие на север русские корабли до 12.50, когда расстояние увеличилось до ста тридцати кабельтовых. «Слава», «Гражданин» и «Баян» продолжали идти на север и в районе острова Шильдау были атакованы немецкими самолетами, сбросившими на русские корабли около сорока бомб, но не достигшими прямых попаданий. Огнем зенитной артиллерии линкора «Гражданин» были сбиты два самолета противника.

Тяжело поврежденная «Слава» не могла пройти Моонзундским каналом. Адмирал Бахирев решил затопить «Славу» у входа в Моонзундский канал для преграждения дороги немецкому флоту и приказал «Славе» пропустить вперед «Баяна» и «Гражданина». Однако, выполняя этот приказ, «Слава», допустив ошибку в маневрирования, чуть не столкнулась с «Гражданином» и, уклоняясь, выскочила на мель в стороне от фарватера, после чего была взорвана экипажем. А между тем, «Баян» и «Гражданин» медленно шли на север мелководным Моонзундским каналом. На «Гражданине» трюмный инженер-механик, чтобы уменьшить осадку линкора, быстро организовывал выкачивание за борт пресной воды, выгрузку угля и распределение боезапаса, что позволило линкору благополучно пройти канал и покинуть Рижский залив.

20 октября «Гражданин» прибыл в Ланвик и после короткой стоянки там перешел в Гельсингфорс.[8]

Вернувшись в Гельсингфорс, «Гражданин» включился в бурную политическую жизнь на флоте. Было совершенно очевидно, что война проиграна, и Россия накануне национальной катастрофы: экономический хаос в сочетании с военными поражениями был не той ситуацией, с которой могло бы справиться слабое Временное правительство. На кораблях шумели митинги, в Петроград направлялись вооруженные отряды моряков. Послал своих матросов и «Гражданин». При штурме Зимнего дворца единственным убитым был как раз матрос с линкора «Гражданин». Захват власти большевиками накануне выборов в Учредительное собрание и весьма неприятное слово

«диктатура» заставили подавляющую часть флотского офицерства отшатнуться от новой власти. Морской министр Вердеревский наотрез отказался сотрудничать с большевиками, и так называемым Управляющим Морским министерством был назначен бывший командир крейсера «Диана» капитан 1 ранга М. В. Иванов, чьи мотивы перехода на сторону большевиков тоже не совсем ясны. М. В. Иванов прибыл 5 ноября 1917 года в Гельсингфорс добиваться подчинения командования Балтийским флотом. Флот тем отличался от армии, что без офицеров он существовать не мог. Никто из командования флотом не встретил в Гельсингфорсе Иванова.

Прибыв на линкор «Гражданин», Иванов сообщил Руденскому, что он морской министр нового правительства и потребовал поднять на мачте «Гражданина» свой, то есть, министерский флаг. (Флаг, правда, был еще старым). Командир категорически отказался это сделать и потребовал, чтобы Иванов покинул корабль. Тогда на «Гражданине» зашумел очередной митинг. Предсудкома линкора «Гражданин» матрос П. П. Сурков по всем правилам демократии решил вопрос: флаг морского министра не поднимать, а просить командира линкора доложить командующему флотом о том, что прибывший на линкор «Гражданин» капитан I ранга Иванов желает, чтобы его признали морским министром и подняли на мачте флаг морского министра. Командующий флотом адмирал А. В. Развозов (тот самый лейтенант Развозов, который в роковую ночь 27 января 1904 года был вахтенным офицером на «Ретвизане») отказался признать Иванова и запретил поднимать флаг морского министра. Был собран новый митинг. Предсудкома Сурков, после весьма продолжительных дебатов с представителями судкома, решил на свой страх и риск поднять на клотике «Гражданина» флаг морского министра. Затем на «Гражданине», стоящем уже под флагом морского министра, взвился флажной сигнал: «Предлагаю комфлота и флагманам явиться на «Гражданина».

Первым на «Гражданина» прибыл председатель Союза морских офицеров капитан 1 ранга Вилькен. В самой резкой форме он заявил, что морские офицеры не признают новой власти, назвав Иванова ренегатом. Через час на «Гражданина» прибыли командующий флотом адмирал Развозов, флагманы и командиры кораблей. В кают-компании линкора состоялось бурное пятичасовое совещание. Иванов не в силах был объяснить своим вчерашним товарищам законность прихода к власти большевиков накануне выборов в Учредительное собрание. Таким образом, линейный корабль «Гражданин» стал первым кораблем, на котором офицеры Русского Флота официально высказали свое

мнение относительно новой власти и мнение это было крайне негативным. Между тем, влияние большевиков на флоте падало. Дисциплины уже не было никакой. Офицеры, не имеющие никакой духовной связи с матросами, мало что могли сделать в таких условиях, но не в лучшем положении оказались и революционные вожди флота вроде Антонова-Овсеенко, Дыбенко и Крыленко.[9] Неизвестно, почему именно линкор «гражданин» был выбран местом всех митингов и споров общефлотского характера, включая и собрания флагманов в кают-компании. Корабль не был особенно революционным. Говоря понятным современным языком штампов, на нем преобладали эсеры. Сам предсудкома Сурков был скорее анархистом, чем большевиком. Не был корабль и флагманом. Непонятно также, почему Иванов выбрал именно «Гражданина» для своего представительства, хотя как морской министр нового правительства он должен был сам прибыть к адмиралу Развозову на штабное судно «Кречет». На все эти вопросы ответить очень трудно, но, прибыв снова в Гельсингфорс 19 ноября, Иванов опять выбрал линкор «Гражданин» и после некоторых пререканий поднял на нем флаг морского министра. (Старый флаг, разумеется. Все корабли еще стояли под Андреевскими флагами). В ответ на это на штабном судне «Кречет» был поднят сигнал адмирала Развозова: «Немедленно спустить флаг морского министра». На «Гражданине» собрался очередной митинг. Одни предлагали утопить «Кречета» артиллерией, другие — выбросить за борт Иванова, третьи — сниматься с якоря и уходить в Швецию.

Такой была обстановка на флоте в конце 1917 года. Таял экипаж «Гражданина»: дезертировали и уходили в «длительные» отпуска матросы, скрывались офицеры, правильно предположив, что ничего хорошего им новая власть не сулит. Оставшиеся вели разгульную жизнь. Пьянки и оргии на борту из чего-то чрезвычайного превратились в обычное явление. Командование было совершенно бессильным, но и распоряжения Центробалта проводились в жизнь только через шумные митинги и кулачные голосования. 15 декабря 1917 года Центробалт принял решение перебазировать линкор «Гражданин» и крейсеры «Россия», «Диана» и «Аврора» как наиболее ненадежные в боевом и политическом отношении из Гельсингфорса в Кронштадт. Продолжалась война. Немцы наступали в Прибалтике, готовили десант в Финляндию, где уже бушевало пламя гражданской войны. В Гельсингфорсе не хватало топлива, провизии, боезапаса. Существовала реальная опасность захвата базы противником и гибели в ней всего флота, как в Порт-Артуре. Однако, экипажи «Гражданина» и крейсеров отказались выполнять приказ

Центробалта.

19 декабря этот вопрос был поставлен на обсуждение специального совместного заседания Центробалта, береговых и судовых комитетов базировавшихся на Гельсингфорс кораблей. Заседание, говоря сухим языком нашей современной истории, «единодушно осудило резолюцию «Гражданина», «Дианы», «Авроры» и «России», указав, что их решение дает огромный козырь в руки врагов революции, народа и свободы». 21 декабря линейный корабль «Гражданин», ведя за собой крейсеры «Аврора», «Диана» и «Россия», покинул Гельсингфорс и вечером 23 декабря 1917 года благополучно прибыл в Кронштадт. Переходом линейного корабля «Гражданин» и трех крейсеров в известном смысле был подготовлен грандиозный переход Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт, получивший название «Ледового похода».

2 марта 1918 года на линейном корабле «Гражданин» был спущен Андреевский флаг и поднят флаг Морских сил РСФСР. Уже был выпущен декрет о роспуске «царского флота» и о создании «нового социалистического Рабоче-Крестьянского Красного Флота» (РККФ).

1 мая 1918 года в Кронштадте состоялся первый военно-морской парад РККФ. Наряду с другими кораблями линейный корабль «Гражданин» поднял флаги расцвечивания, имея на гафеле красный флаг. Оркестр на берегу исполнял «Интернационал».

«На русских кораблях под Занзибарским флагом, в финских водах, на немецкие деньги исполняется французский гимн» — острили на флоте в те дни.

В последующие годы разбушевавшейся гражданской войны линкор «Гражданин» из-за недостатка как материально-технических средств, так и офицеров-специалистов и моряков на флоте не был включен в так называемый «действующий отряд» Балтийского флота. Корабль был отбуксирован к стенке Кронштадтского завода, где начал умирать медленной смертью. Хотя и существовали планы восстановления «Гражданина», осуществить, эти планы в те годы не было возможности. 26 июня 1919 года, во время знаменитого Красногорского мятежа, шальной снаряд с мятежных фортов разворотил носовую часть левого борта «Цесаревича-Гражданина», стоявшего без паров и экипажа у стенки завода. Кронштадтский мятеж в марте 1921 года, безучастным свидетелем которого был линкор — бывший «Цесаревич», а ныне — «Гражданин», решил судьбу старого Балтийского флота. Перепуганное правительство решило избавиться от буйной революционной вольницы, в которую

превратился Балтфлот, фактически приведший это правительство к власти. В печати замелькали статьи о ненужности Военно-Морских сил для Советской республики и о целесообразности их замены «морскими частями ГПУ». Практически весь Балтийский флот был обращен в металлолом. В июне 1922 года линейный корабль «Гражданин» был отбуксирован на СРБ в Петрограде и разобран.

Корабль находился в строю пятнадцать лет. Зачислен в списки Русского Флота 11 января 1899 года, исключен из списков - 7 августа 1922 года. Линейный корабль «Цесаревич» числился в 20-м флотском экипаже.

Командиры линейного корабля «Цесаревич». 1899-1921 гг.

1899-1904 гг. — капитан I ранга Григорович
1904-1905 гг. — капитан I ранга Иванов
1905-1906 гг. — капитан 2 ранга Шумов (вр.)
1906-1907 гг. — капитан 1 ранга Дмитриев
1908-1909 гг. — капитан 1 ранга Любимов
1909-1910 гг. — капитан 1 ранга Маньковский
1910-1913 гг. —капитан 1 ранга Кербер
1913 г. — капитан 1 ранга Пилкин (вр.)
1913-1915 гг. — капитан I ранга Рейн
1915-1917 гг. — капитан I ранга Чеглоков
1917-1918 гг. — капитан 1 ранга Руденский
1919-1920 гг. — контр-адмирал в/о Колыбакин Вл. Вл.
1920 г. — ст. лейтенант Колыбакин Всев. Вл.
1921 г. — ? Колесов Алексей Артем, (вр.)

Русские адмиралы, державшие флаг на «Цесаревиче»:

1903 г. — контр-адмирал Вирениус
1904 г.— контр-адмирал Витгефт, контр-адмирал Матусевич
1906-1907 гг.— контр-адмирал Эбергард
1908-1910 гг.— контр-адмирал Литвинов
1911-1913 гг.— контр-адмирал Маньковский
1913- 1914 гг.— контр-адмирал Ферзен
1914- 1915 гг.— контр-адмирал Максимов
1916 г.— адмирал Бахирев
1917 г.— на «Гражданине» поднял свой флаг капитан 1-го ранга Модест Иванов, которого принято считать первым красным адмиралом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В 1910 году Государь-Император повелел Великому Князю Николаю Николаевичу принести Князю Черногорскому поздравления Его Величества с исполнившимся пятидесятилетием правления Черногорией и уведомить его о пожаловании высоким званием фельдмаршала Российских Армий с передачей фельдмаршальского жезла. Для сопровождения Великого Князя была назначена эскадра под командой контр-адмирала Маньковского в составе линейных кораблей «Цесаревич» и «Слава» и крейсеров «Рюрик» и «Богатырь». «Слава», из-за поломки цилиндра осталась в Тулоне. После торжественных и задушевных празднеств в Цетинье эскадра от Антивари до Фиуме шла под флагом контр-адмирала Маньковского, так как Великий Князь должен был тотчас же по прибытии в Фиуме сухим путем возвращаться в Россию.

Подходя к крепости, эскадра произвела положенный по уставу салют наций. Крепость на салют не ответила. К вечеру на рейд пришла мощная австро-венгерская эскадра под флагом командующего морскими силами и морского министра вице-адмирала Монтеккули. «Цесаревич», стоявший под флагом контр-адмирала Маньковского, сейчас же произвел салют, и контр-адмирал Маньковский отправился к князю Монтеккули с визитом. На салют ответа не последовало, а контр-адмирала Маньковского на нижнем трапе встретил флаг-капитан командующего австро-венгерским флотом и сообщил, что «командующий принять не может, так как у него гости». При отходе русского адмирала от флагманского корабля полагающегося по международным правилам салюта произведено не было. Через пять минут после этого к трапу «Цесаревича» подошел катер с князем Монтеккули. Он был встречен младшим флаг-офицером контр-адмирала Маньковского, который почтительнейше доложил, что «Начальник Российской эскадры принять Его Светлость не может, так как пьет чай».

При отходе Монтеккули был произведен салют, с последним выстрелом которого от «Цесаревича» отвалил катер с флаг-капитаном Маньковского, который направился к флаг-капитану Монтеккули за объяснением происшедших оскорбительных для Андреевского флага случаев. Австрийцы пытались объяснить все это досадной оплошностью. Русский флаг-капитан передал категорическое желание адмирала Маньковского, чтобы завтра с подъемом флага и крепость и эскадра произвели бы положенный салют. «Крепость произведет, но эскадра не может, так как в четыре часа утра должна срочно выйти в море». На это последовал спокойный ответ, что Командующий русской эскадрой не выпустит австро-венгерскую эскадру с рейда, не получив

салюта. Переговоры были кончены.

По возвращении флаг-капитана, русские корабли переменили место. «Рюрик» стал в центре выхода из Фиумской бухты. «Цесаревич» и «Богатырь» — ближе к берегу. Была пробита боевая тревога, орудия заряжены боевыми снарядами и направлены на флагманский корабль австро-венгерского флота. Всю ночь прислуга дежурила у орудий. Все на русской эскадре ясно сознавали исход возможного боя: слишком неравны были силы, но все приветствовали энергичные действия контр-адмирала Маньковского, направленные на защиту достоинства России и чести Андреевского флага. Дважды приезжал на «Цесаревича» флаг-капитан князя Монтеккули и пытался объяснить, что его эскадра обязана выйти в море до рассвета, адмирал Маньковский оставался непреклонным.

К четырем часам утра из труб австрийских кораблей повалил густой дым — эскадра готовилась сняться с якоря. В момент движения флагманского корабля русские корабли открыли бы по ней огонь. В такой напряженной донельзя атмосфере текли часы. В восемь часов были подняты кормовые флаги. Верки крепости окутались дымом салюта русскому флагу, одновременно с судов эскадры контр-адмирала Монтеккули раздался салют русскому адмиралу. Произведя его, австрийская эскадра снялась с якоря и направилась к выходу из бухты. На русских кораблях моряки стояли во фронте, оркестр играл австро-венгерский гимн. С флагманского корабля эскадры Австро-Венгрии мощно неслись молитвенные звуки: «Боже, Царя храни»...

СЛАВА

Слава — русское слово, означающее признание доблести

«Слава» (ББ-17)

Водоизмещение: 13 516 т.

Главные размерения: 121x23x8,0 м.

Скорость максимальная: 18 узлов.

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях, двенадцать 6-дюймовых орудий в шести двухорудийных башнях, двадцать 75-мм, двадцать 47-мм и два 37-мм орудия, две десантных пушки, восемь пулеметов, два надводных и два подводных ТА.

Мощность механизмов: 15 800 л.с.

Бронирование: Борта— 102-178 мм.

Казематы — 76 мм.

Башни — 152-254 мм.

Палуба — 31-75 мм.

Боевая рубка — 203 мм.

Экипаж (штатный): 32 офицера, 825 матросов.

Тип: «Бородино».

Эскадренный броненосец «Слава» был заложен 1 ноября 1902 года на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге. Строительство корабля велось в рамках специальной кораблестроительной программы 1898 года для нужд Дальнего Востока. Будучи пятым

и последним кораблем серии «Бородино», эскадренный броненосец «Слава» строился с некоторыми незначительными конструктивными изменениями, введенными для трех последних кораблей этого типа («Орел» и «Князь Суворов»). Руководил постройкой корабельный инженер Аверин К. Я.

Стапельный период строительства «Славы» велся быстро и эффективно. 29 августа 1903 года эскадренный броненосец «Слава» был спущен на воду и отбуксирован к достроечной стенке завода. Броню для корабля поставил Ижорский завод, исключая некоторые элементы вертикальной брони, заказанные американскому заводу Карнеги на сумму 2 248 150 р. Артиллерия была изготовлена Обуховским заводом, а механизмы — Балтийским заводом. Сметная стоимость корабля составляла 13 840 824 р., однако, обошелся он примерно в полтора раза дороже, из-за совершенно непредвиденных обстоятельств, связанных с его достройкой. Начало русско-японской войны застало корабль у достроечной стенки Балтийского завода. Неудачи 1-й Тихоокеанской эскадры привели к решению сформировать на Балтике 2-ю эскадру и направить ее на усиление Артурской эскадры. В состав 2-й эскадры был включен и броненосец «Слава», чья достройка шла в соответствии с графиком. Руководство завода считало вполне возможным ввести корабль в строй ко времени предполагаемого ухода 2-й эскадры на Дальний Восток.

Однако, затопление броненосца «Орел» у стенки Кронштадтского порта сорвало трафик достройки «Славы». Часть погибшего и поврежденного при аварии оборудования и механизмов «Орла» решено было снять для «Славы». Начался фактически демонтаж еще недостроенного броненосца. Достроечные работы на «Славе» полностью прекратились и к моменту ухода 2-й эскадры «Слава» оказалась в состоянии 78% готовности. Последующие стачки и увольнения с Балтийского завода тысяч рабочих настолько замедлили достройку броненосца, что при формировании так называемой 3-й эскадры он был включен в ее второй эшелон, выход которого на Дальний Восток предполагался в мае 1905 года. В марте 1905 года, не пройдя и половины необходимых испытаний, «Слава» была освящена и вступила в строй под командованием капитана 1 ранга Князева.

Последующая Цусимская катастрофа, в которой погибли три однотипных собрата «Славы», а один был захвачен противником, к счастью, сняла вопрос о посылке на Дальний Восток второго эшелона 3-й эскадры, и «Славе» удалось избежать судьбы остальных кораблей ее типа. Разгром Русского Флота при Цусиме,

где корабли типа «Славы», считаясь современнейшими и наиболее мощными, составляли боевое ядро эскадры, выявил целый ряд их фатальных недостатков, которые в итоге достались «Славе» как единственному уцелевшему броненосцу этой, некогда самой крупной в истории русского военного кораблестроения, серии однотипных броненосцев. Стало ясно, что «Слава» тихоходна, слабо бронирована, имеет безобразную остойчивость, плохие прицелы, неудачную конструкцию башенных установок главного и вспомогательного калибров и никуда не годный артиллерийский боезапас.

Остаток 1905 года и всю зиму 1906 года на «Славе» шли работы по частичному исправлению перечисленных недостатков: менялись надстройки, модернизировалась боевая рубка, снимались массивные боевые марсы, переделывались погреба и угольные ямы. А между тем, необходимо было уже думать о возрождении погибшего флота и готовить личный состав для предполагаемых постройкой новых кораблей, дабы заменить новым личным составом деморализованных офицеров и матросов русско-японской войны. В мае 1906 года был сформирован особый отряд для плавания с корабельными гардемаринами (впоследствии переименованный в Балтийский отряд), в состав которого вошли броненосцы «Слава» и вернувшийся с Дальнего Востока единственный уцелевший в огне русско-японской войны «Цесаревич», а также, крейсер «Богатырь». Пока «Цесаревич» и «Богатырь» ремонтировались после перехода через три океана, «Слава», начав 1 июня кампанию, вышла в плавание по Балтийскому морю и его заливам.

Не успев получить боевое крещение в минувшей войне, эскадренный броненосец «Слава» неожиданно получил его на Балтике. В серии последовательных мятежей различных воинских подразделений и кораблей 15 июня 1906 года восстала Свеаборгская крепость. (Вооруженные силы не прощают своим правительствам проигранных, да еще с таким треском, войн). 19 июня эскадренный броненосец «Слава», участвуя в подавлении мятежа, стоя на якоре, вел огонь по крепости из орудий главного калибра. Артиллерийские офицеры «Славы», корректируя огонь, не видели взрывов своих снарядов. Когда десантные части взяли крепость, артиллеристы «Славы» обнаружили, что ни один из выпущенных по крепости снарядов не взорвался. Почти все снаряды были совершенно целыми. Только некоторые из них были без дна, а другие слегка развороченными. На «Славе» был тот же боезапас, что и на погибших кораблях 2-й Тихоокеанской эскадры — одна из причин Цусимской катастрофы стала очевидной.

20 августа «Слава», «Цесаревич» и «Богатырь» вышли в совместное плавание. Посетив Киль и Берген, русские корабли 10 сентября прибыли в Печенгскую бухту на Мурмане, а 16 сентября перешли в Екатерининскую гавань. На обратном пути, пройдя Кильденским проливом, отряд зашел в Териберке и 20 сентября вышел в океан. С 21 сентября по 10 октября 1906 года русские корабли, базируясь на Барде, посетили Гаммерфест, Тромсё и Тронхейм. 10 октября отряд, обогнув Шотландию, прибыл в Гриннок на Юхайде, а затем посетил Барроу, где были осмотрены судостроительные заводы Виккерса и строившийся по русскому заказу крейсер «Рюрик». 26 октября отряд вышел из Барроу и взял курс на юг, посетив Брест, Биго, остров Мадеру, Кадис, Гибралтар, Бизерту и Тунис, где пробыл до 1 февраля 1907 года.

1 февраля, пополнив запасы, отряд вышел в Тулон, а затем в Виго и Портсмут, где были подробно осмотрены Адмиралтейство и строящиеся корабли. 15 марта отряд покинул Портсмут и, посетив по дороге Киль, 29 марта 1907 года прибыл в Либаву в порт Императора Александра III. В конце апреля броненосец «Слава» перешел из Либавы в Кронштадт, где стал на плановый ремонт.

30 сентября 1907 года «Слава» снова прибыла в Либаву и вышла вместе с «Цесаревичем» и «Богатырем» в новое плавание с корабельными гардемаринами. Отряд русских кораблей последовательно посетил Берген, Гриннок и Брест. В Гринноке офицеры и гардемарины ознакомились с заводами Барра и Струда, а в Бресте им была дана возможность осмотреть французские броненосцы новейшей постройки. 10 октября 1907 года эскадренный броненосец «Слава» был переклассифицирован в линейный корабль. Из Бреста, выдержав по пути сильный шторм, отряд перешел в Виго, а затем направился в бухту Мармарис. На пути в бухту отряд снова попал в шторм, во время которого получил повреждения крейсер «Богатырь», отправленный в Сиру для ремонта. На праздник Рождества отряд, прервав учения в бухте Мармарис, перешел в Пирей, откуда 3 января 1908 года вернулся в бухту Мармарис, продолжая там учения еще двадцать шесть дней. 31 января 1908 года отряд покинул Мармарис и направился в Наваринскую бухту, проведя по пути боевые стрельбы.

1 февраля русские корабли прибыли в Наваринскую бухту, а 7 февраля перешли в Неаполь. Из Неаполя по приглашению русского посла Муравьева командующий отрядом, командиры «Славы» и «Цесаревича» вместе с восемью отобранными офицерами и гардемаринами выехали 9 января в Рим, где были приняты королем Италии и прочими сановниками Итальянского

королевства, а также аккредитованными в Риме дипломатами. 12 февраля офицеры вернулись в Неаполь, а 16 февраля отряд вышел в море, направляясь на родину. Посетив по дороге Гибралтар, Виго и Киль, отряд 26 марта 1908 года прибыл в Либаву, где после сдачи экзаменов корабельными гардемаринами отряду был произведен смотр морским министром, а на следующий день, 4 апреля, корабельные гардемарины были списаны с кораблей.

15 апреля линкоры «Слава» и «Цесаревич» вышли из Либавы, прибыв 16 апреля в Ревель для встречи короля Швеции, который прибыл в Ревель на следующий день на броненосце «Оскар VI» в сопровождении крейсера «Филгия» и миноносца «Манэ». Шведская эскадра пробыла в Ревеле до 25 апреля, после чего «Слава» и «Цесаревич» перешли в Кронштадт для производства необходимого ремонта и принятия на борт новой смены гардемарин и учеников строевых унтер-офицеров. 9 июля 1908 года линкоры «Слава» и «Цесаревич» вышли в учебный поход по Финскому заливу. 4 октября Балтийский отряд вышел из Либавы в очередное дальнее плавание, придя 8 октября в Плимут, где простоял 9 дней. Затем русские линкоры вышли в Виго, простояв там до 4 ноября, а 10 ноября прибыли в Бизерту, где простояли до 30 ноября.

19 ноября в Бизерте к отряду присоединился крейсер «Адмирал Макаров». 1 декабря 1908 года отряд перешел в порт Аугуста, где узнал о землетрясении в Мессине. Вместе с другими кораблями отряда линкор «Слава» принял участие в оказании помощи жителям города и эвакуировал раненых. До 8 января 1909 года линкоры «Слава» и «Цесаревич» пробыли в Александрии, совершая частые походы в Мессину, а затем вместе с крейсерами «Олег», «Богатырь» и «Адмирал Макаров» вышли в Гибралтар, где простояли до 24 января 1909 года. После этого отряд вышел в Лас-Пальмас на Канарские острова, затем посетил порт Фунчал на острове Мадера, вернувшись 8 февраля в Виго, где находился крейсер «Олег».

28 февраля отряд, завершив 20-дневные учения в Виго, направился в Портсмут, оттуда вышел в Киль и 17 марта прибыл в Либаву. Списав после экзаменов корабельных гардемарин. линейный корабль «Слава» вступил в состав действующего флота Балтийского моря и все лето проплавал в Балтийском море, посещая различные отечественные порты и якорные стоянки, обучая новую смену корабельных гардемарин, прибывших на корабль в мае.

В начале августа 1909 года линкор «Слава» принял участие в крупных маневрах Балтийского флота, а 13 августа вернулся в

Кронштадт, где 1 октября был выведен в резерв и поставлен на капитальный ремонт. В ходе ремонта на «Славе» была полностью заменена артиллерия главного калибра, исправлены стенки котлов и проверены оси гребных валов. В начале мая «Слава» вышла в море на пробу машин и уничтожение девиации, а 9 мая начала кампанию вместе со всем Балтийским отрядом, в состав которого, помимо «Славы», вошли линейный корабль «Цесаревич», крейсер «Рюрик» и крейсер «Богатырь». Выход отряда в море был несколько задержан эпидемией тифа, вспыхнувшей на крейсере «Рюрик».

23 мая 1910 года Балтийский отряд сосредоточился в Биорке, где начались учения, продолжавшиеся попеременно то в Биорке, то в Ревеле до 1 июля. 14 июля отряд вернулся в Кронштадт, где погрузил уголь и принял запасы для заграничного плавания, в ходе которого отряду было приказано принять участие в праздновании 50-летнего юбилея князя Николая Черногорского. 18 июля 1910 года отряд вышел из Кронштадта. 20 июля при проходе острова Борнгольм, линейный корабль «Слава» столкнулся с двухмачтовой датской шхуной «Эген», пересекавшей курс отряда. Шхуна ударила «Славу» в борт у носового 75-мм орудия и сорвала один полупортик. Себе же шхуна сломала бушприт и фальшборт до фок-вант и повредила форштевень.

21 июля, не принимая лоцмана, отряд прошел Бельт и 24 июля стал на якорь на Спитхэдском рейде. Приняв запас угля, отряд 27 июля вышел в Алжир. Ночью 1 августа в тридцати милях от Гибралтара на линейном корабле «Слава» рухнула кладка сразу в шести котлах и в четырех местах был пробит главный паропровод. (Это после капитального ремонта!). «Цесаревич» взял «Славу» на буксир и весь отряд шестиузловым ходом доковылял до Гибралтара, где «Слава» была оставлена для ремонта, а весь отряд ушел в Алжир.

К 20 августа часть котлов и котельных механизмов на «Славе» были отремонтированы настолько, что линкор смог своим ходом перейти в Тулон, куда он прибыл 24 августа 1910 года. После осмотра корабля в Тулоне французскими специалистами выяснилось, что для приведения «Славы» в боевую готовность необходим капитальный ремонт всех котлов. А это потребует не менее семи-восьми месяцев. 15 сентября Балтийский отряд зашел в Тулон и принял со «Славы» корабельных гардемарин, чтобы доставить их обратно в Россию.

Линейный корабль «Слава» ремонтировался в Тулоне до апреля 1911 года, после чего, зайдя по дороге в Алжир, Кадис, Шербур и Киль, прибыл в июле 1911 года на Балтику, где вошел в состав бригады линейных кораблей. Бригада состояла из только

что введенных в строй линейных кораблей «Император Павел I» и «Андрей Первозванный», линкора «Цесаревич» и крейсера «Рюрик». Все лето 1911 года «Слава» провела на Балтике и только в сентябре вместе с «Цесаревичем», «Рюриком» и бригадой крейсеров заходила на несколько дней в бухту Кёге у берегов Дании.

Кампания 1912 года прошла для «Славы» в последовательной череде учений, маневров и смотров. Стрельбы, совместное маневрирование с крейсерами и эсминцами, уклонения от атак подводных лодок, походы по шхерам и заливам без лоцмана. Адмирал Эссен серьезно взялся учить флот военно-морскому искусству. В сентябре 1912 года «Слава» совместно с бригадами линкоров и крейсеров в сопровождении минных заградителей «Амур» и «Енисей» совершила короткое плавание в Копенгаген.

Зиму 1912-1913 годов линкор «Слава» провел в Гельсингфорсе. Зимой на линкоре были установлены новые приборы управления артогнем и антиобледенительная система для орудий, чтобы иметь возможность вести огонь в условиях низких температур. Кроме того, с корабля были сняты подводные торпедные аппараты, а в их помещении развернут пост дополнительных динамомашин.

Кампанию 1913 года «Слава» из-за большого объема ремонтных работ начала несколько позднее других кораблей — 1 мая. 1913 год стал годом еще более интенсивной боевой подготовки. Призрак прорыва немецкого флота в Финский залив в случае войны давил на оперативное мышление русского военно-морского командования. Все лето линейные корабли отрабатывали различные варианты боя на центральной минной позиции. И хотя боевое мастерство росло, настроение личного состава падало — учения слишком ясно показывали безнадежность всех усилий, если немецкий флот открытого моря вторгнется на Балтику. 26 августа 1913 года «Слава» в составе бригады линкоров, крейсеров, четырех эсминцев и транспорта «Рига» вышла в месячное заграничное плавание, в ходе которого эскадра посетила Портсмут, Брест и Христианзанд, приходя в себя от бесконечных учений и смотров по случаю 300-летия дома Романовых.

Намеченный поход в один из германских портов был отменен, что дало почву для весьма мрачных слухов. Войны на кораблях ждали в 1913 году. 14 октября эскадра вернулась в Россию, а 31 октября линейный корабль «Слава», окончив кампанию, был выведен в резерв в Гельсингфорсе. Зимой 1913-1914 годов линейный корабль «Слава» прошел ремонт котлов, была изменена конфигурация дымовых труб,

усовершенствована система управления артогнем и капитально отремонтирована система рулевого управления. Был проведен и плановый ввод линкора в док.

Кампания 1914 года проходила под знаком все ухудшающейся международной обстановки. Клубок взаимных интересов европейских держав, считавшийся долгое время залогом мира, затянулся настолько, что развязать его можно было только силой оружия. Балтийский флот лихорадочно готовился к войне. 26 июля 1914 года линейные корабли «Слава», «Цесаревич» и «Павел I» («Андрей Первозванный» ремонтировался в Кронштадте), прервав учения, вернулись в Гельсингфорс, произведя погрузку боевых снарядов и угля, сдав в порт учебные снаряды и все лишнее дерево. Офицеры писали завещания. 27 июля отряд минных заградителей под командованием вице-адмирала Канина сосредоточился в Поркалла-Удде в полной готовности выставить минное заграждение для предотвращения прорыва немецкого флота в Финский залив. 31 июля «Слава», «Цесаревич» и «Павел I» развернулись в районе мыса Пекерот, прикрывая минно-заградительную операцию. Первые 2124 мины были выставлены еще до официального объявления войны.

Первый боевой поход на «Славе», как и на других кораблях, проходил в повышенно нервной обстановке. Заградители заваливали минами подходы к Финскому заливу. В каждой появившейся на горизонте лайбе мерещились немецкие дредноуты флота открытого моря, чьи орудия по дальности огня на две мили превосходили русские. Можно было легко предвидеть, как будет проходить бой на центральной минной позиции и рассчитать время полного уничтожения всего Русского Флота. А о дальнейшем не хотелось думать…

Шли дни уже объявленной войны, а немецкий флот не появлялся.

В апреле 1915 года командование Балтийским флотом получило информацию о намерении противника захватить Або-Оландский район и создать там передовую базу легких сил своего флота. Для предотвращения этого было решено сосредоточить в указанном районе линкоры «Слава» и «Цесаревич», крейсеры «Аврора» и «Диана», два дивизиона эсминцев и подводных лодок, а также, ряд других кораблей. Штурманских офицеров «Славы» и «Цесаревича» заранее командировали в Або-Оландский район для ознакомления со специфическими условиями базирования и плавания кораблей в этих водах. Так как шхерный стратегический фарватер от Гельсингфорса до Юнгфрузундского рейда еще не был оборудован, то 28 марта «Слава» и «Цесаревич» перешли из Гельсингфорса в Ревель, а оттуда с помощью ледоколов «Ермак» и

«Царь Михаил Федорович» были проведены к Эре.

Между тем, временные успехи русских войск на сухопутном фронте сменились поражениями. В ходе общего летнего наступления 1915 года немецкие войска 30 июня нанесли удар по Северной группировке русской армии на нарвском направлении, а во второй половине июля вышли к побережью Рижского залива, захватив почти весь южный берег Ирбенского пролива. К 15 июля сведения, добытые русской разведкой, а также общая обстановка на театре военных действий явно свидетельствовали о подготовке немецким флотом операции прорыва в Рижский залив. Вследствие этого, командование приняло решение перебросить туда линейный корабль «Славу». Однако, малые глубины Моонзунда не позволяли провести линкор по нему, а потому разработали операцию перехода «Славы» в Рижский залив через Ирбенский пролив. Для обеспечения перехода «Славы», в Эре, где она находилась, перешли линейные корабли «Андрей Первозванный» и «Павел I». Они находились в полной боевой готовности на случай любых неожиданностей.

Накануне выхода «Славы» из Эре, между Готландом и Виндавой заняла позицию в дозоре английская подводная лодка E-9. 17 июля в семнадцать часов «Слава» покинула Юнгфрузундский рейд и вышла в море под эскортом 1-й бригады крейсеров и полудивизиона миноносцев, следуя за тральщиками. Из Ирбенского пролива навстречу «Славе» вышли миноносцы и тральщики для проводки линкора по фарватеру. На возможных путях подхода противника были развернуты подводные лодки «Дракон», «Аллигатор» и «Кайман», а также две английские — E-1 и E-9. На рассвете 18 июля «Слава» вошла в Рижский залив, а сопровождавшие ее крейсеры во главе с «Рюриком» вернулись в Гельсингфорс. Немецкие наблюдатели, находившиеся на захваченном Михайловском маяке, без труда опознали «Славу», что заставило немцев ускорить подготовительные мероприятия по прорыву в Рижский залив.

Германское командование, понимая важное стратегическое значение данного района для русских, решило провести операцию, согласно которой, прорвавшиеся в залив немецкие корабли должны были уничтожить «Славу», заградить минами Моонзунд и подходы к Пернову, а также обстрелять Усть-Двинск. Предназначенный для выполнения этой операции флот состоял из семи линейных кораблей типа «Виттельсбах», шести крейсеров, двадцати четырех эсминцев, тридцати двух тральщиков и двенадцати моторных катеров, приспособленных для траления. Русские силы обороны Рижского залива, помимо линкора «Слава», состояли из канонерских лодок «Кореец», «Сивуч», «Храбрый» и

«Грозящий», дивизиона эсминцев во главе с «Новиком» и дивизиона подводных лодок, ядро которых составляли английские лодки типа «Е».

Ожидая активных действий германского флота, русское командование на случай боя на Ирбенской минно-артиллерийской позиции отдало следующий приказ: при появлении противника, имеющего целью прорваться через пролив, линейный корабль «Слава» производит развертывание в исходное положение, маневрируя с внутренней стороны залива и держась на больших дистанциях вне попадания снарядов противника. При подходе немецких тральщиков, «Слава» открывает по ним артиллерийский огонь главным калибром, а при подходе немецких линейных кораблей, производит стрельбу с предела «дистанции» длинными 305-мм фугасными снарядами. Кроме эсминцев и подводных лодок, действия «Славы» обеспечивались учебным судном (гидроавиатранспортом) «Орлица», имевшим на борту четыре гидросамолета.

К утру 26 июля германский флот завершил оперативное развертывание. Силы прорыва подошли к Ирбенскому проливу, оперативное прикрытие заняло место к северу от входа в него. В 03.50 немецкие тральщики начали траление фарватера в центральной части Ирбенского пролива, где русские минные заграждения были наиболее плотными. Их действия прикрывали линейные корабли «Брауншвейг» и «Эльзас», крейсеры «Бремен» и «Тетис» и несколько эсминцев. Мористее входа в пролив в охранении эсминцев находились остальные пять линейных кораблей и четыре крейсера, ожидая очистки от мин фарватера. Первыми нанесли удар по тральщикам самолеты с «Орлицы». Около пяти часов к Ирбену со стороны Моонзунда подошли канонерские лодки «Грозящий» и «Храбрый» в сопровождении эсминцев и открыли огонь по тральщикам. К началу шестого те уже успели протралить узкий фарватер в первой линии русских минных заграждений и перешли ко второй, где сразу же подорвался и затонул тральщик Т-52. Русские мины действовали безотказно, в 05.38 подорвался на мине крейсер «Тетис», а в 07.07 — миноносец 8-144; оба корабля пришлось отправить на базу.

В 10.30 из Аренсбурга к месту боя подошла «Слава». «Брауншвейг» и «Эльзас» немедленно перенесли огонь на русский линкор, ведя его с предельных дистанций 110-115 кабельтовых. В ходе боя противники сблизились до 78 кабельтовых — подойти ближе мешало минное заграждение. Но даже и при такой относительно небольшой дистанции на «Славе» были вынуждены искусственно увеличить дальность стрельбы, затопив тремястами тоннами воды три бортовых отсека, что вызвало крен в 3° и

позволило увеличить дистанцию ведения огня на восемь кабельтовых.

Увеличение крена более чем на 3° ухудшало маневренные качества корабля, затрудняло процесс заряжания орудий и увеличивало время перепускания воды из отсеков одного борта на другой при поворотах до 10-16 мин. Германские линкоры дали по «Славе» шесть залпов, которые легли с недолетами от 1,5 до 15 кабельтовых, та ответила шестнадцатью, которые также дали недолеты. Между тем, тральщики продолжали свое дело, к 11.15 протралили проход во второй линии минных заграждений, германские корабли начали входить в Рижский залив. Однако, к 14.45 в районе третьей линии русских минных заграждений подорвался тральщик Т-58 и немцы, прервав операцию, отошли. Тем не менее, все указывало на то, что противник в ближайшее время повторит операцию по прорыву в Рижский залив. С 28 июля по 2 августа заградитель «Амур» и эсминцы выставили на подходах к Ирбену и в самом проливе триста двадцать мин, ликвидировав протраленные немцами участки и увеличив плотность минных заграждений. Кроме того, 27 июля в проливе выставили противолодочные сетевые заграждения.

3 августа германское командование решило повторить попытку прорыва в Рижский залив, значительно изменив состав своих сил. Число тральщиков увеличили почти вдвое, старые додредноуты типа «Виттельсбах» заменили линейными кораблями-дредноутами типа «Нассау». В состав отряда прорыва вошли линейные корабли «Нассау» и «Позен», крейсеры «Грауденц», «Пиллау», «Бремен» и «Аугсбург», тридцать эсминцев и миноносцев, двадцать шесть тральщиков, два дивизиона катеров-тральщиков, восемь сторожевых судов, два прорывателя минных заграждений, минный заградитель и три парохода-брандера для закупорки гавани Пернова. Силы оперативного прикрытия состояли из линейных кораблей «Остфрисланд», «Вестфален», «Брауншвейг», «Эльзас», линейных крейсеров «Мольтке», «Зейдлиц» и «Фон дер Танн», пяти крейсеров, тридцати одного эсминца и миноносца. В Либаве в качестве резерва находились пять линейных кораблей типа «Виттельсбах» и два — типа «Верт». Сосредоточение такого количества линкоров и линейных крейсеров флота открытого моря было осуществлено, конечно, не ради уничтожения устаревшей «Славы». Немцы надеялись, что семь боеспособных русских линкоров придут на помощь силам обороны Рижского залива. Но этого не случилось...

1 августа силы оперативного прикрытия вышли из Свинемюнде и на следующий день в 20.00 соединились в тридцати милях к западу от Либавы с отрядом прорыва. 3 августа

корабли последнего сосредоточились у входа в Ирбенский пролив: крейсеры «Грауденц», «Аугсбург» и два миноносца держались в его северной части, линейные корабли, остальные крейсеры и миноносцы — в южной, корабли, не участвующие в форсировании минных заграждений, — к югу от мыса Люзерорт.

В 04.00 утра немецкие тральщики под прикрытием крейсеров «Пиллау» и «Бремен» и дивизиона эсминцев начали траление. Линейные корабли «Нассау» и «Позен» с выставленными противоторпедными сетями по мере протраливания фарватера в окружении миноносцев продвигались вперед. Выдвинутые к проливу русские канонерские лодки и эсминцы не смогли сорвать работу германских тральщиков, прикрываемых крейсерами. Кроме того, противнику благоприятствовала мглистая погода. Около двенадцати часов к проливу подошла «Слава» и, заняв позицию на южном фланге против основной группировки немцев, открыла огонь по тральщикам, вынудив их прекратить работу. Прикрывая тральщики, крейсер «Бремен» начал ответную стрельбу по русскому линкору. Выведя «Славу» из зоны обстрела, ее командир, капитан 1 ранга С. С. Вяземский приказал снова заполнить бортовые отсеки водой, чтобы довести дальность стрельбы до 90-93 кабельтовых. Огонь «Славы» вынудил немецкие крейсеры отойти на запад, но вместо них в пролив вошли линейные корабли «Нассау» и «Позен», имевшие каждый по двенадцати 280-мм орудий (против четырех 305-мм орудий «Славы») с дальностью стрельбы около 115 кабельтовых. Обстановка для «Славы» осложнялась еще и тем, что она находилась в полосе разреженного тумана и представляла собой хорошую цель, тогда как германские корабли, огонь которых корректировался с Михайловского маяка, скрывал плотный туман. Правда, снаряды «Славы» все равно не долетали до противника и линкор, маневрируя, чтобы избежать попаданий, перенес огонь на тральщики.

В 18.00 ввиду приближения темноты силы прорыва прекратили траление и вышли из Ирбена. Силы оперативного прикрытия остались на своих местах, но никакие меры, хотя бы демонстративные, чтобы ослабить давление противника на Рижский залив извне, русскими предприняты не были, ввиду чего немецкие тральщики, несмотря на противодействие русских кораблей, протралили за день фарватер через большую честь заграждений вдоль южного берега пролива. С наступлением темноты «Слава» и остальные русские корабли отошли в Аренсбург. В ночь с 3 на 4 августа командующий германским флотом прорыва адмирал Шмидт выслал в Рижский залив для торпедной атаки «Славы» эсминцы V-99 и V-100, но линкор они

таки не обнаружили и после суматошных перестрелок с дозорными кораблями были на отходе перехвачены сильнейшим русским эсминцем «Новик», в бою с которым V-99 погиб, а V-100 ушел, получив значительные повреждения.

С рассвета 4 августа немцы возобновили траление пролива. И на этот раз западную часть горизонта, где находились германские корабли, скрывала мгла. «Слава» и сопровождающие ее эсминцы, подойдя к Михайловскому маяку, сразу же попали под огонь немецких линкоров, обнаружить которые во мгле они не могли. Около 12.15 «Слава» одно за другим получила три попадания бронебойными 280-мм снарядами. Первый выпущенный с дистанции 90 кабельтовых, пробил 152-мм броню и, разорвавшись, разрушил внутреннюю переборку бортового коридора в угольной яме №6, пробил масляную цистерну в левой машине и воспламенил в яме уголь. Осколками перебило электропроводку и повредило вентилятор, подававший воздух в машинное отделение, электрический свет погас.

Второй снаряд пробил 50-мм броню верхней палубы, разворотил палубный спрингер, ударился в 127-мм броню колодца левой кормовой 6-дюймовой башни, сдвинув ее на тринадцать сантиметров, сорвав все нижнее крепление брони и вдавив плиту броневой палубы. Головная часть снаряда, пролетев девять метров от места взрыва, ударилась о траверзную 102-мм броню, сдвинув ее с места и сделав в ней выбоину. Разорвавшийся снаряд полностью уничтожил четыре каюты, вызвав в них большой пожар. Загорелось и подбашенное отделение левой кормовой 6-дюймовой башни, в которой находился боезапас, приготовленный для подачи к орудиям. Во избежание взрыва погреб пришлось срочно затопить.

Третий снаряд пролетел над верхней палубой, повредив гребную шлюпку и паровой катер, пробил коечные сетки правого борта и ушел в воду. В момент первого попадания перестал действовать рулевой привод, и пришлось перейти на управление машинами. Руль ввели в действие через девять минут, но вскоре рулевая машина снова вышла из строя от сотрясения корабля из-за рвущихся вокруг него снарядов. Вспыхнувший в подбашенном отделении, угольной яме и в каютах пожар личный состав быстро потушил, при этом, семь матросов получил ожоги.

Между тем, немецкие тральщики продолжали траление и стало ясно, что остановить их невозможно и что противник, прорвавшись в залив, сможет отрезать русские корабли от Моонзунда. Видя это, начальник минной обороны Рижского залива контр-адмирал Максимов в 14.00 приказал «Славе» и остальным кораблям отходить в Моонзунд под прикрытие второй

линии минных заграждений и береговых батарей. На следующее утро немецкие катерные тральщики полностью очистили от мин вход в Рижский залив, уничтожив и противолодочное сетевое заграждение. Ввиду позднего времени прорыв отложили до следующего дня и все немецкие корабли вернулись на свои прежние якорные стоянки. Русские же воспользовались этой ночью для постановки у южного входа в Моонзунд дополнительного заграждения из ста пятидесяти мин.

4 августа в 09.30 отряд прорыва под командованием вице-адмирала Шмидта в составе линейных кораблей «Позен» (флагманский), «Нассау», легких крейсеров «Пиллау», «Бремен», «Грауденц» и «Аугсбург», заградителя «Дойчланд» и тридцати двух миноносцев вошел в Рижский залив. Крейсеры обстреляли Аренсбург и пошли на юг для осмотра побережья, а главные силы направились к Моонзунду, где под защитой трех линий минных заграждений и береговых батарей стояла «Слава», уничтожение которой являлось одной из главных целей прорыва немцев в залив. Однако, за несколько часов до этого английский подводная лодка Е-1 торпедировала линейный крейсер «Мольтке», что вынудило отряд линейных крейсеров, входивших в состав сил оперативного прикрытия. вернуться в Данциг, конвоируя поврежденный корабль.

Получив сведения о присутствии в Рижском заливе русских и английских подводных лодок, но не имея точных данных о минных заграждениях и о дислокации русских кораблей, немцы действовали очень осторожно. Потопив в ночном бою канонерскую лодку «Сивуч», ошибочно принятую за «Славу», и вынудив выброситься на камни однотипный «Кореец», германские моряки затопили два парохода-брандера на рейде Пернова, не зная, что русские корабли этой гаванью не пользуются. Ночью 7 августа, подорвавшись на мине, погиб немецкий миноносец S31. Находясь под впечатлением от этой потери и торпедирования «Мольтке», адмирал Шмидт решил прекратить операцию, отменив обстрел Усть-Двинска и приказав своим кораблям покинуть Рижский залив.

8 августа немцы ушли, сняв вехи протраленного фарватера в Ирбенском проливе. Докладывая о результатах операции, адмирал Шмидт подчеркнул, что «повторение прорыва будет иметь смысл лишь в том случае, если мы захотим удержать за собой залив. Для этого необходимо, чтобы армия заняла Ригу и Усть-Двинск»... Кайзеру доложили и об уничтожении «Славы», обманувшись сходством с ней силуэта «Сивуча». Однако, 10 августа воздушная разведка обнаружила «Славу», стоящую в Моонзунде без видимых повреждений. Перейдя в конце месяца в

Аренсбург, на линкоре устранили полученные в бою повреждения, и в середине сентября «Слава» вернулась в строй.

Тем временем, русская армия, остановив в июле 1915 года германские войска на рижском направлении, стабилизировала линию фронта, которая проходила от Якобштадта по правому берегу Западной Двины до населенного пункта Икскюль, где она пересекала реку и шла до местечка Олай-Шлок. Затем западнее мыса Рагацем линия фронта выходила на Рижское взморье, образуя на левом берегу Западной Двины перед Ригой значительный плацдарм, вклинившийся в расположение немецких войск. Приморский участок плацдарма удерживал так называемый Шлокский отряд (два спешенных кавалерских полка, одна пешая дружина ополчения и несколько легких артиллерийских батарей).

Отряд постоянно нуждался в артиллерийской поддержке с моря, особенно для отражения атак противника и при собственных наступательных действиях. Все попытки немцев ликвидировать этот плацдарм срывались артиллерийским огнем кораблей. Со второй половины сентября 1915 года германское командование стало широко привлекать самолеты для противодействия кораблям противника, оборудовав гидроаэродром на Ангернском озере. В ответ русские установили на «Славе» и канонерских лодках зенитные орудия, а также включили в состав сил артиллерийской поддержки сухопутных войск учебное судно (гидроавиатранспорт) «Орлица» (3800 т, восемь 75-мм зенитных орудии, два пулемета, четыре гидросамолета.

В начале сентября, подтянув войска и тяжелую артиллерию, германское командование снова начало подготовку к захвату позиции Шлокского отряда. По просьбе штаба 12-й армии на поддержку отряда направили «Славу», «Орлицу», канонерские лодки «Грозящий» и «Храбрый» и семь эсминцев. 12 сентября «Слава» и сопровождающие ее корабли вышли в район боевого развертывания. В 05.20 линкор приготовился к бою, приняв все меры для отражения атак германских самолетов. Для уменьшения поражающего действия осколков авиабомб над палубой «Славы» растянули особую сетку, на которой разложили подвесные койки команды. Снова затопили три бортовых отсека для создания крена на случай стрельбы с увеличенным углом возвышения орудий. Командование флотом рассчитывало вести огонь по неподвижным целям с кораблей, стоящих на якоре. Поэтому со «Славы» спустили паровой катер для завода верпа на случай, если направление ветра стало бы неблагоприятным. В 06.20 пробили боевую тревогу, и «Слава», снявшись с якоря, направилась к

занятому противником берегу в район расположения немецких батарей. Через сорок минут с дистанции тридцать два кабельтовых «Слава» открыла огонь из 6-дюймовых и 75-мм орудий по кордону Лача. Корректировали огонь гидросамолеты «Орлицы», находившейся под берегом. Немцы отвечали редким огнем. В 08.45 «Слава» отдала якорь, чтобы завести верп для введения в бой артиллерии главного калибра. В этот момент по линкору открыла огонь замаскированная батарея. В 09.05 152-мм шрапнельным снарядом, попавшим в боевую рубку «Славы» через визирную прорезь, убило командира корабля капитана 1 ранга С. С. Вяземского и флагманского артиллериста штаба командующего Балтийским флотом капитана 2 ранга В. А. Свиньина, а также четырех матросов. Этим же снарядом были ранены два офицера и восемь матросов, в боевой рубке уничтожены приборы управления огнем левого борта, указатель курса, машинный телеграф, разворочена палуба в походной рубке и перебиты провода указателя положения руля. Второй такой же снаряд, попавший в коечные сетки правого борта, разорвался, убив старшего минного офицера линкора и матроса, и вызвал пожар, который быстро потушили. Третий снаряд смял трап и перебил тали правой кормовой стрелы, четвертый и пятый вновь попали в кормовую стрелу, окончательно ее уничтожив. Шестой снаряд разбил вельбот на правом переднем срезе, но, к счастью, не взорвался. Последний — седьмой по счету — снаряд пробил борт 75-мм каземата.

После гибели капитана 1 ранга С. С. Вяземского в командование «Славой» вступил старший офицер, старший лейтенант В. Н. Марков, который был ранен и контужен, но остался на своем посту. Видя, что противник хорошо пристрелялся, Марков приказал отходить. Управление рулем пришлось перенести в центральный пост, где за штурвал ввиду гибели рулевых встал штурманский офицер «Славы». Кормовые 6-дюймовые башни линкора продолжали вести огонь по противнику вплоть до момента выхода «Славы» из сферы артиллерийского огня немецких береговых батарей. В 10.00 «Славу» атаковали два германских самолета, сбросивших на линкор три бомбы, которые упали за кормой на расстоянии 0,75 кабельтова, не причинив никаких повреждений.

Отбиваясь от аэропланов огнем 47-мм зенитных орудий, «Слава» вышла из пределов досягаемости артиллерии противника и, наскоро устранив полученные повреждения, в 12.40 возобновила обстрел германских позиций артиллерией главного и вспомогательного калибров с дистанции 73-75 кабельтовых, выпустив за время боя в общей сложности четырнадцать 305-мм и

четыреста пятьдесят два 152-мм снаряда. В 13.00, получив с берега сообщение, что атака противника (неприятеля) против Шлокского отряда захлебнулась, а немецкие батареи подавлены, «Слава» и другие корабли отряда, прекратив обстрел, ушли в Моонзунд.

Между тем, немцы продолжали готовиться к генеральному наступлению с целью захвата Риги. В связи с этим, командование Северным фронтом разработало план высадки немногочисленных десантных групп на занятое противником побережье, чтобы вынудить немцев оттянуть часть своих сил с главного направления. Десант решили высадить в восьми километрах южнее крупного населенного пункта Роэн, расположенного в тылу германских войск, действовавших против Шлокского отряда. К обеспечению высадки десанта были привлечены почти все морские силы Рижского залива, в том числе, «Слава», «Орлица», пятнадцать эсминцев, три тральщика и две канонерские лодки. В состав десанта (двадцать два офицера и пятьсот четырнадцать рядовых) входила и пулеметная команда со «Славы». В качестве высадочных средств использовались корабельные шлюпки, буксируемые паровыми катерами «Славы». Для отвлечения противника от места высадки «Слава» должна была обстрелять позиции противника севернее Роэна.

6 октября у Куйваста сосредоточились все корабли, выделенные для поддержки десанта. Высадку назначили на 7 октября, но, из-за плохой погоды, отложили до 9-го. Под прикрытием огня «Славы» и эсминцев десант добился некоторых тактических успехов (уничтожил немецкую роту и взорвал несколько мостов в районе мыса Домеснес) и в 13.00 начал обратную посадку на корабли. В 17.50 корабли ушли в свои базы, у острова Руно остались «Слава», эсминец «Туркменец-Ставропольский» и два тральщика. 10 октября линкор, демонстративно обстреляв Роэн, вернулся на базу. Главной своей задачи десант не достиг, так как немцы усилили оборону побережья, не снимая сил с главного направления. 18 октября после артиллерийской подготовки на приморском участке фронта германские войска перешли в наступление по двум направлениям: на Каммерн и на Одинг вдоль реки Аа (Лиелупе). Первой на помощь сухопутным войскам пришла канонерская лодка «Грозящий», дежурившая в Усть-Двинске. На следующий день к ней присоединились канонерские лодки «Храбрый» и «Гиляк» и пять эсминцев. Несмотря на артиллерийскую поддержку кораблей, слабые русские части не выдержали атаки противника и оставили Каммерн, что резко ухудшило положение приморского участка 12-й армии.

В день начала наступления противника в район боевых действий подошла «Слава», чьи тяжелые снаряды не только помогли русским войскам к исходу седьмого дня остановить врага, но и позволили самим перейти в наступление и восстановить к 28 октября положение на всех участках фронта. Крайне страдая от огня линкора, немцы ничего не смогли ему противопоставить. Однако, командование германским флотом отказывалось предпринимать новый прорыв в Рижский залив, пока армия не возьмет Ригу. Кратчайший же путь к ней вдоль побережья стерегла «Слава», готовая своими 12-дюймовыми орудиями рассеять любое наступление противника. Имя линкора замелькало в сводах германского командования, которое требовало от моряков ее уничтожения. Немецкая армия усилила оборону побережья, развернув там тяжелые орудия, включая 225-мм железнодорожную батарею. Крупные силы германского флота были стянуты к Ирбенскому проливу к началу ледостава в надежде перехватить и уничтожить «Славу», если та попытается уйти на зиму в Гельсингфорс для ремонта. Единственный русский линкор, активно участвовавший в боях, воспевался русской прессой. Похороны капитана 1 ранга С. С. Вяземского вылились в манифестацию «славянской решимости покончить с тевтонским варварством». Экипаж «Славы», польщенный вниманием общественности, объявил себя «личным врагом кайзера». В ответ германский Император попросил командование своего флота в виде личного одолжения уничтожить «это старое корыто». Однако, сделать это было не так легко...

28 апреля 1916 года «Слава» начала кампанию. (Зимой на случай немецкого наступления «Славе» были приданы прибывшие из Ревеля ледоколы «Геркулес», «Владимир» и «Либавский №2», на которые возлагалась задача поддерживать сообщение между «Славой», стоявшей у Вердера, и базой Рогокюль. Однако, зимой 1915-1916 годов образование льда в Моонзунде и Рижском заливе было настолько сильным, что ледоколы, получив серьезные повреждения, в январе возвратились в Ревель.

С учетом опыта 1915 года задачи артиллерийской поддержки фланга 12-й армии предполагалось решать более организованно, в тесном содействии с сухопутными войсками, для чего при штабе командующего 12-й армии была создана морская группа. Морские силы Рижского залива организационно были разбиты на несколько тактических групп, за каждой из которых были закреплены определенные квадраты. При необходимости в состав групп включался линкор «Слава» и его верный боевой спутник — гидроавиатранспорт «Орлица», самолеты с которого должны были прикрывать корабли на огневых позициях с воздуха, а также вести

тактическую разведку.

В начале июня «Слава» и другие корабли провели первые стрельбы по берегу с целью проверки схемы связи и организации, а затем приступили к систематической артиллерийской поддержке фланга сухопутных войск.

В конце июня командование 12-й армии узнало о сосредоточении противником сил на приморском участке фронта. Чтобы сорвать готовящееся наступление немцев, русское командование решило нанести по ним удар войсками и крупными силами флота. Для выполнения этой задачи командованием флота были выделены: линейный корабль «Слава», канлодки «Грозящий» и «Храбрый», эсминцы «Сибирский стрелок», «Гайдамак», «Уссуриец», «Всадник», «Амурец», «Стерегущий», «Войсковой», «Донской казак» и гидроавиатранспорт «Орлица».

2 июля 1916 года в 10.30 корабли, разбитые па три группы, заняли назначенные им огневые позиции. «Слава» стала напротив пункта Шмарден и в 11.30 открыла огонь по расположению тяжелых (8" и 9") батарей противника. Ответным огнем немецких батарей «Слава» получил попадание 8" снарядом в поясную броню, не причинившее повреждений, В 13.10 линейный корабль «Слава» был атакован двумя гидросамолетами «Орлицы». При этом пилот с «Орлицы» лейтенант Петров сбил один из атакующих самолетов.

Обстрел немецких позиций русскими кораблями продолжался 2-4 июля. В первый день огонь кораблей корректировался флагманским артиллеристом с привязанного аэростата, но из-за воздушной опасности от этого способа пришлось отказаться. В дальнейшем огонь кораблей корректировался береговыми постами. Немцы оказали упорное сопротивление, переходя в контратаки на позиции 12-й армии, ведя яростный артиллерийский огонь по кораблям и атакуя их с воздуха. В районе огневых позиций кораблей непрерывно барражировали самолеты с «Орлицы». 4 июля линейный корабль «Слава» с миноносцами «Сибирский стрелок» и «Охотник», перейдя от Каугерна к Рагоцему, начал систематический обстрел артиллерией главного и вспомогательного калибров Клапкальнцемских батарей противника, вызвав ряд пожаров и добившись взрыва боезапаса одной из батарей. Около полудня «Слава» была атакована четырьмя немецкими гидросамолетами, которые были встречены четырьмя гидросамолетами с «Орлицы». В результате воздушного боя один немецкий самолет был сбит лейтенантом Петровым и упал в воду у Рагоцема, причем, летчик и механик были взяты в плен. Второй самолет был сбит в

расположении противника, остальные два, уклонившись от боя, повернули обратно.

6 июля 1916 года Ставка приняла решение провести более крупную наступательную операцию против северного фланга противника, имевшую целью заставить немцев отойти от Западной Двины, а затем очистить от немецких войск всю Курляндию. Командующий Северным фронтом генерал Куропаткин (тот самый) решил нанести главный удар от Риги на Бауск. 7 июля он передал командующему Балтийским флотом рекомендацию Ставки высадить в районе Демеснеса десант для отвлечения сил противника с направления наступления 12-й армии. Однако, командующий фронтом, не ожидая окончания подготовки десантной операции, начал 16 июля наступление силами 12-й армии. Флоту было приказано поддержать наступление на приморском участке, где действия развернулись за сутки до начала атаки на главном направлении. У Рижского взморья сосредоточились: линейный корабль «Слава», две канлодки, восемь эсминцев и гидроавиатранспорт «Орлица». 15 июля в восемь часов «Слава» и другие корабли заняли места по диспозиции и одновременно с началом артиллерийской подготовки армии открыли огонь по заранее определенным квадратам в пунктах Одинг, Шмарден и Клапкальнцем. Артиллерийская поддержка кораблей продолжалась до 17 июля, однако, несмотря на это, сухопутные войска не смогли прорвать оборону противника на приморском участке.

Под влиянием провала июльского наступления, хотя силы Северного фронта превосходили противника, да еще действовали, взаимодействуя на фланге с флотом, Ставка вернулась к мысли о десантной операции. Вместо отвлечения сил противника, десанту ставилась задача нанести главный удар совместно с войсками 12-й армии. Состав десантных сил был определен в тридцать один батальон пехоты, двенадцать эскадронов конницы, роту саперов, семьдесят два артиллерийских орудия и сто сорок два пулемета. Это была по замыслу грандиознейшая десантная операция, какую когда-либо приходилось осуществлять Русскому Флоту, да, пожалуй, и флоту советскому. Неизвестно, чем бы она кончилась, если бы её не отменили. Но, к счастью, ее отменили из-за изменения обстановки на Юго-Западном фронте, и, по-видимому, из-за явной невозможности ее осуществления. Кроме того, немцы, получив сведения о подготовке к операции, приступили к подготовке нового прорыва в Рижский залив. Немецкий флот, правда, еще не совсем очухался от грандиозного по масштабам Ютландского боя с Грандфлитом, но мог начать прорыв в любой момент, а остановить его, как показал опыт 1915 года, было не по

силам Русскому Флоту.

Подготовка к десанту явно показала, что одной «Славы» для обеспечения этой операции недостаточно, и командование Балтийским флотом, наконец, приняло решение усилить морские силы Рижского залива. Моонзундский канал был углублен до девяти метров и по нему в Рижский залив были введены линейный корабль «Цесаревич», крейсеры «Аврора», «Диана», «Баян» и «Адмирал Макаров». Отмена десантной операции ознаменовала собой период относительного затишья. Немецкий флот приводил себя в порядок после Ютландского боя с англичанами. Русский Флот, особенно, силы Рижского залива, отчаянно нуждались в ремонте. 22 октября 1916 года «Слава» через Моонзундский канал ушла в Гельсингфорс для ремонта, в ходе которого на линкоре была установлены новая артиллерия главного калибра с дальностью огня 115 кабельтовых.

Февральская революция, ознаменовавшаяся массовым убийством морских офицеров в Гельсингфорсе и Кронштадте, к счастью, не коснулась «Славы» именно этой своей стороной. Экипаж «Славы» был крепко спаян двумя годами непрерывных боев. Однако, другие аспекты политических перемен в стране не могли обойти корабль. Россия шла к военно-экономическому развалу, не выдержав напряжения трех лет войны. В подобных условиях те невероятные политические свободы, которые предоставило Временное правительство народу, никогда не видевшему и сотой доли этих свобод, могли только приблизить этот развал и привести страну к полной анархии. Это отлично видели и те, кто мечтал о правой диктатуре, и те, кто мечтал о левой. Видел это и противник. Законы управления большими массами людей в условиях хозяйственной разрухи неумолимы. Падала боеспособность и дисциплина. Задерганные и напуганные офицеры терроризировались по любому поводу: их разжаловали в кочегары, оскорбляли, били и просто линчевали. Экипаж «Славы» разделился на сочувствующих всем политическим партиям.

В марте 1917 года на линкоре было пятьдесят два большевика, в июне — семьдесят три, а в сентябре — сто сорок три человека. На «Славе» находился и командующий морскими силами Рижского залива вице-адмирал Бахирев и Комитет морских сил Рижского залива, в задачу которого входили: контроль над действием командования и борьба со шпионажем, провокациями и контрреволюцией. Председателем судового комитета «Славы» стал матрос Николай Зуев, комиссаром при Бахиреве — матрос Либерт. О том, в каких условиях приходилось работать адмиралу Бахиреву, говорит такой эпизод: командующий выразил неудовольствие эсминцу «Победитель» за

то, что тот, пройдя полным ходом мимо «Славы», раскачал адмиральский корабль. В ответ на замечание «Победитель» известил весь флот сигналом, что «командующий страдает от качки». Адмирал Бахирев после подобного издевательства подал в отставку. Отставка принята не была. Талантливому и доблестному адмиралу Бахиреву пришлось еще руководить Моонзундским боем, увести из-под носа немцев все корабли из Моонзунда, участвовать в Ледовом походе и быть расстрелянным в 1919 году, в качестве заложника в рамках кампании «Красного террора»...

Развал вооруженных сил, не выдержавших военного напряжения, — последствие любой революции. Немцы, чья агентура инспирировала большую часть потрясений на флоте и в армии, могли теперь пожинать плоды, тем более, что после разгрома штаба Балтийского флота на штабном судне «Кречет», где матросами были убиты командующий флотом адмирал Непенин и ряд флагманских специалистов, немецким агентам удалось похитить секретные кальки минных заграждений, в том числе и Рижского залива. Пока на русских кораблях проводили митинги, ругали правительство и били офицеров, принимая по несколько резолюций в день по любому поводу, противник готовил новое наступление, целью которого был захват Риги и Рижского залива, включая все острова Моонзундского архипелага, обход с фланга центральной минной позиции, прорыв в Финский залив и вытеснение русских войск из Прибалтики с подготовкой последующего наступления на Петроград.

1 сентября 1917 года немецкие войска начали наступление и 6 сентября взяли Ригу, отбросив русскую армию к Ведену. 28 сентября 1917 года немцы начали высадку десанта на остров Эзель и остров Даго, их флот стал прорываться через Соэлозундский пролив и через Ирбен. Дезорганизация системы обороны и общий развал вооруженных сил быстро дали о себе знать. Героизм отдельных частей и кораблей не мог ничего компенсировать. Всего за неделю немцы достигли всех поставленных задач, кроме уничтожения морских сил Рижского залива, ускользнувших через Моонзундский канал...

Линейный корабль «Слава» включился в сражение 2 октября, подойдя к Касарскому плесу для обстрела Малого Зунда, куда уже прорвались немецкие эсминцы. Как и в былые времена, линкор создал искусственный крен, чтобы увеличить дальность огня. На позицию у плеса был поставлен также крейсер «Адмирал Макаров». Огонь «Славы» корректировался по радио и ему удалось повредить один немецкий эсминец. Остальные, закрывшись дымзавесами, отошли на запад. Однако, к этому

времени противник, уничтожив и захватив 12" батарею на острове Сворбе, прорвался через Ирбенский пролив и ввел в Рижский залив 3-ю эскадру линейных кораблей в составе линейных кораблей «Кениг» и «Кронпринц», двух крейсеров «Кольберг» и «Страсбург», флотилии искателей мин и дивизиона тральщиков. Их задачей было завершить операцию ударом по русским кораблям в Моонзунде.

4 октября в 08.00 русские дозорные эсминцы обнаружили приближающиеся силы противника. Адмирал Бахирев приказал линейным кораблям «Слава» и «Гражданин», стоявшим у острова Шильдау, перейти на рейд Куйваста, а остальным кораблям отойти к северу. К 09.00 «Слава» и «Гражданин» (б. «Цесаревич») перешли на рейд Куйваста, после чего адмирал Бахирев перенес свой флаг на крейсер «Баян». К этому времени уже был ясен состав сил приближающегося противника и его строй. Приближался решающий этап боя двух старых русских почти неразлучных додредноутов «Слава» и «Гражданин-Цесаревич» с двумя немецкими дредноутами. В 09.50 по тральщикам и эсминцам противника открыла огонь русская береговая батарея на острове Моон, однако, вскоре она была подавлена. «Слава», превосходя в дальности огня прочие корабли, находилась севернее «Гражданина» и «Баяна».

В 10.05 немецкие линкоры открыли огонь с дистанции сто тридцать кабельтовых. Почти одновременно «Гражданин» открыл огонь из орудий главного калибра по приближающимся тральщикам противника. Вскоре по немецким тральщикам с предельной дистанции 112,5 кабельтова открыла огонь и «Слава». Третьим залпом «Слава» накрыла тральщики, и они отошли к югу, прикрываясь дымзавесой. В одиннадцать часов, когда рассеялась дымзавеса, «Слава» снова открыла огонь по тральщикам, которые снова отвернули, закрывшись дымзавесой. «Слава» перенесла огонь на немецкие линкоры, но те держались на очень большой дистанции и огонь вскоре пришлось прекратить. В этот момент у мыса Патерностер появились немецкие эсминцы, и «Слава» перенесла огонь на них, накрыв их залпом и заставив отойти.

При этом на «Славе» на пятом залпе вышла из строя носовая башня главного калибра, у которой из-за образовавшегося провисания рамы, перекоса вала и сдавшей двойной броневой шестеренки, невозможно было закрыть замок правого орудия. Предполагая, что повреждение произошло от чрезмерного расширения обтюрирующей подушки, экипаж башни начал ее заменять, но, несмотря на это, замок закрыть не удалось, и башня продолжала бездействовать. (По мнению старшего артиллериста «Славы», это повреждение произошло из-за плохого качества

металла и небрежного выполнения заводом ремонтных работ осенью 1916 года). Таким образом, для борьбы с двадцатью 12" орудиями двух немецких линкоров оставалось два орудия того же калибра кормовой башни «Славы» и недальнобойные орудия «Гражданина». Однако, «Слава» продолжала вести огонь, и один ее залп накрыл линкор «Кениг», упав у него за кормой.

> «Русские линейные корабли, — пишет немецкий историк Моонзундского боя, — перенесли свой огонь на 3-ю эскадру и очень быстро к ней пристрелялись. Они держались очень умело на границе дальности огня нашей тяжелой корабельной артиллерии (20,4 км). Положение эскадры было крайне неудачным, она не могла уклониться от его огня».

В 11.10 главные силы противника, отойдя к югу, начали обходить русские минные заграждения, оставляя их к западу. Около 12.00, повернув на север, они резко увеличили ход. Обнаружив маневр противника, русские линкоры также повернули на юг. В 12.04 «Гражданин» и «Слава» снова открыли огонь по героическим немецким тральщикам, действующим в течение почти трех часов светлого времени суток под огнем линкоров. Между тем, линейные корабли противника, продолжая большим ходом двигаться на север, быстро сократили невыгодную для них дистанцию и в 12.13 с острых курсовых углов левого борта открыли огонь по русским линкорам. По мере приближения немецких линкоров, «Слава» привела их на курсовой угол 135 50 О (из-за невозможности вести огонь из носовой башни) и открыла по ним огонь из кормовой башни главного калибра. Однако, призовые комендоры флота открытого моря, испытанные Ютландом, быстро пристрелялись по «Славе», взяв ее в 12.20 в вилку, не превышающую 1 кабельтова.

В 12.25 «Слава», увеличившая скорость, чтобы выйти из полосы накрытий, уклонилась вправо, и в 12.35 получила одновременное попадание сразу трех 12" снарядов, от которых произошло сильное сотрясение корабля. Создалось впечатление, что корабль мгновенно приподняли и опустили. Два первых снаряда попали в носовую часть «Славы», причем, один из них — против машинного отделения левого борта. Все три попадания были подводные — ниже главного броневого пояса. Один снаряд пробил борт в районе 25-го шпангоута, на 3-3,5 метров ниже ватерлинии, в помещение носовых боевых динамомашин и, разорвавшись, образовал подводную пробоину диаметром 1,65 м и площадью 2,6 кв. м. Кроме того, этот снаряд произвел разрушения во внутренней переборке бортового коридора.

Электричество во всей носовой части корабля погасло, а матросы, находившиеся у динамомашин, едва успели выбежать из помещения, в панике забыв (!) задраить за собой горловину.

Вода быстро затопила всё помещение и дошла до батарейной палубы. Для предотвращения дальнейшего распространения воды, люк экстренного выхода немедленно задраили и поставили на него подпоры. В темноте не успели задраить двери, ведущие из подбашенного отделения в носовой погреб главного калибра и его также затопило. В итоге от этого снаряда «Слава» приняла восемьсот сорок тонн воды. Вторым снарядом была нанесена подводная пробоина, затопившая носовое отделение мокрой провизии и шкиперскую, что составило еще двести восемьдесят семь тонн воды.

Третий снаряд попал в подводную часть 195-мм броневого пояса против левой машины. Броню пробить не удалось, он только повредил ее. В машинном отделении появилась небольшая течь, а в трюме — фичирация воды, с которой справлялись одними осушительными средствами. Трансформаторы и электрические приборы перестали действовать. Аккумуляторная станция оказалась поврежденной. Переговорные трубы были перебиты и управление огнем кормовой 12" башни стало вестись по плутонгам. Газы от разрывов снарядов попали по кочегарной шахте в носовую кочегарку, но кочегары остались на боевых постах. По всем нижним помещениям линкора распространился едкий дым, что привело к панике. Часть личного состава, бросив боевые посты, выскочила наверх, но затем, надев противогазы, вернулась на боевые посты.

Бой продолжался. Немцы вели прицельный огонь на поражение. Им отвечала кормовая башня «Славы», которой командовал лейтенант Иванов. В 12.39 почти одновременно в надводную часть борта «Славы» попали еще два 12" бронебойных снаряда противника. Один из них пробил 152-мм броню, разорвался на церковной палубе, произведя на ней сильные разрушения, уничтожив рундуки, пожарную магистраль, трап, соединяющий палубы, погреба артиллерии малого калибра и кочегарную шахту. На палубе возник пожар — горели командные шкафчики и рундуки. Пятый снаряд пробил 152-мм броню в районе батарейной палубы, разрушил переборку бортового коридора и силой взрыва прогнул переборку угольной ямы. Этим же снарядом был уничтожен перевязочный пункт. От разрывов снарядов пламя, дым и газы попали через трубу аварийного выхода в помещение центрального поста с такой силой, что два офицера и матросы, находящиеся в центральном посту, были сбиты с ног и контужены. Борьбу с пожарами пришлось вести в

очень тяжелых условиях закрытых помещений, заполненных едким дымом от горения пакли и ветоши и газами. Тем не менее, благодаря самоотверженной работе пожарного дивизиона, возглавляемого старшим офицером линкора капитаном 2 ранга Галлером,[10] пожары были потушены в течение десяти-пятнадцати минут. После попадания двух последних снарядов возник пожар в подбашенном отделении левой носовой 6" башни. Горели маты и бушлаты, принадлежавшие комендорам. Все подбашенное отделение наполнилось дымом. Пожар начали тушить три матроса, пытаясь сообщить в башню о случившемся, но никто не отвечал, так как переговорная труба оказалась перебитой. Опасаясь распространения огня, матросы по собственной инициативе затопили погреб башни водой.

В результате полученных попаданий «Слава» приняла в носовую часть 1127 тонн воды, получив крен 4-5°, достигший через десять минут 8°, а также дифферент на нос. От возникшего крена стало трудно управлять артиллерийским огнем. Командир «Славы» капитан 1 ранга. Антонов приказал выровнять крен затоплением симметричных отсеков правого борта. Вскоре крен уменьшился до 4°, но от принятой воды «Слава» села носом еще на 1,5 метра, что уже делало сомнительным проход линкора по мелководному Моонзундскому фарватеру.

Между тем, через сальники и ненадежные переборки старого корабля продолжалось распространение воды. Когда крен «Славы» дошел до 5°, вода стала затоплять кормовую кочегарку, поднявшись до уровня топочных дверец двух котлов, которые пришлось немедленно вывести из действия и удалять воду с помощью двух турбин. Воду, поступающую в левое машинное отделение, пытались откачивать насосом и турбиной, но их работа оказалась недостаточно эффективной, и положение становилось угрожающим, поскольку работающая машина мотылями погружалась в воду, разбрызгивая ее и создавая фонтаны, затрудняя управление главными механизмами. Фонари масляного освещения, зажженные на случай повреждения электричества, заливались водяными брызгами. По мере проникновения воды через пробоины и другие кочегарные отделения, котлы приходилось выводить из действия, давление пара постепенно падало, и машины не могли давать требуемого числа оборотов. Среди машинистов началась паника.

Опасаясь гибели корабля, несколько машинистов самовольно бросились наверх. Думая, что на это последовало официальное распоряжение, весь личный состав машинных отделений бросил свои боевые посты и направился на верхнюю палубу выяснять обстановку. В этот момент боевая обстановка потребовала

изменения хода «Славы». Командир корабля передал это приказание по машинному телеграфу, но выполнить его было некому, так как машинное отделение было покинуто (Революционная дисциплина!). Случайно оказавшийся вблизи машинного отделения минный инженер-механик, услышав звонки телеграфа, заглянул в машинное отделение и увидел только одного унтер-офицера у правой машины. Из-за полного отсутствия личного состава у левой машины, инженер-механику пришлось самому встать на ее управление. При этом, корабль мог идти только малым ходом (тридцать четыре оборота).

Бой продолжался. Попадания получили «Гражданин» и «Баян», на котором вспыхнул пожар. Видя бессмысленность дальнейшего продолжения боя, адмирал Бахирев в 12.40 приказал начать отход на север по Моонзундскому проливу. Хотя немцы довольно быстро подавили русскую береговую батарею на острове Моон, им не удалось сразу пройти в северную часть Моонзунда, из-за большой минной опасности. Немецкие линейные корабли продолжали вести огонь по отходящим русским линкорам, стреляя пятиорудийными залпами с дистанции от 110 до 125 кабельтовых. В районе острова Шильдау «Слава» и «Гражданин» были атакованы шестью немецкими бомбардировщиками, сбросившими до сорока бомб, но не достигшими попаданий. Два самолета при этом были сбиты. В 12.50, когда дистанция достигла 128-130 кабельтовых, линейные корабли противника прекратили огонь.

Между тем, крен и дифферент «Славы» продолжали увеличиваться. Капитан 1 ранга Антонов, опасаясь потери остойчивости и увеличения крена, приказал рулевому перекладывать руль постепенно, с большой осторожностью. Командиру «Славы» уже было ясно, что мелководный фарватер Моонзунда уже стал непроходимым для линкора. Верный страж Рижского залива, «Слава», не хотела покидать свой боевой пост, желая на нем умереть. У каждого корабля своя душа и свои склонности…

Понимая, что «Славе» не уйти из Моонзунда, капитан 1 ранга Антонов попросил разрешения взорвать корабль, опасаясь, что в противном случае линкор может попасть в руки противника. Адмирал Бахирев приказал командиру «Славы», пропустив вперед «Баяна» и «Гражданина», затопить корабль при входе в Моонзундский канал, предварительно взорвав погреба. Однако, при входе в канал «Слава», чтобы не столкнуться с «Гражданином», отвернула вправо и, продолжая катиться вправо, врезалась форштевнем в грунт в стороне от фарватера.

В 13.02 у борта «Славы» ошвартовались миноносцы

«Сильный», «Войсковой», «Донской казак», буксир «Москито» и тральщик, чтобы снять экипаж линкора. В 13.20 последовал приказ командира «Славы» подготовить фитили подрывных патронов в трех погребах. (Общий вес сто семьдесят три килограмма пироксилина).

К 13.42 на «Славе» остались только командир корабля, пять офицеров и двадцать пять матросов, главным образом, из расчета зенитных орудий — над умирающим линкором постоянно кружились немецкие самолеты.

Обойдя все палубы и убедившись, что корабль покинут, капитан 1 ранга Антонов приказал зажечь фитили подрывных зарядов и всем оставшимся на борту перейти на миноносец. В 13.58 на «Славе» произошел взрыв чрезвычайной силы. Вверх, на высоту мачт, взметнулись языки пламени, дыма и раскаленного газа. Для верности эсминец «Туркменец-Ставропольский» в упор выпустил в «Славу» торпеду. После взрыва торпеды на корабле вспыхнул сильный пожар, раздалось еще несколько взрывов. Корабль с сильным креном на правый борт опустился на грунт, имея всю верхнюю палубу и надстройки над водой. Вся кормовая часть линкора была разрушена и представляла собой отделившиеся развалины. «Слава», сотрясаемая внутренними взрывами, горела еще сутки. Долго над местом гибели линкора висело облако дыма. Корпус «Славы» еще долгие годы находился в проливе и был окончательно разобран лишь в 1956 году.

Корабль находился в строю двенадцать лет.

Зачислен в списки флота 4 мая 1901 года. Исключен из списков — ?

Линейный корабль «Слава» числился в 5-м Флотском Его Императорского Высочества Гене-рал-Адмирала Алексея Александровича Экипаже.

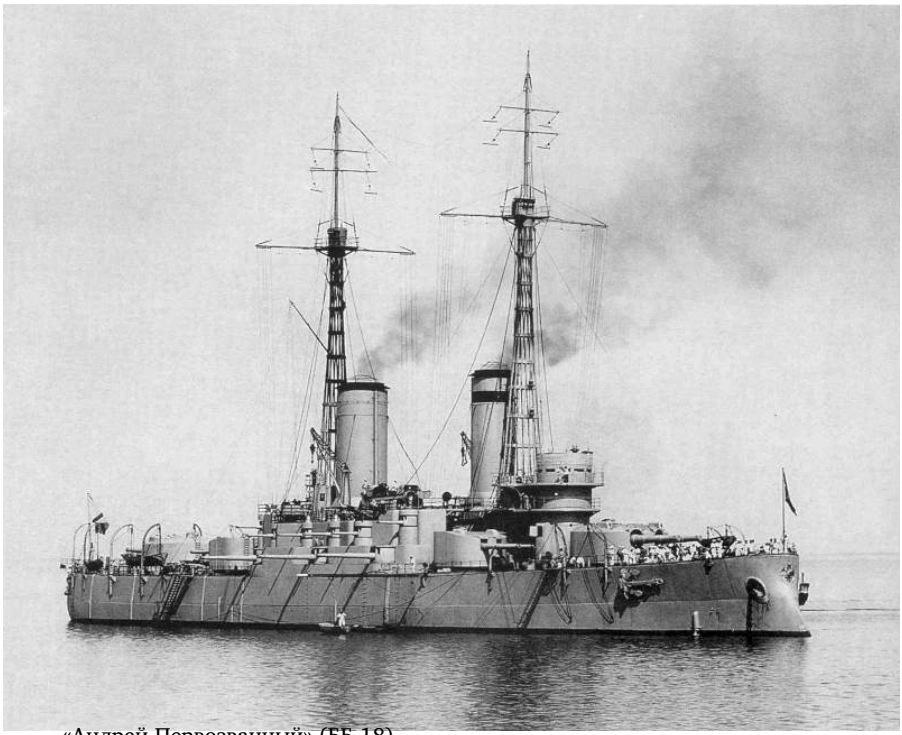
Командиры линейного корабля «Слава» 1905-1917

1905-1906 гг.- капитан 1 ранга Князев
1906-1907 гг.- капитан 1 ранга Русин,
1907-1908 гг. - капитан 1 ранга Кедров.
1908-1910 гг. - капитан 1 ранга Баженов
1910-1913 гг.- капитан 1 ранга Коломейцев
1913-1914 гг. — капитан 1 ранга Рихтер
1914-1915 гг. — капитан 1 ранга Вяземский
1915 г. — ст. лейтенант Марков (до 12 ноября).
1916 1915-1916 гг. — капитан 1 ранга Ковалевский.
1917 — март 1917 гг. — капитан 1 ранга Плен.
1918 г. — 1919 капитан 1 ранга Антонов.

Русские адмиралы, державшие свой флаг на «Славе»
1906-1907 гг. — контр-адмирал Эбергард.
1908-1910 гг. — контр-адмирал Литвинов.
1911 -1912 гг. — контр-адмирал Эссен.
1912-1914 гг. — контр-адмирал Фрезен.
1914-1915 гг. — контр-адмиралы Максимов и Трухачев.
1916 г. — контр-адмирал Старк.
1917 г.—контр-адмирал Бахирев.

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Андрей Первозванный — первый ученик Иисуса Христа, апостол и святой христианской религии. Распят римлянами на косом кресте в форме буквы Х. Считался патроном Русского флота с легкой руки Петра I, учредившего в 1699 году военно-морской Андреевский флаг и орден Андрея Первозванного в качестве высшей награды.



«Андрей Первозванный» (ББ-18)

Водоизмещение: 17 400 т.

Главные размерения: 140,2х24,4х8,2 м.

Скорость максимальная: 18 узлов.

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях, четырнадцать 8-дюймовых (203-мм) орудий (восемь орудий в четырех двухорудийных башнях и шесть — в казематах), двенадцать 120-мм и четыре 75-мм орудия, две десантных пушки, восемь пулеметов, три подводных ТА.

Мощность механизмов: 17 600 л.с.

Бронирование: Борта — 79-216 мм.

Казематы — 79-152 мм.
Башни —127-203 мм.
Палуба — 39-60 мм.
Боевая рубка — 152-203 мм.
Экипаж (штатный): 31 офицер, 926 матросов.
Тип: «Император Павел I».

Эскадренный броненосец «Андрей Первозванный» был заложен 11 мая 1903 года на стапеле Галерного острова Санкт-Петербургского порта в качестве второго корабля типа «Император Павел I». Строительство корабля велось в рамках программы 1903 года. Руководил постройкой корабельный инженер Афанасьев В. Я. Разработка проекта кораблей этого типа представляла из себя дальнейшее развитие броненосцев типа «Бородино» с большим водоизмещением и с заменой 6" вспомогательного калибра на 8", а 75-мм орудий — на 120-мм.

Работы на стапеле, где был заложен «Андрей Первозванный», начались в марте 1904 года, но вскоре были приостановлены, поскольку опыт русско-японской войны продемонстрировал необходимость коренных изменений в проекте корабля.

Этих изменений было разработано семнадцать вариантов. Полностью была изменена система бронирования, которое было продлено на носовую оконечность, верхнюю палубу, верхний каземат и его крышу, а также усилено бронирование нижнего каземата, а верхний броневой пояс выполнен сплошным по всей длине корабля.

Масса брони на «Андрее Первозванном» достигала 35% водоизмещения.

Был увеличен запас боевой плавучести и остойчивости, каземат со 120-мм орудиями поднят на верхнюю палубу, с учетом опыта войны улучшены все системы корабля.

Защита всех жизненно важных частей обеспечивалась двумя броневыми стенками, первая из которых вызывала разрыв снаряда, а вторая задерживала осколки. Улучшение непотопляемости удалось благодаря отнесению от бортов на 2,5 метра продольных переборок, расположенных под нижней броневой палубой, автоматического уменьшения крена при затоплении одного из машинных отделений, что обеспечивалось специально оборудованными междудонными отсеками.

Громоздкие якоря Холла без штоков заменили еще более громоздкие якоря со штоками, что положило начало применению на русских линейных кораблях бортовых клюзов для втягивания якорей. Однако, несмотря на это, трудоемкая и опасная работа укладывания якорей по-походному все еще применялась.

Особый внешний вид кораблю придавали высокие трубчатые мачты американского образца, увенчанные тяжелыми марсами, где планировалось установить систему центральной наводки орудий главного калибра. Подобная конструкция, по мнению американцев, должна была значительно увеличить прочность мачт, а следовательно, и живучесть системы центральной наводки. Эти изменения, а также, забастовки и беспорядки на заводах в 1905 году привели к тому, что работы по постройке корабля шли крайне медленным темпом, порой прекращаясь полностью. Лишь к осени 1906 года ход работ удалось вывести в нормальное русло.

Эскадренный броненосец «Андрей Первозванный» был спущен на воду 20 октября 1906 года пробыв на стапеле рекордный срок в 3,5 года, но все-таки, на год меньше головного корабля этого типа «Император Павел I».

Началась не менее продолжительная эпопея по достройке корабля. 10 октября 1907 года эскадренный броненосец «Андрей Первозванный» был переклассифицирован в линейный корабль. (В том же году англичане, введя в строй линейный корабль «Дредноут», совершили революцию в военном кораблестроении, сделав достройку «Андрей Первозванного» и «Павла I» бессмысленной, поскольку уже было совершенно ясно, что по окончании постройки эти корабли будут несколько превосходить по бронированию и вооружению английские броненосцы типа «Кинг Эдвард VII» постройки 1904 года и несколько уступать броненосцам типа «Лорд Нельсон» — последним английским додредноутам, введенным в строй на четыре года раньше «Андрея Первозванного». Но отступать было поздно. Разобрать корабли после четырехлетнего периода строительства, конца которому еще, правда, не было видно, никто не мог решиться).

Достройка «Андрея Первозванного» продолжалась. Ижорский завод поставлял броню, Обуховский — артиллерию, Франко Руи — машины, заграница — приборы и оборудование. В 1907 году в Морском министерстве подняли вопрос о выделении кораблестроительной части Санкт-Петербургского порта в самостоятельный судостроительный завод по образцу Балтийского. 5 января 1908 года по Высочайшему повелению, объявленному приказом по Морскому министерству, судостроительные верфи Нового Адмиралтейства и Галерного островка выделялись из состава порта, объединяясь под общим названием «Адмиралтейский судостроительный завод». В этот момент линкор «Андрей Первозванный» находился в состоянии готовности лишь на 69,06%, будучи в постройке уже пять лет. Лишь в 1910 году линейный корабль «Андрей Первозванный»,

перезимовав в Кронштадте, начал всесторонние испытания артиллерии, машин и прочих систем.

Испытания выявили недостатки всех систем корабля. Прогибалась палуба при бортовом залпе, садился пар — линкор не мог достигнуть проектной скорости, не удавалась наладка центральной наводки. Пролетел 1911 год, прошедший в испытаниях и переделках. Лишь 12 апреля 1912 года линейный корабль «Андрей Первозванный» был освящен и введен в строй, пробыв девять лет в стадии постройки и сдаточных испытаний. Сметная стоимость постройки «Андрея Первозванного» — 20 177 226 рублей (механизмы, изготовленные Франко-Русским заводом, — 3 560 000 рублей). Таким образом, общая сметная стоимость постройки линкора составила 23 737 206 рублей.

Еще до спуска командиром «Андрея Первозванного» был назначен капитан 1 ранга Руднев, шумно прославившийся как командир скандально-знаменитого крейсера «Варяг». Однако, герой Чемульпо, видимо, еще не совсем пришедший в себя от той славы, что обрушилась на него после гибели «Варяга», не смог организовать дисциплины и хода работ на «Андрее Первозванном» в тяжелом 1906 году, когда народ по традиции требовал у правительства отчета за проигранную войну, и был снят с должности. Достройкой и испытаниями линкора руководил капитан 1 ранга Шванк. После ввода «Андрея Первозванного» в строй командование линкором принял капитан 1 ранга Зеленой А. П.

Весь 1912 год на «Андрее Первозванном», несмотря на то, что он уже считался введенным в строй, продолжались испытания, сдаточные работы и различные переделки. Неожиданно выяснилось, что на линкоре никуда не годная система вентиляции, и санитарная служба флота потребовала ее замены. Менялось сетевое заграждение, устанавливались дополнительные броневые щиты для защиты от осколков компрессоров 12" и 6" орудий, укреплялись мамеринцы башен, улучшалась системы водоснабжения. Вместе с тем, на линкоре заканчивался начатый еще в 1911 году монтаж новой системы управления артиллерийским огнем, так называемой «совмещенной стрелки», предусматривающей управление огнем из боевого центрального поста с передачей туда приказов по переговорным трубам.

Зачисленный в состав бригады линейных кораблей «Андрей Первозванный» включился в боевую подготовку Балтийского флота в тот момент, когда все прочие оперативные помыслы были подчинены желанию остановить в случае войны прорыв немецкого флота в Финский залив на так называемой центральной минно-артиллерийской позиции. Все лето прошло в

учениях на Балтике, а в начале сентября «Андрей Первозванный» в составе бригады линейных кораблей вместе с бригадой крейсеров и минными заградителями «Амур» и «Енисей» совершил поход в Копенгаген.

Зиму 1912-1913 гг. линкор провел в Гельсингфорсе. Зимой на корабле установили новые приборы для продувания каналов орудий главного калибра после выстрела, а также цилиндры из термоткани для прогревания орудий перед стрельбой в сильные морозы. Кроме того, практика показала, что в 8" башенных орудиях линкора заряжание вручную производится с большим успехом, нежели механическое. Система заряжания была переделана соответствующим образом, а высвободившиеся электромоторы было решено использовать для независимой подачи боезапаса в случае порчи зарядников.

Кампания 1913 года началась беличьим колесом смотров и парадов по случаю трехсотлетия дома Романовых, закладки порта Императора Петра Великого, различных визитов и церемоний. Вместе с тем, под руководством неутомимого и талантливого адмирала Эссена продолжала выполняться программа боевой подготовки флота. «Андрей Первозванный», которому-то и в Финском заливе было тесно, учился ходить без лоцмана шхерами, маневрировать в узостях, а главное — учился стрелять. Невероятно меткий артиллерийский огонь японцев в Цусимском сражении стал образцом и пределом мечтаний русских моряков.

4 июня 1913 года линейные корабли «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» вели огонь по щиту, буксируемому линкором «Слава». Результаты стрельб линкоров, произведенных в присутствии царя, были средними — переходящий приз достался крейсеру «Баян». После окончания летней программы боевой подготовки «Андрей Первозванный» в составе бригад линкоров и крейсеров вместе с четырьмя эскадренными миноносцами и транспортом «Рига» совершил поход в Англию, Францию и Норвегию. Намеченный заход в один из немецких портов был отменен — напряженная международная обстановка уже явно обозначала большую европейскую войну где-то в недалеком будущем.

Перезимовав, как обычно, в Гельсингфорсе, «Андрей Первозванный» включился в кампанию 1914 года. 9 июня бригада русских линкоров, ведомая крейсером «Рюрик», встретила в море идущую с дружеским визитом в Петербург эскадру адмирала Битти. Великобритания давала гарантию, что не бросит Россию в случае войны с Германией. Снова торжества, смотры, салюты, банкеты, клятвы и обещания... Шумно кончалась целая эра в истории человечества в надвигающемся зареве мировой бойни,

коренным образом изменившей мир. А на Балтике продолжал нести службу «Андрей Первозванный» — последний русский додредноут, устаревший еще до ввода в строй, страшный в своей бессмысленности, с явными признаками вырождения в своем внешнем облике. В нем было что-то мистическое — ведь корабль родился на свет тогда, когда его класс умер. Подобно ожившему бронтозавру, «Андрей Первозванный» продолжал бороздить свинцовые воды Балтики со своим однотипным собратом «Императором Павлом I» и двумя еще более древними линкорами «Цесаревичем» и «Славой». Но последние хоть родились в годы расцвета своего класса...

Почти одновременно с сараевскими выстрелами 6 июля 1914 года «Андрей Первозванный», маневрируя у острова Оденсхольм, напоролся на подводный камень и, повредив днище, вынужден был идти в Кронштадт для докового ремонта. Одновременно был решен вопрос с мачтами линкора. Этими мачтами гордился весь флот. Это были огромные решетчатые башни спирально закрученных стальных труб, мощным штопором ввинченных в небо на высоту тридцать метров и схваченных десятью стальными кольцами. «Две Александровские колонны в натуральную величину, поставленные на палубу», — писал об этих мачтах Колбасьев — юный гардемарин, проходивший практику на борту линкора. Гордились этими мачтами потому, что они были точной копией решетчатых мачт американских дредноутов, и потому, что ни один из дряхлеющих кораблей Русского Флота не имел подобной красоты. Напоминая своими сложными очертаниями Эйфелеву башню, конструкция мачт говорила о последнем слове военно-морской техники: на тяжелых марсах этих мачт должна была быть смонтирована система центральной наводки орудий главного калибра. Но после монтажа системы «совмещенной стрелки» в марсовой системе центральной наводки отпала необходимость и мачты остались стоять «на страх врагам», прибавляя вырожденческому виду «Андрея Первозванного» еще более грозной величественности. Когда же после выстрелов в Сараево неизбежность войны стала очевидной, то стало ясно, что решетчатые мачты — не гордость корабля, а его гибель.

> «Две Александровские колонны, разгуливающие по Балтийскому морю, — писал Колбасьев, — заметны на крайнем пределе видимости. Они торчат в прицелах немецких орудий превосходной точкой наводки. Они предательски указывают курсовой угол «Андрея Первозванного», облегчая пристрелку немецких орудий. Привлекая, как огромные магниты, снаряды противника,

> они при первом попадании, готовы рухнуть на палубу всеми тоннами своей стали, заклинивая башни, пробивая рубки, убивая людей. Бесполезные украшения, лишенные всякого смысла, при отсутствии на них центральной наводки, они торчат над кораблем заранее приготовленными надмогильными памятниками».

По выходе из дока к борту «Андрея Первозванного» подошел плавкран и зацепил мачту, после чего ее трубчатое основание было подрезано ацетиленом и «Эйфелева башня» повисла на стропах. Плавкран отошел, доставил грот-мачту линкора в порт и вечером вернулся. Ночью снимали фок-мачту, а на следующий день 3 августа 1914 года на их место были установлены «тщедушные, покрашенные в шаровый цвет бревна» — обычные корабельные мачты. 5 августа линейный корабль «Андрей Первозванный» вышел из Кронштадта в Гельсингфорс, чтобы соединиться с бригадой линкоров. Шел уже пятый день войны. «Андрей Первозванный» не участвовал в первом паническом выходе в море трех линкоров 31 июля, когда эскадра шла на смерть, готовясь встретить у центральной позиции весь немецкий флот открытого моря, который, поиграв с Русским Флотом, как «дюжина котов с одной мышью», прорвется в Финский залив и нанесет смертельный удар по Петербургу. Но в отрезвляющем свете дня растаял кошмарный призрак боя на центральной позиции — немецкий флот открытого моря оказался связанным армадами английского флота. До гибели «Паллады» 11 октября «Андрей Первозванный» вместе с тремя другими додредноутами, ведомыми неукротимым Эссеном, ежедневно и все более смело выходил к центральной позиции, обеспечивая действия легких сил. В своем неистовстве Эссен забыл о подводных лодках противника. После гибели «Паллады» линкоры укрылись в Гельсингфорсе, изредка выходя стратегическими фарватерами в тыловые зоны, свободные от подводных лодок противника.

12 ноября 1914 года «Андрей Первозванный» возвращался с моря на Гельсингфорский рейд, войдя (14.30) в Лонгэрнский проход. Из-за имевшегося дифферента на нос, корабль плохо слушался руля, и командир для лучшего управления в узкости изменял ход машинами. Опасаясь, что сильное боковое течение может снести с фарватера плохо управляемый корабль, командир решил стать на якорь. Однако, оба отданных якоря не забрали за грунт и линкор, двигаясь по инерции вперед, не слушаясь руля, шел прямо на банку и вскоре плавно, без толчка, коснувшись носом грунта, сел на подводную скалу. Немедленно обеими машинами был дан полный назад, но корабль с места не

двигался. На помощь были вызваны портовые буксиры, на которые были поданы стальные перлини. Трюмный инженер-механик по приказу с мостика осмотрел подводную часть корабля и нашел деформированный лист обшивки, прилегавший к килю в районе 5-7 шпангоутов. Подобные повреждения были обнаружены между 10 и 12 шпангоутами с прогибом до 7,6 см. По левому борту имелась небольшая вмятина днища в районе 26-43 шпангоутов, причем, течи нигде не оказалось. Был произведен промер, и для получения дифферента на корму, командир приказал перегрузить боезапас носовых погребов на корму. Однако, буксиры не смогли стащить «Андрея Первозванного» с мели, несмотря на то, что линкор помогал им машинами и шпилями выхаживал якорные канаты. Для облегчения линкоры были спущены на воду все шлюпки и катера, кораблю был придан крен 3,5˚ на ПБ, а машина давала 100 об/мин. в режиме полного заднего хода. Но все было тщетно — «Андрей Первозванный» неподвижно оставался на мели. Вечером на линкоре решили воспользоваться повышением воды в заливе на один метр и возобновили работы по снятию линкора с мели. Но снова все было тщетно.

Огромный корабль неподвижно сидел на скале. В течение ночи на портовые баржи был выгружен боезапас 8" артиллерии и уголь из носовых ям, а для увеличения дифферента на корму в кормовые дифферентные цистерны было принято двести двадцать тонн воды. Однако, только после прихода трех мощных буксиров, килектора и лоцманского парохода, с помощью работающих на полный назад машин самого линкора, «Андрея Первозванного» удалось сдвинуть на несколько метров вправо. Спущенные водолазы установили, что линкор сидел на скале от 26 до 43 шпангоута левым бортом. С огромным напряжением всех средств, действовавших непрерывно в течение суток, к вечеру удалось подать «Андрея Первозванного» еще на несколько метров вправо. 14 ноября свежий ветер с моря нагнал воды, повысив ее уровень в заливе и благодаря этому линкор удалось стянуть со скалы. Откачав принятую балластную воду и погрузив боезапас, «Андрей Первозванный» 15 ноября благополучно пришел в Гельсингфорс, откуда был направлен в Кронштадтский док для замены деформированных листов обшивки.

К началу кампании 1915 года Русский Флот пополнился четырьмя дредноутами, сведенными в 1-ю бригаду линейных кораблей. Помимо шести крейсеров, дивизиона эсминцев и подводных лодок, 1-й бригаде были приданы линейные корабли «Андрей Первозванный» и «Император Павел I». Составляя основные силы флота, эти корабли были развернуты в тылу

центральной позиции, план вероятного боя на которой был переработан штабом флота с учетом опыта кампании 1914 года. Согласно новому плану, боевой порядок главных сил, сосредоточенных в тылу центральной минно-артиллерийской позиции состоял из шести маневренных групп.

В 1-ю и 2-ю группы входили новые линейные корабли-дредноуты, а 3-я группа включала в себя линкоры «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» с приданным крейсером «Богатырь». Линейные корабли всех маневренных групп должны были главным калибром совместно с береговой артиллерией вести огонь по главным силам противника, форсирующим минные заграждения, а противоминной артиллерией совместно с крейсерами всех шести групп — по тральщикам. Сложные системы подчинения, приказ о перемещении линкоров только с разрешения Ставки, ожидание боя на центральной позиции, которого так и не произошло, — все это практически привязало «Андрея Первозванного» и «Павла I» вместе с линкорами-дредноутами к Гельсингфорсу, где они оставались в бездействии в течение всей войны. Редкие выходы в море на прикрытие минных постановок, плавания тыловыми фарватерами, многочисленные посадки на мель и адская работа по снятию с мели, ремонты-стоянки во льду в течение долгих зимних месяцев — так проходила война для «Андрея Первозванного» и остальных линкоров, кроме «Славы» и отчасти «Цесаревича».

29 июня 1915 года на «Андрея Первозванного» был назначен новый командир — капитан 1 ранга Георгий Оттович Гадд. В конце июля 1915 года «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» были переброшены в Эре для поддержки перехода линкора «Слава» в Рижский залив на случай, как говорилось в приказе, «возможных неожиданностей». Но неожиданностей не произошло, и линкоры вернулись в Гельсингфорс. Кампания 1915 года прошла для «Андрея Первозванного» фактически без всяких событий. Медленное движение за тральщиками по узким фарватерам, постоянная готовность к выходу на центральную позицию, погрузки, погрузки, погрузки угля, стоянки за сетевыми заграждениями, приказы на выход в море и их отмена.

Среди матросов, не посвященных в планы командования флотом, росло недовольство. Фактическое бездействие линкора на фоне усиливающихся боев в Рижском заливе, где одна «Слава» отбивалась от немецких дредноутов «при молчаливом сочувствии» главных сил флота, было непонятно матросам, также как и противнику, который никогда не собирался форсировать центральную позицию. По «Андрею Первозванному» поползли слухи об измене офицеров, особенно тех, кто имел несчастье

носить немецкие фамилии.

Приближалась зима. Пройдя плановый ремонт в Кронштадте, «Андрей Первозванный», ведомый целым дивизионом тральщиков, вернулся в Гельсингфорс и вмерз в лед до весны 1916 года. Кампания 1916 года прошла для «Андрея Первозванного», как и предыдущие: линкоры, хотя и были переподчинены непосредственно командующему флотом, а сам флот — Ставке, оставались в бездействии, упорно ожидая прорыва немцев через центральную позицию. В июне 1916 года «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» были переброшены в Люме для прикрытия легких сил, действующих на коммуникациях противника. Линкоры находились в готовности к выходу по требованию командующего отрядом крейсеров. Но такого требования так и не поступило, и в конце июля 1916 года линкоры вернулись в Гельсингфорс. Свое первое боевое крещение «Андрей Первозванный» чуть не получил уже после Окончания кампании 1916 года.

19 ноября «Андрей Первозванный» вместе с крейсерами «Рюрик» и «Баян», снявшись с якоря на Свеаборгском рейде, направился в Кронштадт для планового ремонта. Линкор шел головным, за ним в кильватер шли «Рюрик» и «Баян». Расстояние между кораблями было три кабельтовых, скорость четырнадцать узлов. У маяка Грахару к отряду присоединились четыре эсминца 8-го дивизиона. В 21.00, проходя траверз маяка южных Гогланд, «Андрей Первозванный», будучи головным, вошел на минное ограждение, выставленное немецким подводным заградителем «ИС-27». Каким-то чудом линкор прошел заграждение, на котором подорвался следующий за ним «Рюрик», получивший тяжелые повреждения. Через тридцать пять минут после взрыва отряд двинулся дальше и, ведомый «Андреем Первозванным», дошел до Лавенсарского буя, где встал на ночь на якорь. Утром следующего дня «Андрей Первозванный» привел отряд в Кронштадт. Пройдя ремонт, «Андрей Первозванный» вернулся в середине декабря в Гельсингфорс и снова вмерз в лед рейда рядом со своим собратом «Павлом I».

А между тем, Россия уже разваливалась, не выдержав усилий спровоцированной ею же войны. Фатальные неудачи на фронтах, правительственная чехарда, развал экономики — все предвещало надвигающуюся национальную катастрофу. Немецкая агентура, сея через левые партии панические слухи об измене, наэлектризовывала личный состав русской армии и флота. Разведка противника проделала огромную работу по дискредитации несчастного русского императора Николая II и его семьи. Какими бы недостатками ни обладал последний русский

царь, ретроспективный анализ показывает, что, по меньшей мере, семьдесят пять процентов слухов, распускавшихся о нем в то время и долго считавшихся достоверными, являются абсолютной чушью и клеветой. Целью этих слухов, как и многого другого, было ускорение развала России и уничтожение ее как государства...

14 марта 1917 года на борт «Андрея Первозванного» прибыл командующий флотом адмирал Непенин и объявил экипажу линкора об отречении от престола Императора и о переходе власти к Временному правительству. 16 марта из Петрограда вернулся командующий 2-й бригадой линейных кораблей контр-адмирал Небольсин, привезя официальные акты отречения. Государство, тысячу лет именуемое Россией, рухнуло, и в грохоте первых обвалов ее крушения среди многих трагических событий того времени началась кровавая резня офицеров на кораблях, стоявших в Гельсингфорсе.

Офицеры «Андрея Первозванного», отстреливаясь, укрылись в кают-компании и забаррикадировались. Стоя на мостике, матросы из винтовок обстреливали кают-компанию через световые люки. Часть матросов сошла на лед и начала обстреливать иллюминаторы кают-компании. Офицеры прижимались к переборкам, укрывались в мертвом пространстве под иллюминаторами под градом пуль, выпускаемых людьми, с которыми они почти четыре года делили все тяготы боевой службы. На «Андрее Первозванном» по штату военного времени было более тысячи матросов. Все они в той или иной степени в течение долгих стоянок в Гельсингфорсе подвергались обработке со стороны представителей различных русских «социалистических» движений, руководимых немецкой разведкой через институт Парвуса в Стокгольме. Немцы, видимо, не очень верили, если верили вообще, в грандиозный проект Парвуса сокрушения и расчленения России путем захвата власти в стране левыми экстремистами. Даже после октября 1917 года, когда этот план осуществился, немцы все еще не до конца верили в его реальность. Они вели войну и пока все, что им было нужно, как любой воюющей стороне, — это уничтожить как можно больше противника. Неохотно веря в прогнозы Парвуса, они, тем не менее, составили списки русских офицеров, подлежащих уничтожению. Эти списки корректировались каждые полгода в ожидании удобного случая, который наконец настал...

Винтовочные пули продолжали через световые люки и иллюминаторы крошить тиковую отделку переборок кают-компании линейного корабля «Андрей Первозванный». Мичман Воробьев, пытавшийся перебежать в более безопасное место, был

тяжело ранен. Темнело. Огонь продолжался. Через световые люки в кают-компанию был направлен свет прожектора с кормового мостика. Капитан 1 ранга Гадд пытался через забаррикадированную дверь вести с матросами переговоры, чтобы отправить мичмана Воробьева в госпиталь на берег. Авторитет командира на «Андрее Первозванном» был очень высоким. Утром матросы вызвали его на мостик на переговоры. Командир «Андрея Первозванного» с ужасом шел по вверенному ему кораблю. На льду лежали трупы кондукторов и унтер-офицеров, пытавшихся не допустить того что произошло, среди толпившихся на палубе матросов командир заметил несколько посторонних унтер-офицеров, вооруженных винтовками. Это были посланцы из Кронштадта — колыбели революции и центра немецкой шпионско-диверсионной деятельности на Балтике. Они привезли в Гельсингфорс списки подлежащих уничтожению офицеров.[11]

Капитан 1 ранга Гадд поднялся на мостик. Он пытался объяснить матросам, что идет война, что четыре года офицеры и команда «Андрея Первозванного» жили единым коллективом и что офицеры никак не заслужили к себе подобного отношения. «Изменники! — ревела толпа. — Немецкие шпионы!» Раздались крики, призывающие к расправе над командиром. Один из кронштадтцев вскинул винтовку. Его обезоружили матросы линкора. Поднялся гвалт голосов. «Не трожьте нашего командира! На штыки его! Смерть дракону! Не дадим командира!»[12] Наконец депутаты от экипажа объявили свое решение: все офицеры объявляются арестованными, они должны сдать оружие и содержаться в кают-компании под караулом. Специальный комитет будет их судить. Мичмана Воробьева разрешено отправить в госпиталь.[13]

Суд экипажа линкора «Андрей Первозванный» заседал с быстротой и лихостью будущих советских трибуналов. После сдачи офицеров был выведен из кают-компании штурман линкора Ланге, хором обвиненный в том, что является агентом охранки. Несчастный офицер не успел сказать и слова в свое оправдание, как был поднят на штыки и выброшен за борт на лед. Через сорок минут командиру линкора принесли список из пяти офицеров, приговоренных к расстрелу. Был продуман и ритуал. Казнь должна была проходить на юте в присутствии врача. Капитан 1 ранга Гадд пытался спасти своих офицеров. Он доказывал матросам, что никого нельзя казнить без решения правительственных органов, хотя сам имел весьма смутное представление о нынешнем русском правительстве. Матросы согласились отсрочить казнь. Наконец, на «Андрея

Первозванного» прибыл некто Родичев — представитель Временного правительства. Он обратился к экипажу линкора с длинной речью, поздравив матросов с тем, что они отныне свободные граждане свободной страны. Он заверил экипаж, что если указанные офицеры действительно являются «немецкими шпионами, агентами охранки и монархистами», то понесут наказание. Ему удалось увести приговоренных к смерти офицеров с собой. Дальнейшая их судьба неизвестна. Все это творилось в разгар войны. Штаб флота на «Кречете» был разгромлен, командующий флотом убит, документация штаба похищена. Были убиты руководящие офицеры штаба 1-й дивизии линкоров, а командир дивизии вице-адмирал Бахирев — арестован, был убит командующий 2-й дивизией линкоров контр-адмирал Небольсин, державший флаг на «Императоре Павле I». Все штабы были разгромлены: секретные оперативные документы, кальки минных постановок, планы центральной минно-артиллерийской позиции — все стало через «революционных» матросов достоянием противника.

На «Андрее Первозванном», как и на других кораблях флота, падала дисциплина и боеспособность. Начались случаи дезертирства. Затерроризированные офицеры не могли толком выполнять свои обязанности, постоянно подогреваясь в измене (кому?) и рискуя жизнью ежеминутно. Слабое Временное правительство ничего не могло сделать с моментально распустившейся матросской вольницей, в поведении которой ясно просматривалось одно — нежелание воевать. Демагогически спекулируя на лозунге «Долой войну!», большевистские агитаторы легко настраивали матросов против Временного правительства, которое, желая сохранить честь России, продолжало выполнять союзнические обязательства перед Антантой.

На «Андрее Первозванном», как и на других кораблях, стоящих в Гельсингфорсе, шумели митинги. Принимались и отменялись резолюции, избирались и переизбирались командующие всех рангов, ругалось впервые за тысячу лет правительство (разрешили!) и ругалось так, как никогда никакое. И это первое и последнее русское правительство, предоставившее народу все мыслимые политические и гражданские свободы! Да еще в условиях военного времени. Многое еще можно было сказать по этому поводу, но, к сожалению, мы не пишем политическую историю России, а пишем историю линейного корабля «Андрей Первозванный». Характерно, что линкор не был переименован. Видимо, уважение матросов к первому ученику Христа было сильнее революционных идей...

Пока в Гельсингфорсе шумели митинги и съезды, обвиняющие офицеров в том, что они теперь не только «немецкие шпионы, агенты охранки и монархисты», но еще и «корниловцы» и «кадеты», противник в обход центральной минной позиции ворвался в Рижский залив и за неделю выбил оттуда Русский Флот, открывая дорогу на Петроград. В дни Моонзундского сражения экипажи стоявших в Гельсингфорсе линкоров, в том числе и «Андрея Первозванного», приняли патетическую резолюцию, обращенную к силам обороны Рижского залива и заканчивающуюся гарантией, что «мы в любую минуту придем на помощь». Русский Флот был выбит из Рижского залива, а на линкорах даже не развели пары...

Еще в дни так называемой «корниловщины» «Андрей Первозванный» отправил роту матросов в Петроград. Эта рота участвовала в разграблении Зимнего дворца при захвате власти большевиками в октябре 1917 года.[14]

Придя к власти, опираясь на всестороннюю помощь Германии и на ее деньги, Ленин, как бы ему этого и ни хотелось, был вынужден оплатить немцам свои старые векселя. Прежде всего — вывод России из войны, предоставление независимости Польше, Финляндии, Украине, Белоруссии и Прибалтике, а также, народам Закавказья. Оплата старого векселя была оформлена окончательно 3 марта 1918 года подписанием так называемого Брест-Литовского мирного договора. В статье V договора, в частности, говорилось:

> «Россия должна немедленно демобилизовать свои войска. Свои военные суда она отведет в русские гавани и немедленно разоружит их».

Секретные статьи договора предусматривали разоружение линейных кораблей и передачу части боевых кораблей Германии для продолжения боевых действий против Антанты. Кроме того, становилось очевидно, что корабли, вовремя не выведенные из финских и прибалтийских портов, будут там захвачены.

Необходимо было принять меры по перебазированию флота в Кронштадт — единственную базу, оставшуюся в русских руках после предательского сговора с Германией. (Генерал Кирбах, командующий немецкими войсками на петроградском направлении, давая интервью корреспонденту еще существовавшей тогда петроградской газеты «Речь», на вопрос: «Может ли сложиться такая ситуация, что немцы вынуждены будут занять Петроград?», ответил, что они сделают это только в том случае, если реальная опасность будет угрожать нынешнему — большевистскому — режиму. За все надо платить).

Пробиваясь через ледяные торосы Балтики, русские корабли сосредотачивались в Гельсингфорсе, готовясь к переходу в Кронштадт. В соответствии с Брест-Литовским договором, 5 марта 1918 года военным отделом Совкомбалта был отдан приказ №114, которым разрешалось

> «теперь же уволить всех желающих уехать с судов флота и береговых учреждений морского ведомства, отставив на судах 1-й и 2-й бригад линейных кораблей, 1-й бригады крейсеров и дивизии подводных лодок необходимое число людей для перехода в Кронштадт».

В условиях разгорающейся гражданской войны в Финляндии и высадки немцев на территории этой страны, когда падение Гельсингфорса стало вопросом времени, 12 марта 1917 года первый отряд кораблей, включавший линкоры-дредноуты, три крейсера и два ледокола «Ермак» и «Волынец», вышли из Гельсингфорса в Кронштадт, прибыв туда 17 марта. В этот же день оперативная часть штаба Балтийского флота приказала приготовиться к выходу из Гельсингфорса второму отряду кораблей, в состав которого включались линейные корабли «Андрей Первозванный» и «Республика» (бывший «Павел I»), заградители «Волга» и «Лена», транспорт «Бурлак» и портовый ледокол «Аванс». Однако, выход отряда, возглавляемого «Андреем Первозванным», осложнился из- за резкого ухудшения как международной обстановки, так и погоды. Высадившись в Ганге, немцы продвигались к Гельсингфорсу, туда же рвались отряды молодой финской армии, возглавляемой Маннергеймом. Немцами были захвачены наиболее мощные после «Ермака» русские ледоколы «Волынец» и «Тармо». Вышедший на помощь отряду «Андрея Первозванного» «Ермак» был обстрелян и вынужден вернуться в Кронштадт.[15]

На кораблях шла лихорадочная работа. На борт «Андрея Первозванного» грузили ящики с винтовками, патронами, торпеды, консервы, муку, станки, автомобили и самолеты. На палубе и надстройках не было свободного места. Оставались лишь пространства для разворота башен.

Для укомплектования линкора на борт было принято около четырехсот человек гарнизона Свеаборгской крепости и других частей. На линкоре было всего двенадцать офицеров, из них — пять механиков и один врач. Линкоры в результате напряженной работы оставшихся на борту экипажей были готовы к выходу в море еще 23 марта. Ожидали только ледоколов. Обстановка уже не позволяла откладывать выход. Отряд был переформирован. Теперь в его состав входили: линкоры «Андрей Первозванный» и

«Республика», крейсера «Олег» и «Баян», подводные лодки «Тур», «Тигр» и «Рысь».

С утра 4 апреля 1918 года «Андрей Первозванный», ведя за собой корабли 2-го отряда, стал выходить на внешний рейд Гельсингфорса с помощью портовых ледоколов «Силач» и «Город Ревель». 5 апреля 1918 года отряд, возглавляемый «Андреем Первозванным», навсегда покинул Гельсингфорс. Условия, в которых совершался переход второго отряда, были значительно тяжелее, чем во время перехода первого. Начались весенние передвижки льда, вызывавшие образование громадных торосов. Маломощные ледоколы не в состоянии были обеспечить проводку отряда, и роль ледокола пришлось взять на себя флагману отряда линкору «Андрей Первозванный», имевшему модный таран. Но и для «Андрея Первозванного» эта задача была очень трудной.

> «Толстый лед, — вспоминает штурман «Андрея Первозванного», — с трудом поддавался даже 19-тысячетонному линкору, шедшему под всеми двадцать пятью котлами. Приходилось останавливаться, отрабатывать назад и затем с разгона раскалывать ледяное поле. После такого удара поле раскалывалось и видно было, как далеко бежала извилистая трещина, раздвигаемая мощным корпусом корабля. Все время приходилось следить за тем, чтобы линкор, идя по трещине и следуя ее извивам, не отходил от курса. Поэтому, идя по трещине, мы стопорили машины, разворачивались на курс и кололи ледяное поле в направлении курса. Идти было трудно, так как ночью не видно было трещин, Корабль внезапно начинал катиться в сторону, и сдерживать его рулем было невозможно. За ночь же можно было сойти с курса. За шесть ходовых часов 5 апреля «Андрей Первозванный» провел отряд только до маяка Грохара (около шести миль), где остановился на ночевку. На следующий день подводная лодка «Рысь», получив повреждения корпуса, вернулась в Гельсингфорс. Остальные корабли продолжали двигаться вперед через ледяные торосы за «Андреем Первозванным».

7 апреля к 19.00 «Андрей Первозванный» довел отряд до острова Родшер. Здесь лед оказался настолько плотным, что «Андрей Первозванный» не мог следовать дальше. Корабли остановились и по сигналу с линкора загребли жар в топках. Около 21.00 сигнальщики крейсера «Баян» обнаружили огни идущего на выручку из Кронштадта ледокола «Ермак», который

конвоировал крейсер «Рюрик». Несмотря на огонь (видимо, предупредительный, с большими недолетами) немецких орудий с острова Лавенсари, утром 8 апреля «Ермак» подошел к кораблям второго отряда, взломал лед и повел корабли в Кронштадт.

В полдень 10 апреля 1918 года «Андрей Первозванный» вместе с остальными кораблями отряда прибыл в Кронштадт. После прибытия в Кронштадт, три дредноута и «Республика», в соответствии с Брест-Литовским договором, были отведены в Петроград, где начались, правда, не очень интенсивно, работы по их разоружению. В соответствии с этим же договором, корабли Балтийского флота не имели права выходить с баз и были лишены возможности проводить боевую подготовку. За соблюдением этого пункта договора немцы следили очень строго. Малейшее передвижение кораблей даже в пределах кронштадтских рейдов вызывало резкие протесты немецкой стороны.

«Андрей Первозванный» отчаянно нуждался в ремонте, но в распоряжении флота находился только древний Кронштадтский пароходный завод и транспорт-мастерская «Кама». Заводы в Петрограде практически бездействовали. Росло дезертирство, падала дисциплина, на отдельных кораблях вспыхивали мятежи — разочарованные матросы начали уже мрачно смотреть на дела и слова политических авантюристов, которых они привели к власти. Ленин и его окружение во имя прихода к власти превратили страну в придаток Германской Империи. Страна уменьшилась до границ России времен Ивана Грозного, задыхаясь при этом от огромной военной контрибуции, назначенной немцами в счет погашения долгов, выплаченных в свое время большевикам на развал собственной родины. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не военное поражение и последующее крушение кайзеровской Германии. В Кремле воспрянули духом: статей постыдно-унизительного Брест-Литовского договора более не существовало. Первой, почти инстинктивной реакцией советского правительства было желание вернуть все, что было отдано в Брест-Литовске в марте 1918 года. Советские войска сделали попытку вторгнуться в Эстонию и Финляндию. По всей территории бывшей Империи Российской начала разгораться гражданская война. В городах бушевал «красный террор», в деревнях — продразверстка, океанами лилась кровь под демагогические вопли о мировой революции и всеобщем благоденствии... Однако, сил для выполнения всех этих грандиозных планов еще не было.

Эстонские войска при поддержке русских добровольцев перешли границу РСФСР и начали развивать наступление на

Петроград. Еще в декабре 1918 года, после подписания Германией капитуляции, на Балтику вошла английская эскадра, состоящая из легких крейсеров, эсминцев и подводных лодок. В ее задачу входил контроль за выводом немецких войск с территории Прибалтики и оказание помощи «русскому республиканскому правительству в борьбе с коммунистами». 20 января 1919 года из числа еще находящихся в строю кораблей в Кронштадте был сформирован так называемый «Действующий отряд Балтийского флота», которым командовал бывший в свое время командиром «Андрея Первозванного» Александр Павлович Зеленой. В отряд были включены наспех отремонтированные линкоры «Андрей Первозванный» и «Петропавловск», крейсер «Олег», несколько эсминцев, подводных лодок, сторожевиков, тральщиков и заградителей. Однако, деятельность ДОТа началась еще раньше, когда Красная Армия, вторгнувшись в пределы Эстонии, находилась уже в двадцати пяти километрах от Ревеля.

20 декабря 1918 года в Ревель вошла английская эскадра, но в Кронштадт об этом никаких сведений не поступило. Напротив, на 25 декабря был назначен выход отряда в море для обстрела Ревеля. «Корабли Балтийского флота спешили на помощь трудовому народу Эстонии», — как пишет советская история, нимало не смущаясь. Для выполнения операции был выделен отряд особого назначения в составе линкора «Андрей Первозванный», крейсера «Олег», эсминцев «Спартак», «Автроил» и «Азард». Командовал отрядом Ф. Ф. Раскольников. Операция разрабатывалась В. М. Альтфатером. Согласно плану, «Олег» должен был находиться у острова Гогланд, «Андрей Первозванный» — у Шепелевского маяка, а эсминцы, «помогая трудовому народу Эстонии», должны были бомбардировать Ревель. В случае появления превосходящего по силам противника, эсминцам предписывалось полным ходом отходить к крейсеру «Олег», а затем под его прикрытием — к «Андрею Первозванному».

25 декабря «Андрей Первозванный» вышел вместе с эсминцем «Спартак» в море и стал у острова Нерва. Результаты этого набега известны: эсминцы «Спартак» и «Автроил», попав в приготовленную ловушку, были захвачены англичанами. Таким было первое соприкосновение ДОТа с английским флотом.[16]

Как уже говорилось, молодая эстонская армия, усиленная русскими добровольцами, опираясь с моря на поддержку английской эскадры, блокировавшей легкими силами Кронштадт, перешла в контрнаступление и, перейдя границу РСФСР, захватила Псков, а на нарвском направлении — продвигалась вдоль берега Финского залива, высадив 15 —17 мая 1919 года

небольшие десанты в Лужской и Копорской губах. 18 мая в Копорскую губу для выяснения обстановки вышел отряд в составе эсминца «Гавриил» и четырех тральщиков. Для обеспечения действий этого отряда «Андрей Первозванный» должен был выйти к Шепелевскому маяку с тем, чтобы тральщики в случае необходимости могли отойти вместе с «Гавриилом» под его защиту. Линкор также должен был нейтрализовать финскую батарею на форту Ино. Однако, перед выходом в море обнаружили неисправность котлов на «Андрее Первозванном».

> «На корабле действовал враг, — пишет советский историк А. Пухов. — Контрреволюционно настроенные механики умышленно выводили из строя котлы».

Сомнительно, конечно, учитывая состояние корабля, но уже начиналась целая эпоха, когда каждая поломка считалась диверсией. В итоге «Андрей Первозванный» остался на большом Кронштадтском рейде и участия в операции, которая чуть не кончилась гибелью всего отряда, не принял.

Между тем, наступление эстонцев на Петроград продолжалось. От затеянной зимой 1918 года авантюры уже пахло катастрофой. В середине мая 1919 года в Петроград приехал Сталин И. В. и, как писали еще совсем недавно и наверняка начнут писать вскоре, «Красный Балтийский флот и весь Западный фронт сразу почувствовали руководство гениального полководца». В чем заключались методы гениального полководца, мы узнаем из откровенной брошюры времен так называемого культа личности, озаглавленной «Сталин — морской стратег»:

> «Сталинский стратегический план разгрома белогвардейских войск Родзянко — Юденича под Петроградом летом 1919 года предусматривал решительную очистку тыла и фронта от шпионов, диверсантов, вредителей, политически неблагонадежных и неустойчивых лиц...»

Одними из первых жертв гениального стратегического плана стали механики «Андрея Первозванного». В Петрограде, Кронштадте и на фронте начались облавы и массовые аресты. Расстреливались старые заложники, брались новые. Выслеживались семьи дерущихся на стороне белых, семьи арестовывались и держались в качестве заложников. Добивалась интеллигенция, уцелевшая еще от метлы «красного террора», были расстреляны практически все отставные военные, жившие в

Петрограде, и их семьи.

Показательные расстрелы в Кронштадте и на фортах поднимали дух войск. Пропаганда от лица Ленина и Дзержинского вопила: «Смерть шпионам!», а ВЧК, выполняя заказ, тут же придумала дело так называемого «Национального центра», якобы руководимого бывшим флотским офицером де Симоном. А у всех офицеров в Кронштадте и Питере оставались семьи...

13 июня 1919 года, видимо, как реакция на гениальный сталинский план восстал форт «Красная горка». К мятежу присоединился форт «Серая Лошадь». Повстанцы призвали Кронштадт присоединиться к ним. Но в Кронштадте уже почти полностью был осуществлен гениальный план Сталина. Тогда мятежные форты, руководимые бывшим поручиком Неклюдовым (вся семья его была расстреляна в Петрограде), открыли огонь по Кронштадту. Несколько снарядов упало на рейде, где стоял «Андрей Первозванный». Наконец, линкор получил боевое крещение! Стоя на рейде, «Андрей Первозванный» открыл ответный огонь из орудий главного калибра. Из Кронштадтской гавани по мятежному форту начал огонь и линкор-дредноут «Петропавловск».

13 июня в 20.40, после долгих споров, «Андрей Первозванный» и «Петропавловск» сменили позиции: «Андрей Первозванный» перешел к Толбухину маяку, а «Петропавловск» вышел на внешний рейд. В 01.30 14 июля «Андрей Первозванный» открыл интенсивный огонь по форту, ведя его до 02.30. В момент приказа открыть огонь в носовой башне главного калибра «Андрея Первозванного» застрелился командир башни бывший лейтенант Николай Соболев — брат Леонида Соболева.

Уходили из жизни последние люди, считавшие позором убивать своих братьев. А в боевой рубке линкора «Андрей Первозванный» стоял его командир Л. М. Галлер, хладнокровно громя своими 12-дюймовками собственных соотечественников, имевших мужество в сложнейших условиях восстать против кровавого и лицемерного режима, захватившего власть в стране. Рядом с командиром находился комиссар линкора Н. Н. Зуев, внимательно следя, чтобы Галлер не перенес огонь с «Красной Горки» на Кронштадт. Но этого не произошло — Галлер верой и правдой доказывал свою верность. Семьи у него не было. Чем он руководствовался? Карьерой? Да, он станет адмиралом и начальником Главного морского штаба СССР. Понимал ли он, кому он отдал свой талант и энергию? Осознал ли он это, когда с него сорвали адмиральские погоны и бросили в тюрьму по нелепейшему обвинению? И тогда, когда, умирая в безумии, он бился головой о стены тюремной камеры, вспомнил ли он те

июньские дни 1919 года и то хладнокровие, с каким он расстреливал своих восставших товарищей? А Зуев? Бывший матрос мог быть обманут демагогическими лозунгами нового режима. Поумнел ли он после Кронштадтского мятежа, исчезая в лабиринтах ГУЛАГа?..

С утра 14 июня «Андрей Первозванный» и «Петропавловск» продолжали вести огонь по мятежному форту. С рассветом форт начала бомбить авиация. На «Красной Горке» бушевал пожар, но орудия восставшего форта вели интенсивный ответный огонь по советским кораблям. «Андрей Первозванный» стал на якорь на меридиане Толбухина маяка, ведя интенсивный огонь. В распоряжении линкора находились эсминцы «Гавриил», «Всадник» и «Гайдамак».

Около 20.30 «Андрей Первозванный» был накрыт несколькими залпами «Красной Горки». Снаряды форта ложились в десяти — пятнадцати саженях от борта линкора, осыпая его палубу осколками. Четыре залпа «Красной Горки» легли вплотную за кормой и под носом «Андрея Первозванного». Столбы воды и ядовитые газы обрушились на кормовую 12-дюймовую башню линкора. Из башни в бессознательном состоянии вынесли ее командира Славецкого и комендоров Якушина, Васильева и Горскова. Линкор снялся с якоря и перешел на стрельбу с переменных ходов. Всего «Андрей Первозванный» выпустил по «Красной Горке» сто семьдесят снарядов главного калибра, компенсируя то, что за все годы мировой войны он не сделал ни единого боевого выстрела по противнику.

В полночь с 14 на 15 июня «Андрей Первозванный» был заменен у Толбухина маяка крейсером «Олег» и уведен на приемку угля. В какой-то степени это спасло линкор. Англичане, наблюдая за действиями «Андрея Первозванного» у Толбухина маяка, разработали план атаки линкора торпедным катером, который вышел 14 июня в море под командованием знаменитого капитана 2 ранга Эгара. Однако, катер ударился винтом о подводный камень и был вынужден вернуться в Териоки (ныне Зеленогорск). Отремонтировав катер, Эгар снова вышел в море, когда «Андрей Первозванный» у Толбухина маяка был уже заменен «Олегом», который и был потоплен торпедой с катера Эгара. После потопления единственного боеспособного крейсера ДОТа, капитан 2 ранга Эгар разработал план уничтожения торпедными катерами всех главных действующих советских кораблей, чтобы обезопасить приморский фланг русско-эстонской армии, чьи силы уже иссякали. Тот факт, что «Олег» был потоплен торпедным катером, остался неизвестным командованию Балтийским флотом. Считалось, что крейсер

утопила подводная лодка англичан.

14 июля на Балтику пришел английский гидроавиатранспорт «Виндиктив» с двенадцатью самолетами на борту, а 30 июля в Биорке были доставлены из Англии семь торпедных катеров. По плану Эгара, одновременно с налетом торпедных катеров, Кронштадт должен был подвергнуться удару с воздуха. Основными целями, по плану англичан, должны были стать линейные корабли «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», а также, плавбаза подводных лодок «Память Азова». Атака была назначена на 18 августа. С 1 по 5 августа английские самолеты нанесли несколько предварительных ударов по Кронштадту, приучая гарнизон и экипажи кораблей к воздушным тревогам. Глубокой ночью 17 августа семь английских торпедных катеров вышли из Териоки.

На рассвете ,18 августа, в 03.45, над Кронштадтом появились английские самолеты. Одна из сброшенных ими бомб попала в баржу, стоящую у борта «Андрея Первозванного». Баржа затонула, линкор был осыпан осколками. С бреющего полета английские самолеты начали обстрел кораблей. В этот момент, идя двумя группами, английские торпедные катера подошли к Кронштадту. Три катера (каждый нес одну торпеду) под носом у дежурного эсминца «Гавриил» проскочили на внутренний рейд Кронштадта. Два других, обеспечивая их действия, вступили в неравный бой с советским эскадренным миноносцем. Еще два катера охраняли северный проход. Ворвавшиеся на рейд торпедные катера действовали четко, как не всегда удается действовать даже на учениях. На кораблях видели движение катеров по внутреннему рейду, но, видя подобные катера впервые в жизни, приняли их вначале за совершившие посадку на воду гидропланы, а потому фатально опоздали с открытием огня. Осыпая пирсы трассами пулеметных очередей, катера, развернувшись, выпустили торпеды. С грохотом подскочив в воде, легла на борт плавбаза «Память Азова». Вторая торпеда поразила «Андрея Первозванного», попав в левый борт в районе 15-го шпангоута. Огромный столб воды обрушился на бак и надстройки линкора. Были затоплены таранное отделение, канатный ящик, помещение трюмных, провизионные погреба и ледник. Один матрос был убит, двое контужены. От сотрясения были сдвинуты с места подшипники гребных валов. За живучесть никто не боролся (весь экипаж линкора состоял из двухсот человек). Распространение воды было остановлено носовой водонепроницаемой переборкой. Линкор сел носом на грунт.[17] Беспрецедентный по мужеству и мастерству исполнения налет английских торпедных катеров на Кронштадт и последовавшая вскоре гибель на минах трех

эсминцев практически означали полное уничтожение ДОТа. Советское правительство вынуждено было заключить мир с Эстонией, которой героизм английских моряков обеспечил двадцать лет независимости...

Осенью 1919 года «Андрей Первозванный» был поднят и поставлен в док. Корпус корабля был залатан, но качественный ремонт сделать было невозможно. Котлы и машины линкора фактически не действовали, нуждалась в замене артиллерия, требовали капремонта все системы корабля. Среди личного состава «Андрея Первозванного» росло недовольство. На линкоре произошло несколько открытых антисоветских выступлений, за что, в отличие от «Петропавловска», «Андрей Первозванный» не был удостоен «Красного Знамени» за подавление Красногорского мятежа. Все лето 1920 г. линкор простоял в Кронштадте. Не хватало угля, людей, продовольствия, не хватало всего... Кончалась гражданская война, а в Кронштадт доходили сведенья об усилении террора в стране и о еще более сильном, чем при старом режиме, закабалении рабочих и крестьян системой военного коммунизма. В январе и феврале 1921 г. в Петрограде были расстреляны мирные рабочие демонстрации. В ответ все петроградские предприятия были охвачены волной забастовок. В городе снова начались повальные аресты. И тогда поздно очнувшиеся матросы Кронштадта подняли мятеж против столь подло обманувшего их правительства. Матросы стоявшего в Кронштадте «Андрея Первозванного» оказались в горниле мятежа. Они смело пошли на смерть под новыми лозунгами: «Долой смертную казнь! Долой ВЧК! Свободу политзаключенным! Да здравствуют свободные профсоюзы!» Стоявший почти без угля «Андрей Первозванный» с орудиями на холодной подаче успел дать по наступавшим чекистским батальонам несколько залпов. Матросы линкора участвовали в яростных уличных боях в Кронштадте. Часть их погибла, часть попала в плен и была расстреляна, а часть, подорвав машины «Андрея Первозванного», ушла по льду в Финляндию, где была интернирована. Кронштадтский мятеж смертельно напугал поклонников чистого социализма в Кремле. Но невзирая на все «послекронштадтские» реформы, правительство не простило флот. Газеты доказывали ненужность флота для Советской республики и необходимость замены его морскими подразделениями ВЧК. В конце 1921 г. практически все корабли Балтийского флота были назначены на слом. В 1922 г. «Андрей Первозванный» был исключен из списков флота. Корабль стоял у стенки завода в Кронштадте. Работы по его разборке начались в конце 1923 г. и были завершены в 1925 г.

Корабль находился в строю 9 лет (и 9 лет в постройке).

После вступления в строй линейный корабль «Андрей Первозванный» числился в 14-м флотском экипаже.

Зачислен в списки Русского Флота 4 сентября 1903 г.

Исключен из списков 8 февраля 1924 г.

С 1 сентября 1920 г. сдан на долгосрочное хранение в порт.

15 декабря 1923 г. сдан на слом.

203-мм орудия переданы на форты «Краснофлотский» и «Первомайский».

Дальномеры переданы на мониторы Амурской флотилии.

Командиры линейного корабля «Андрей Первозванный» 1905—1921 гг.

1905- 1906 гг. — капитан 1-го ранга Руднев

1906- 1912 гг. — капитан 1-го ранга Шванк

1912-1915 гг. — капитан 1-го ранга Зеленой

1915-1917 гг. — капитан 1-го ранга Гадд

1918-1919 гг. — б. капитан 1-го ранга Галлер

1920-1921 гг. —

Русские адмиралы, державшие флаг на «Андрее Первозванном»

1912 г. — Эссен и Фрезен

1913 г. — адмирал Эссен

1914-1915 гг. — Кребер, Небольсин и Максимов

1917 г. — Вердеревский

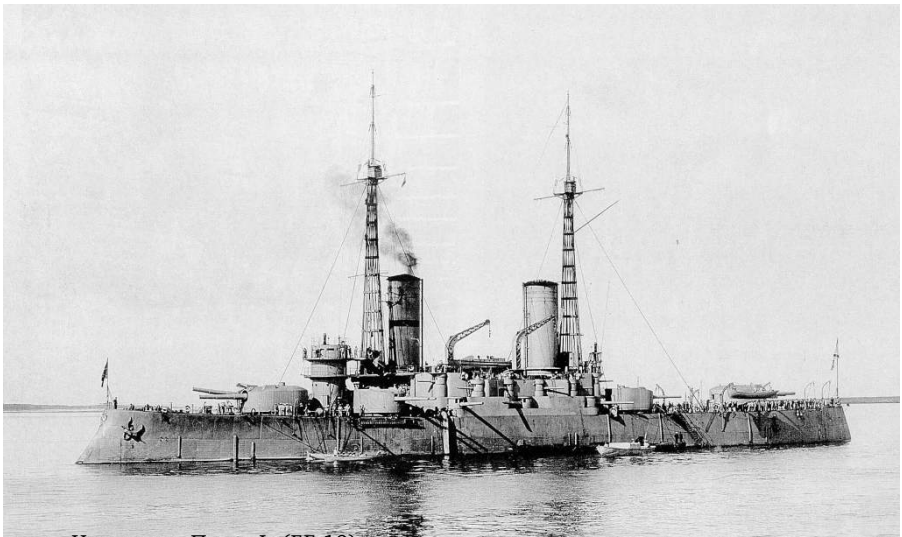
1918 г. — Щастный, Раскольников

1919 г. — Зеленой

1920 г. —

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I

Павел I — русский царь с 1796 по 1801 год.



«Император Павел I» (ББ-19)

Водоизмещение: 17 400 т.

Главные размерения: 140,2x24,4x8,2 м.

Скорость максимальная: 18 узлов.

Вооружение: четыре 12-дюймовых орудия в башнях, четырнадцать 8-дюймовых (203-мм) орудий (восемь орудий в четырех двухорудийных башнях и шесть — в казематах), двенадцать 120-мм и четыре 75-мм орудия, две десантных пушки, восемь пулеметов, три подводных ТА.

Мощность механизмов: 17 600 л.с.

Бронирование: Борта — 79-216 мм.

Казематы — 79-152 мм.

Башни — 127-203 мм.

Палуба — 39-60 мм.

Боевая рубка — 152-203 мм.

Экипаж (штатный): 31 офицер, 925 матросов.

Тип: «Император Павел I».

Эскадренный броненосец «Император Павел I» был заложен 7 сентября 1903 года на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге в качестве головного корабля новой улучшенной серии броненосцев типа «Бородино». Строительство корабля велось в

рамках программы военного кораблестроения 1903 года. Руководил постройкой корабельный инженер Аверин К. Я. Развитие класса эскадренных броненосцев, как и развитие всего на свете, и итоге привело к вырождению. Это вырождение наиболее ярко нашло свое отражение в проекте кораблей типа «Император Павел I». Последние додредноуты всех других морских держав («Лорд Нельсон», «Дойчланд», «Сатсума», «Миссисипи»), хотя и были введены в строй гораздо раньше кораблей типа «Император Павел I», также уже несли на себе следы явного вырождения, давая понять, что класс эскадренных броненосцев вымирает.

Однако, смерть всего старого и рождение всего нового происходит в муках. В огненном вихре русско-японской войны, поглотившем весь боеспособный Русский Флот, англичане увидели новый класс корабля, а сами русские увидели только то, что их корабли никуда не годятся. Работы на «Императоре Павле I» были приостановлены. В октябре 1904 года они было возобновились, но вскоре снова были приостановлены, а после Цусимской катастрофы остановились вовсе. Проект корабля начал перерабатываться в соответствии с печальными уроками войны. Было разработано семнадцать вариантов изменений и из каждого было взято понемногу в окончательный проект: новая английская система конструктивной защиты, американские ажурные мачты и системы управления огнем, новая немецкая система бронирования, собственная улучшенная система непотопляемости и остойчивости, английские бортовые клюзы с якорями Холла без штоков, французский таран. Четверть века развития класса эскадренных броненосцев в разных странах нашло свое отражение в создаваемом мастодонте. Но работа по его созданию шла удручающе медленно. Волнения и стачки сотрясали Балтийский завод, но и в нормальных условиях завод не мог обеспечить график работ, при постоянных изменениях в проекте и переделках на ходу. В феврале 1906 года «Император Павел I» чуть не сгорел на стапеле. Пожар удалось потушить, а не очень тщательно проведенное следствие указывало на поджог. Была усилена охрана. По территории Балтийского заводы загарцевали казачьи разъезды. Бородатые донцы с испугом смотрели на чудеса индустриализации, истово крестясь...

Пока «Император Павел I» стоял на стапеле, в Англии, США и Японии вошли в строй последние додредноуты. Было ясно, что корабли типа «Император Павел I» будут во всех отношениях слабее своих заграничных прототипов.

«Сатсума» (Япония): вспомогательный калибр — двенадцать 10" (254 мм) орудий, скорость — двадцать узлов;

«Лорд Нельсон» (Англия): вспомогательный калибр — десять 9,5" (234 мм) орудий, скорость — девятнадцать узлов, частично на нефтяном топливе;

«Миссисипи» (США), в строю с 1905 года: вспомогательный калибр — восемь 8" и восемь 178-мм орудий, скорость — восемнадцать узлов;

и даже «Вольтер» (Франция) и все шесть кораблей его типа имели в качестве вспомогательного калибра двенадцать 240-мм орудий и скорость девятнадцать узлов.

Чуть слабее были корабли наиболее вероятного противника — Германии — типа «Дойчланд», но они были в строю с 1905 года и было их десять единиц в двух подклассах.

Но и всё это было бы ничего, если бы в 1907 году Англия не потрясла мир своим «Дредноутом» и в одно мгновение все додредноуты в мире оказались устаревшими. А «Император Павел I» все еще стоял на стапеле! (Как не вспомнить по аналогии, что в 1955 году на стапеле того же Балтийского завода еще стоял линейный крейсер. В России ничего не меняется веками!).

Тут встал вопрос, что же делать с еще стоящим на стапеле «Императором Павлом I» и с его недавно спущенным собратом «Андреем Первозванным»? Носители русского военно-морского оперативного мышления при молодом Моргенштабе тогда делились на «мечтателей» и «шпицев» (из-за шпица Адмиралтейства, где они помещались). «Мечтатели» ратовали за реванш в войне с Японией, намечая его где-то после 1921 года, и отлично понимали, что с кораблями типа «Император Павел I» реванш не возьмешь, а потому предлагали без промедления оба корабля разобрать: один — не достраивая, а второй — даже не спуская на воду. Более мудрые «шпицы» реальнее относились к жизни, о реванше с Японией они и слушать не хотели, а беспокоились о Балтике и защите Петербурга. Как плавбатареи в дополнение к знаменитой минно-артиллерийской позиции эти корабли вполне можно было использовать: вспомогательным калибром они бы разгоняли тральщики противника, а главным — их охранение, а их самих бы прикрывали дредноуты, которые предстояло построить...

7 сентября 1907 года эскадренный броненосец «Император Павел I» был наконец спущен на воду. Обычно при спуске головных кораблей присутствовал царь. На этот раз головной корабль целый год перестоял на стапеле по сравнению со вторым кораблем этого типа — «Андреем Первозванным».

Так что царь на спуске «Императора Павла I» не присутствовал, и корабль был спущен на воду с минимумом

торжеств, поскольку было еще неизвестно, будут его достраивать или нет. С борта спущенного корпуса «Императора Павла I» нервно поглядывал в темные штилевые воды Невы начальник Моргенштаба контр-адмирал Яковлев, до 1906 года числившийся командиром «Императора Павла I». Нева не тралилась всю войну. Может быть, и здесь японцы набросали своих мин? Но командир броненосца капитан 1 ранга Римский-Корсаков был спокоен — он не был на «Петропавловске»...

Корабль был отбуксирован к стенке завода и на нем начались достроечные работы. «Шпицы» задавили «мечтателей», но полемика продолжалась, делая достройку броненосца еще мучительней стапельного периода. Старые контрагенты Морского министерства, Обуховский, Металлический и Ижорский заводы, поставляя на корабль броню, артиллерию и механизмы, не могли справиться с еженедельно меняющимися техническими заданиями. Процветало казнокрадство, которое в России всегда считалось чем-то вроде национального спорта. По поводу «Императора Павла I» было несколько запросов в Думе, которая после русско-японской войны не очень жаловала флот. Умнейший адмирал Григорович, недавно назначенный морским министром, на запрос депутатов по поводу целесообразности достройки кораблей, воскликнул:

> «Нет, господа! Мы уже истратили на каждый из этих кораблей больше двадцати миллионов! Уж лучше тратить деньги на их достройку, чем разборку. Восемь двенадцатидюймовок и тридцать восьмидюймовок никогда не будут лишними на Балтике. Мы уже достаточно сэкономили денег до русско-японской войны. Оборона страны рублями не измеряется, господа депутаты!»

Достройка «Императора Павла I» продолжалась. 10 октября 1907 года эскадренный броненосец «Император Павел I» был переклассифицирован в линейный корабль. Пролетели 1908 и 1909 годы. Лишь в 1910 году линкор перешел в Кронштадт и, перезимовав там, начал испытания машин и артиллерии. Испытания разочаровали специалистов — переделок требовали все системы корабля. Залп всем бортом приводил к опасным напряжениям в корпусе, на малых ходах корабль плохо слушался руля, а на больших — сильно зарывался носом, люди на боевых постах задыхались — никуда негодной оказалась система вентиляции, влажность в боевых погребах была опасно высокой, расход угля — чрезмерным, бортовая качка — мучительной. Кроме того, линкор никак не удавалось правильно

отдифферентовать — его постоянная склонность «клевать носом» приводила в отчаяние строителей. В неравной борьбе с обнаруженными дефектами и в монтаже новой системы управления огнем прошел 1911 года. Номинально числясь в бригаде линейных кораблей, «Император Павел I» еще флотом принят не был — сдаточные испытания оказались столь же длительными, что и постройка.

Наконец, 1 мая 1912 года линейный корабль «Император Павел I» был освящен и вступил в строй, пробыв девять лет в постройке. Общая стоимость постройки составила 27 860 456 рублей (корпусные работы — 20 884 078 рублей). С 1911 года командиром линкора был капитан 1 ранга Небольсин А. К. Ввод в строй «Императора Павла I» проходил торжественно — присутствовал Государь. На мачте нового линкора в день его рождения взвился Императорский штандарт. Под штандартом Императора линкор присутствовал при торжественной церемонии закладки порта Императора Петра Великого вместе почти со всеми крупными боевыми кораблями Морских сил Балтийского флота.

С еще не сданной артиллерией «Император Павел I» включился в боевую подготовку Балтийского флота. Шхерами и прочими тайными путями линкоры учились выходить на условную центральную позицию, маневрировать на ней, ведя бой с условными противниками: немецкими и шведскими линкорами, роль которых исполняли буксируемые щиты. Наряду с этим весь 1912 год на корабле продолжались переделки и сдаточные работы. Менялась система вентиляции, переделывалось сетевое заграждение, укреплялись мамеринцы башен, улучшалась система водоснабжения, устанавливались дополнительные броневые щиты для защиты от осколков компрессоров орудий главного и вспомогательного калибров, велся монтаж новой системы управления огнем методом «совмещенной стрелки». Наряду с этим «Император Павел I» включился в программу боевой подготовки флота, действуя в составе бригады линкоров, в составе которой он в начале сентября совершил поход в Копенгаген.

В 1912 году на линкор «Император Павел I» вместе с очередной группой новобранцев прибыл для прохождения службы молодой матрос Павел Дыбенко, ставший после революции руководителем Центробалта, а после октябрьского переворота Народным Комиссаром по морским делам. Летом 1912 года, по утверждению Дыбенко,[18] на кораблях Балтийского флота действовала разветвленная большевистская организация, готовившая вооруженное восстание. Это мало соответствует

действительности, что доказывается словами самого Ленина: «До слез обидно, Балтика кипит, а организации нет!» Волнения на некоторых кораблях флота, в том числе и на «Императоре Павле I», в 1912 году вообще не имели никакой политической подоплеки. Они были вызваны интенсификацией программы боевой подготовки и ужесточением требований дисциплины, а также более длительными периодами нахождения в море. В те годы среди матросов были крайне сильны анархические тенденции как следствие падения авторитета командования после позорного разгрома в русско-японской войне.

Зиму 1912-1913 гг. «Император Павел I» провел в Гельсингфорсе. За время стоянки на линкоре установили новое оборудование для продувания каналов орудий главного калибра после выстрела и цилиндры из термоткани для прогревания орудий перед стрельбой в сильные морозы.

Между тем, была закончена оценка линкоров типа «Император Павел I» «постоянной комиссией для испытаний судов военного флота». Комиссия нашла, что существенным недостатком кораблей было отсутствие раздельной наводки башен. Крайне медленной и ненадежной была признана подача снарядов от элеваторов к бортовым 8" орудиям. Предложенный заводом «Лесснера» и одобренный МТК способ подачи снарядов с помощью зарядных совков, перевозимых по рельсам, оказался весьма неудачным (из-за неудовлетворительной скорости подачи и неудобств работы). Было отмечено также неудачное расположение противоминной артиллерии. В то время самыми опасными для линкоров считались атаки идущих контркурсом миноносцев по носовым секторам. Между тем, на «Павле I» и «Андрее Первозванном» по носу стреляло лишь одно 120-мм орудие. Требовала переделки и очень медленно действующая система затопления артиллерийских погребов. Кормовые погреба башен ГК на линкорах затапливались целый час из-за недостаточного диаметра труб и отсутствия отверстий для выхода воздуха. Кроме того, комиссия признала нецелесообразной установку на линкорах хлор-метиловой аэрорефрижерации артиллерийских погребов из-за ее громоздкости и непроизводительности. Понижение температуры в погребах на 15°С (с 40° до 25°) достигалось после шести часов непрерывной работы холодильной установки. Было рекомендовано заменить ее на холодильную машину Вестингауза-Леблана, имевшую в полтора раза большую производительность. Все это требовало новых средств и отвлечения и так не очень мощных технологических возможностей русских заводов. Еще ни на одном корабле Русского Флота не было стольких доделок, переделок и

изменений. «Император Павел I» доводился постепенно до совершенства, чтобы, как и подобает вырожденцу, тихо и без пользы умереть...

Кампания 1913 года началась для «Императора Павла I», как и для всех других кораблей Морских сил Балтики еще более сложными учениями под руководством неукротимого Эссена. Громадный корабль учился выходить на артиллерийскую позицию шхерами, не пользуясь услугами лоцманов! До русско-японской войны это не всегда умели делать даже миноноски шхерной обороны. Затем парады и салюты, высочайшие смотры по случаю юбилея династии и закладки порта Императора Петра Великого, а 4 июня — стрельбы в присутствии Императора по щиту, буксируемому «Славой», маневры и эволюции с крейсерами, отбитие учебных атак эсминцев и подводных лодок. (На учениях 1912-1913 гг. впервые в Русском Флоте отрабатывалась атака дивизиона подводных лодок на бригаду линкоров, прикрываемых эсминцами и крейсерами. Подводная лодка «Аллигатор» дважды, обходя эсминцы охранения, атаковала идущие концевыми «Андрея» и «Павла I», всплывая в двух кабельтовых от них. По условиям учений, линкоры считались потопленными или надолго выведенными из строя). После окончания программы боевой подготовки на Балтике, «Император Павел I» в составе бригады линкоров и крейсеров в сопровождении дивизиона эсминцев и транспорта «Рига» совершил поход в Англию и Норвегию. Намеченный заход в Германию был отменен: Балканский кризис разрастался, подтверждая пророчество Бисмарка, что «какая-нибудь проклятая глупость на Балканах явится искрой новой войны».

«Император Павел I» перезимовал в Гельсингфорсе, выполняя рекомендованные комиссией переделки. Кампания 1914 года началась под знаком все ухудшающейся международной обстановки. Надвигалась война, и призрак мощного немецкого флота «открытого моря», идущего к центральной минно-артиллерийской позиции, стал круглосуточным кошмаром для русских моряков. Простое сопоставление тактико-технических данных своих и немецких кораблей подсказывало простой прогноз: быстрое уничтожение у центральной позиции бригады русских линкоров, прорыв через позицию и удар по столице. Подобная перспектива охлаждала самые воинственные головы в русском правительстве и, чтобы подбодрить их и придать больше уверенности русским морякам, 9 июня 1914 года на Балтику с визитом прибыла эскадра английских линейных крейсеров под командованием адмирала Битти.

С «Императора Павла I» гремели салюты, вились флаги

расцвечивания, шумели совместные банкеты, адмирал Битти ловил на себе влажные взгляды императорских дочек, в Петербурге во всех ресторанах англичан поили бесплатно, на обширной палубе линейного крейсера «Лайон» танцевали пары в присутствии Императора, а на «Нью Зеланд» группа загримированных английских моряков исполнила зажигательный воинственный танец новозеландского племени маори…

Под гром салютов и бравурную музыку парадов и банкетов прозвучали сараевские выстрелы, посыпались безоговорочные ультиматумы.

Война приближалась ко всем границам. Охваченные страхом правительства делали отчаянные попытки остановить ее, но генеральные штабы громко требовали сигнала к выступлению, стремясь опередить своих противников хотя бы на час. Придя в ужас при виде открывавшейся бездны, наиболее трезвые люди в окружении царя пытались остановить развитие событий, но было поздно: имперские амбиции России и взятые на себя невыполнимые обязательства безжалостно толкали несчастную страну в пропасть, навстречу небывалой катастрофе…

Мобилизация лихорадила флот. В считанные дни пытались сделать то, на что не обращали внимания годами. Офицеры писали завещания, а на линкоре «Император Павел I» снимали величественные трубчатые мачты американского образца. В отличие от «Андрея Первозванного», на котором в Кронштадте мачты были срезаны почти до основания и сняты краном, на «Императоре Павле I», стоявшем в Гельсингфорсе, все пришлось делать собственными силами — порт в предмобилизационной суматохе не смог выделить крана. Механики линкора с матросами-добровольцами резали по частям мачты ацетиленом и на концах спускали на палубу. Работа была трудоемкая и проводилась в страшной спешке — каждую минуту ожидали известия о начале войны и приказа к выходу на центральную позицию. Поэтому мачты на «Императоре Павле I» были срезаны всего лишь примерно наполовину, обрубки труб зачеканены, покрыты стальной площадкой, в которую были вставлены обычные корабельные мачты. Обрубки трубчатых мачт, оставшиеся на уровне высоты дымовых труб, придали «Императору Павлу I» весьма характерный и отличный от «Андрея Первозванного» силуэт. Теперь корабли можно было легко различить и без марок на трубах. («Император Павел I» и «Андрей Первозванный» имели некоторые мелкие архитектурные различия, но в принципе — походили друг на друга, как две монеты одного достоинства. До снятия мачт корабли различались «марками» на передней дымовой трубе. На «Андрее

Первозванном» эта «марка» — широкая красная полоса — находилась почти у самого торца трубы, а на «Императоре Павле I» — посередине трубы. Позднее широкая красная полоса была заменена двумя узкими полосами, расположенными соответственно).

31 июля 1914 года, в день объявления войны, «Император Павел I» вместе со «Славой» и «Цесаревичем» («Андрей Первозванный» ремонтировался в Кронштадте) вышел к центральной позиции. Считая, что бригада идет на верную смерть, командир «Императора Павла I» капитан 1 ранга Небольсин приказал отслужить прощальный молебен. Матросам выдали шоколад и конфеты из офицерского буфета. Офицеры сдали на берег личные вещи с завещаниями и прощальными письмами родным.

У центральной позиции царила повышенно нервная обстановка. Линкоры немецкого флота чудились в каждой лайбе, появлявшейся на горизонте. Напряженности добавляли непроверенные агентурные сведения. А между тем, немецкий флот и не думал идти в Финский залив, лихорадочно готовясь к обороне Кильской бухты в случае появления английских армад. Базируясь на Ревель, бригада линкоров начали вести себя более активно, вызывая противника на бой. Но немецкие линкоры не появлялись, и Русский Флот почувствовал себя хозяином восточной Балтики.

11 августа 1914 года «Император Павел I» шел в Ревель в составе эскадры, следуя в кильватер броненосному крейсеру «Рюрик». На расстоянии 3,5 кабельтовых от крестовой вехи у Базановской косы корабль коснулся грунта. Линкор немедленно застопорил машины, а затем после поверхностного осмотра, при котором видимых крупных повреждений замечено не было, «Император Павел I» снова дал ход вперед и продолжал следовать к месту назначения. Став на якорь у острова Нарген, на линкоре приступили к более тщательному осмотру нижнего дна, и вскоре в междудонных отделениях было обнаружено небольшое количество забортной воды. Вскоре была выяснена и причина появления воды: оказалось, что от 24 до 68 шпангоута по правому борту корабля на протяжении около пятидесяти трех метров имелась продольная вмятина в наружном дне со стрелкой прогиба 7,5-10 см. Вмятина шла сначала по правому борту в 1,5 м от киля, а затем на 50-м шпангоуте она переходила на левый борт и кончалась у 68 шпангоута на расстоянии 1 м от киля. В районе 50-53 шпангоута оказались погнутыми флоры и киль, в некоторых швах и заклепках возникла небольшая течь, требующая немедленного устранения. Устранение течи было выполнено с

помощью заделки швов железными и деревянными клиньями, которые затем были проконопачены. Когда течь прекратилась, все поврежденные места дополнительно были залиты цементом, который стал настолько крепким, что надежность днища, испытанного во время боевых стрельб, не внушала никаких опасений. «Так на цементе и проплавали всю войну,» — вспоминал Дыбенко.[19]

11 октября 1914 года от торпеды немецкой лодки погибла «Паллада», и выходы линкоров к центральной позиции прекратились. Линкоры укрылись в Гельсингфорсе, изредка выходя стратегическими фарватерами в тыловые зоны, свободные от подводных лодок противника. В одном из таких выходов, 10 ноября 1914 года «Император Павел I», идя Лонгэрнским проходом на траверзе остовой вехи банки Норра-Атлас-Грунт, на расстоянии нескольких метров от нее коснулся грунта. Причиной аварии линкора на фарватере явилось падение воды в заливе на сорок шесть сантиметров ниже ординара, о чем командование линкора извещено не было. Когда «Император Павел I» пришел на военный рейд Гельсингфорса, где стал на якорь для осмотра трюмов, то оказалось, что по правому борту от 43 до 92 шпангоута, на протяжении пятидесяти девяти метров, на расстоянии 1,8 метра от киля, имелась вмятина со стрелкой прогиба 12,7 сантиметров. Над вмятиной были погнуты флоры, а некоторые швы и заклепки дали небольшую течь, но вода легко откачивалась с помощью корабельной осушительной системы. Исправление повреждений прочеканиванием швов и заливку цементом произвели по возвращении корабля из похода. Работа заняла пять суток.

Так и проходила война для «Императора Павла I»: погрузки угля, походы по фарватерам в окружении тральщиков, посадки на мель, томительное ожидание боя на центральной позиции, учебные стрельбы, долгие зимние стоянки во льду, редкие походы в Кронштадт для докового ремонта. И ни одного боевого контакта с противником за всю войну. В течение долгих зимних стоянок в Гельсингфорсе командование пыталось, как могло, развлечь матросов, в том числе, и спортивными соревнованиями. Чемпионом флота по французской борьбе стал кочегар с «Павла I».

Но на корабле действовала подрывная организация во главе с энергичным и способным авантюристом Дыбенко. Общая директива, данная из института Парвуса в Стокгольме, предусматривала развал русских вооруженных сил, и эта директива, активно выполняясь, привела, как мы знаем, к самым блестящим результатам. Возглавляемая Дыбенко организация

играла и на патриотических чувствах матросов (идет война, а линкоры бездействуют, измена, немецкие шпионы), и на духовно-классовой пропасти, разделяющей матросов и офицеров (Долой войну! Она нужна только богачам! Свобода, равенство и братство!), исподволь составляла списки офицеров, подлежащих уничтожению. В 1914 и 1915 годах на линкоре «Император Павел I» было несколько случаев саботажа. Обнаруживались стружка в цилиндрах, песок в подшипниках, тлеющая ветошь в боевых погребах, повреждение электроцепей и т. п. Только в такой либеральной стране, как царская Россия последних лет своего существования, подобные вещи могли сходить с рук в военное время.

27 апреля 1915 года на линкор «Император Павел I» был назначен новый командир, капитан 1 ранга Дмитриев Степан Николаевич — герой русско-японской войны, командовавший до этого эскадренным миноносцем «Казанец». Бывший командир «Императора Павла I» Аркадий Константинович Небольсин был произведен в контрадмиралы и назначен командиром 2-й бригады линкоров с флагом на «Императоре Павле I». В конце июля 1915 года «Император Павел I» и «Андрей Первозванный» были переброшены в Эре для поддержки перехода «Славы» в Рижский залив, и на этом их боевая деятельность кончилась до июня 1916 года, когда оба линкора были переброшены в Люме для прикрытия легких сил, действующих на коммуникациях противника. Линкоры находились в готовности к выходу по требованию командующего отрядом крейсеров. Но требование не поступило, и в конце июля 1916 года корабли вернулись в Гельсингфорс.

Приближался 1917 года. Роковой год в истории России, да, пожалуй, и всего мира. Поражения на фронтах и хорошо организованный развал тыла левыми экстремистами, опирающимися на финансовую помощь немцев, все это могло развалить и более сильный государственный организм, (чем такой) каким была Россия. На вмерзших в лед Гельсингфорсского залива кораблях четко отдавался лихорадочный пульс агонизирующей страны. Небывалое напряжение неизбежно должно было вызвать взрыв, и этот взрыв раздался, разнеся на клочки все, что когда-то именовалось Россией и Российским Императорским флотом…

1 марта 1917 года на борт «Императора Павла I» прибыл командующий Балтийским флотом адмирал Непенин и объявил экипажу линкора об отречении от престола Императора и о переходе власти в руки Временного правительства, назначенного Государственной Думой. Притихшие матросы напряженно

думали, пытаясь правильно понять смысл происходящего. Дыбенко был в командировке в Петрограде, он бы все правильно разъяснил. Но еще до возвращения Дыбенко, 3 марта, из Петрограда вернулся находившийся там командующий 2-й бригадой линкоров контр-адмирал Небольсин. Он привез официальные акты отречения Императора и первые декреты нового правительства. Свобода! Вот тут-то экипаж линкора «Император Павел I» показал пример всем остальным кораблям, что надо делать в условиях парламентской демократии. И линкор не нуждался, как некоторые другие корабли, в подстрекателях из Кронштадта. Дыбенко и его организация неплохо поработали над матросами за годы военного ничегонеделания...

Выстрелом в упор был убит вахтенный офицер линкора лейтенант Шуманский, что послужило сигналом к массовому избиению офицеров, кондукторов и унтер-офицеров. С завернутыми назад руками на палубу из каюты выволокли командира «Императора Павла I», капитана 1 ранга Дмитриева. Он пытался обратиться к своим подчиненным, но озверевшая толпа не желала ничего слушать. С ревом подняли на штыки доблестного моряка и выбросили на лед. Пытавшийся помочь командиру старший офицер линкора лейтенант Яновский был сбит с ног, забит ногами и прикладами и также выброшен за борт. Нескольких офицеров забили насмерть по обвинению в том, что они агенты охранки. В этот момент из штаба флота на линкор по льду возвращался контр-адмирал Небольсин. Стоявший у трапа кочегар Родинок вскинул винтовку и выстрелил в командира бригады. Адмирал упал на лед. Тяжело раненного, его добили штыками и прикладами. Вместе с адмиралом были убиты лейтенанты Бубнов и Славинский. Остальные офицеры были арестованы, их каюты обысканы, похищены деньги и ценные вещи, разграблен штаб бригады, откуда были похищены секретные документы и корреспонденция. Так, «Линейный корабль «Император Павел I» вступил в революцию, а 16 (29) апреля 1917 года он был торжественно переименован в «Республику»...

Линкор «Республика», как учит нас официальная история, имел самую крупную и сплоченную большевистскую организацию на флоте или, по меткому выражению А. Ф. Керенского, «был набит немецкими шпионами». На «Республике» шумели митинги, в ходе которых старый флот разваливался на глазах. Временное правительство не могло ни навести порядок на флоте, ни обеспечить его подчинение командованию. Свобода в России, к сожалению, всегда истолковывается однозначно — неподчинение и хаос. Немцы в ходе молниеносной операции выбили Русский

Флот из Рижского залива, а «большевистские» корабли во главе с «Республикой» даже не тронулись с места. С точки зрения невыполнения приказов Временного правительства линкор «Республика» считался самым надежным кораблем...

После октябрьского переворота, отвечая на призыв Ленина о помощи боевыми кораблями, руководители Центробалта сразу вспомнили о «Республике». Имеется несколько вариантов беседы Ленина относительно линкора «Республика». Из этих вариантов хорошо видно, как лепится наша история и насколько опытны в морском деле были руководители Центробалта.

Вариант 1. (С. А. Амурские, «Ленин командует флотом», 1939 год):

> «...Помещение штаба Петроградского военного округа на Мойке только день назад очищено от белогвардейцев (?!). Еще не стихло эхо выстрелов «Авроры», а над страной уже навис меч контрреволюции. Войска Керенского захватили Гатчину. Владимир Ильич встревожен за судьбу революции. Он спешит выяснить, какую помощь может оказать советской власти военно-морской флот. Владимир Ильич склонился над большой развернутой картой и вызывает по прямому проводу Центробалт — революционный матросский центр:
>
> «Сколько вы можете послать миноносцев и других вооруженных судов?» (Ленин).
>
> — Можно послать линейный корабль «Республика» и два миноносца.
>
> — Будут ли они точно обеспечены продовольствием от вас?
>
> — Во флоте продовольствие есть, и они будут продовольствием снабжены. Все посланные миноносцы и линейный корабль «Республика», с уверенностью скажу, выполнят дело защиты революции. В посылке вооруженной силы не сомневайтесь. Будет выполнено беспрекословно.
>
> — Через сколько часов?
>
> — Максимум через восемнадцать часов.
>
> — Встречается ли необходимость сейчас послать?
>
> — Да, правительство абсолютно убеждено в необходимости послать немедленно с тем, чтобы линейный корабль вошел в Морской канал...
>
> — Хорошо, все это будет исполнено. Что еще скажете?
>
> — Есть ли радиотелеграф на «Республике» и может

ли она сноситься с Питером?

— Не только на «Республике», но и на миноносцах.

— Итак, мы можем рассчитывать, что все названные суда двинутся немедленно?

— Да, можете...

Корабли срочно вышли в поход и своевременно были на местах, указанных товарищем Лениным».

Вариант 2. («Ильич вызывает корабли», Н. Ф. Измайлов, 1970 год):

Бывший председатель Центробалта и главный комиссар Балтфлота Измайлов, говоривший с Лениным, приводит текст разговора (см. выше) и заканчивает:

> «В ту же ночь, минуя командующего флотом, я от имени Центробалта дал приказ судовым комитетам немедленно выходить в Петроград для защиты завоеваний революции. Моряки Балтики задание Ленина выполнили!»

Вариант 3. (Г. Б. Ольдерогге, «Модест Иванов», 1969 год):

> «— А вы уже все выполнили, что приказал Ленин? — спросил Модест Васильевич Измайлова.
>
> — Конечно. Только с «Республикой» я не рассчитал. Ее осадка оказалась глубока для Морского канала...»

Как известно, еще к 25 октября в Морской канал вошел линкор «Заря Свободы» (б. «Император Александр II»), осадка которого составляла 7,8 м. Осадка «Республики» составляла немногим больше — 8,2 м, а глубина Морского канала в те времена — 10-12 м. Почему же линкор «Республика» не выполнил приказ Ленина? Все объясняется достаточно просто — корабль не был боеспособен. Офицеры его были перебиты, а оставшиеся в живых затерроризированы, как ни на каком другом корабле Балтийского флота. А 80% экипажа «Республики» находились уже в Петрограде. На борту едва оставалось триста человек. Машины линкора практически не действовали. Не лучше обстояло дело и с артиллерией. Зато в Петрограде матросы с «Республики» действовали весьма активно. Матросы «Республики» вместе с экипажами других кораблей, смешавшись с немецкими военнопленными из охраны Смольного, бесчинствовали в столице от имени нового режима. В городе шли повальные обыски и аресты, закрывались банки, клубы и рестораны, разгонялись газеты. Предоставим слово официальной советской истории:

«Уже на второй день после победы Октябрьского восстания отряды матросов произвели обыски в редакциях буржуазных газет и издательств: «Дело народа», «Новая жизнь», «Речь», «Петроградский листок», «Петроградская газета», «Каспари», «Типография Яблонского», «Голос солдата», «Север». Контрреволюционеры, которыми в первые дни после Октябрьского восстания был полон Петроград, собирались в различных буржуазных клубах, ресторанах, гостиницах, создавали явки на квартирах столичной интеллигенции. Революционные органы вскрывали эти белогвардейские притоны, систематически производили обыски в подозрительных местах».

... В ноябре при активном участии матросов по всему Петрограду происходили массовые обыски в ресторанах и гостиницах... арестовано...»

Многочисленные открытые и секретные статьи договора предусматривали, помимо всего прочего, разоружение линкоров бывшего Русского Флота. Возникала и другая опасность — независимость Финляндии, предусмотренная также Брестским договором, требовала вывода кораблей из финских портов, в частности из Гельсингфорса, в единственную оставшуюся в распоряжении Советской республики базу на Балтике — Кронштадт. Немцы высадились в Ганге и продвигались к Гельсингфорсу вместе с армией Маннергейма. Времени совершенно не оставалось, а предстояла громадная работа по подготовке кораблей к походу. Дело осложнялось еще катастрофической нехваткой личного состава. Кроме массового дезертирства с кораблей за последний год (В добавок к массовому дезертирству), последовал еще приказ о демобилизации, предусмотренный положениями Брестского договора. Ховрин, служивший на «Республике», вспоминает:

«Днем и ночью кипела работа на кораблях и в порту. Проверяли механизмы, грузили топливо, наливали пресную воду, разгружали все запасы, находившиеся в порту и грузили их на корабли. Линкоры нагружались до отказа. При этом, постоянно требовалось разбивать демобилизационные настроения».

«Наша «Республика», — вспоминает служивший на линкоре машинист Прощенок, — приняла в свой трюм две тысячи пудов сахара и такое же количество муки, а также, большое количество военного имущества».

5 апреля 1918 года «Республика», идя в кильватер своему собрату «Андрею Первозванному», навсегда покинула Гельсингфорс и, пробившись через льды Финского залива, пришла 10 апреля 1918 года в Кронштадт.

Сразу же после прибытия «Республики» в Кронштадт, возник инцидент с фортом Ино, входящим в систему внешней обороны Кронштадта. 5 апреля 1918 года было подписано так называемое Гангутское соглашение по установлению в Финском заливе демаркационной линии и выполнению статей Брестского договора, касающихся флота и вопросов эвакуации русских кораблей из портов Финляндии. Финны требовали сдачи форта не разоруженным и в начале мая окружили форт своими войсками. На помощь гарнизону форта были посланы линкор «Республика» и миноносец «Прыткий». Однако, появление «Республики» в водах у форта Ино вызвало протест немцев, ибо по условиям Брестского договора, русские линкоры не имели права выходить в море. Поэтому «Республика» вынуждена была вернуться в Кронштадт, где 9 сентября 1918 года корабль был сдан на «долговременное хранение в порт». В последующие годы корабль оставался пассивным свидетелем развернувшихся на Балтике драматических событий, ржавея у стенки завода. Существовали планы восстановления и даже модернизации «Республики», но после Кронштадтского мятежа, судьба линкора, как и многих других кораблей Балтики, была решена.

22 ноября 1923 года линкор «Республика» был сдан на слом.

Корабль находился в строю восемь лет.

После вступления в строй линейный корабль «Император Павел I» числился в 8-м флотском экипаже.

Зачислен в списки Русского Флота 4 сентября 1903 года.

Исключен из списков 8 февраля 1924 года.

Командиры линейного корабля «Император Павел I» 1905-1918 гг.

1905-1907 гг. — капитан 1 ранга Яковлев.

1907-1911 гг. — капитан 1 ранга Римский-Корсаков

1911-1915 гг. — капитан 1 ранга Небольсин

1915-1917 гг. — капитан 1 ранга Дмитриев

1917-1918 гг. — ?

Русские адмиралы, державшие флаг на линкоре «Император Павел I»

1912-1914 гг. — адмирал Эссен, контр-адмирал Фрезэн.

1914-1915 гг. — контр-адмирал Максимов.

1915-1917 гг. — контр-адмирал Небольсин.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Строительство линейного корабля «Император Павел I» — с 15 октября 1904 года по 19 октября 1910 года.

Вице-адмирал Диков на соединенном заседании Морского Технического комитета и семи адмиралов от флота 18 апреля 1900 года доложил следующее:

> По программе усиления флота на Востоке предположено иметь десять броненосцев. Считая готовыми три — типа «Пересвет» и пять — типа «Бородино», всего имеется восемь, следовательно, остается построить еще два. Таковые были бы построены по типу «Бородино», если бы не поступил проект Великого Князя Алексея Михайловича, разработанный младшим судостроителем Скворцовым: броненосец 18-узлового хода, вооруженный двадцатью орудиями 8" калибра в десяти башнях.

На протокол этого заседания положены следующая собственноручная резолюция морского министра вице-адмирала Тыртова:

> «Великий Князь Генерал-Адмирал, ввиду того, что на остающуюся по программе постройку двух броненосцев, артиллерия и бронирование уже заказаны по типу «Бородино» и опасаясь, чтобы переработка чертежей не задержала постройки броненосца на Балтийском заводе, по спуске броненосца «Победа», а также, для сохранения однообразия броненосных судов эскадры, приказал эту серию судов строить по типу броненосца «Бородино», не устраняя небольшие изменения, могущие улучшить боевые качества этого типа»...

> «Что же касается до проекта, составленного по идее Великого Князя Александра Михайловича, то его Высочество Генерал-Адмирал согласился с большинством лиц заседания, указывающих на необходимость переработать проект с тем, чтобы вооружение его состояло не из одних только 8" орудий, а чтобы носовая и кормовая башни имели бы 12"

артиллерию при увеличенном водоизмещении броненосца и при ходе не меньше восемнадцати узлов. Вопрос о постройке такого броненосца должен быть возбужден по ассигновании новых сумм на усиление флота, по выполнении программы 1898 года, так как ассигнованные суммы уже распределены на заказанные суда».

Из вышеизложенного видно, что идея дредноута, то есть, корабля, вооруженного однокалиберною артиллерию (артиллерией) и быстроходного, зародилась в России на несколько лет ранее проекта Куниберти и постройки первого английского дредноута в 1905 году. (Еще ранее этого, лет двадцать тому назад, лейтенант В. Н. Степанов в Морской академии оставил проект броненосца, вооруженного четырьмя башнями с 12" артиллерией). К вопросу о проекте двух новых броненосцев Морское министерство вернулось в 1903 году.

Под председательством начальника Главного морского штаба и при участии Великого Князя Александра Михайловича, было устроено совещание, на котором постановлено, вместо повторения типа «Бородино», предложить составить проект нового броненосца в 16 500 т, вооруженного 8" артиллерией, ввиду того, что в иностранных флотах перешли от 6" калибра к более крупному. Кроме того, решено улучшить подводную защиту корабля от мин на основании опыта над французским броненосцем «Генрих IV» (удалив внутреннюю котельную переборку более шести футов).

Через три дня после этого заседания на докладе Государю-Императору Его Величество изволил выразить согласие на увеличение водоизмещения предположенных к постройке двух эскадренных броненосцев в Балтийском море до 16 500 т для возможного соединения в них наибольших средств нападения и обороны, согласно современным требованиям.

30 января главному корабельному инженеру Санкт-Петербургского порта, согласно постановлению совещания 17 января 1903 года, было предложено разработать проект улучшенного броненосца типа «Бородино», водоизмещением 16 500 т, ход 18 узлов, углубление 26 футов, артиллерия: четыре 12" — кал., двенадцать 8" — 50 кал., двадцать — 75-мм, двадцать 47-мм, шесть минных аппаратов. Сетевое заграждение. Бронирование: два пояса 9" и 7", или оба по 8".

8 мая заведующий опытным бассейном подп. Крылов донес результаты произведенных опытов и подсчетов проектируемого броненосца: длина 438 футов, ширина 80 футов, глубина 26

футов, водоизмещение 16 570 т.

16 августа были даны наряды на постройку двух броненосцев в 16 630 т, одного на Адмиралтейском, другого — на Балтийском заводах.

26 сентября 1903 года корабль, строящийся на Балтзаводе, назван эскадренным броненосцем «Император Павел I».

Первая штука киля поставлена через год — 15 октября 1904 года, с какого времени и следует считать начало постройки линейного корабли «Император Павел I».

Спуск корабля состоялся 25 августа 1907 года, то есть, через два года и десять месяцев после закладки.

Со времени своего спуска по 1 сентября 1910 года, то есть, почти ровно три года, корабль простоял в Неве у Балтзавода, после чего перешел в Кронштадт и вошел в док для вырезания отверстий.

19 октября 1910 года корабль произвел испытание механизмов, причем развил 18,5 узлов хода, при 18 596 л. с. и 109,5 оборотах, среднее углубление 26 футов 3 дюйма, водоизмещение 16 960 т.

С 6 по 8 октября 1911 года корпус и артиллерия были испытаны боевой стрельбой, причем, был сделан боевой залп всем бортом из семнадцати орудий. Из вышеизложенного видно, что полная постройка корабля продолжалась шесть лет и приемные испытания — один год. Эти сроки, конечно, велики, но, принимая во внимание, что артиллерийское вооружение претерпело семнадцать вариантов, а бронирование не менее трех, причем последний вызвал переделку всей уже забронированной жилой палубы, легко понять — почему постройка так сильно затянулась. Мало того, нельзя забывать, что корабль строился в те смутные годы (1905-1909), когда вся наша промышленность переживала небывалый в России кризис, и в заводской деятельности наблюдался полный застой, к счастью, повлиявший только на продолжительность постройки, но не отразившийся на качестве ее в смысле добросовестности и солидности работ.

Зиму 1912 года корабль простоял в Кронштадте в ожидании боевого запаса и снабжения от Кронштадтского порта и заканчивал мелкие переделки, которые были потребованы вновь учрежденной морским министерством весьма строгой «Комиссией для испытания вновь строящихся и ремонтирующихся судов».

Постройку заканчивал строитель С. Г. Руженцев и впоследствии поручил Е. Э. Штеллингу. Наблюдение над постройкой было в руках опытного и энергичного персонала в лице капитана 1 ранга Римского-Корсакова — командира корабля с 1906 по 1911 годы, капитана 2 ранга Пышнова, лейтенантов

Егорьева, Ратькова, Башмакова, инж.-мех. Гаевского, Белова и др. 1 мая 1912 года, согласно приказу Командующего морскими силами линейный корабль «Император Павел I» вступил, наконец, в действующий флот.

29 июня 1910 года корабль впервые был включен в вооруженный резерв, подняв флаг и гюйс. На него переселились командир, десять офицеров и команда числом около двухсот двадцати человек.

1 сентября «Император Павел I» начал кампанию и под брейд-вымпелом товарища морского министра вице-адмирала Григоровича, при помощи семи буксиров, вошел в морской канал для следования в Кронштадт. Выйдя в залив и отдав буксиры, корабль под своими машинами прошел мимо Кронштадта на мерную милю, а оттуда вернулся в Кронштадтскую гавань и встал перед Николаевским доком.

2 сентября вошли в док для вырезки водоотливных отверстий и заделки носового минного аппарата.

7 сентября окончили кампанию и вступили в вооруженный резерв.

24 сентября корабль вышел из дока и отшвартовался в Средней гавани.

1 октября корабль начал кампанию и вышел в море для пробного испытания машин. Испытание было назначено на полный ход до Ревеля и обратно, при стоянке на якоре в Ревеле три дня. На корабле находились начальник Балтзавода генерал-майор Вешкурцев, председатель приемной комиссии, капитан 1 ранга Васильковский, члены комиссии, инженеры завода и до тысячи мастеровых.

Из-за сильного нагревания параллели цилиндра высокого давления, испытание пришлось прекратить (правая машина).

Вернувшись в Кронштадт, корабль, из-за низкой воды, не мог войти сразу в гавань, а остался ночевать на рейде. Ночью поднялась снежная пурга и наутро оказалось, что корабль на двух якорях продрейфовал на семь кабельтовых от якорного места. При помощи килектора отклепали один якорь, который зацепил собою восемь штук кабелей, обслуживающих Кронштадтские форты.

Корабль вошел в гавань 7 октября и вступил в вооруженный резерв.

18 октября корабль опять начал кампанию и, выйдя в море, произвел испытание механизмов до Гогланда и обратно.

24 октября вступили в вооруженный резерв и отшвартовались у стенки Средней гавани. За время этого осеннего плавания сделана 1321 миля. Период зимы и весны 1910-1911 годов был

полон интенсивной работы по достройке корабля и установке орудий.

11 июля 1911 года корабль вошел в док для исправления кингстонного клапана, а 15 июля вышел из дока и стал у стенки Средней гавани.

В двадцатых числах июля корабль вышел на Большой рейд, где участвовал в Высочайшем смотре всего Балтийского флота. После смотра «Император Павел I» вошел в гавань, принял уголь и в первых числах августа вышел в море для проверочного испытания механизмов в продолжение трех часов при 0,9 наибольшего числа оборотов, после чего проследовал в Ревель.

Простояв в Ревеле около месяца и участвуя в рейдовой службе бригады, корабль произвел дульные и ствольные стрельбы, а 3 сентября вернулся в Кронштадт для окончательных работ.

За время плавания было сделано 550 миль. В октябре в командование вступил капитан 1 ранга А. К. Небольсин: а прежний командир, капитан 1 ранга Римский-Корсаков был назначен председателем комиссии вновь строящихся и ремонтирующихся судов.

6 октября корабль вышел с приемной комиссией в Биорке для испытания артиллерии, которое, благодаря благоприятной погоде, сделал в два дня. 1 мая 1912 года корабль был зачислен в состав действующего флота и, начав кампанию, ушел в Биорке, а оттуда в Ревель.

В июне, ввиду посещения русских вод германским Императором, корабль был назначен присутствовать при приеме Высочайших гостей в Балтийском порту.

21 июня корабль удостоился посещения Его Императорского Величества Государя-Императора и германского Императора Вильгельма II.

Проплавав все лето в Балтийском море, 8 сентября, в составе всего флота «Император Павел I» посетил город Копенгаген, где участвовал в Высочайшем смотре Балтийского флота Ее Императорским Величеством Государыней-Императрицей Марией Федоровной и датским королем.

19 сентября корабль вернулся обратно в Ревель, где участвовал в приеме Английской бригады броненосных крейсеров.

Ввиду того, что Его Императорское Величество Государь-Император Высочайше пожаловал свой портрет кают-компании германского броненосного крейсера «Мольтке», в Балтийском порту, при Высочайшем посещении, линейный корабль «Император Павел I» через германского морского агента получил

портрет Императора Вильгельма II в серебряной раме с собственноручной подписью.

В ноябре корабль пришел в Гельсингфорс и 30-го вступил в вооруженный резерв, сделав за время кампании 5 662 мили.

1 апреля 1913 года корабль начал кампанию и 18 апреля вышел из Гельсингфорса в Ревель для производства стрельб.

В июне в Кронштадте корабль был посещен членами Государственной Думы в числе сто человек.

4 августа корабль пришел в Кронштадт, а 5 вошел в док для окраски подводной части.

Выйдя 13 августа из дока, корабль в Ревеле присоединился к эскадре и 27 августа в составе всей эскадры вышел в заграничное плавание, посетив Портленд, Брест и Христианзанд.

2 сентября эскадра вернулась из заграничного плавания, а в конце октября корабль пришел в Гельсингфорс, где 1 ноября вступил в вооруженный резерв.

Список исторических предметов, находившихся на борту линейного корабля «Император Павел I»

(Настоящий список ведется во исполнение приказа по Морскому ведомству от 31 мая 1913 года за №103).

1 Портрет Его Императорского Величества. (Портрет в морской форме в деревянной раме с собственноручной подписью. Находится в помещении командира. Подписан Его Императорским Величеством в июне 1912 года после высочайшего посещения в Балтийском порту).

2. Портрет Императора Павла I, написанный маслом. (Исторический портрет в стильной позолоченной раме. Приобретен для командирского помещения капитаном 1 ранга Небольсиным).

3. Портрет Императора Петра Великого. (Фотографическое увеличение с исторической гравюры. Приобретен для командирского помещения капитаном 1 ранга Небольсиным).

4. Грамота Императрицы Екатерины II с подписью Генерал-Адмирала Павла I. (Грамота на пергаменте с подписью Екатерины II. Приобретена для командирского помещения капитаном 1 ранга Небольсиным).

5. Историческая книга. (Полные сигналы, долженствующие производиться во флоте, ч. 2-я, изд. 1799 года. Приобретена командиром корабля, капитаном 1 ранга Небольсиным).

6. Художественное изображение линейного корабля «Император Павел I». (Акварельное изображение линейного

корабля «Император Павел I» на Ревельском рейде. Преподнесен командиру корабля офицером корабля, мичманом Смирновым).

7. Художественное изображение Пакерортского маяка. (Акварельное изображение маяка Пакерорт. Подарок командиру от мичмана Смирнова).

8. Портрет Его Императорского Величества. (Портрет в морской форме в деревянной раме с собственноручной подписью. Находится в кают-компании господ офицеров. Подписан Его Императорским Величеством в июне 1912 года после Высочайшего посещения в Балтийском порту).

9. Портрет Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. (Портрет в матросской форме с собственноручной подписью. Находится в кают-компании господ офицеров. Подписан Его Императорским Высочеством в июне 1912 года).

10. Портрет Его Королевского Величества, Короля Прусского, Императора германского Вильгельма II. (Портрет в русской морской форме с собственноручной подписью в серебряной раме. Находится в кают-компании господ офицеров. Прислан германским Императором в октябре 1912 года в память посещения корабля Его Величеством в июне 1912 года в Балтийском порту).

11. Альбом подписей почетных посетителей корабля. (В синем кожаном переплете. Поднесено офицерам корабля командиром, капитаном 1 ранга Небольсиным).

12. Историческая гравюра Императора Павла I. (Гравюра историческая, давность — сто лет, издана в царствование Императора Павла I, в деревянной раме. Приобретена офицерами из Академии Художеств).

13. Художественная картина линейного корабля «Император Павел I».

14. Изображение первого боевого залпа всем бортом 8 октября 1911 года. Писано с фотографии. Изображение линейного корабля «Император Павел I» с носа на полном ходу акварельными красками. Поднесены офицерам, служащим на корабле, мичманом Б. Л. Новиковым.

15. Серебряная закладная дощечка корабля. (Серебряная дощечка с гравированным изображениям корабля и датами его закладки. Поднесена начальником Балтийского судостроительного и механического завода, генерал-майором Вешкурцевым).

16. Высочайшая грамота Императрицы Екатерины II с автографом Генерал-Адмирала Павла I. (Грамота на пергаменте, подписана императрицей Екатериной II. Приобретена офицерами

корабля).

17. Серебряный бокал. (Бокал с надписью от командира кают-компании офицеров. С мальтийским крестом. Поднесен офицерам командиром корабля в день судового праздника 29 июня 1912 года).

18. Серебряный ковш. (Ковш в виде ладьи с выгравированными фамилиями первых корабельных гардемарин, плававших в кампании 1912 года).

19. Увеличенная фотография Высочайшего смотра. (Фотография в вызолоченной раме. Изображено Высочайшее прибытие на корабль Его Императорского Величества Государя-Императора и Императора германского Вильгельма II в июне 1912 года в Балтийском порту. Поднесена офицерам командиром корабля, капитаном 1 ранга Небольсиным 25 декабря 1912 года).

20. Большой образ Св. Николая Чудотворца. (Образ Св. Угодника Николая Мирликийского в киоте из грушевого дерева с серебряной доской. Иждивением командира, офицеров и команды в течение 1913 года).

21. Св. Евангелие. (Напрестольное Св. Евангелие в серебряной крышке).

22. Образ Святых Апостолов Петра и Павла. (Образ в серебряной оправе художественного письма).

23. Две хоругви. (Хоругви красного бархата, шитые полотном с морскими эмблемами).

24. Семисвечник с запрестольным крестом. Позолоченное металлическое изделие.

25. Полное Священническое облачение и Воздуха. (Из желтой парчи). (Все перечисленное в пп. 20-25 церковное имущество пожертвовано почетным гражданином города Кронштадта старостой Андреевского собора Я. К. Марковым).

26. Братина с девизом «Помни войну». (Серебряный ковш, украшенный самоцветными камнями, с девизом «Помни войну». Приз, учрежденный командиром и офицерами линкора «Цесаревич» в память десятилетнего плавания корабля и Высочайше утвержденный за состязательную стрельбу плутонговых командиров в 1913 году).

27. Братина с девизом «В единении Сила». (Хрустальная братина в серебряной, художественной выделки, оправе, с девизом «В единении Сила». Поднесена офицерам корабля командиром, капитаном 1 ранга Небольсиным в день судового праздника 29 июня 1913 года).

28. Коробка для папирос. (Серебряная коробка для папирос с накладным Мальтийским крестом белой эмали. Поднесена начальником и чинами штаба бригады линейных кораблей

Балтийского флота в день судового праздника 29 июня 1913 года).

29. Коробка для папирос. (Серебряная коробка для папирос с вделанным в нее серебряным рублем времен царствования Императора Павла I. Поднесена офицерам корабля капитаном 2 ранга И. В. Миштовтом).

Состязательные стрельбы на Императорский приз

1912 год

1. «Цесаревич» -
2. «Адмирал Макаров» — 527.

3. «Имп. Павел I» — 395
4. «Слава» — 357
5. «Рюрик» — 320
6. «Паллада» — 250
7. «Громовой» — 246
8. «Андрей Первозванный» — 175.
9. «Баян»— 156.

1913 год

1. «Баян» —746.
2. «Адмирал Макаров» — 717.
3. «Громобой» — 637.
4. «Слава» — 615.
5. «Цесаревич» — 564.
6. «Император Павел I» 520.
7. «Паллада» — 481.
8. «Рюрик» — 443.
9. «Андрей Первозванный» — 263.

Результаты состязательной стрельбы плутонговых командиров в 1913 году

1. «Император Павел I» — 505.
2. «Слава» — 462.
3. «Андрей Первозванный» — 340.
4. «Цесаревич» — 310.
5. «Рюрик»— 126.
3. «Император. Павел I» -
4. «Слава» — 357.
5. «Рюрик» — 320.
6. «Паллада» -
7. «Громобой»

Согласно приказу Командующего морскими силами от 12 марта 1914 года №117, линкору «Император Павел I» присужден по высшим баллам приз «Помни войну». Плутонговые командиры: мичманы Станкевич, Соболев 2-й, Эльснер, Рязанов, Горковенко, Керн, Князев и Яцюк. Особый приз получил мичман Рязанов за лучшее управление огнем 120-мм орудий.

Капитан 2 ранга Гертнер; инж.-мех., капитан 2 ранга Игнатьев; коллежский советник Ковалевский; ст. лейтенанты Затурский, Изенбек; лейтенанты Котовский, Загуляев, Кнюпфер 2-й, Апрелев, Левицкий, Ланге, Дандре; инж.-мех., лейтенант Уляницкий; инж.-мех., мичманы Шенефельдт, Салтыков, Стриж, Гуляев, Морозов.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II

Александр II —русский царь с 1855 по 1881 год.

«Император Александр II» (ББ-2)

Водоизмещение: 9 244 т.
Главные размерения: 105,6х20,4х7,8 м.
Скорость максимальная: 15,3 узла.
Вооружение: два 12-дюймовых орудия на барбетной установке, четыре 229-мм орудия, восемь 152-мм, десять 47-мм и восемь 37-мм орудий, 5 надв. ТА.
Мощность механизмов: 8 500 л. с.
Бронирование:
Борта — 102-356 мм.
Казематы — 76-152 мм.
Барбет — 254 мм.
Палуба — 60 мм.
Боевая рубка — 254 мм.
Экипаж (штатный): 31 офицер, 585 матросов.
Тип: «Император Александр II»

Броненосный корабль «Император Александр II» был заложен 18 июня 1885 года на верфи Нового Адмиралтейства в Санкт-Петербурге в качестве первого океанского броненосца

Балтийского флота. Строительство корабля велось в рамках изменений 1885 года в кораблестроительную программу 1881 года, предусматривающую строительство для Балтийского флота восьми броненосных кораблей.

Руководил постройкой корабельный инженер подполковник Субботин Н. А., за плечами которого был уже опыт строительства броненосной батареи «Не тронь меня», а также мониторов «Стрелец» и «Единорог». Закладка броненосца проходила в торжественной обстановке в присутствии царя Александра III и морского министра адмирала Шестакова. На флагштоке Нового Адмиралтейства развевался огромный Императорский штандарт.

Подобная торжественность была вполне оправданна. Болезненное поражение в Крымской войне, связанное с гибелью всего Черноморского флота и с демонстрацией почти полной несостоятельности Балтийского флота, было еще очень свежо в памяти. К счастью, эти печальные события совпали по времени с концом эпохи парусного деревянного флота и с началом бурного развития броненосного флота, что дало возможность России, возрождая флот, начать как бы с промежуточного старта и снова заявить свои претензии на роль крупнейшей морской державы мира.

Еще в августе 1881 года указом Императора Александра III было создано Особое совещание по определению военно-морской политики России, вытекающей из новой международной обстановки и новых возможностей промышленности. Председателем Особого совещания стал новый генерал-адмирал Русского Флота, брат царя, Великий Князь Алексей Александрович, недавно сменивший на своем высоком посту ушедшего в отставку Великого Князя Константина Николаевича.

Особое беспокойство совещания вызывало бурное развитие броненосных флотов иностранных держав, в первую очередь, Англии, которая со времен Крымской войны и, из-за продолжающейся русской экспансии на Кавказе и в Средней Азии, остается главным потенциальным противником России во всех вариантах будущих вооруженных конфликтов.

Англичане под прикрытием мощных соединений своего флота уже оккупировали Египет и явно подбираются к Дарданеллам. Стремительно растет и флот Германии, нарушая хрупкое равновесие морских сил, сложившееся на Балтике. У России же на момент работы совещания, то есть, на лето 1881 года, флота, если не считать нескольких мониторов на Балтике и чудо-«поповок» на Черном море, не было вообще. «Россия не должна играть на море той же слабой роли, как в последнюю русско-турецкую войну, — приняло решение Особое совещание.

— Она должна быть готова встретить неприятеля за пределами своих вод, будь это в Балтике или в Черном море». Что же касается конкретного Балтийского театра, то, по замыслу совещания, главной задачей планируемой программы военного кораблестроения являлось «обеспечение за нами первенствующего значения сравнительно с флотами других прибрежных держав. Для этого флот наш должен не уступать германскому, а если возможно, иметь над ним перевес в открытом море». Для этой цели предполагалось в течение двадцати лет ввести в строй только на Балтике шестнадцать новых броненосцев. И первым в этом длинном ряду оказался «Император Александр II».

При проектировании головного корабля задуманной серии вначале исходили их того, чтобы он был заведомо сильнее самого грозного по тем временам немецкого броненосца типа «Заксен» (7 400 т, 14 узлов, шесть 260-мм орудий в казематах). Поэтому водоизмещение нового корабля решили ограничить 8 500 тоннами, вооружив его двумя 305-мм орудиями, расположенными на барбетной установке в носовой части броненосца.

По артиллерии и толщине брони «Император Александр II» проектировался заведомо слабее уже построенных на Черном море броненосцев типа «Екатерина II», но обладал гораздо большей мореходностью, пригодной для океанских плаваний. Это объяснялось несколькими причинами. Две прошедших на Черном море войны — Крымская и русско-турецкая 1877-1878 годов, а также возросшая активность англичан в восточном Средиземноморье, неизбежно привели к тому, что на Балтийский театр военных действий стали смотреть как, если не на второстепенный, то, по крайней мере, менее важный, нежели Черноморский. Сыграла свою роль и бытовавшая в те дни тактика боевого использования броненосных кораблей, основанная еще на весьма незначительном опыте, вроде сражения у Лиссы, где упор делался на сосредоточении всей боевой мощи по носу корабля от наиболее крупных орудий до тарана. Как всегда, моду в этом вопросе задали англичане своими броненосцами типа «Виктория». Поэтому два 12" орудия «Императора Александра II» располагались в носовой части, а по углам броневых казематов были установлены четыре 229-мм орудия, которые могли вести огонь как в направлении оконечностей, так и по траверзам. На «Императоре Александре II» предусматривалась установка двух носовых торпедных аппаратов, симметрично встроенных в корпус и не ослаблявших прочности таранного форштевня.

При проектировании корабля, предусматривался в помощь машинам и полный парусный рангоут, но технический прогресс

шел вперед столь стремительно, что в процессе постройки от парусного вооружения броненосца отказались.

Несмотря на еще примитивную оснастку русских судостроительных заводов, недостаток опыта в строительстве кораблей подобного типа и хроническое отсутствие квалифицированной рабочей силы, стапельный период броненосца завершился фактически за два года.

1 июля 1887 года «Император Александр II» в присутствии царя и под гром артиллерийского салюта с собравшихся в Неве кораблей, приветствовавших его рождение, был спущен на воду.

После спуска на воду начался, как, всегда, мучительный период достройки корабля. Молодая русская промышленность вызвалась достроить «Императора Александра II» собственными силами. Стале-железные броневые плиты изготавливал Ижорский завод, паровые машины — Балтийский и Франко-Русский заводы, орудия — Обуховский завод. Заводы не укладывались в утвержденный график строительства, порождая вечные задержки, в части которых были виноваты и иностранные контрагенты русских заводов.

Обуховскому заводу самостоятельно пришлось осваивать производство предназначенных для броненосца 229-мм (9") орудий системы Бринкса, что удалось сделать всего за два года.

Станки для орудий главного калибра Морское министерство вначале предполагало заказать французской фирме «Кане» и английской — «Армстронга». Однако, обе фирмы назначили столь высокие цены и продолжительные сроки, что от их услуг пришлось отказаться, и станки вместе с гидравлическими установками изготовил Металлический завод в Петербурге.

Между тем, «Император Александр II» продолжал достраиваться у стенки Нового Адмиралтейства. На корабль грузились машины и котлы, устанавливались артиллерийские системы. В октябре завершилась сборка броневой палубы, начался монтаж батарейной и верхней палуб. В апреле 1888 года завершилось покрытие палуб деревянным настилом. Заказанные Металлическому заводу барбетная установка, семь бортовых торпедных аппаратов (от двух кормовых впоследствии отказались), а также, последние двадцать девять бортовых плит установили, из-за задержки поставок, лишь к концу 1889 года.

В конце июля 1889 года «Император Александр II» был переведен для окончательной достройки в Кронштадт.

30 августа 1889 года, несмотря на массу недоделок, корабль был освящен, поднял Андреевский флаг и официально вступил в строй Российского Императорского флота.

Первый командир — капитан 1 ранга П. Ф. Юрьев.

Общая стоимость постройки — 8 034 967 рублей (корпус — 6 467 124 рублей, артиллерия — 1 342 068 рублей, машины и механизмы — 225 775 рублей).

К весне 1890 года корабль подготовили к испытаниям. Специально созданную для этой цели приемную комиссию возглавили адмирал К. П. Пилкин и младший флагман Балтийского флота контр-адмирал С. О. Макаров. В ходе начавшихся испытаний броненосный корабль «Император Александр II» 15 июня прибыл в Ревель, войдя в состав эскадры, собранной там для встречи германского Императора Вильгельма II, прибывшего с визитом на яхте «Гогенцоллерн». Новый русский броненосец произвел на молодого, впечатлительного и начитавшегося Мэхэна германского Императора очень сильное впечатление. Вместе с русским царем Александром III Вильгельм побывал на новом броненосце, был принят в кают-компании, где расписался в книге почетных посетителей.

Испытания корабля продолжались. 18 сентября 1890 года были завершены испытания машин и механизмов. Хотя обе машины в сумме не добрали 211 л. с., при водоизмещении 8 748 т и мощности 8 289 л.с. максимальная скорость хода составила 15,27 узла, что сочли по тем временам вполне удовлетворительным результатом.

В конце сентября были проведены испытания артиллерии броненосца. Стрельба из орудий главного калибра на максимальных углах снижения и возвышения не выявила серьезных повреждений корпуса. Надежно действовали и механизмы наведения барбетной установки. Повторные испытания также дали хорошие результаты, выявив возможность увеличения углов обстрела путем изменения формы крыльев мостика. Суммируя свои выводы по поводу нового броненосца, адмирал С. О. Макаров писал:

> «Корабль вообще производит хорошее впечатление по своему благоустройству, и многие подробности заслуживают большого одобрения по тщательности выделки и обдуманности».

Зиму 1890-1891 гг. «Император Александр II» провел в Кронштадте, а с началом 1891 года был включен в состав Практической эскадры Балтийского моря контр-адмирала М. М. Лазарева.

В ходе плавания в составе эскадры, как бывает всегда, выявлялись различные дефекты, требующие исправления. Очевидными становились и ошибки, допущенные на стадии

проектирования и постройки. Кроме того, стремительное развитие военно-морских технологий требовало проводить параллельно и модернизацию корабля, который устаревал на глазах.

1 февраля 1892 года броненосный корабль «Император Александр II» был переклассифицирован в эскадренный броненосец.

С началом кампании 1892 года на броненосце удлинили стеньги и провели всесторонние испытания вновь вводимых сетей противоторпедной защиты с наклонным размещением выстрелов.

Всю кампанию 1892 года на броненосце проводились испытания надежности противоминных сетей и противоминной артиллерии при возможных дневных и ночных атаках миноносцев.

Осенью 1892 года броненосец прошел доковый осмотр, а зиму 1892-1893 годов простоял на паровом отоплении в Кронштадте.

Летне-осеннюю кампанию 1893 года «Император Александр II» провел в Практической эскадре под флагом вице-адмирала Геркена, проводя учения по плану боевой подготовки на рейде Ревеля, Гельсингфорса и Либавы. В июле броненосец принял участие в крупных учениях у Моонзундских островов. Корабль должен был осуществлять условную блокаду архипелага, а по ночам отражать атаки миноносцев противника, роль которых исполняли новейшие минные крейсеры «Посадник» и «Воевода». Учения показали, что иметь открытую барбетную установку орудий главного калибра несколько рискованно, и в конце кампании на барбет установили сферообразное броневое прикрытие толщиной 76 мм, которое должно было защитить комендоров от осколков снарядов в реальных боевых условиях.

Перезимовав в Кронштадте, «Император Александр II» кампанию 1894 года продолжал плавать в составе Практической эскадры под флагом вице-адмирала Гирса. Маневрирования и эволюции, стрельбы по щиту, отражение минных атак, действия в составе нападающей эскадры, а затем — в составе обороняющейся. На корабле прошли испытания новые прожекторы.

В конце кампании 1894 года на корабль пришло известие о кончине 20 октября Императора Александра III, пользовавшегося большой популярностью именно на флоте. На всех кораблях помнили слова покойного императора, сказанные им 6 мая 1886 года по случаю спуска на Черном море первых броненосцев «Чесма» и «Екатерина II»: «Ныне флот возникает вновь на радость долго скорбевшего о нем Отечества». Волею Александра III в

стране была запущена мощная программа военного кораблестроения, и все с тревогой ожидали, какую военно-морскую политику будет проводить новый Император Николай II, вступивший на престол в обычных тисках огромного дефицита государственного бюджета. Однако, все тревоги вскоре улеглись. Новый царь не только не стал сокращать, военно-морскую программу, но и выделил на ее осуществление дополнительные девяносто миллионов рублей.

В мае 1895 года с начала летней кампании на эскадренном броненосце «Император Александр II» поднял флаг новый командующий Практической эскадрой контр-адмирал Н. И. Скрыдлов. На броненосце царило радостное возбуждение: предстоял царский смотр и поход в Германию на торжества по случаю открытия Кильского канала им. Императора Вильгельма I. Строительство канала, начавшееся в 1886 году, в этом году завершилось, дав возможность кораблям германского флота оперативно, в случае необходимости, переходить из Северного моря в Балтийское. Чтобы несколько умерить растущие военно-морские амбиции кайзера Вильгельма II, на эти торжества было решено прибыть вместе с отрядом французских кораблей, демонстрируя нерушимость франко-русского союза, столь легкомысленно заключенного покойным Александром III...

23 мая 1895 года новый русский царь Николай II провел в Кронштадте первый смотр своего растущего флота. На Кронштадтском рейде особенно выделялись два корабля: мощный высокобортный броненосец «Император Александр II» и только что введенный в строй броненосный крейсер «Рюрик». Контр-адмирал Скрыдлов, перенеся флаг на канонерскую лодку «Грозящий», вышел навстречу императорской яхте. Вскоре на рейде в сопровождении «Грозящего» появилась царская яхта «Александрия», шедшая под императорским брейд-вымпелом. Выстроенный по команде «захождение», экипаж «Императора Александра II» прокричал в честь царя шестикратное «Ура!», а на «Рюрике», еще имевшем полный парусный рангоут, как в старые добрые времена, послали команду по реям.

Царь прибыл в сопровождении управляющего Морским министерством вице-адмирала Н. М. Чихачева, командующего эскадрой контр-адмирала Н. И. Скрыдлова, генерал-адмирала Русского Флота Великого Князя Алексея Александровича, а также, Великого Князя Александра Михайловича — опытного и образованного моряка. Вместе с царем была и Императрица Александра Федоровна — тогда еще молодая, 23-летняя красавица.

Посетив «Рюрика», император со свитой на катере «Петергоф»

направился на «Императора Александра II», где его у трапа встретил командир броненосца, капитан 1 ранга Никонов. Выслушав рапорт командира, поздоровавшись за руку с командиром и со всеми офицерами корабля, Государь сказал, что ему особенно приятно быть на корабле, носящем имя его незабвенного деда-мученика, царя-освободителя Александра II.

Тринадцатилетним мальчиком нынешний царь стоял у смертного одра своего деда, разорванного бомбой террориста.

На офицеров корабля новый царь произвел двойственное впечатление. Все еще помнили зычный голос и могучую фигуру Александра III, перед которым трепетали все. Покойный государь стесняться в выражениях не любил, а порой — и в поступках тоже. В военно-морских делах разбирался слабо, но Англию покарать мечтал, за что часто поднимал бокалы в кают-компаниях кораблей.

Новый царь сразу поразил своей застенчивой скромностью и не соответствующими его высокому сану погонами капитана 1 ранга.

В отличие от своего покойного отца он говорил тихим интеллигентным голосом, явно демонстрируя желание больше слушать, чем что-либо декларировать на всю Европу.

Николай II поинтересовался у капитана 1 ранга Никонова, почему на «Александре» вместо броневой орудийной башни установлена фактически незащищенная система орудий главного калибра. Подобное решение было принято в свое время по двум экономическим причинам — необходимо было экономить деньги и общий вес установки. О чем капитан 1 ранга Никонов честно и доложил Государю.

Николай II вздохнул и заметил, что нельзя экономить на таких важных вещах. Все были абсолютно согласны с новым царем.

1 июня в час ночи на «Император Александр II» вернулся контр-адмирал Скрыдлов, и броненосец, имея в кильватере крейсер «Рюрик», вышел в море. Покидая Кронштадт, покрашенные в императорские черно-золотые цвета, корабли закрылись дымом артиллерийского салюта и стали медленно исчезать в западном направлении.

5 июня, как и было предусмотрено планом, отряд контр-адмирала Скрыдлова встретился в море с эскадрой французских кораблей в составе броненосца «Гоше» и крейсера «Дюпюи де Лом».

«Император Александр II» и «Рюрик» снова заволоклись дымом салюта наций. На стеньгах русских кораблей затрепетали французские флаги. Французские корабли, подняв Андреевские

флаг, приветствовали салютом своих потенциальных союзников по вожделенному реваншу над Германией.

Рядом с мощным и величественным «Императором Александром II» его французский ровесник броненосец «Гоше», названный в честь знаменитого французского генерала эпохи революционных войн Лазаря Гоше, выглядел почти карикатурно, напоминая пожарное депо с каланчой, каким-то чудом оказавшееся в открытом море. На «Александре» многим было совершенно непонятно, как низкобортный и неуклюжий «Гоше» вообще держится на воде.

По прибытии на рейд, контр-адмирал Скрыдлов перенес свой флаг на канонерскую лодку «Грозящий», которая заблаговременно была отправлена в Гамбург. Канонерки и прочие малые корабли под флагами своих адмиралов, готовясь к церемонии, собрались в Гамбургском порту. К ним присоединились личные яхты германских сановников.

Утром 7 июня 1895 года в соответствии с церемониалом торжеств канонерки и яхты построились в длинную кильватерную колонну, во главе которой встала яхта «Гогенцоллерн» под штандартом кайзера Вильгельма II. К полдню, спустившись по Эльбе, разукрашенные флагами яхты и канонерки подошли к западному устью канала у Брунсбюттеля, где состоялась церемония открытия канала. Затем весь парадный «кортеж» проследовал по каналу. Эффект внушительного, прорезавшего высокие берега гидротехнического сооружения шириной более ста метров с поражающими воображение шлюзами и мостами, переброшенными выше клотиков мачт тогдашних полнорангоутных океанских кораблей, дополняло выстроенное в конце канала здание для торжественного обеда в виде громадного трехдечного корабля с полным рангоутом и парусами.

Неожиданно обнаружились дефекты нового канала, когда канонерская лодка «Грозящий», нарушив торжественность церемонии, села на мель прямо посреди фарватера.

Кульминацией торжеств стал проведенный Вильгельмом II парадный смотр международной эскадры. Украшенные флагами расцвечивания, имея на стеньгах национальные и немецкие военно-морские флаги, в Кильской бухте стояли несколько десятков боевых кораблей из пятнадцати морских держав мира.

Находясь под сильным впечатлением от книги американского адмирала Мэхэна «Господство на море», где, по мнению кайзера, была дана простейшая методика достижения мировой гегемонии, Вильгельм II мечтал о создании огромного океанского флота Германии, способного в будущем оспорить господство над мировым океаном у нынешней «Владычицы морей» — Англии.

Пока же Германия лихорадочными темпами создавала инфраструктуру будущего морского могущества, в состав которой входил и торжественно открываемый Кильский канал.

С мостика своей яхты «Гогенцоллерн» кайзер смотрел на выстроенные ровными колоннами боевые корабли. При этом трудно было не заметить эскадренный броненосец и крейсер, на стеньгах которых полоскались по ветру огромные Андреевские флаги.

Величественный и высокобортный «Император Александр II» выгодно выделялся на фоне своего окружения. Стоявшие по правому борту от него жалкие и низкобортные немецкие броненосцы «Баден» и «Вайссенбург» совершенно не смотрелись на фоне величественного русского гиганта. Слева за кормой дымила частоколом труб эскадра экзотических итальянских броненосцев: «РеУмберто», «Сицилия», «Руджери ди Лаурия», «Франческо Моросини». Мористее стояли английские броненосцы «Худ» и «Эмпресс оф Индия», которые выглядели, если не хуже, то уж никак не лучше русского броненосца.

Многочисленные журналисты, собравшиеся для освещения торжеств по случаю открытия канала, справедливо назвали русские корабли «жемчужиной Кильской эскадры».

> «Все шесть дней были рядом беспрерывных военных парадов, смотров, представлений, встреч, официальных визитов и обедов,» — передавал находившийся на борту «Императора Александра II» корреспондент газеты «Кронштадтский вестник».

Группа офицеров броненосца «Император Александр II» и крейсера «Рюрик» во главе с контр-адмиралом Скрыдловым была приглашена на борт яхты «Гогенцоллерн», где они были представлены кайзеру Вильгельму II. Кайзер не удержался и снова посетил броненосец. Это был уже второй его визит на «Императора Александра II». Возможно, что-то подсказывало германскому Императору, что в будущем этот корабль будет одним из участников выполнения его плана сокрушения России руками левых экстремистов, именуемых большевиками, вскормленных на его, кайзера, деньги. Но это будущее едва ли угадывалось в далекие июньские дни 1895 года в грохоте бесконечных салютов и громе оркестров, игравших национальные гимны и военно-морские марши.

После окончания Кильских торжеств броненосец вернулся в Кронштадт и остаток кампании 1895 года продолжал находиться в Практической эскадре Балтийского моря.

Простояв зиму на паровом отоплении в Кронштадте,

«Император Александр II» с начала летней кампании 1896 года стал готовиться к уходу в Средиземное море. Постоянная напряженность греко-турецких отношений время от времени выливалась в неконтролируемые вооруженные конфликты. Особенно острым было положение на острове Крит, оставшемся под турецким протекторатом, где постоянно вспыхивали вооруженные мятежи греков, выливающиеся в кровавые вакханалии. Эти события затрагивали интересы европейских держав, которые, помимо всего прочего, являлись и гарантами греческой независимости. Англия, Франция, Италия и Германия направили свои корабли к острову Крит и в Эгейское море.

Россия, которая традиционно считала себя покровительницей всех славян, также не могла остаться безучастной к этим событиям. У острова Крит действовал броненосец «Император Николай I» — почти однотипный собрат «Императора Александра II», построенный чуть позже.

Между тем, резкое обострение обстановки на Дальнем Востоке, в связи с поражением Китая в японско-китайской войне, потребовало резкого усиления русской Тихоокеанской эскадры, в состав которой «Император Николай I» был срочно переброшен из Средиземного моря. В результате этого в Средиземном море не оставалось ни одного русского броненосца. Главный морской штаб принял решение перебросить туда «Императора Александра II» и только что законченный постройкой броненосец «Наварин», который, в отличие от двух первых русских броненосцев, был вооружен уже четырьмя 12" орудиями в башенных установках.

Из этих двух броненосцев был сформирован отряд под командованием контр-адмирала П. П. Андреева, назначенного командующим (начальником) русской Средиземноморской эскадры.

4 августа 1896 года контр-адмирал Андреев поднял свой флаг на эскадренном броненосце «Император Александр II», а на следующий день оба броненосца вышли в море. После полуторамесячного плавания, посетив по пути Киль, Христианзанд, Портленд, Кадис и Алжир, русские корабли 19 сентября 1896 года бросили якорь на рейде греческого порта Пирей.

На следующий день «Император Александр II» и «Наварин» были посещены королевой эллинов русской Великой Княгиней Ольгой Константиновной — дочерью великого преобразователя Русского Флота Великого Князя Константина Николаевича, который вместе со своим старшим братом Императором Александром II сделал отчаянную попытку вывести Россию из

болота деспотии на путь европейской цивилизации.

Умная и энергичная королева Ольга, сохранившая связи при русском дворе, всеми средствами добивалась, чтобы Россия постоянно держала в Средиземном море и особенно в его восточной части мощное соединение своего флота. Главным образом, на страх туркам. Они в немалой степени способствовали претензиям Петербурга на обладание турецкими проливами, не давая ослабнуть напряжению в русско-турецких отношениях. Королева любила посещать русские корабли, превратив это в своего рода неизменный ритуал, практически не знающий исключений. Она дарила подарки офицерам и матросам, принимала их в своем дворце, устраивала чаепития для команд и пользовалась на Русском Флоте большой популярностью. В кают-компании «Императора Александра II», стоя под портретом «своего незабвенного августейшего дяди», царя-освободителя Александра II, королева Ольга поблагодарила русских моряков уже за то, что их приход в Пирей охладил горячие головы в Стамбуле, где никак не могли смириться с потерей Греции как «неотъемлемой части» великой Оттоманской империи. Адмирал Андреев и капитан 1 ранга Никонов, почтительно выслушав призывы королевы эллинов, реагировали на них сдержанно. В хитросплетении интересов великих империй никогда не было прямых решений, на которых всегда настаивали малые страны.

Между тем, напряженность на острове Крит не ослабевала. 24 мая 1896 года, то есть, еще до прихода в этот район отряда адмирала Андреева, на улицах крупнейшего порта Крита Каней (Ханьи) произошла настоящая резня между христианами и мусульманами, в ходе которой были разгромлены русское и греческое консульства. В городе начались паника и хаос, усиливающиеся с каждым днем. Для защиты своих подданных

Англия, Франция и Германия послали в Каней свои боевые корабли. Россия в этот момент была представлена в Средиземном море всего двумя канонерками «Грозящий» и «Запорожец», что было явно недостаточно.

Англия, например, держала в Александретте (турецкий порт на границе Турции и Сирии) целую эскадру своих броненосцев. Корабли высадили десант в порту, взяв под свое покровительство иностранных подданных и христиан. По предложению командования международной эскадры, турецкий султан назначил губернатором острова христианина и пожаловал всем мятежникам амнистию. Однако, подстрекаемое из Афин, греческое население подняло новый мятеж, вылившийся в новую резню, в результате которой Стамбул потерял контроль даже над собственной армией, расквартированной на острове.

Появление в водах Крита отряда адмирала Андреева настолько вдохновило греческое правительство, что оно решило перейти к активным действиям. В начале 1897 года у Каней появилась греческая эскадра под флагом наследного принца Георга, проведя воинственную демонстрацию и явно провоцируя Турцию на войну, в которую, несомненно, надеялись втянуть и Россию. Командующие международной эскадрой, и в первую очередь контрадмирал Андреев, категорически потребовали, чтобы греческие корабли, под страхом открытия огня, немедленно покинули воды острова. На «Императоре Александре II» и «Наварине» к орудиям были поданы боевые снаряды. Греческая эскадра удалилась, однако, чуть позднее, в ночь на 15 февраля 1897 года, греки высадили на побережье отряд своих войск численностью тысяча четыреста человек при восьми орудиях под командованием флигель-адъютанта греческого короля полковника Васоса и начали наступление на Канею. Одновременно с другой стороны на город двигались отряды повстанцев. Сложность ситуации увеличилась тем, что город был занят не турками, а десантными отрядами с кораблей союзной эскадры. Полковнику Васосу было передано предупреждение немедленно остановить наступление, в противном случае по нему откроют огонь корабли международной эскадры. Под страхом обстрела полковник Васос приказал своему отряду остановиться в одной из прилегающих к Канее деревень. Однако, повстанцы не только не остановились, но подвергли Канею орудийному обстрелу. В ответ «Император Александр II» произвел два залпа по берегу из орудий вспомогательного калибра, рассеяв повстанческие отряды.

16 февраля на борту «Императора Александра II» собрался под председательством контр-адмирала Андреева совет адмиралов международной эскадры, объявившей блокаду побережья Крита в районе Канеи. В результате этого решения греческие войска оказались отрезанными на острове, не имея боеприпасов и продовольствия. Между тем, десанты с кораблей, включая и роту с «Императора Александра II», на этот раз взяли под покровительство мусульманское население региона. Совет адмиралов составил воззвание к повстанцам, обещая им автономию под суверенитетом Турции. Командиры повстанческих отрядов были собраны на борту «Императора Александра II», где капитан 1 ранга Никонов зачитал им это воззвание. Однако, это воззвание не произвело на повстанческих командиров особого впечатления. Они ответили, что намерены добиваться окончательного присоединения острова к Греции и готовы погибнуть за это дело. Им все равно, кто их будет убивать: турки

или снаряды с кораблей международной эскадры.

Весь 1897 год эскадренный броненосец «Император Александр II», действуя совместно с броненосцем «Наварин», продолжал поддерживать хоть какую-то видимость порядка на острове. Время от времени корабли уходили в Пирей, Порос или Смирну для пополнения запасов и профилактического ремонта.

В начале 1897 года к «Александру II» и «На- варину» присоединился пришедший с Балтики новый броненосец «Сисой Великий». Однако, в середине марта, из-за затяжного выстрела в кормовой башне, при производстве учебных стрельб, корабль получил тяжелые повреждения и надолго ушел в Тулон для ремонта. В конце 1897 года с Дальнего Востока в Средиземное море вернулся броненосец «Император Николай I», но вскоре был отозван в Кронштадт. В декабре 1897 года закончивший ремонт «Сисой Великий» и «Наварин» были срочно отправлены на Дальний Восток, и в результате «Император Александр II» остался единственным русским броненосцем, представляющим интересы России в Средиземном море. В 1898 году сменилось командование эскадрой и кораблем. На «Императоре Александре II» снова поднял свой флаг адмирал Скрыдлов, а командиром броненосца стал капитан 1 ранга Хмелевский.

«Император Александр II» продолжал нести свою нелегкую службу в водах острова Крит, отвечая за Ретимский округ, оккупированный десантными отрядами моряков с броненосца и канонерской лодки «Гремящий».

В марте 1898 года из Одессы пришел пароход РОПита, доставивший голодающему от не прекращающихся кровавых беспорядков населению острова триста пятьдесят тонн пшеничной муки. Название парохода было «Император Александр II». Два «Александра II» — броненосец и пароход — стали рядом на рейде. Экипажи перегружали муку на подошедшие баржи для пропорционального распределения между христианским и мусульманским населением района. Часть муки на отдаленные пункты побережья доставляла канонерская лодка «Гремящий». Адмирал Скрыдлов, будучи начальником всех русских сухопутных и морских сил на острове, в октябре 1898 года телеграфировал в Петербург, что ему удалось добиться умиротворения и добровольной сдачи оружия русским экспедиционным войскам как христианского, так и мусульманского населения подведомственного ему Ретимского округа. Адмирал Скрыдлов получил благодарность самого царя, а позднее в числе других адмиралов международного отряда он получил почетное гражданство города Афины. В 1899 году в Пирее адмирал Скрыдлов сдал командование эскадрой, и на «Императоре

Александре II» поднял свой флаг адмирал Вальронд. Почти все лето 1899 года броненосец провел в водах острова Крит, базируясь главным образом на Пирей.

В ноябре 1899 года броненосец пришел в Смирну, куда затем пришли другие корабли эскадры: минный крейсер «Абрек», канонерская лодка «Запорожец» и миноносец №119. Проведя строевой осмотр, корабли вернулись в Пирей, куда вскоре прибыл и второй миноносец эскадры — №120.

Вскоре, по пути на Дальний Восток, в Пирей зашли эскадренный броненосец «Петропавловск», на котором в будущие было суждено погибнуть адмиралу С. О. Макарову, и канонерская лодка «Гиляк».

В Пирее корабли обоих отрядов встретили новый 1900-й год и начало нового века.

В январе под брейд-вымпелом капитана 1 ранга Хмелевского «Император Александр II» нанес визит в австро-венгерский порт Полу, доставив туда русского посланника из Афин, а затем вернулся в воды острова Крит, где 26 февраля 1900 года на броненосце поднял флаг новый командующий Средиземноморской эскадрой контр-адмирал Бирилев, прибывший в Судо на канонерской лодке «Запорожец».

В марте 1900 года в сопровождении минного крейсера «Арбек» броненосец посетил французскую военно-морскую базу Вильфранш, откуда под эскортом миноносцев №№ 119 и 120 вышел в Бриндизи, а затем — на Корфу. В мае 1900 года «Император Александр II», выполняя свою задачу демонстрации русского флага, посетил с «Абреком» Гравозу и Бизерту, в июне пришел в Воло, в июле — Еврипо-Халкис, а затем вернулся в греческие воды, где участвовал в морском параде по случаю освящения нового храма в Афоне.

В сентябре на рейде Смирны на броненосце произошла смена командиров. Капитан 1 ранга Хмелевский выехал в Россию, а командование кораблем принял капитан 1 ранга Броницкий.

28 ноября 1900 года броненосец «Император Александр II» в сопровождении канонерской лодки «Кубанец» и минного крейсера «Абрек» прибыл в Бейрут. Командование организовало экскурсию экипажей по святым местам в Иерусалиме с посещением русской православной общины и церкви Гроба Господня.

Новый 1901 год корабль встретил в Пирее, откуда в феврале вышел в Геную под эскортом канонерской лодки «Храбрый», минного крейсера «Абрек» и миноносцев №№ 119 и 120.

В марте «Император Александр II» посетил Барселону.

Первый океанский русский эскадренный броненосец

продолжал вспарывать своим тараном воды Средиземного моря, демонстрируя русский флаг, а мимо него белыми призраками проходили отправляющиеся на Дальний Восток навстречу своей страшной судьбе корабли Русского Флота: «Полтава», «Севастополь», «Петропавловск», «Россия», «Амур», «Енисей», заказанные на заводах Франции миноносцы. Подавляющему большинству их них уже никогда не суждено было вернуться...

В апреле 1901 года эскадренный броненосец «Император Александр II» пришел в Тулон, где стал на длительный ремонт и докование.

Завершив в июле ремонт, «Император Александр II» стал готовиться к возвращению на родину, получил сообщение, что в сентябре на смену ему в Средиземное море прибывает его собрат-броненосец «Император Николай I».

4 августа 1901 года, выйдя из Алжира, «Император Александр II» взял курс на Балтику. Посетив по пути Кадис, Портленд и Копенгаген, корабль 2 сентября 1901 года прибыл в Кронштадт после пятилетнего нахождения в заграничном плавании.

По прибытии в Кронштадт, броненосец был осмотрен комиссией. Пятилетнее плавание подтвердило хорошее качество его постройки. Однако, за это время военно-морская техника уже шагнула так далеко (вперед), что броненосец не мог действовать вместе с новыми кораблями, из-за малой скорости хода, недостаточного бронирования и устаревшей артиллерии.

На кампанию 1902 года «Император Александр II» был включен в состав Учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота. Учебно-артиллерийский отряд Балтийского флота имел большую историю и в 1902 году отметил свой столетний юбилей. Поскольку главным оружием флота являлась артиллерия, на отряде проходили подготовку практически все артиллерийские офицеры и комендоры, которые затем пополняли экипажи новейших кораблей. К 1900 году, в связи с ростом флота, число обучающихся достигло тысячи человек, а в отряд входило пятнадцать кораблей. В 1902 году Учебно-артиллерийским отрядом командовал капитан 1 ранга З. П. Рожественский, которому всего через три года предстояло обессмертить свое имя Цусимской катастрофой. Но никто еще не знал этого...

Кроме «Императора Александра II», в Учебно-артиллерийский отряд входили броненосцы береговой обороны «Адмирал Ушаков» и «Адмирал Синявин», крейсер «Память Азова», броненосный крейсер «Минин», броненосная батарея «Кремль» и другие корабли. На их фоне «Император Александр II» выглядел столь же импозантно и величественно, как и в былые времена.

Весной и летом 1902 года на Балтике царила лихорадочная активность. Один за другим приходили построенные за границей по русскому заказу боевые корабли. У достроечных стенок столичных заводов достраивались новейшие броненосцы и крейсера. Под гром артиллерийских салютов спускались на воду новые бронированные чудовища. По корабельному составу Россия выходила на третье место среди ведущих морских держав мира.

В мае 1902 года броненосец «Император Александр II» участвовал в торжественной встрече французского Президента Лубэ, прибывшего в Кронштадт на борту крейсера «Монкальм», где его встретил Николай II на яхте «Александрия».

Затем броненосец в составе Учебно-артиллерийского отряда перешел на Ревельский рейд, где началась подготовка к грандиозным учениям по случаю предстоящего визита кайзера Германии Вильгельма II, который в Ревеле должен был встретиться с русским Императором Николаем II.

> «По случаю встречи высоких гостей, — передавали из Ревеля корреспонденты русских газет, — Ревель принарядился эффектным образом: он весь сплошь убран хвойной зеленью. Ряды гирлянд протянулись поперек улиц, переплетали дома и висели длинными шпалерами вдоль старых крепостных стен... Суда Учебно-артиллерийского отряда стройными силуэтами обрисовывались на светлом фоне воды и неба. Сюда собрались грозные великаны-красавцы: «Император Александр II», «Память Азова», «Адмирал Синявин», «Адмирал Ушаков»...»

Черно-золотая окраска кораблей Учебно-артиллерийского отряда резко контрастировала с белоснежными корпусами стоявших на Ревельском рейде новейших боевых кораблей: построенного в США и только что пришедшего в Россию эскадренного броненосца «Ретвизан», построенного в России эскадренного броненосца «Победа» и пришедшего из Германии крейсера «Новик». Из новых кораблей спешно формировали отряд, направляющийся на Дальний Восток, где всем им суждено было погибнуть в непродуманной колониальной авантюре, навсегда подорвав силы Российской империи. Но никто не мог предвидеть подобного исхода в этот прекрасный июльский день 1902 года — торжественный день встречи двух Императоров.

23 июля в 11 часов утра императорская яхта «Штандарт», конвоируемая императорской яхтой «Полярная звезда» и крейсером «Светлана», под эскортом миноносцев пришла на Ревельский рейд, начав обход кораблей, построенных в пять

кильватерных колонн. Ветер рвал яркие флаги расцвечивания.

На броненосце «Император Александр II», как и на других кораблях отряда, при прохождении императорской яхты, команда кричала «Ура!», оркестр играл Николаевский марш, барабанщики били «поход».

Тишину разорвал гром артиллерийского салюта, которым корабли приветствовали главу государства, и над рейдом полились плавные звуки русского национального гимна. Побывав на крейсере «Минин», флагмане Учебно-артиллерийского отряда, Государь в сопровождении моряков осмотрел памятник, воздвигнутый в Ревеле в память броненосца «Русалка», погибшего на Балтике 7 сентября 1893 года при загадочных обстоятельствах.

> «Вечером, — сообщал из Ревеля корреспондент журнала «Нива», — на всех судах зажгли иллюминацию — и, благодаря наставшей тихой погоде, ее эффект вышел полным. Картина рейда, иллюминированного таким образом, была неописуемой, и потребовалась бы кисть художника, чтобы запечатлеть на холсте всю неподражаемую, чисто волшебную красоту огненных переливов и световых эффектов».

Утром 24 июля с мостика «Императора Александра II», стоявшего в парадном строю, заметили дымы на горизонте. На рейд входила яхта германского Императора «Гогенцоллерн».

> «Взошедшее солнце заиграло искрами на волнах Ревельского рейда, — красочно сообщал корреспондент журнала «Солнце России», с места событий, — и, словно позолоченные ради праздничного дня, пенистые гребни стали весело вздыматься вдоль темных бортов колоссальных русских броненосцев и крейсеров, сплошь расцвеченных флагами».

С тех пор, как кайзер Вильгельм II с мостика своей яхты любовался видом броненосца «Император Александр II» во время торжеств по случаю открытия Кильского канала, прошло семь лет. За этот микроскопический с точки зрения истории срок военно-морская техника шагнула так далеко вперед, продолжая развиваться невиданными доселе темпами, что любой корабль устаревал, едва успев войти в строй. А «Императору Александру II» уже было без малого тринадцать лет. Его можно было считать уже безнадежно устаревшим. Конечно, он принес известную пользу Русскому Флоту, готовя в последующие годы комендоров для новых кораблей, но услуга, которую он окажет

кайзеру Вильгельму в деле вывода России из войны и ее дальнейшего расчленения, навсегда сохранит этот, в принципе забытый, броненосец Русского Флота в анналах истории. Возможно, что-то предчувствуя, кайзер с некоторым волнением долго смотрел в подзорную трубу на старый броненосец и только потом перевел ее на новейший броненосец «Ретвизан» американской постройки...

В ходе учений 1902 года командование убедилось, что броненосец «Император Александр II» уже настолько устарел, что не может соответствовать требованиям, предъявляемым к кораблям Учебно-артиллерийского отряда.

В 1903 году броненосец был поставлен на капитальный ремонт.

В декабре 1903 года на нем заменили котлы, а в следующем году начали замену вооружения в соответствии с требованиями, выработанными для учебно-артиллерийских кораблей.

За исключением двух 305-мм (12") орудий установили новую артиллерию — пять 203-мм орудий (четыре из которых находились на местах старых 229-мм орудий, а одно — в корме), восемь 152-мм и четыре 47-мм орудия на батарейной палубе и четыре 120-мм орудия — на верхней палубе. Кроме того, с корабля сняли тяжелые бронированные марсы, прежние стеньги и реи, заменив их облегченными, уменьшенного размера. Для обеспечения ночных стрельб на каждой мачте и над радиорубкой, сооруженной у второй дымовой грубы, установили на специальной платформе по два прожектора системы Манжена.

Пока «Император Александр II» стоял в капитальном ремонте, разразилась русско-японская война. Стоявший в ремонте старый броненосец оказался немым свидетелем очередной катастрофы Русского флота. Последовательные поражения, которые несла первая Тихоокеанская эскадра, привели к формированию на Балтике 2-й, а затем и 3-й Тихоокеанских эскадр. Фактически весь Балтийский флот был брошен в горнило дальневосточной войны, ведущейся, как и многие другие войны России, неизвестно за что. За «корейские дрова», как острили матросы. При снаряжении новых эскадр, направляемых на Дальний Восток, вспомнили и об «Императоре Александре II», о котором в горячке первых дней войны, обещавшей быть победоносной и короткой, напрочь забыли. Пламенные статьи виднейшего в России военно-морского теоретика профессора Кладо призывали отправить на Дальний Восток и «Императора Александра II». В самом деле, если на войну был послан его однотипный собрат «Император Николай I» с тремя броненосцами береговой обороны типа «Адмирал Ушаков», которые вообще никогда не предназначались для

океанских плаваний, то почему нельзя послать и «Императора Александра II», давно доказавшего свои замечательные мореходные качества? Кладо предлагал включить броненосец во второй эшелон 3-й эскадры вместе с еще недостроенной «Славой».

Можно с уверенностью сказать, что пойди «Император Александр II» на войну, он наверняка, как и его собрат «Император Николай I», угодил бы в плен к японцам. К счастью, этого (то есть, посылки на войну) не произошло, поскольку корабль не успели отремонтировать, и судьба готовила ему гораздо более позорное будущее, чем служба под японским флагом...

Ремонт броненосца продолжался с учетом печального опыта проигранной войны. С корабля сняли все бортовые торпедные аппараты. Старые динамомашины заменили новыми фирмы «Сименс и Гальске».

Была изменена также конфигурация дымовых труб и форма боевой рубки. В июне 1905 года броненосец вышел на ходовые испытания, в ходе которых немедленно обнаружилась течь новых котлов, чья чеканка выдержала лишь кампанию 1905 года. После чего корабль снова был поставлен в ремонт. Выяснилось также, что скорость хода после ремонта оказалась ниже, чем до и составила 12,7 узла.

1906 год броненосец «Император Александр II» провел на паровом отоплении в Кронштадте, продолжая ремонт и проводя возможную модернизацию различных корабельных систем.

На флоте царило погребальное уныние. Небывалая в истории военно-морская катастрофа русско-японской войны, фактически лишившая Россию всего флота и бесценных кадров опытных специалистов, вызвала временный шок под-аккомпанемент неизбежных в подобной обстановке вопросов: «А нужен ли России флот вообще?»

В 1906 году ставился вопрос о разборке «Императора Александра II» на металл для экономии тех жалких средств, которые выделяла тогда флоту опозоренная им страна.

На Балтике стало пусто, как в чистом поле. Из семнадцати броненосцев, отправленных на Дальний Восток, вернулся один «Цесаревич». Вместе со «Славой», которую тоже, к счастью, не успели достроить во время войны, из двух броненосцев организовали учебный отряд для подготовки ошеломленного и деморализованного личного состава.

В 1906 году в Кронштадте вспыхнул мятеж матросов, в котором активное участие приняли и моряки с «Императора Александра II». Народ в России никогда не прощал правительству проигранных войн. Более того, экипаж броненосца пытался не

допустить высадки в Кронштадте правительственных войск для подавления мятежа.

Между тем, необходимо было возрождать флот уже не для выполнения методик адмирала Мэхэна о мировом господстве, а для защиты Петербурга со стороны моря на случай войны с Германией, морские силы которой уже примерно раз в двадцать превосходили русские и продолжали стремительно увеличиваться. В подобных условиях драгоценным становился каждый корабль, на котором можно было бы подготовить личный состав для будущего флота.

В 1907 году «Император Александр II» был снова включен в состав Учебно-артиллерийского отряда. Впрочем, отряда как такового не было. Кроме самого «Александра», в отряд входил транспорт «Рига» и несколько миноносцев. Все корабли, с которыми «Император Александр II» плавал до капитального ремонта в Учебно-артиллерийском отряде, разметали бурные события последних трех лет.

Из трех броненосцев береговой обороны один погиб, а два — попали в плен. Крейсер «Память Азова» после вспыхнувшего на нем мятежа был переименован в «Двину» и обращен в плавбазу. Крейсер «Минин» перестраивался в минный заградитель. Таким образом, один «Император Александр II» и составил весь Учебно-артиллерийский отряд.

На нем поднял флаг контр-адмирал Н. К. Рейценштейн — участник минувшей войны, прорвавшийся на крейсере «Аскольд» в Шанхай.

8 мая «Император Александр II» начал кампанию и 13 мая пришел в Ревель, где начал подготовку к стрельбам. Проведя всю летнюю кампанию в районе Ревельского рейда, «Император Александр II», получив 29 августа сообщение о посадке на камни в шхерах царской яхты «Штандарт», отправился в Ганнэ, где простоял до 3 сентября, оказывая «Штандарту» содействие своими катерами и баркасами.

4 сентября броненосец перешел в Кронштадт, где 7 сентября закончил кампанию.

10 октября 1907 года эскадренный броненосец «Император Александр II» был переклассифицирован в учебный линейный корабль.

Зиму 1907-1908 годов корабль простоял в вооруженном резерве и 8 мая 1908 года начал кампанию.

В 1908 году в состав Учебно-артиллерийского отряда вошел первый русский броненосец «Петр Великий», вступивший в строй в качестве учебного судна после долгого периода капитального ремонта и перестройки. Два первых русских броненосца, один из

которых был произведен в линкоры, а второй — разжалован в учебные суда, встретились в Учебно-артиллерийском отряде.

8 мая оба корабля вышли из Кронштадта в Ревель. На борту «Петра Великого» находились специалисты Балтийского завода, которые на переходе в Ревель должны были устранить дефекты, обнаруженные в его машине на испытаниях. Увеличив ход, «Петр Великий» около десяти часов утра скрылся из вида «Александра II» в дымке на горизонте. С мостика линкора «Петр Великий» обнаружили снова лишь около полуночи у Ревельстейна. При подходе «Императора Александра II», «Петр Великий» дал свои позывные и сообщил сигналом, что сидит на мели. Выяснив, что «Петр Великий» сам сойти с мели не может, контр-адмирал Рейценштейн запросил Ревельский порт прислать средства для снятия учебного корабля с мели. Вместе с тем, адмирал приказал начать разгрузку аварийного корабля. Всю ночь с «Петра Великого» на подошедшие баржи выгружали боеприпасы и уголь. Наконец около семи часов утра корабль снялся с мели и был отправлен обратно в Кронштадт для докового ремонта. «Император Александр II» снова остался один. Находившиеся на «Петре Великом» ученики-комендоры 152-мм орудий были переведены на «Александра II».

С 27 июля по 6 августа «Император Александр II» принимал вместе с транспортом «Рига» участие в общефлотских маневрах, а 19 сентября в мест с окончившим ремонт «Петром Великим» направился в Биорке, где намечался Высочайший смотр.

Утром 23 сентября к кораблям отряда прибыл Император Николай II на яхте «Штандарт», которую конвоировал крейсер «Адмирал Макаров». «Император Александр II» возглавлял колонну кораблей. За ним стояли линкор «Цесаревич», затем — недавно построенный в Англии — броненосный крейсер «Рюрик» и крейсер «Богатырь».

Над рейдом гремело тысячеголосое «Ура!», легкий ветерок стелил по воде дым салютов, оркестры играли марши, сменившиеся гимном.

Первым Император посетил «Александра II». Николай II знал и любил флот, зная в лицо и по фамилии практически всех строевых офицеров.

Цусимский разгром он считал «победой русского духа» и был в чем-то прав. Пробыв на эскадре еще несколько часов, наблюдая шлюпочные гонки, Император вскоре отбыл обратно в Кронштадт, а корабли стали готовиться к зачетным артиллерийским стрельбам, которые начались 29 сентября у острова Нарген.

3 ноября «Император Александр II» и «Петр Великий» вернулись в Кронштадт, списали в экипаж учеников и, закончив

кампанию, вступили в вооруженный резерв.

В конце года «Император Александр II» передал для ремонта на Обуховский завод 152-мм орудия. В апреле их установили на место. 3 мая старый линкор, подняв флаг и вымпел, вышел из Кронштадта в Ревель. Увеличивающаяся потребность в комендорах для орудий разных калибров предполагала проведение в начавшемся учебном году 122 различных стрельбы.

На корабль было отпущено семьсот пятьдесят 305-мм и тысяча семьсот 203-мм снарядов и зарядов. Напряженный учебный год прошел почти в непрерывных тренировках. Линкор проводил стрельбы, включая и главный калибр, стоя на якоре, на ходу при скорости десять узлов и ночью с подсветкой цели прожекторами. 10 августа отряд провел офицерскую состязательную стрельбу на Императорский приз, который достался лейтенанту Оленеву с «Петра Великого». 22 октября «Император Александр II» вернулся в Кронштадт.

Кампания 1910 года началась 4 мая. «Император Александр II», «Петр Великий» и включенный в Учебно-артиллерийский отряд крейсер «Россия» (вместо отчисленной «Риги») пошли в Ревель, где к отряду присоединился «Кореец». Предстояло провести комплекс учебных стрельб в условиях сильной качки.

10 июля линкор вместе со всем отрядом провел учебные стрельбы в бухте Монвик, с 3 по 17 июля провел в Риге, затем перешел в Ганге.

С 16 по 20 августа «Император Александр II» участвовал во флотских маневрах, а затем до 26 октября оперировал в Ревельском рейде, ведя тренировки по плану боевой подготовки учеников и слушателей.

27 октября линкор вернулся в Кронштадт и был выведен в резерв.

Всю кампанию 1911 года «Император Александр II» фактически провел на Ревельском рейде вместе с «Петром Великим» и «Россией», а на зиму вернулся в Кронштадт, где ему наконец качественно отремонтировали котлы.

Так же прошла и кампания 1912 года: эволюции и стрельбы на Ревельском рейде, зимовка в Кронштадте.

Кампания 1913 года прошла в сплошных парадах, сменяемых показательными учениями. Гремели салюты по случаю 300-летия дома Романовых, по случаю торжественного освящения Морского собора на Якорной площади в Кронштадте, по случаю визита французского Президента.

В конце кампании 1913 года «Император Александр II» и «Петр Великий» на маневрах Балтийского флота изображали

корабли противника, с которыми сражалась на центральной позиции первая бригада линейных кораблей.

Начало первой мировой войны застало «Императора Александра II» во время состязательных стрельб в конце июля 1914 года.

Вспыхнувшая, как эпидемия, большая европейская война сначала не виделась никому небывало кровавой и длительной. «Мы вернемся домой до начала листопада», — уверяли себя и друг друга солдаты и матросы всех воюющих сторон.

Такому устаревшему кораблю, каким являлся к этому времени «Император Александр II», считавшемуся негодным к боевым действиям еще во времена русско-японской войны, конечно, не удалось прославить себя в каких-либо боях на Балтике Первой мировой войны.

Если все гораздо более новые дредноуты и додредноуты Русского Флота, не считая «Славы», умудрились не сделать за все четыре года войны ни одного боевого выстрела по противнику, то об «Императоре Александре II» и говорить нечего. Престарелый линкор находился в Кронштадте, считавшемся глубоким тылом действующего флота.

В 1915 году «Императору Александру II» вместе с «Петром Великим» еще удалось с 23 мая по 8 сентября провести учебные стрельбы на плесе южного корабельного фарватера в Биоркезунде. Затем «Петр Великий» был обращен в базу подводных лодок, а «Император Александр II» стоял на рейде Кронштадта в качестве плавстенда артиллерийской школы.

Полное безделье, царившее на крупных кораблях Русского Флота, быстро разлагало их экипажи, которым, кстати, никто из офицеров не мог толком объяснить, во имя каких интересов идет столь опустошительная и долгая война.

А война требовала всех новых и новых жертв от страны, которая совсем не была к ним готова. Серия поражений 1915 года едва не закончилась для России национальной катастрофой. Отрезанная от союзников, она буквально задыхалась от нехватки практически всех средств боевого обеспечения.

Но и Германия, несмотря на свои первоначальные успехи как на Западе, так и на Востоке, также уже не выдерживала страшного военного напряжения, задыхаясь в тугой удавке английской морской блокады.

Война на два фронта оказалась ей явно не под силу, несмотря на все теоретические выкладки покойного генерала фон Шлиффена.

Тогда и оформился союз Берлина с большевиками, которых немцы обещали привести к власти в стране в обмен на гарантию

немедленного выхода России из войны и открытия Восточного фронта. Ради власти большевики были готовы заключить союз не только с немцами, но и с самим дьяволом. Руководимые и финансируемые немецкой разведкой большевистские агитаторы начали готовить в стране переворот, ставя главной задачей разложение личного состава армии и флота.

Это странно, но лучшим материалом для них оказались балтийские матросы, главным образом, с кораблей, не сделавших за войну ни единого выстрела по противнику и не потерявших в ходе войны ни одного человека. Наиболее восприимчивыми к лживой и демагогической пропаганде оказались корабли, вообще никогда не покидавшие тыловых позиций.

Так было на всех четырех дредноутах, на «Андрее Первозванном» и «Павле I». Так было и на «Императоре Александре II».

Большевистская легенда гласит, что на «Императоре Александре II» с незапамятных времен существовала большевистская ячейка. Это очень сомнительно, поскольку до 1917 года роль большевизма в вооруженных силах была практически минимальной.[20]

Серия же мятежей на флоте в период 1905-1906 годов к большевизму не имела никакого отношения. Она была вызвана общим потрясением флота дальневосточной катастрофой, умело подогреваемой разного сорта авантюристами, среди которых было немало и морских офицеров.

Воздействие большевистской пропаганды на флот стало осуществляться лишь в период Первой мировой войны, когда большевики, получив мощную финансовую и материальную поддержку из Берлина и пользуясь немыслимыми в истории России либеральными свободами последнего царствования (сохранившимися даже в военное время), развернули в Гельсингфорсе и Кронштадте довольно примитивную по сути пропаганду. Матросам внушали, что война выгодна только офицерам и никогда не кончится, пока офицеры не будут перебиты. Это был знаменитый Ленинский план «разъединить кровью» различные группы населения России: офицеров и рядовых, интеллигенцию и рабочих, рабочих и крестьян, чтобы лотом всех вместе в крови и утопить.

Немцы, готовившие удар по столице России с моря, разработали довольно остроумный план уничтожения русского Балтийского флота путем истребления наиболее способных офицеров, ибо без офицеров любой, даже очень сильный флот, мгновенно превращается в груду мертвого железа. Списки подлежащих уничтожению офицеров через большевистские

группы распространялись по кораблям. Конечно, подобную акцию можно было провести только при каких-то чрезвычайных обстоятельствах, которые неожиданно наступили в конце февраля 1917 года. Неожиданный мятеж запасных полков столичного гарнизона, убоявшихся идти на фронт, произошедший на фоне хронического кризиса власти, привел, к великому удивлению всего мира, к отречению от престола Императора Николая II и к тому, что затем стало принято называть Февральской революцией. Эти события немедленно сдетонировали кровавые вакханалии в Кронштадте и Гельсингфорсе, где началась резня морских офицеров.

На «Императоре Александре II», стоявшем в Кронштадте, был убит командир линкора капитан 1 ранга Повалишин. Матросы корабля совместно с одуревшими от крови и безнаказанности матросами учебных отрядов Кронштадта разгромили основную военно-морскую крепость Русского флота, охраняющую Петроград с моря. Были убиты военный губернатор Кронштадта адмирал Вирен, адмиралы Бутаков и Рейн и многие другие.

Знаменитый «Приказ №1», призывавший к истреблению офицеров и неподчинению им, окончательно привел военно-морские силы страны в состояние хаоса. Созданный на линкоре судовой комитет, возглавляемый матросом Загвоздкиным и унтер-офицером Хохряковым, приступил к выборам нового командира корабля. Им был выбран старший лейтенант С. А. Вяткин.

Однако, Вяткин вскоре перестал устраивать комитет, так как противился превращению корабля в штаб экстремистских сил, пытаясь сохранить в нем какие-то остатки былого порядка. Он был смещен, и новым командиром выбрали лейтенанта А. А. Кондратьева.

В апреле команда линкора первой потребовала убрать с кораблей Андреевские флаги, а 5 мая 1917 года приняла резолюцию о том, что корабль не может носить имя Императора, казненного народом. В итоге «Император Александр II» получил новое название «Заря свободы». Как показали дальнейшие события, это было горькой иронией. Заря свободы, если когда и поднималась над несчастной Россией, то именно во времена великих реформ Императора Александра II…

> «Зарю свободы», — отмечает официальная история, — многие с полным основанием считали большевистским кораблем. Из его партийной ячейки вышло немало талантливых вожаков матросских масс. Матрос Павел Хохряков стал разъездным агитатором

Кронштадтского Совета, а к осени был направлен Я. М. Свердловым на Урал для помощи в организации Красной гвардии.[21]

Матросу Дмитрию Степанову доверили быть казначеем Кронштадтского комитета РСДРП(б). Судового врача «Зари свободы» большевика Лазаря Бергмана выбрали председателем исполкома Кронштадтского Совета».

Между тем, немецкое командование, обеспечившее в апреле 1917 года прибытие в Петроград Ленина и его сообщников, требовало от большевистского руководства скорейшего выполнения их обязательств по организации в стране государственного переворота с дальнейшим выходом России из союзной коалиции в войне.

Немецкие требования привели в июле к большевистскому путчу. В нем приняли участие и матросы с «Зари свободы» во главе со своим командиром лейтенантом Кондратьевым, который был легко ранен при подавлении путча правительственными войсками. После подавления большевистского путча и обыска, проведенного в штаб-квартире большевиков и в редакции ленинского официоза газеты «Правда», в руки Временного правительства попали неопровержимые документы, свидетельствующие о прямой связи большевиков с Берлином. Ленину и ряду его сообщников пришлось скрыться. Как сейчас стало известно, Ленина укрывала финская полиция, чьи пронемецкие настроения в связи с мечтами о национальной независимости, были хорошо использованы и немцами, и большевиками, придумавшими позднее «святочную» сказку о шалаше в Разливе.

Ведущая поиск Ленина контрразведка Временного правительства получила из какого-то источника сведения, что «вождь мирового пролетариата» скрывается на линкоре «Заря свободы». Правительство связалось с Морским министерством, откуда на имя коменданта Кронштадта, капитана 1 ранга Тырнова была отправлена следующая телеграмма:

«Шифрованная. Кронштадт. Комокреп. 14 июля 1917, № 25. Прокурор палаты сообщил, что по его сведениям, Ленин и Рошаль находятся на линкоре «Заря свободы». По постановлению прокурора Ленин должен быть арестован и доставлен в Петроград».

На следующий день на линкоре «Заря свободы», стоявшем на швартовых у Николаевского дока, пытались произвести обыск,

хотя лейтенант Кондратьев и «комитетчики» всячески этому противились. Но Ленина, естественно, на линкоре не обнаружили.

Тем временем большевики, опомнившись от шока, вызванного провалом июльского путча, пользуясь небывалой в России демократией и боясь окончательно разочаровать немцев, вновь приступили к активным действиям, направленным на свержение Временного правительства и захват власти.

Переворот 25 октября в Петербурге, совершенный с помощью тайно вооруженных немецких и австрийских военнопленных при некотором участии морских команд со стоявших на Неве кораблей, поначалу никем не был воспринят с достаточной серьезностью. Верные Временному правительству войска на следующий день начали наступление на Петроград, где вспыхнуло восстание военных училищ. Пока немцы и матросы истребляли юнкеров и спешно занимали позиции на Пулковских высотах, Ленин потребовал от Центробалта ввести в Морской канал боевые корабли для бомбардировки отрядов конницы генерала Краснова, наступающей на захваченную большевиками столицу. Однако, в распоряжении Центробалта не было достаточно надежных и укомплектованных командами кораблей, чтобы выполнить этот план. Выбор снова пал на престарелую «Зарю свободы». Утром 25 октября 1917 года три морских буксира развернули в Кронштадтской гавани грузный и тяжелый линкор, выведя его в залив.

Лейтенант Кондратьев повел корабль к так называемому пикету №114 Морского канала столицы, расположенному напротив станции Лигово. Чем руководствовался этот офицер, а равно те немногочисленные его коллеги, которые перешли на службу к большевикам? Подавляющее большинство морских офицеров сознательно выбрали смерть или эмиграцию, чтобы не опозорить себя соучастием в небывалом преступлении против собственной страны. Об идеях большевиков говорить нечего, так как более-менее образованным людям были совершенно ясны их преступные намерения и утопичность. Можно говорить только о том, что в периоды государственных катаклизмов подобного рода у некоторых представителей офицерского корпуса, как правило, среднего и нижнего уровней, возникает дьявольский искус на волне этого катаклизма взлететь достаточно высоко, что представлялось совершенно невозможным при других условиях. Но, как бы то ни было, ни лейтенант Кондратьев, ни другие бывшие офицеры Российского Императорского флота, способствовавшие приходу к власти в России самого кровавого и лживого режима в истории человечества, видимо, не подозревали,

что они сами этому режиму совсем не нужны, принадлежа к тем классам общества, которые заранее были обречены большевиками на поголовное истребление. У всех без исключения, включая и бывшего лейтенанта Кондратьева, будет время еще горько пожалеть о своей глупости...

Встав у 114-го пикета, линкор «Заря свободы» перекрыл путь к Петрограду по побережью залива. В зоне его обстрела находился весь Литовский железнодорожный узел. Десант матросов с линкора занял станцию Лигово. Другая десантная часть отправилась в Петроград, где приняла участие в разгроме Зимнего дворца, гостиницы «Астория», многих редакций демократических газет, а чуть позже — и банков.

Вскоре линкор был заменен на своей позиции крейсером «Олег», поскольку старые 12" орудия «Зари свободы», как выяснилось, стреляли лишь на шесть километров.

«Зарю свободы» прибуксировали в Неву и поставили у Николаевской набережной Васильевского острова. Часть экипажа перевели в охрану Смольного, где шла подготовка к заключению с Германией знаменитого Брест-Литовского договора, отдававшего кайзеру Вильгельму почти половину России. Недаром вид старого русского броненосца всегда волновал германского Императора!

Потеря по Брестскому договору всех баз на Балтике, занятых немцами, привела в устье Невы многие другие корабли, над которыми возвышалась громада старого русского броненосца, стоявшего у набережной. Впереди «Зари свободы» стоял на швартовах его старый соплаватель по Учебно-артиллерийскому отряду «Петр Великий».

Говорят, что в те дни, когда массами расстреливали и топили в баржах флотских офицеров (в том числе и адмирала Н. И. Скрыдлова), Надежда Крупская носилась с идеей создать на линкоре матросский клуб Пролеткульта и даже приказала выдать для этой цели десять тысяч рублей.

Однако, вскоре большевистское правительство сбежало из Петрограда в Москву, совершенно забыв о стоявшем в устье Невы старом линкоре.

Весной 1918 года линкор отбуксировали в Кронштадт и поставили его к дамбе Милютина.

В 1919 году он получил незначительные повреждения при бомбежке Кронштадта английской авиацией. В августе же 1919 года, когда после атаки английских торпедных катеров на внутреннюю гавань Кронштадта, оказались торпедированными главные силы Красного флота — линкоры «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», встал вопрос о срочной переброске из Петрограда в Кронштадт линкора-дредноута «Севастополь».

«Зарю свободы», забалластировав водой до осадки дредноута, протащили по каналу, чтобы выяснить, нет ли там мин и других препятствий для проводки «Севастополя».

Вскоре Реввоенсовет Балтийского флота «признал целесообразным разобрать утративший боевое и учебное значение корабль». Однако, к работе по разборке корабля приступать было некому. В условиях полной хозяйственной разрухи тысячи тонн металлолома, в который был обращен революцией некогда мощный Балтийский флот, были не нужны никому. Линкор опустел. Он стоял, не отапливаясь ни от собственных машин, ни от берегового отопителя.

В марте 1921 года в Кронштадте вспыхнуло восстание матросов, поздно понявших, что за режим они помогли привести к власти в стране. Мятеж был подавлен с невероятной жестокостью. В ходе подавления мятежа в носовую часть «Зари свободы» попал большевистский снаряд, полностью ее разворотив. Линкор поплатился за собственную глупость в 1917 году.

После Кронштадтского мятежа напуганный Ленин приказал вообще ликвидировать флот, договорившись с несколькими немецкими фирмами, чтобы они приняли бывшие русские корабли в качестве металлолома.

Для этой цели была создана специальная комиссия, названная «Комиссией по разделке судов Балтфлота», короче — Комразбалт.

13 мая 1922 года был отдан приказ о разоружении «Зари свободы», хотя нет никаких документов, подтверждающих, что оно было выполнено. В июне старый линкор осмотрели его старые друзья немцы, прибывшие с завода «Шихау» в Эльбинге. Они определили вес металла в линкоре — семь тысяч тонн с четырьмя процентами цветных металлов.

13 сентября началось приготовление к буксировке «Зари свободы» в Германию. Необходимо было привести в действие рулевое и якорное устройства, а также проверить водонепроницаемость корпуса. Весь сентябрь из старого линкора откачивали воду, которая в некоторых отсеках поднялась до уровня трех метров.

5 октября 1922 года, в 16.00, с немецкого буксира был заведен на «Зарю свободы» буксирный конец. На линкоре отклепали и сбросили за борт якорную цепь.

После выхода в море обнаружилось, что корабль стал сильно рыскать на зыби. Чтобы удержать его в кильватер буксиру, понадобилось ставить вахту к рулю по четыре человека. Скорость буксировки составляла в среднем четыре узла. К восьми часам

утра 7 октября прошли траверз Ревеля, когда обнаружили сильную течь в машинном отделении. Отделение задраили. Между тем, погода ухудшилась, зыбь усилилась и, сменив направление, стала бить в левый борт корабля. К ударам волн присоединились гулкие непонятные звуки. По обшивке стучало что-то твердое: примерно в метре ниже ватерлинии болталась в петлях нижняя площадка трапа. Спустив за борт беседку с двумя матросами, выбили заржавевшие болты, обрубили тросы и площадка ушла на дно. Не хотел старый ветеран Балтийского флота умирать на чужбине. Как не вспомнить при этом, что крейсеры «Россия» и «Громобой» сорвались с немецких буксиров и выскочили на камни Финского залива, как рвался с буксира «Баян»! И пусть кто-нибудь скажет, что корабли — не живые существа!

22 октября броненосец «Император Александр II», ставший линкором «Заря свободы», был передан немцам для разборки на металл.

Корабль находился в строю флота двадцать восемь лет.

Зачислен в списки 15 мая 1885 года. Исключен из списков 13 мая 1922 года.

Командиры эскадренного броненосца «Император Александр II»

1889-1893 гг — капитан 1 ранга Юрьев,
1893-1898 гг — капитан 1 ранга Никонов.
1898-1900 гг. — капитан 1 ранга Хмелевский.
1900-1904 гг. — капитан 1 ранга Броницкий
1904-1905 гг. — капитан 1 ранга Брусницкий.
1905-1906 гг. — капитан 1 ранга Эбергард.
1906 г. — капитан 1 ранга Петров.
1906-1909 гг. — капитан 1 ранга Васильковский.
1909-1913 гг. — капитан 1 ранга Лазарев.
1913-1914 гг. — капитан 1 ранга Вяземский.
1914-1916 гг. — капитан 1 ранга Ковалевский.
1916-1917 гг.—капитан 1 ранга Повалишин. 1917 г. — ст. лейтенант Вяткин.
1917-1918 — лейтенант Кондратьев.

Русские адмиралы, державшие флаг на «Императоре Александре II»

1891-1892 гг. — контр-адмирал Лазарев.
1893 г. — контр-адмирал Геркен.
1894 г. — контр-адмирал Гире.
1895 г. — контр-адмирал Скрыдлов.

1896 г. — контр-адмирал Андреев.
1898-1899 гг. — контр-адмирал Скрыдлов.
1900-1901 гг. —контр-адмирал Вир ил ев.
1902-1903 гг. —контр-адмирал Рожествеиский.
1906-1909 гг. — контр-адмирал Рейценштейн.
1910-1914 гг. — контр-адмирал Одинцов.

ПРИЛОЖЕНИЕ (Составление и редакция И. Бунича)

ЦАРСКАЯ СТАВКА И ФЛОТ

(Из воспоминаний начальника Военно-морского управления при Верховном Главнокомандующем в 1917 г. Бубнова А. Д.)

Военные действия на море

Подготовка флота к войне шла успешно. Боевые припасы и все необходимое для флота было заготовлено в таком количестве, что флот ни в чем не ощутил недостатка.

Мало того, запасы эти были в таком изобилии, что представилась возможность расширить поставленные флоту задачи и даже некоторую часть запасов, флот уступил армии.

Подготовка личного состава к войне была доведена до высокого уровня, и достижения наши на этом поприще, — особенно методы стрельбы и употребление мин заграждения, — были переняты нашими союзниками, в частности, даже англичанами, которые считали эти наши достижения верхом совершенства.

Такой замечательной подготовкой к войне, которой и союзники, и противники, Россия обязана с одной стороны тому, что молодое поколение морских офицеров, прошедших через горнило тяжелого испытания войны с Японией, не пало духом, несмотря на перенесенные им унижения, а умудренное горьким опытом и любя свой флот, дружно посвятило всего себя делу его возрождения.

С другой стороны, решающая заслуга в деле этого возрождения принадлежит тем замечательным начальникам и руководителям, которые стояли в тот период времени во главе флота и морского ведомства.

Можно с уверенностью сказать, что никогда в истории России не было во главе ее морского ведомства столь мудрого, благородного и просвещенного человека, каковым был незабвенный адмирал Иван Константинович Григорович.

Перейдя в 1911 г. на пост морского министра, И. К. Григорович передал должность своего товарища адмиралу М. В. Бубнову, который безупречно продолжал это дело.

На пост начальника Морского Генерального Штаба, в руках которого была сосредоточена стратегическая подготовка к войне, И. К. Григорович привлек проникнутого сознанием своего долга адмирала А. И. Русина. Адмирал А. Русин продолжал и во всех деталях закончил начатое его блестящими предшественниками — адмиралами Брусиловым и князем Ливеном — дело

стратегической подготовки и составления планов войны.

И, наконец, самым главным было то, что подготовка личного состава, его воспитание и образование находилось на Балтийском море в руках командующего флотом героя войны с Японией адмирала И. О. Эссена, который вложил в дело этой подготовки всю свою душу и обширные знания; пользуясь среди личного состава великой любовью и популярностью, он создал свою замечательную «школу» и записал свое имя в историю флота наравне с именами самых выдающихся наших флотоводцев — адмиралов Ушакова, Сенявина и Макарова.

Так как к началу войны флот не располагал еще современными судами, ибо находившиеся в постройке не были закончены, военные действия в начале войны велись лишь устарелыми судами; но из этих устарелых судов личный состав сумел извлечь такую боевую пользу, что не только исполнил все задачи, поставленные ему планом войны, а на Балтийском море эти задачи даже и значительно расширил.

В согласии с требованием армии Балтийскому флоту была поставлена планом войны задача воспрепятствовать с самого начала войны каким-либо наступательным действиям против Петербурга, и со стороны моря ни в коем случае не допустить проникновения противника вглубь Финского залива.

Для развития военных действий на сухопутном фронте успешное выполнение флотом этой задачи имело значение первостепенной важности, ибо этим достигалась возможность немедленной переброски на фронт четырех лучших наших корпусов, расположенных в мирное время в районе столицы и на берегах Финского залива.

Так как германский флот был неизмеримо сильнее нашего малочисленного Балтийского флота, составленного к тому же из устарелых судов, Морским Генеральным Штабом был разработан глубоко продуманный и всецело отвечающий обстановке план, замысел коего состоял в том, что флот должен был выполнить свою задачу, опираясь на заранее подготовленную и укрепленную позицию, расположенную поперек Финского залива, недалеко от его устья.

Эта позиция, устроенная в удобном месте и укрепленная минными заграждениями и фортификационными сооружениями, давала нашему слабому флоту столь мощную опору, что он действительно был бы в состоянии, опираясь на нее, не допустить прорыва к столице даже весьма значительных сил противника.

И немцы, зная это и верно оценивая мощность организованной нами таким образом обороны Финского залива, ни разу за всю войну не сделали даже попытки вести в нем какие-

либо операции.

Но этим выполнением поставленной ему планом войны задачи деятельность Балтийского флота не ограничилась: благодаря изобилию боевых запасов командование флотом тотчас же после начала войны приступило к организации не предусмотренной для него планом войны обороны Рижского залива путем постановки у его входов минных заграждений, сооружения батарей и углубления стратегических фарватеров для действия частей флота в самом заливе.

К лету 1915 г. оборона Рижского залива настолько уже подвинулась вперед, что попытки частей германского флота оперировать в этом заливе, были отбиты со значительными для них потерями и больше до революции, расстроившей эту оборону, не повторялись.

Между тем прочная оборона нашим флотом Рижского залива имела весьма благоприятное влияние на обстановку у крайнего правого фланга всего нашего сухопутного фронта, который после общего отступления в 1915 году, оперся на этот залив, ибо эта оборона воспрепятствовала немцам предпринять операции в тыл этого фланга из Рижского залива.

Но помимо успешной оборонительной деятельности нашего флота, разгрузившей наше верховное командование от забот по обороне войсками всего побережья Балтийского моря и его заливов, части Балтийского флота предпринимали в течение зимы 1914 — 1915 гг. ряд наступательных операций с целью постановки минных заграждений в водах противника.

Весной 1915 г в состав Балтийского флота начали поступать закончившие свою постройку броненосцы новейшего типа, каковых к концу войны в составе флота было четыре. С вступлением этих броненосцев в строй вся система обороны нашего Балтийского театра войны и правого фланга нашего сухопутного фронта получила вполне надежную и непоколебимую опору.

Между тем, тотчас же по вступлении в строй первых двух новых броненосцев командование Балтийским флотом решило использовать их для наступательных операций в водах противника,

Однако, риск потери наших двух броненосцев при исполнении этих операций, кои к тому же не могли иметь хоть сколько-нибудь решительных результатов, был слишком велик, так как немцы располагали двадцатью броненосцами новейшего типа, а это было совершенно недопустимо, потому что мы рисковали значительно ослабить этим всю систему обороны Балтийского театра войны как раз в самый критический момент

всей войны, после общего отступления нашего сухопутного фронта и прихода его правого фланга в район побережья Балтийского моря и его заливов.

Принимая во внимание общую обстановку и то тяжелое влияние, которое в этой обстановке могло бы иметь на ход всей войны малейшее ослабление системы обороны Балтийского моря, Верховный Главнокомандующий не счел возможным разрешить командующему Балтийским флотом употреблять новые броненосцы для таких наступательных операций, кои были бы сопряжены с риском их потери.

Это запрещение, прямо вытекающее из общей обстановки войны, а потому во всех отношениях необходимое и целесообразное, вызвало, однако, жестокие нарекания личного состава Балтийского флота на морское управление Верховного Главнокомандующего, которое обвинили в том, что оно, якобы, «не сумело защитить боевые интересы флота».

Черноморскому флоту была планом войны поставлена задача обороны нашего побережья и обеспечения наших морских сообщений на Черном море.

Несмотря на то, что именно на этом море лежала, как мы знаем, первостепенной важности задача обеспечения наших сообщений с внешним миром через турецкие проливы, и что она составляла, как мы увидим ниже, национальную цель нашей государственной политики, эта задача ни в каком виде Черноморскому флоту планом войны не была поставлена, и в мирное время, предшествовавшее войне, никакой подготовки для ее решения не велось.

Хотя к началу войны Черноморский флот состоял из незначительного числа судов устарелого типа, однако, принимая во внимание ничтожные силы турецкого флота и упадочное его состояние, силы Черноморского флота были, до прихода в проливы немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау», более чем достаточны для успешного исполнения поставленной ему планом войны скромной задачи.

Задолго до войны штаб Черноморского флота располагал точными данными о совершенно неудовлетворительном состоянии устаревшей обороны Босфора, и на основании этих, тщательно проверенных, данных полагал, что даже с наличными силами Черноморского флота возможно прорваться через Босфор к Константинополю; однако лишь при непременном условии предпринять эту операцию внезапно и, во всяком случае, пока немцы не успели еще привести оборону Босфора в некоторый порядок.

После прибытия 10 августа к Константинополю из

Средиземного моря немецких быстроходных крейсеров «Гебен» и «Бреслау» успешное выполнение поставленной планом войны Черноморскому флоту задачи сделалось чрезвычайно затруднительным, и командующий флотом, зная от агентурной разведки о временном ослаблении боеспособности этих крейсеров после их продолжительного крейсерства по Средиземному морю, возымел намерение немедленно прорваться через Босфор к Константинополю и уничтожить там эти крейсера, пока они своей боеспособности еще не восстановили.

Однако, дипломатия наших союзников питалась в это время иллюзией, что ей удастся, пользуясь своим, якобы решающим, влиянием в Турции и широко применяя подкупы руководящих турецких кругов, удержать Турцию от вступления в войну на стороне Германии. Поэтому она не только категорически этому воспротивилась, но потребовала, чтобы Черноморский флот не предпринимал никаких действий, которые могли бы быть приняты Турцией за наши приготовления к войне с ней.

В связи с этим верховное командование принуждено было, на основании распоряжения правительства, дать в этом духе соответствующие директивы, и таким образом, в угоду иллюзиям дипломатии, которую, как потом оказалось, турки, грубо говоря, водили за нос, нами был упущен чрезвычайно благоприятный случай решить одним ударом в самом начале войны стратегический вопрос, от которого во многом зависел благоприятный для нас исход войны.

Мало того, раз прорвавшись к Константинополю, флот оттуда, конечно, не ушел бы «с пустыми руками», а остался бы там до тех пор, пока не была бы решена поставленная ему Петром Великим и всегда жившая в его традициях национально-государственная задача обеспечения за нами турецких проливов.

Но известная военная аксиома: «упущенный на войне случай никогда больше не повторяется» — полностью и на этот раз подтвердилась. Несмотря на все наши старания, мы в дальнейшем не смогли эту задачу решить, и это безусловно, как мы увидим позже, главным образом, способствовало возникновению революции и проигрышу нами войны.

Такое непонимание исключительной важности решения вопроса о проливах, не только с точки зрения жизненных интересов России, но и с точки зрения непосредственных стратегических интересов самой войны, свидетельствует об отсутствии у наших сухопутных собратьев достаточной широты взглядов, что мною в отношении генерала Ю. Н. Данилова и было уже отмечено. Это было следствием нескольких причин: во-первых, в большей части нашей военной среды, а также и в части

нашей интеллигенции искони преобладала так называемая «континентальная идеология», а ей были в значительной мере чужды наши морские проблемы, во-вторых, стратегическая идеология нашего сухопутного Генерального Штаба носила узко догматический характер, каковым отчасти заразился наш Морской Генеральный Штаб; идеология эта безоговорочно требовала сосредоточения всех сил и средств против главного противника, каковым в данном случае была Германия, потому наш сухопутный Генеральный Штаб считал нецелесообразным и даже, с точки зрения своей доктрины, вредным ослабление сил на главном театре войны, во имя ведения операции, в пользе которой он не отдавал себе ясного отчета и цель которой, по его мнению, достигалась победой над Германией, в-третьих, в нашей военной среде всегда жило известное недоверие к «боевым» способностям флота, и оно значительно усилилось после столь несчастной для нашего флота войны с Японией, причем вследствие совершенно различной структуры сухопутной и морской вооруженной силы, наша военная среда не могла себе уяснить и оценить того поистине гигантского успеха, который был после войны с Японией достигнут в боевой подготовке нашего флота, а потому в начале мировой войны продолжала относиться к его боевым способностям с тем же недоверием.

Все это, конечно, не могло не влиять отрицательно на суждения руководителей нашего сухопутного Генерального Штаба об операциях флота против Босфора.

Между тем весь личный состав флота и такие его выдающиеся знатоки Босфорского вопроса, как адмирал Канин и Коськов, считали прорыв нашего Черноморского флота через Босфор к Константинополю при условии, конечно, внезапности, вполне осуществимым.

Лучшим доказательством выполнимости операции прорыва, помимо нескольких исторических примеров успешных операций этого рода, произведенных при значительно более трудных условиях, чем были бы условия прорыва Босфора в начале войны, служит то обстоятельство, что разрешение на эту операцию испрашивал командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард, который в оперативном руководстве Черноморским флотом проявил в дальнейшем ходе войны такого осторожность и осмотрительность, которая привела к необходимости его замены в 1916 г. более решительным и энергичным адмиралом А. В. Колчаком.

23 октября, почти через 3 месяца после начала Первой мировой войны, отдельные суда турецкого флота во главе с крейсерами «Гебеном» и «Бреслау», перешедшими со своими

немецкими командами под турецкий флаг, внезапно, без объявления войны, бомбардировали города нашего Черноморского побережья, и таким образом начались военные действия на Черном море

В течение весны 1915 г. крейсера «Гебен» и «Бреслау» неоднократно предпринимали внезапные набеги на разные точки нашего побережья и каждый раз безнаказанно возвращались в свою базу на Босфоре, ибо в составе нашею Черноморского флота не было судов с достаточной скоростью хода, чтобы их настичь.

Хотя эти набеги не могли иметь решительно никакого влияния на исход войны на Черном море, и их действия ограничивались лишь незначительными разрушениями разных сооружений по побережью, однако они весьма нервировали войска правого фланга Кавказского фронта, опиравшиеся на побережье Черного моря, и затрудняли снабжение морем этих войск.

Отсюда пошли в Ставку нарекания и жалобы на бездеятельность флота, каковые вызвали сильный гнев Великого Князя, принявший, как мы уже знаем, чрезвычайно резкие формы.

Но так как крейсера противника обладали почти двойным превосходством в скорости хода, Черноморский флот, при всем желании, ничего не мог непосредственно против них предпринять, эти их набеги возможно было пресечь в корне лишь тесной блокадой Босфора, где находилась их база, или еще лучше овладением самим Босфором.

Однако для такой блокады Босфора мы не располагали вблизи него подходящей оперативной базой. Севастополь был слишком далек, а о захвате Босфора одними силами нашего флота не могло быть больше и речи.

За три месяца, истекшие после начала войны, немцы привели в порядок укрепления Босфора и восстановили боеспособность своих крейсеров, так что прорыв Босфора стал немыслим, а для его захвата потребовалась бы десантная операция с участием большого количества войск.

В течение 1915 г. Черноморский флот неоднократно выходил в море с целью поимки немецких крейсеров, ни разу, однако, не увенчавшейся успехом, или с целью нападения на турецкое побережье, в частности, на угольные копи в Зангулдаке, откуда снабжался углем турецкий флот и Константинополь.

Турецкие проливы

Начиная с февраля месяца 1915 г. английский флот предпринял несколько попыток прорваться к Константинополю

через Дарданеллы.

Попытки эти, не увенчавшиеся успехом лишь благодаря отсутствию выдержки характера английского командования и сделанного им ряда грубейших военных ошибок, носят в истории Первой мировой войны общее название — Дарданелльской операции.

Официальная английская история утверждает, что единственной целью этой операции было принудить Турцию к капитуляции, а это, конечно, должно было иметь решающее влияние па продолжительность и исход войны.

Однако некоторые, до сих пор никак не объяснимые и даже «темные» обстоятельства, сопровождавшие подготовку и исполнение этой операции, а также достоверные о том показания некоторых ее участников, невольно заставляют предположить что, кроме этой официальной цели, была еще и иная, тщательно до сих пор скрываемая англичанами цель, которая вытекала из основ английской политики по отношению к России

Ни для кого, конечно, не тайна, что Англия систематически препятствовала выходу России в бассейн Средиземного моря через турецкие проливы и что все попытки России решить этот жизненный для нее вопрос неизменно наталкивались на решительное дипломатическое и даже военное сопротивление со стороны Англии.

В частности, Англия особенно щепетильно относилась к малейшей угрозе с нашей стороны Константинополю, где, самой собой разумеется, зиждился центр решения этого вопроса, и для устранения этой угрозы не останавливалась даже перед применением силы, что ясно подтверждается занятой ею по отношению к нам позицией во всех наших войнах с Турцией, особенно же в войнах 1851-56 и 1877-78 гг.

Как бы преддверием к Дарданелльской операции служит прибытие в самом начале войны к Константинополю из Средиземного моря немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау».

Крейсерам этим удалось, при совершенно непонятных и темных обстоятельствах, прорваться к Дарданеллам, несмотря на то, что англичане располагали в Средиземном море в четыре раза большим числом сильнее вооруженных и более быстроходных боевых судов.

Дело допущенной здесь «ошибки» зашло так далеко, что английский адмирал, преследовавший и вот-вот уже их настигший, неожиданно прекратил преследование, по-видимому, когда убедился, что они идут именно в Турцию. Этот английский адмирал в угоду общественному мнению и в согласии с ненарушимыми английскими военно-морскими законами был за

это отдан под суд.

Суд этого адмирала оправдал, но данные, на основании которых он был оправдан, до сих пор хранятся в строжайшей тайне.

По-видимому опубликование их не послужило бы к чести Англии.

Некоторые исторические исследования предполагают, что этот адмирал действовал на основании преподанных ему свыше строго доверительных двусмысленных указаний, каковые «коварный Альбион» всегда умел чрезвычайно «мудро» давать исполнителям своих тайных предначертаний.

Зная, конечно, что Россия в этой войне неминуемо будет стремиться решить вопрос о проливах, высшие руководящие круги английской политики были, по-видимому, не прочь пропустить к Константинополю немецкие суда, чтобы этим значительно затруднить нам решение этого вопроса.

С другой стороны, принимая во внимание силы английского флота, эти два немецкие крейсера не могли бы сколько-нибудь серьезно затруднить самим англичанам прорыв через Дарданеллы к Константинополю, если бы сие, по ходу войны, понадобилось.

Конечно, об этом даже в самых тайных английских архивах нет ни следа, и сам-то разговор об этом, вероятно, велся в четырех стенах, между двумя-тремя английскими государственными деятелями, и вот немецкие крейсера были пропущены к Константинополю, а английский адмирал, их пропустивший, был оправдан.

В конце декабря месяца 1914 г. Турция сосредоточила против нашей Кавказской армии значительные силы, которые пробили наш фронт. Положение на Кавказе стало для нас критическим, ибо верховное командование не могло послать туда подкрепления по причине тяжелых операций, которые в это время велись нами в Галиции и Польше

В связи с этим великий князь высказал 2 января 1915 г. состоявшему при нем для связи английскому генералу сэру Вильямсу пожелание, чтобы англичане произвели со стороны Средиземного моря давление на Турцию, для облегчения нашего положения на Кавказе.

Англичане утверждают, что именно это пожелание Великого Князя, и их стремление оказать нам «помощь», послужило главной причиной Дарданелльской операции.

Однако это не совсем так. Уже 4 января наша Кавказская армия искусным стратегическим маневром разбила на голову и обратила в бегство турецкую армию, так что совершенно отпал и самый повод, по которому это пожелание было Великим Князем

высказано.

Между тем англичане начали Дарданелльскую операцию лишь 19 февраля, то есть полтора месяца спустя после того, как всякая надобность облегчения нашего положения на Кавказе давно миновала. Поэтому действительные причины этой операции никак не могут быть поставлены в связь с нашим положением на Кавказе, которое, в момент начала англичанами Дарданелльской операции, было блестяще и даже предвещало Турции критическое будущее.

На самом деле действительные причины Дарданелльской операции были иные и далеко не имели того альтруистического характера —- «помощи» нам, который англичане хотят этой операции придать.

Уже в начале 1915 г. начала вырисовываться угроза Суэцкому каналу со стороны частей турецких войск; однако предпринятое ими 2 февраля нападение на Суэцкий канал было отбито и кончилось для турок катастрофой. Для пресечения в корне всякой угрозы Суэцкому каналу и Египту англичанам, конечно, и помимо «помощи» нам, было бы весьма желательно принудить Турцию к капитуляции.

Однако операция с такой решительной стратегической целью, как капитуляция Турции — особенно после того, как немцы за полтора года, истекшие после начала войны, значительно подняли боеспособность Турции, — требовала самой тщательной подготовки, в которой никоим образом не могла иметь место невероятная торопливость и нервность, проявленные английским правительством в подготовке этой операции.

В середине января месяца 1915 г. английским правительством было вынесено решение прорваться с флотом, без участия десантных войск, через Дарданеллы к Константинополю; решение это было вынесено вопреки мнению высшего морского командования, считавшего слишком рискованным прорыв без участия войск после того, как немцы взяли в свои руки оборону Дарданелл и привели ее в порядок.

Необходимый для сего десантный отряд войск мог быть собран к апрелю месяцу; но английское правительство решило не дожидаться этого срока и в конце января послало категорическое приказание адмиралу Гардену, командовавшему английским флотом у Дарданелл, немедленно приступить к операции прорыва Дарданелл, не дожидаясь десантного отряда, а в дальнейшем, несмотря на возражения адмирала Гардена, все время его торопило, и даже, в конце концов, сменило.

Что же такое случилось? Почему английское правительство проявило такую нервозность и торопливость? Быть может, в

общей обстановке войны наступил критический момент, подобный тому, который побудил нас в начале войны предпринять, без должной подготовки, наступление армии Самсонова, во имя спасения положения на французском фронте? Но в январе месяце 1915 г., когда английское правительство так торопилось с Дарданелльской операцией, ничего подобного не было: на французском фронте началась позиционная война; там было все совершенно спокойно и не предвиделось никаких операций; в Польше мы только что победоносно отбили последнее немецкое наступление; в Галиции наши войска находились уже на Карпатах и оттуда угрожали Австрии; в Сербии, после сербской победы на Калубаре, положение было совсем благоприятно; на Кавказском фронте турецкая армия только что потерпела жестокое поражение; за две недели до начала Дарданелльской операции нападение турок на Суэцкий канал кончилось для них катастрофой.

В самом начале 1915 г. русское правительство подняло перед союзниками вопрос о необходимости благоприятного для нас решения по окончании войны вопроса турецких проливов. Вместе с тем в Ставке вновь приступили к обсуждению вопроса о захвате Босфора, что, конечно, не ускользнуло от внимания военных представителей наших союзников при Верховном Главнокомандующем, тем более, что мы от них, по простоте душевной, это и не скрывали.

И вот английское правительство, следуя традиционным основам своей политики по отношению к России стремилось, прикрываясь плащом помощи нам, появиться перед Константинополем раньше нас, чтобы потом иметь в руках мощный аргумент против нас, при переговорах с нами о решении вопроса о проливах. О том, что именно это и была действительная причина торопливости английского правительства, имеется ряд неопровержимых доказательств, между которыми самым убедительным и, можно сказать, поражающим является свидетельство участника Дарданелльской операции капитана 1 ранга французского флота и знаменитого писателя Клода Фарера, который в своем опубликованном «Дневнике Дарданелльской операции» дословно пишет:

> «Англичан все время мучит мысль, что русские могут появиться у Константинополя раньше их»

и неоднократно это в своем дневнике особенно подчеркивает.

О том, что англичане собираются предпринять Дарданелльскую операцию, нам стало известно лишь за 24 часа до ее начала, когда генерал сэр Вильямс неожиданно 18 февраля

сообщил Великому Князю, что «согласно высказанному им пожеланию» английский флот завтра приступит к исполнению Дарданелльской операции.

По повелению Великого Князя был немедленно послан на английский флот к Дарданеллам, для установления связи и единства действий между ним и нашим Черноморским флотом, один из лучших наших офицеров капитан 1 ранга М. И. Смирнов.

Прибыв к английскому флоту у Дарданелл несколько дней спустя после начала операции, капитан 1 ранга Смирнов всеми способами старался установить радиосвязь через посредство английских судовых радиостанций с Черноморским флотом, но все его старания оставались, несмотря на благоприятные условия и на незначительное расстояние, безуспешными. Это было для нас в Ставке совершенно непонятно и служило предметом нарекания на Черноморский флот, ибо предполагалось, что в этом виноваты наши радиотелеграфисты.

Однако, как только прибыл к Дарданеллам наш крейсер «Аскольд», который как раз в это время проходил через Средиземное море на пути с Дальнего Востока в Ледовитый океан, связь с Черноморским флотом через его посредство была в тот же день установлена и в дальнейшем действовала безукоризненно.

Все вышеизложенное и особенно совершенно беспристрастное свидетельство Клода Фарера, неминуемо приводят к заключению, что англичане во что бы то ни стало хотели появлением раньше нас у Константинополя поставить наше правительство перед совершившимся фактом, и тем повлиять на ход будущих переговоров о проливах.

Особенная же торопливость в осуществлении этого плана нужна была англичанам именно после полного разгрома нами турок на Кавказе, ибо этим создавалась благоприятная обстановка для начала с нашей стороны Босфорской операции, в чем англичане, как мы увидим ниже, не ошиблись.

Появление у Константинополя противника, прорвавшегося, безразлично, из Средиземного ли или из Черного моря, неминуемо повлекло бы за собой немедленную капитуляцию Турции, ибо этим была бы пресечена связь между малоазиатской, то есть анатолийской, и европейской частью Турции. Между тем все снабжение боевыми припасами главных сил турецкой армии, сосредоточенных в Анатолии, производилось из Германии через Константинополь, а снабжение самого Константинополя и европейской части Турции жизненными припасами и углем производилось из Анатолии.

Кроме того, в самом Константинополе была достаточно еще

активная консервативная оппозиция младотурецкому режиму и немцам, появление союзников у Константинополя дало бы консерваторам мощную опору.

Капитуляция Турции вызвала бы целый ряд последствий первостепенной стратегической важности: во-первых, на главный театр войны в Европе могла бы быть переброшена вся наша Кавказская армия — около 250.000 бойцов, и вся английская армия из Египта около 50.000 бойцов; во-вторых, Болгария, выступление которой находилось в непосредственной зависимости от военно-политического положения Турции и решения вопроса о проливах, не могла бы присоединиться к Германии, и в связи с этим в рядах держав Антанты осталась бы вся сербская армия, которая после выступления Болгарии вынуждена была покинуть Сербию.

После капитуляции Турции была бы восстановлена кратчайшая и самая удобная связь России с ее союзниками, вследствие чего значительно увеличилась бы боеспособность ее армии, в которой, как мы уже знаем, ощущался в 1915 г. громадный недостаток боевых припасов, что и принудило ее к общему отступлению.

Все это с убедительной ясностью доказывает, что после капитуляции Турции, как неминуемого следствия появления сил Антанты у Константинополя, война закончилась бы скорой победой Антанты, и для России — вместо большевизма — настала бы эпоха небывалого величия и расцвета.

Бывший американский посол в Турции во время войны Моргентау в своих мемуарах пишет:

> «Нет сомнения, что если бы союзники завладели хотя бы одним из проливов, война окончилась бы гораздо скорей и Россией не овладел бы большевизм».

Знаменитый немецкий морской министр адмирал Тирпиц пишет в одном частном письме от 8 августа 1915 г.:

> «У Дарданелл идет ожесточенная борьба; если они будут взяты, мы неминуемо проиграем войну».

И, наконец, самый авторитетный немецкий военачальник генерал Людендорф, анализируя обстановку войны 1915 года, пишет в своих воспоминаниях:

> «Если бы флот союзников овладел турецкими проливами, было бы обеспечено снабжение русской армии боевыми припасами, в которых она так сильно

нуждалась, вследствие чего положение на Восточном фронте сделалось бы для нас весьма тяжелым; с другой стороны, ее союзники могли бы воспользоваться, для своего питания значительными запасами зерна,, собранными на юге России».

Теперь возникает вопрос, мог ли английский флот прорваться через Дарданеллы к Константинополю и поставить нас этим перед совершившимся фактом?

Безусловно мог.

Ему это не удалось лишь вследствие ряда грубейших ошибок, сделанных при подготовке и ведении Дарданелльской операции английским командованием и отсутствия у него в решительный момент операции твердости характера.

По этому поводу один из главных участников этой операции, английский адмирал Вимис, говорит, что:

«Во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована».

Другой вдумчивый исследователь этой операции, знаменитый французский военно-морской писатель, адмирал Давелью, утверждает:

«Трудно было нагромоздить больше военных ошибок на столь малом театре военных действий, каковым были Дарданеллы».

А Клод Фарер пошел так далеко, что в своем дневнике записал:

«На войне ошибки, граничащие с глупостью, называются изменой».

Под этим он, конечно, подразумевал не измену английским, а союзным интересам.

Не будь спешки и нерешительности, проявленных командованием, англичане безусловно могли бы прорваться к Константинополю и поставить нас этим перед совершившимся фактом.

Совершенно того же мнения придерживается один из самых вдумчивых и военно-образованных наших офицеров капитан 1 ранга Смирнов, бывший, как уже было сказано, на английском флоте у Дарданелл.

Через 11 месяцев после начала операции англичане, не добившись успеха, принуждены были от нее отказаться и эвакуировать высаженные у Дарданелл войска.

Таким образом окончилась операция, получившая в истории название «Дарданелльского скандала», который обошелся Англии в 100 000 жизней ее сынов.

По английским законам и традициям военачальники Дарданелльской операции были отданы под суд.

Так же, как в случае суда над адмиралом, пропустившим немецкие крейсера в Дарданеллы, данные судебного процесса над военачальниками Дарданелльской операции были сохранены в строгой тайне, и так же, как и тот адмирал, они были оправданы.

А были они оправданы лишь потому, что на суде было доказано, что одной из главных причин неуспеха была спешка, вызванная политическими соображениями, но что, все же при этом, неуспех операции не имел отрицательного влияния на эти «темные» политические соображения, ибо русский флот, не только раньше английского, но и вообще никогда не появился перед Константинополем.

О том, что англичане собираются предпринять Дарданелльскую операцию мы, как уже известно, определенно узнали лишь 18 февраля, то есть накануне ее начала, из официального сообщений, сделанного о том Великому Князю генералом сэром Вильямсом.

Между тем, за месяц перед тем, то есть 18 января, английское правительство сообщило о своих намерениях французскому правительству и заявило при этом, что, якобы, для сохранения полного секрета, не уведомило об этом русское правительство. Однако наш посол в Париже Извольский, имевший связи во французском министерстве иностранных дел, узнал в начале февраля о том, что союзники замышляют какую-то операцию против Дарданелл, и сообщил об этом нашему правительству.

Наше правительство было этим чрезвычайно озабочено и, опасаясь со стороны англичан военно-политического маневра, направленного против нас, указало, как только стало об этом определенно известно, Верховному Главнокомандующему предпринять операцию в целях захвата Босфора

В связи с этим командующему Черноморским флотом были даны соответствующие директивы, а в течение февраля месяца был сосредоточен в Одессе десантный отряд в составе трех дивизий из отборных войск Кавказской армии.

Но тут-то и оказалось, что за отсутствием надлежащей подготовки в мирное время мы не располагали для десантной операции такого размера почти никакими десантными

средствами, а также подготовленными к перевозке войск транспортными судами.

Между тем, вследствие обнаружившейся в начале весны массовой переброски на наш фронт германских войск с французского направления войска десантного отряда были постепенно отправлены на наш Юго-западный фронт и десантный отряд расформировался.

Нашей неподготовленностью к выполнению Босфорской операции был этой операции нанесен в глазах нашего сухопутного командования тяжелый удар, явившийся следствием непредусмотрительности правительства в деле нашей подготовки к войне.

Пришлось теперь исправлять эту роковую ошибку и в самый разгар войны произвести в срочном порядке подготовку Босфорской операции.

Немедленно приступили к организации в Одессе транспортной флотилии и к срочному ремонту пароходов; во главе этого дела был поставлен адмирал А. А. Хоменко, кипучая энергия которого и исключительные организаторские способности поистине творили чудеса, вместе с тем, в срочном порядке разворачивались ремонтные средства Одесского порта, вся организация этого порта была приспособлена для базирования транспортной флотилии, насчитывавшей свыше 100 судов, одновременно с этим на Николаевском судостроительном заводе было заказано 30 мелкосидящих судов и большое количество десантных ботов для производства высадки десанта, в Одессе накапливались запасы и формировался личный состав транспортной флотилии, в штабе Черноморского флота разрабатывался, в согласии с морским управлением Штаба Верховного Главнокомандующего, подробный план Босфорской операции и составлялись инструкции для производства десанта.

Однако, несмотря на исключительную энергию, проявленную при проведении в жизнь всех этих мероприятий, мы лишь к весне 1916 г. смогли подготовить все необходимые средства для десантной операции значительного размера.

В связи с этим небезынтересно отметить вероломство англичан по отношению к нам. Хорошо зная нашу неподготовленность к десантным операциям и сообщив нам о Дарданелльской операции лишь накануне ее начала, они на следующий день после ее начала дали нам знать, что ожидают появления нашего Черноморского флота у Константинополя *одновременно* с ними, легкомысленно рассчитывая самим прорваться к нему через 2—3 дня!

Некоторые выводы Дарданелльской операции весьма

поучительны для оценки выполнимости нами Босфорского десанта.

Дарданеллы, вообще говоря, были значительно сильнее укреплены, чем Босфор, и за восемь месяцев, истекших после начала войны, немцы привели оборону пролива в надлежащий порядок; кроме того, военно-географическая обстановка, то есть конфигурация берегов, течение и солнечное освещение были для прорывавшегося флота значительно менее благоприятны, нежели в Босфоре.

Если при таких условиях англичане едва не прорвались через Дарданеллы, с потерями, не превышающими 20%, и то только вследствие нерешительности командования в критическую минуту, то не подлежит сомнению, что наш Черноморский флот мог бы в самом начале войны, когда относительно слабые Босфорские укрепления были совершенно запущены, прорваться к Константинополю.

Десант англичан у Дарданелл 25 апреля показал, что даже при отсутствии внезапности высадка войск на берег, занятый противником и тщательно подготовленный к обороне, вполне выполнима, причем высадившиеся английские войска не были отборными и не располагали обилием специальных десантных средств.

Заслуживает особого внимания, что 24 апреля, с целью демонстрации на укрепленный турками, — но несколько слабее, — азиатский берег пролива, была высажена - правда, отборная французская бригада, которая через сутки без особых потерь была посажена обратно на суда.

Отдавай себе наше сухопутное командование ясный отчет в важности Босфорской операции, не будь оно проникнуто недоверием к флоту и будь в это время во главе Черноморского флота решительный и талантливый адмирал Колчак, мы бы, конечно, на этот риск пошли, и, несомненно прорвались бы, тем более, что, как теперь стало известным, большая часть боевого запаса снарядов тяжелой артиллерии Босфорских укреплений была отправлена турками на Дарданеллы.

Сердце обливается кровью, когда подумаешь, как близки мы были к победе и к спасению нашей Родины от катастрофы, которая ее ожидала!

За все то время, пока Государь оставался на посту Верховного Главнокомандующего, и до самого конца войны, командующий Балтийским флотом был подчинен Главнокомандующему Северо-западным фронтом, а потому директивы Верховного командования этому флоту имели лишь общий оперативный характер.

Директивы эти определяли задачу Балтийского флота в общем ходе военных действий всех наших вооруженных сил и состояли, как уже известно, в том, что Балтийский флот должен был прочно оборонять подступы к столице с моря, и для этого воспрепятствовать проникновению противника в Финский залив, а также оборонять правый фланг нашего фронта от нападений со стороны моря, и для этого воспрепятствовать проникновению противника в Рижский залив, на который этот фланг опирался. Эту директиву командование Балтийским флотом расширило по собственному почину ведением наступательных операции внезапного характера в средней и южной части Балтийского моря.

В целом ход военных действий на Балтийском море в 1916 году был продолжением тех операций, которые велись в 1915 году, но объем этих операций и их успешность значительно увеличились, ибо за зиму 1915-16 годов сила флота и оборонительная способность Балтийского театра войны значительно возросла.

В строй флота вступили 4 мощных броненосца, несколько больших быстроходных эскадренных миноносцев, несколько подводных лодок и много разных вспомогательных судов, вместе с тем за зиму было возведено много батарей и укреплений на берегах и островах обоих заливов, что превратило эти заливы в сильно укрепленные районы.

В течение 1916 года немецкий флот не сделал ни одной попытки прорваться в Рижский залив и вести там операции для поддержки своего сухопутного фронта, между тем части нашего флота, оперировавшие в этом заливе, оказывали мощную поддержку нашему приморскому флангу бомбардированием судовой артиллерией большого калибра позиций немецких войск на берегу и внезапными высадками небольших отрядов в тыл приморского фланга немецкого фронта.

Поздней осенью 1916 года одиннадцать немецких быстроходных миноносцев, составлявших самую мощную минную флотилию, сделали попытку прорваться в Финский залив, закончившуюся для них катастрофой; семь из них погибли на наших минных заграждениях

Наши легкие силы, поддержанные броненосцами, продолжали так же, как и в 1915 году, вести смелые наступательные операции в водах полного господства противника; операции эти, состоявшие, главным образом, в постановке минных заграждений, имели целью затруднить морские сообщения немцев с их войсками на побережье Балтийского моря и со Швецией, откуда Германия получала чрезвычайно для нее важное снабжение. В этих операциях

участвовали наши и английские подводные лодки, проникшие через Зунд в начале войны в Балтийское море и присоединившиеся к Балтийскому флоту.

В 1916 году среди экипажей больших судов, вследствие вынужденного их относительного бездействия, начали появляться признаки деморализации, выразившиеся в беспорядках, неожиданно вспыхнувших на одном из них. В связи в этим верховное командование значительно видоизменило свою директиву, которой были ограничены в 1915 году права командующего флотом употреблять новые броненосцы для наступательных операций, после этого они стали много чаще принимать в этих операциях участие, что благотворно подействовало на дух их экипажей, и беспорядки на них до начала революции больше не повторялись.

В общем Балтийский флот до самой революции полностью и даже с лихвой выполнил все поставленные ему задачи, а немецкий флот не рисковал предпринимать на Балтийском море никаких более или менее значительных операций, вследствие искусно и прочно организованной нами обороны этого морского театра военных действий.

31 мая 1916 года произошло главное морское событие Первой мировой войны — Ютландское сражение между англпийским и немецким флотом. Сражение это, закончившееся для англичан крупным «тактическим неуспехом», ибо они понесли значительно большие потери, чем немцы, не имело, однако, вредных для них стратегических последствий, и обстановка на море не изменилась в пользу немцев после этого сражения.

По дошедшим к нам первым сбивчивым сведениям об английских потерях в этом сражении можно было заключить, что англичане потерпели значительное поражение. Важно, что эти сведения исходили из официального английского источника. В течение трех дней, пока не были получены исчерпывающие сведения об истинном положении вещей, адмирал Филимор, глава военной миссии в Ставке, пребывал в состоянии большого переполоха, часами думал и гадал с нами о том, как сие могло случиться, и опасался даже за судьбу Англии, существование которой было неразрывно связано с ее владычеством на море.

Здесь не могу не упомянуть, что встреча немецкого флота у Ютланда с целым английским флотом, чего немцы тщательно старались избежать, произошла лишь благодаря одной чрезвычайно важной услуге, которую мы англичанам в начале войны оказали, но которую они старательно замалчивают и не придают ей того громадного значения, которое она в

действительности имеет.

Дело было в следующем: в самом начало войны немецкий крейсер «Магдебург» выскочил ночью в тумане на островок Оденсхольм в устье Финского залива, и выскочил так, что носовая часть корпуса оказалась на суше. На рассвете сопровождавшие крейсер миноносцы сняли с него почти всю команду и отошли, на нем осталось лишь несколько матросов и командир крейсера фон Хабеннихст что значит «ничего не имеющий» — в данном случае фамилия «вещая», ибо он, как мы сейчас увидим, лишился всего и даже свободы. Утром на крейсер был послан отряд наших матросов с приказанием завладеть крейсером. Когда от него было получено известие о положении вещей на крейсере, командующий флотом приказал немедленно спустить водолазов с находившихся вблизи наших крейсеров, чтобы обследовать повреждения крейсера «Магдебург» и заодно посмотреть, не лежат ли на дне секретные сигнальные книги и коды, которые должны выбрасываться в таких случаях за борт, если их нельзя сжечь в топках. И действительно, все эти книги и коды шифров радиосвязи лежали как раз под мостиком, откуда они были выброшены за борт из-за невозможности сжечь их, ибо вода немедленно после крушения залила помещения.

Вместе с тем Верховный Главнокомандующий повелел оставить командиру крейсера его оружие и предоставить ему право взять с собой все свое личное имущество. Однако он был так расстроен, что, обойдя свою каюту, не взял ничего, кроме одного галстука. (!) Сходя с трапа, он увидел наших водолазов и, поняв в чем дело, едва не потерял сознание. Об этом было немедленно сообщено в Ставку, откуда последовало распоряжение содержать капитана 1 ранга фон Хабеннихста в плену в строжайшей изоляции без права общения и переписки с кем бы то ни было, дабы он не мог сообщить в Германию, что в наших руках находятся сигнальные книги и шифры немецкого флота.

Благодаря этому мы в течение всего 1915 и 1916 годов свободно расшифровывали все немецкие секретные радиодепеши, что значительно способствовало успеху наших действий.

Вместе с тем копии немецких шифров были нами переданы нашим союзникам и тишь благодаря расшифрованным немецким оперативным радиоприказам перед началом Ютландской операции англичанам удалось застигнуть со всеми своими силами немецкий флот, который во что бы то ни стало стремился такой встречи избежать, намереваясь дать бой лишь части английского флота.

Немцы лишь после Ютландского сражения стали

догадываться, что противник располагает его шифрами, и их переделали, не изменяя, однако, их системы, вследствие чего английские специалисты вскоре и эти новые шифры разгадали. Из этого видно, сколь была значительна оказанная нами англичанам услуга.

Вступление в строй мощных броненосцев и эскадренных миноносцев новейшего типа позволило значительно усилить наступательные операции Черноморского флота против берегов и морских сообщений противника.

Операции эти были главным образом направлены на уничтожение порта Зангулдак и лежащих в его непосредственной близости единственных турецких угольных копей, откуда Константинополь и турецко-немецкий флот снабжались углем, а также на прекращение морских сообщений между Константинополем и Трапезундом, по которым производилось снабжение турецкой армии, действовавшей в Анатолии против нашей Кавказской армии.

К осени 1916 года операции эти привели к разрушению копей и портовых сооружений Зангулдака и к уничтожению всех паровых и более или менее значительных парусных судов турецкого торгового флота, последствием чего явилось полное прекращение снабжения Константинополя углем, а турецкой армии боевыми запасами по морю.

Это чрезвычайно затруднило и так уже тяжелое положение Турции и турецко-германского флота, ибо впредь пришлось доставлять уголь по сильно перегруженной железной дороге из Германии, а снабжение Анатолийской армии боевыми запасами производить на расстояние более тысячи километров сухим путем без железных дорог.

Однако, несмотря на наличие в составе Черноморского флота новых мощных броненосцев, набеги немецких крейсеров на Кавказское побережье продолжались, ибо наши броненосцы были тихоходные и не могли их настичь.

Набеги эти послужили в течение зимы 1915-16 годов предметом резких жалоб наместника на Кавказе Великого Князя Николая Николаевича Верховному командованию и раздражали общественное мнение.

Набеги эти могли быть прекращены лишь путем тесной блокады или минирования Босфора. Но, несмотря на повторные указания верховного командования командующему Черноморским флотом адмиралу А. А. Эбергардту, командование Черноморским флотом упорно отказывалось принять эти меры, ссылаясь на то, что для блокады Босфора нет подходящих баз, а для минирования не хватает мин заграждения, ибо большинство

минного запаса было израсходовано для обороны наших берегов.

Хотя эти возражения были до известной степени справедливы, все же Морской Штаб Верховного Главнокомандующего полагал, что даже в существующей обстановке и с наличными средствами Черноморского флота можно было бы предпринять более энергичные действия в районе Босфора в целях воспрепятствования выходу судам турецко-немецкого флота в Черное море.

При выяснении этого вопроса оказалось, что главным противником этих мер был начальник оперативного отделения штаба Командующего Черноморским флотом капитан 2 ранга Кетлинский, пользовавшийся неограниченным доверием и поддержкой Командующего флотом А. А. Эбергардта.

Начальником Морского Штаба Верховного Главнокомандующего был дан Командующему Черноморским флотом совет заменить Кетлинского другим, более отвечающим оперативной работе, офицером, на что адмирал А. Эбергардт ответил категорическим отказом и заявлением, что он всецело разделяет оперативные взгляды своего начальника оперативного отдела и с ним не расстанется. Тогда было принято решение о смене самого адмирала Эбергардта.

Но привести в исполнение это решение было не так просто, ибо адмирал Эбергардт пользовался благоволением Государя и поддержкой флаг-капитана Его Величества адмирала Нилова, с которым он был в дружеских отношениях. Вследствие этого морской министр и начальник Морского Штаба Верховного Главнокомандующего опасались натолкнуться на отказ со стороны Государя.

Тогда в Морском Штабе был составлен научно обоснованный доклад, в котором деятельность командования Черноморским флотом была подвергнута объективной критике, и, к вящему удивлению адмиралов Григоровича и Русина, этот доклад был Государем утвержден без единого слова возражения.

По этому докладу адмирал Эбергардт был назначен членом Государственного Совета, а на его место был назначен самый молодой адмирал русского флота А. В. Колчак, показавший своей блестящей деятельностью в Балтийском море выдающиеся способности командования.

После этого я был срочно командирован в Ревель к адмиралу Колчаку, чтобы сопровождать его на пути к месту нового назначения и, не теряя времени, изложить ему во всех деталях обстановку в Черном море, с которой он не был знаком, так как никогда в этом море не служил.

В Ревеле А. В. Колчак в один день сдал командование минной

дивизией и, взяв с собой капитана 1 ранга М. И. Смирнова, — того самого, который был при Дарданелльской операции — для назначения его вместо Кетлинского начальником оперативного отделения штаба Черноморского флота, выехал в тот же день в Ставку.

Портрет А. В. Колчака выразительнее всего описан Г. К.Графом в его книге «На «Новике».

> «большого роста, худощавый, стройный, с движениями гибкими и точными Лицо с острым, четким, точно вырезанным профилем; гордый с горбинкой нос, твердый овал бритого подбородка. Весь его облик — олицетворение силы, ума, энергии, благородства и решимости».

Все события его трагически закончившейся жизни ярко отражали возвышенные его духовные качества.

Молодым офицером он принял участие в полярной экспедиции барона Толя на судне «Заря». Во время второй зимовки в вечных льдах Толь отправился один, на санях, на необследованный еще остров Беннета, и не вернулся. Тогда Колчак, с опасностью для жизни, в сопровождении нескольких матросов, на китоловном вельботе отправляется в поиски, достигает острова Беннета и, не найдя барона Толя, возвращается, — претерпев невероятные трудности и лишения в пути — в устье Енисея. Здесь он узнает о том, что началась война с Японией, и вместо того, чтобы вернуться в Россию, на заслуженный отдых после двухлетней полярной экспедиции, он отправляется прямо туда, куда зовет его долг, — на войну в Порт-Артур.

В Порт-Артуре он, командуя миноносцем, отличается своей смелостью, и награждается золотым оружием «за храбрость».

По возвращении после войны в Россию, он всем своим существом отдался работе по восстановлению боевой мощи нашего флота и был первым начальником организационно-тактического отделения вновь созданного Морского Генерального Штаба.

А. В. Колчак не был любвеобильным семьянином; на первом месте у него была его работа и его служебный долг.

И наряду с адмиралом Эссеном, именно он, Колчак, положил свой отпечаток на смелые операции Балтийского флота, за что и был награжден Георгиевским крестом.

Таков был вождь, вступивший в середине июля месяца 1916 года в командование Черноморским флотом, коему в древности было бы, несомненно, отведено место среди героев Плутарха.

Первым действием адмирала Колчака тотчас же после вступления в должность командующего флотом был сигнал «Флоту сняться с якоря и выйти в море!»

Проделав в море ряд эволюций и вернувшись в Севастополь, он вызвал к себе начальников дивизионов миноносцев, сформировал из них особый отряд, во главе которого поставил прибывшего с ним из Балтийского моря капитана 1 ранга М. И. Смирнова, и немедленно отправил этот отряд ставить мины у Босфора.

Командиры Черноморских миноносцев, не привыкшие к такой молниеносной решительности, были не мало этим озадачены, тем более, что прежнее командование флотом считало операции минирования Босфора не только слишком рискованными, но далее вообще невыполнимыми.

Однако Черноморские миноносцы под предводительством такого смелого и опытного начальника, каким был М. И. Смирнов, полностью выполнили поставленную им задачу, и с тех пор почти каждую ночь они под самыми турецкими батареями забрасывали минами вход в Босфор.

Результат этого был тот, что оба немецких крейсера «Гебен» и «Бреслау» подорвались на этих минах и получили тяжкие повреждения. И, начиная с июля месяца 1916 года, то есть начиная с вступления адмирала А. В. Колчака в командование флотом, до июня месяца 1917 года, когда он это командование покинул, ни одно неприятельское судно больше не появлялось на Черном море, весь турецко-германский флот, вернее его остатки, был «закупорен» в Босфоре.

С тех пор никто больше не тревожил наших берегов, и нарекания на Черноморский флот прекратились. Установленное вследствие этого полное господство нашего флота на Черном море открывало и обеспечивало широкую возможность крупных наступательных операций, а в первую очередь возможность осуществления Босфорской операции.

Все это показывает, сколь правильны были оперативные требования Черноморскому флоту, и сколь целесообразны были решения о смене адмирала А. А. Эбергардта и назначении адмирала А. В. Колчака на его место.

В начале октября 1916 года от самовозгорания пороха на броненосце «Императрица Мария» взорвались носовые бомбовые погреба, вспыхнул громадный пожар, угрожавший взрывом всех остальных погребов.

Несмотря на страшную опасность, адмирал Колчак немедленно отправился на броненосец и лично руководил тушением пожара, но все принятые меры оказались тщетными и

броненосец затонул. Адмирал Колчак последним покинул гибнущее судно.

Хотя гибель «Императрицы Марии» существенно не изменила благоприятное для нас положение на Черном море, тем более, что вскоре после этого вступил в строй закончивший свою постройку броненосец того же типа «Император Александр III», все же гибель «Императрицы Марии» глубоко потрясла А. В. Колчака.

Со свойственным ему возвышенным пониманием своего начальнического долга, он считал себя ответственным за все, что происходило на флоте под его командой, и потому приписывал своему недосмотру гибель этого броненосца, хотя на самом деле тут ни малейшей вины его не было. Он замкнулся в себе, перестал есть, ни с кем не говорил, так что окружающие начали бояться за его рассудок. Об этом начальник его штаба немедленно сообщил по прямому проводу нам в Ставку.

Узнав об этом, Государь приказал мне тотчас же отправиться в Севастополь и передать А. В. Колчаку, что он никакой вины за ним в гибели «Императрицы Марии» не видит, относится к нему с неизменным благоволением и повелевает ему спокойно продолжать свое командование.

Прибыв в Севастополь, я застал в штабе подавленное настроение и тревогу за состояние адмирала, которое теперь начало выражаться в крайнем раздражении и гневе.

Хотя я и был по прежним нашим отношениям довольно близок к А. В. Колчаку, но, признаюсь, не без опасения пошел в его адмиральское помещение; однако, переданные мною ему милостивые слова Государя возымели на него чрезвычайно благотворное действие, и после продолжительной дружеской беседы он совсем пришел в себя, так что в дальнейшем все вошло в свою колею и командование флотом пошло своим нормальным ходом.

Тотчас же по вступлении адмирала Колчака в командование Черноморским флотом в Черном море начали под его руководством энергично и спешно готовиться к Босфорской операции, горячим сторонником которой был он сам и чины его штаба, чего нельзя было сказать о его предшественнике и сотрудниках последнего.

Операцию предполагалось предпринять до начала осенних непогод, то есть не позднее конца сентября 1916 года.

В оперативном отделении штаба были разработаны под руководством М. И. Смирнова и в согласии с Морским Штабом Верховного Главнокомандующего детальные планы операции и были составлены подробные инструкции для производства десанта.

Одновременно с этим производилась усиленная разведка побережья, прилегающего к Босфору, и самого Босфорского укрепленного района, путем высадки по ночам, с миноносцев агентов разведывательного отделения штаба флота, тщательным обследованием и фотографированием через перископ, подходивших вплотную к берегам Босфора наших подводных лодок и усилением разведывательной работы нашего агентурного центра в Бухаресте.

Транспортная флотилия, окончившая во всех деталях свое формирование и организацию еще весной этого года, пополнила свои запасы и была в любой момент готова к перевозке и высадке десантного отряда.

Одним словом, в Черном море все было к предполагаемому сроку готово. Ожидали лишь назначения десантных войск и повеления начать операцию.

Россия и проливы

Благосостояние и безопасность всякого государства зависит от решения известных внешнеполитических задач, которые имеют в его историческом развитии решающее значение, а потому и называются «жизненными».

Задачи эти составляют неизменную основу политики всякого государства, и правительства неуклонно стремятся разрешить их в возможно полной степени.

Для России такой государственной задачей первостепенной важности является обеспечение ее морских сообщений с бассейном Средиземного моря через турецкие проливы, то есть, кратко говоря, так называемый «вопрос о проливах».

Так как не только большинство иностранной интеллигенции, но и значительная часть русской интеллигенции не отдает себе ясного отчета в степени важности для России этого вопроса, небесполезно будет, в интересах полного понимания дальнейшего изложения, привести здесь краткие сведения о том, как этот вопрос появился в русской внешней политике и какое место он в ней занимал в течение исторического развития России от Петра Великого до Первой мировой войны.

В России XVII и начала XVIII века один только Петр Великий ясно сознавал то громадное значение, которое имеют для развития государства морские пути сообщения. Проникнутый этим сознанием, он решительно направил все усилия России к обеспечению возможности широкого пользования морскими путями сообщения и положил эту проблему в основу русской внешней политики.

Систематическая и упорная работа Петра в этой области дала блестящие результаты: он лично заложил прочные основания русского владычества на Балтийском море и приступил к решению второй части этой проблемы на Юге, положив взятием Азова первый камень того основания, на котором, по его заветам, должно было быть впоследствии воздвигнуто здание русского владычества и на Черном море. Уже при нем первый русский корабль пошел через Босфор в бассейн Средиземного моря — тысячелетнюю колыбель благосостояния и культуры европейских народов.

Направив Россию на путь ее грядущей славы и величия — Петр почил. Но его гений озарял собой еще целое столетие, и наследники, следуя его заветам, продолжали упорную работу на предначертанном им пути. В конце XVIII века великая Екатерина окончательно утвердила господство России на Балтийском море и

завоеванием Крыма положила прочное основание владычеству России на Черном море.

В течение всего XVIII века морская проблема была руководящим основанием всей деятельности России и внесла в эту деятельность полную ясность и определенность, без чего не могут быть достигнуты исчерпывающие результаты. И эти результаты не замедлили сказаться: к концу XVIII века Россия — за какие-нибудь сто лет — обратилась из полукультурного и слабого государства в мощную и великую империю.

И этим превращением Россия главным образом обязана тому, что наследники Петра, непрерывно и энергично следуя по предначертанному им пути, выводили Россию твердой рукой на широкий простор морских сообщений.

XIX век принял в наследство от XVIII-го русскую морскую проблему окончательно решенной на Балтийском море и на прочном пути к ее разрешению на Черном море; ему оставалось лишь докончить начатое Петром и продолженное Екатериной дело утверждения русского владычества на Черном море и обеспечить морские сообщения этого моря через турецкие проливы с бассейном Средиземного моря.

Но ряд огромных мировых политических и социальных потрясений, захвативших собой и Россию в начале XIX века, отвлек ее внимание от морской проблемы, и бросил ее политику в водоворот европейских дел. Умами руководителей внешней политики России всецело завладели мысли о водворении порядка в Европе после страшных потрясений французской революции и кровавого периода наполеоновских войн; все их заботы были направлены на то, чтобы оградить Россию от натиска новых идей и социальных вожделений, брошенных в массы французской революцией.

Идеи *здравого национального эгоизма* в русской политике уступили место соображениям *европейской солидарности* перед лицом общей социальной опасности, кои выразились в столь невыгодных для России «священном союзе» и «союзе трех императоров».

Предначертания Петра Великого, красной нитью прошедшие через внешнюю политику России в течение всего XVIII века, потонули в водовороте этих событий.

Русская морская проблема с начала XIX века не только уже не была главной базой русской внешней политики, но совсем даже исчезла из сознания русских государственных деятелей.

После того как улеглись великие бури, захватившие Европу на рубеже двух столетий, русская морская проблема появляется вновь в политике России при Николае I. Однако она уже не

занимает в этой политике ту главенствующую роль, какую она имела в XVIII веке.

Сама ясность и определенность формулировки этой проблемы затемняется пущенным в то время в обращение лозунгом: *«воздвигнуть крест на Св. Софии»*. В сознании недальновидных деятелей того времени морская проблема переходит из плоскости императивной государственной необходимости, — на каковой она была в XVIII веке, — в плоскость религиозно-мистическую.

Все же при Николае I начинается восстановление нашей морской силы, пришедшей в начале XIX столетия в упадок, и оказывается известное внимание подготовке военного решения вопроса о проливах.

Но прежде чем эта подготовка была закончена, на морскую силу в Черном море обрушивается сокрушающий удар Крымской войны. Европейские державы — и в первую очередь Англия, проглядев прогресс России на предначертанном Петром пути в течение XVIII века, решают остановить Россию на том последнем этапе этого пути, который должен вывести ее в бассейн Средиземного моря, и выступают против нее в 1854 году на стороне Турции.

После уничтожения русской морской силы в результате Крымской войны 1854-55 года русская морская проблема вступила в период шатания и неопределенности во внешней политике России, чему, конечно, главным образом способствовало наложенное на Россию после Крымской войны запрещение содержать флот на Черном море.

В течение всей второй половины XIX века морская проблема постепенно теряет ту единственно правильную ориентацию, которую ей дал Петр Великий. Взоры русских государственных деятелей, отдающих себе отчет в важности свободных морских путей для России, обращаются — под влиянием чинимых России Европой на юге препятствий — на дальний север. В 80-ых и начале 90-ых годов в правительственных сферах развивается борьба между сторонниками северных морских путей и поборниками идеи выдвижения морской вооруженной силы на Балтийском море ближе к Датским проливам, с целью контроля над сообщениями этого моря с бассейном Атлантического океана В этой борьбе побеждают сторонники «балтийской» идеи, и в результате этой победы создается база флота в Либаве. Черное море, где лежит единственное верное решение русской морской проблемы, и куда должны были бы быть направлены все усилия, — окончательно забывается.

И, наконец, следуя бессистемным изгибам мысли русских

государственных людей того времени, забывших ясный и определенный путь, начертанный Петром, русская морская проблема устремляется в конце XIX века на Дальний Восток к Тихому океану. Туда — в пространство, ничем не связанное с реальными интересами России, — направляются все ее морские усилия. Черное море, не только в умах государственных деятелей, но даже в сознании самой морской среды, обращается в пасынка русской морской мысли.

После уничтожения русской морской силы на Дальнем Востоке в войне с Японией, морская проблема внове возвращается в Европу и здесь воплощается в своеобразную формулу *«ключи от морских сообщений через Босфор лежат в Берлине»,* — каковая формула кладется в основу воссоздания русского флота после несчастной войны с Японией.

В связи с этим все усилия и средства направляются в первую очередь на создание флота и *подготовку к войне на Балтийском море,* в результате чего Россия вступает в Первую мировую войну совершенно неподготовленной именно на Черном море, где фактически лежит единственно правильное и целесообразное решение вопроса ее морских сообщений с внешним миром.

Если бы государственные деятели России, после восстановления в 1871 году ее права содержать флот на Черном море, решительно направили главные свои усилия на выполнение последнего этапа предначертанного Петром Великим обеспечения наших южных морских сообщений и произвели бы соответствующую военно-морскую подготовку для операции захвата Босфора, Россия могла бы в самом начале Первой мировой войны легко осуществить эту операцию и этим, как мы уже знаем, не только победоносно окончить войну, но вместе с тем и окончательно решить свою морскую проблему в полном ее объеме.

Непонимание государственными деятелями России XIX века ее морской проблемы и шатания в связи с этим русской внешней политики в течение прошлого и в начале настоящего столетия, погубили великое дело Петра. Русским поколениям XX века предстоит трудная задача начинать это дело сызнова.

Первостепенная важность в политико-экономической жизни России безопасности морских путей сообщения через турецкие проливы и возможность свободного пользования ими во время войны и мира основаны на следующих соображениях, вытекающих из физико-географических условий, изменить которые человечество не может.

Россия была и долгое время еще будет страной земледельческой, благосостояние которой покоится на экспорте

всякого рода сырья, составляющих ее основное национальное богатство. Принимая во внимание, что себестоимость добычи сырья во всех цивилизованных странах более или менее одинакова, возможность его сбыта на внешних рынках, — или, вернее, успешная конкуренция сырья во внешней торговле, — всецело зависит от дешевизны подвоза к рынкам сбыта. Морские пути сообщения были и всегда будут значительно дешевле сухопутных, ибо водная поверхность представляет собой даровой природный путь, тогда как прокладка и содержание путей на суше стоит очень дорого. Вместе с тем сырье представляет собой громоздкий по своему объему и тяжести товар, а вследствие этого оно гораздо удобнее и с меньшими затратами поддается перевозке морем, нежели сухим путем. Кроме того, морские пути сообщения связывают Россию с целым рядом стран, с которыми она не имеет непосредственных сухопутных сообщений, или от которых она отделена морями.

В период, предшествовавший Первой мировой войне, 80% вывоза России совершалось морем; из этого морского вывоза 60% падало на долю Черного моря; 35% на долю Балтийского моря и 5% на долю остальных морей, причем выявилась неуклонная тенденция повышения относительного участия Черноморских морских путей сообщения в общем морском экспорте России.

В XVIII веке, когда в состав Российского государства еще не входили богатейшие сырьем края Новороссии и Кавказа, экономическая жизнь России естественно тяготела к Балтийскому морю; поэтому правители России сосредоточили свое внимание на упрочении ее господства на этом море, что к концу XVIII века и было достигнуто; когда же в XIX веке закончилось присоединение земель, естественно тяготеющих к Черному морю, и когда обнаружилось, что природные богатства этих земель во много раз значительнее богатства других земель России, во всей широте встал перед правителями России вопрос о Черноморских путях сообщения.

С течением времени, по мере развития эксплуатации этих земель, становилось все более и более ясным, что их богатства займут главенствующее значение в экономической жизни России, и в связи с этим вопрос обеспечения южных морских путей для реализации этих богатств занимал все более важное положение во внешней политике России до самого конца XIX века, когда, как мы знаем, он на вечное несчастье России исчез из этой политики, вследствие ее устремления на Дальний Восток.

Обеспечение же Черноморских путей сообщения состоит в решении вопроса о проливах. Закрытие этих проливов, — каковое благодаря особо благоприятным в них для противника военно-

географическим условиям, достигается с чрезвычайной легкостью, самым тяжелым образом немедленно отражается на экономической жизни России.

В 1912 году Турция, находясь в войне с Италией, была вынуждена, по военным соображениям, закрыть проливы. Вследствие этого все порты Черного моря оказались отрезанными от внешнего мира, хотя Россия и соблюдала в этой войне строгий нейтралитет. Это вызвало немедленно ультимативный протест со стороны России, вследствие чего Турция должна была поспешно открыть проливы. Однако, несмотря на то, что проливы были закрыты лишь в течение нескольких дней и несмотря на то, что на всех других морях российский товарообмен ничем не был стеснен, — русская внешняя торговля потерпела за эти несколько дней многомиллионные убытки.

Из этого случая ясно видно, насколько для России болезнен и сложен этот вопрос о проливах, раз она может лишиться главного морского пути для своей торговли даже и в том случае, когда она не находится в войне с Турцией.

Закрытие же проливов во время Первой мировой войны закончилось, как мы уже в первой части этих воспоминаний видели, для России страшной катастрофой.[22]

Никто в мире лучше англичан не отдает себе отчета в том, сколь уязвима эта «Ахиллесова пята» России, и никто с таким упорством и последовательностью не вел в течение всего прошлого и настоящего столетия по отношению России политики, направленной к тому, чтобы не дать ей возможности хоть сколько-нибудь «прикрыть» эту свою уязвимую пяту тем или иным решением жизненно для нее важного вопроса о проливах.

Поглощенная в течение всего XVIII века ожесточенной борьбой со своей соперницей на морях — Францией, Англия «проглядела» дело Петра Великого и появление на морях новой морской силы, которая была им создана. После уничтожения французской морской силы Англия обрела новую соперницу на морях — русскую морскую силу, которая в начале XIX века уже прочно держала в своих руках господство на Балтийском море и начала развивать свою морскую силу на Черном море, стремясь обеспечить себе выход в бассейн Средиземного моря, где уже в конце XVIII и в начале XIX века стали появляться ее эскадры.

Англия всегда считала бассейн Средиземного моря одним из невралгических центров своего владычества на морях, и потому рассматривала появление всякой морской силы на этом море как прямую угрозу своему владычеству.

И с той поры как Россия начала искать выхода из Черного в Средиземное море, а ее эскадры стали появляться на этом море,

русская морская сила сделалась для Англии неприятелем №1,— тем более, что после уничтожения французской морской силы русская морская сила по своей мощности заняла следующее после английской морской силы место.

И также с той поры все дипломатические и военные попытки решить вопрос о проливах наталкивались на энергичное сопротивление Англии, не останавливавшейся перед угрозой нам войной, как это имело место во время нашей войны с Турцией 1877-78 года и даже перед нападением на нас в 1854-56 году, как об этом выше было уже упомянуто.

После значительного ослабления русской морской вооруженной силы в войне с Японией, неприятелем №1 для Англии сделалась немецкая морская вооруженная сила, сказочно быстрый рост которой в начале XX века начал серьезно угрожать английскому владычеству на морях.

Вследствие этого Англия принуждена была временно отказаться от своей традиционной враждебной политики по отношению к России, и пойти на сближение с ней, дабы совместными усилиями с ней и с Францией остановить рост немецкой морской силы, что в конце концов и привело к Первой мировой войне.

Чтобы закрепить союзные обязательства России во время этой войны, Англия, — вразрез своей традиционной антирусской политике, — пошла даже на то, чтобы признать письменным договором права России на проливы, ибо столь велика оказалась мощь и опасность Германии, выявившаяся в самом начале войны, и необходимость поэтому для Англии помощи России.

Однако, как мы знаем, этот договор был в 1915 году заключен Англией с задней мыслью нарушить его при первой возможности, вследствие чего она и попыталась, путем форсирования Дарданелл и появления ее флота раньше нашего у Константинополя, поставить Россию в проливах перед свершившимся фактом захвата их английским флотом.

Попытка эта, как известно, не удалась. Но лишь только Россия была революцией повержена в прах, и потеряла для Англии всякую военную ценность в ее борьбе с Германией, она не только «порвала» этот договор, но, на созванных после войны конференциях в Лозанне и Монтрэ для решения вопроса о проливах настояла на том, чтобы из всех возможных форм решения этого вопроса была принята и международным договором узаконена самая невыгодная и опасная для России форма.

Даже несмотря на то, что советская Россия победоносно закончила Вторую мировую войну в союзе с Англией и создала

себе в сателлитских государствах на Балканах отличную базу для военного решения вопроса о проливах (каковой императорская Россия не располагала во время Первой мировой войны), — советской России все же не удалось изменить в свою пользу после Второй мировой войны невыгодное для нее решение вопроса о проливах, принятое на вышеупомянутых конференциях.

При первой попытке нажима советской России на Турцию в этом направлении последняя была решительно поддержана всеми великими державами, и ответила советской России категорическим отказом.

Включением же Турции в Атлантический пакт выход из Черного в Средиземное море закрыт для России гигантской силой всех держав, этот пакт составляющих, а созданием, стараниями Англии, Балканского пакта сведено почти на нет стратегическое значение приобретенной советской Россией в ее сателлитских балканских державах базы для действий против проливов с сухого пути.

Вступая в Первую мировую войну, Россия никаких личных эгоистических целей, кроме защиты Сербии, не имела.

Однако в 1915 году, когда стало очевидным, что война будет сопряжена с громадными, — доселе небывалыми, — жертвами, русское правительство не могло не поставить, для оправдания этих жертв перед народом, целью войны — решение вопроса о проливах.

Желание России решить этот вопрос было признано ее союзниками, — правда, скрепя сердце, — и оформлено специальным соглашением, заключенным в конце 1915 года.

Подготовляя материал для заключения этого соглашения, министр иностранных дел С. Д. Сазонов обратился осенью 1915 года к Верховному командованию с просьбой высказать свой взгляд о том, какая форма решения вопроса о проливах является, с военной точки зрения, наиболее желательной и выгодной для России.

В связи с этим в Штабе Верховного Главнокомандующего была составлена обширная записка, в которой были рассмотрены все возможные формы решения этого вопроса, причем все эти формы были классифицированы в порядке их выгодности и приемлемости для России.

В составлении этой записки приняли участие генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов, начальник дипломатической канцелярии Н. А. Базили и начальник Военно-морского управления при Верховном Главнокомандующем А. Д. Бубнов.

Так как по самому своему существу вопрос этот прежде всего «морской», С. Д. Сазонов продолжительно совещался с нами,

моряками Штаба Верховного Главнокомандующего, и заключения этих совещаний были положены в основание вышеупомянутой записки.

Во время этих совещаний нельзя было не заметить, с какими трудностями были для С. Д. Сазонова сопряжены переговоры по этому вопросу с союзниками и с каким недоверием он к союзникам относился, а также с какой тревогой уже осенью 1915 года он смотрел на будущее России в тот момент, когда решался вопрос о смене Великого Князя Николая Николаевича.

В составленной нами после этих совещаний записке все формы решения вопроса о проливах были сведены в три группы:

В первой группе были все формы, предусматривавшие установление, в том или ином виде, непосредственной власти России в проливах, то есть *владение* проливами. Эта группа, обнимая собой самые выгодные формы решения, должна была послужить базой для соглашения и переговоров на мирной конференции в случае успешного для России окончания войны.

Во второй группе были формы, предусматривавшие установление *контроля* России над проливами. Эта группа, обнимавшая приемлемые формы решения вопроса, должна была бы служить базой для мирных переговоров, в случае нерешительного окончания войны.

В третьей группе были неприемлемые и опасные для России формы решения вопроса; причем в ней было указано, что в случае неуспешного исхода войны, Россия должна настаивать на сохранении «статус- кво» в проливах, то есть на сохранении над ними турецкой власти, ни в коем случае не соглашаясь на применение форм решения, перечисленных в этой последней, особо для России опасной, группе.

В первую группу входили все формы завладения или длительной оккупации нами проливов. Различие между формами этой группы состояло лишь в величине той территориальной площади по обоим сторонам проливов, которая должна была бы отойти под власть России, Формы эти были довольно многочисленны, ибо в 1915 году, когда составлялась записка, нельзя было предвидеть ряд факторов, которые должны были бы оказать косвенное влияние на решение этого вопроса, а именно: удастся ли после войны окончательно вытеснить Турцию из Европы; останется ли Константинополь столицей Турции и следует или нет включать его в зону Российских владений; в какой мере придется удовлетворить притязания Греции на северный берег Мраморного моря и т. д.

Однако все формы решения вопроса о проливах, приведенные в этой группе, обеспечивали столь прочное господство России над

проливами, что проникновение в Черное море во время войны, даже для самых мощных противников России, было бы невозможным. При этом во все эти формы непременным условием входил переход во власть России островов Лемнос, Самофракия, Имброс и Тенедос в Эгейском море, которые командуют морскими путями, ведущими из Средиземного моря к Дарданеллам; владение этими островами исключало бы возможность для противника блокады проливов со стороны Средиземного моря и обеспечивало бы нашу морскую связь Черного моря с бассейном Средиземного моря.

Соглашение, заключенное С. Д. Сазоновым в 1915 году с нашими союзниками, базировалось на этой группе. Причем нам было этим соглашением гарантирована наиболее выгодная форма решения вопроса.

Во второй группе были приведены нижеследующие формы контроля России над проливами: 1) отмена ограничений пользования проливами для судоходства, установленных Берлинским трактатом; 2) закрытие проливов для плавания всех военных судов, не принадлежащих прибрежным державам Черного моря, с установлением фактического русско- турецкого контроля над плаванием в проливах; 3) и, наконец — самое главное в этой группе — предоставление России обеспечения ее участия в фактическом контроле плавания в проливах, **базы** в районе самих проливов или в их непосредственной близости.

В третьей группе были всесторонне рассмотрены и подробно анализированы различные виды и комбинации видов **нейтрализации и интернационализации** проливов, представляющих собой самую опасную и наименее приемлемую для России форму решения вопроса о проливах.

По окончании Первой мировой войны и заключении Версальского мирного договора была созвана в 1922 году в Лозанне международная конференция для решения вопроса о проливах, на которой руководящую и решающую роль играла Англия.

И вот та самая Англия, которая в 1915 году, когда ей была необходима помощь России для борьбы с Германией, дала свое письменное согласие на оккупацию Россией проливов, то есть на наиболее выгодное решение для России вопроса о проливах, эта самая Англия, когда ей Россия была больше не нужна и когда престиж императорской России погиб, настояла в Лозанне на самой невыгодной и опасной для России форме решения вопроса о проливах — на их нейтрализации и интернационализации.

При этом в контрольном органе интернационализации проливов, учрежденном в Лозанне, председательское место

получила Англия, что было равносильно передаче именно ей — исконному противнику России в этом вопросе, фактического контроля над проливами, ибо в ту пору Англия располагала самым мощным флотом мира.

Большевистские представители на Лозаннской конференции из кожи лезли вон, чтобы избежать столь невыгодных и опасных для России решений или чтобы хоть сколько-нибудь эти решения смягчить, но их голос никем не был услышан, потому что за ними не было престижа императорской России.

Самый тот факт, что даже большевики, которые в начале своего властвования над Россией невнимательно относились к самым жизненным ее интересам, не подписали решений Лозаннской конференции, лучше всяких других доказательств показывает, какое катастрофическое значение имели для России принятые на этой конференции решения. А в связи с этим яснее всего выявляется грандиозность совершенного революцией над русским народом преступления, выразившегося в уничтожении престижа Русского государства, последствием чего и явилось гибельное для России решение вопроса о проливах.

Вскоре после Лозаннской конференции Англии показалось выгодным восстановить свои торговые сношения с Россией. До сих пор еще не забыто циничное заявление по этому поводу английского премьера в парламенте *«Торгуем же мы с каннибалами, отчего бы нам не торговать с русскими!»*

Советское правительство решило этим воспользоваться, чтобы возбудить вопрос о пересмотре Лозаннской конференции. В связи с этим была созвана конференция в Монтрэ, на которой советское правительство добилось изменения решений Лозаннской конференции в свою пользу, но, как увидим ниже, польза была лишь кажущаяся.

Интернационализация проливов была, действительно, отменена, и был распущен орган международного контроля, во главе коего стояла Англия, а суверенные права Турции были восстановлены. Однако, было сохранено право военным судам всех наций входить во всякое время в проливы и плавать в них, с тем лишь ограничением, чтобы по своей общей силе отряд чужих военных судов, вошедших в проливы и плавающих в них, не превышал силу советского Черноморского флота; при этом «контролирование» по статье конвенции в Монтрэ, то есть оценка силы отряда судов, входящих в проливы, была возложена на Турцию.

Турция после Первой мировой войны всецело перешла в орбиту западных держав-победительниц и подчинилась их влиянию; в морских же вопросах, и в частности, в вопросе о

проливах особенно сильно было на нее влияние Англии. Поэтому последняя — раз был конференцией в Монтрэ подтвержден принцип права входа в турецкие проливы военных судов всех наций, — легко согласилась на отмену интернационализации этих проливов, ибо была уверена, что Турция будет «оценивать» силу входящих в проливы военных судов так, как того она, Англия, захочет.

Таким образом, конференция в Монтрэ никакой реальной выгоды Советам не дала, а лишний раз подтвердила беспомощность советской дипломатии, давшей себя обойти в этом жизненно важном для России вопросе, что ясно видно из нижеследующего случая. В июле месяце 1953 года англо-американский отряд, состоящий из 22 военных судов, вошел через Дарданеллы в Мраморное море, где учредил себе базу для предстоящих маневров в этой зоне; советское правительство немедленно против этого протестовало, но получило от Турции ответ, что она не считает пребывание этого отряда в Мраморном море и в проливах нарушением соответствующей статьи конвенции в Монтрэ; и советское правительство должно было этим ответом удовольствоваться.

После Второй мировой войны советское правительство, выйдя из нее победительницей, считало момент благоприятным для решения вопроса о проливах и в ультимативной форме предложило Турции установить вместе с ней кондоминиум (совладение) в проливах, что было, конечно, ни что иное, как прикрытый «фиговым листком» фактический переход проливов в полную власть советской России, ибо она, не разоружившись после войны, располагала неизмеримо сильнейшим военным потенциалом, чем Турция.

Однако Турция, опираясь на решительную поддержку в этом вопросе всех западных великих держав, мужественно отвергла этот ультиматум, и советское правительство, видя, что здесь дело чревато войной со всеми своими бывшими союзниками, на своем ультиматуме не настаивало.

Таким образом, несмотря на то, что советская Россия вышла из Второй мировой войны победительницей, вопрос о проливах фактически стоит для нее нисколько не лучше, чем он стоял при их интернационализации, ибо, как и тогда, над проливами и ныне нависла мощь всего света.

Потерпев неудачу в деле ультимативного предложения Турции кондоминиума над проливами, советское правительство, спустя некоторое время, сделало попытку установить, — если не свое владение, — то хотя бы свой контроль над проливами, и выступило с предложением Турции уступить России в арендное

пользование какой-либо залив в проливах для учреждения в нем своей базы.

Это, как нам известно, была наивыгоднейшая для России форма контроля над проливами, приведенная во второй группе решений вопроса о проливах, — вышеупомянутой записки, составленной в Штабе Верховного Главнокомандующего в 1915 году.

Но и эта попытка Советов не имела успеха: турецкое правительство попросту на это предложение не ответило.

После смерти Сталина положение советской власти в России и в странах-сателлитах настолько пошатнулось, что его наследники, дабы обеспечить себе внешний мир в этот период кризиса власти, решили смягчить агрессивный характер сталинской внешней политики и в числе предпринятых ими в этом направлении шагов сами отказались от требования базы в проливах.

Таким образом, и после победоносной войны вопрос о проливах остался в том самом невыгодном и опасном для России положении, в каковое он был поставлен Лозаннской и Монтрэсской конвенциями после поражения России в Первой мировой войне.

В период ослабления мощи России этот вопрос как бы «опускается на дно» русской внешней политики, вновь поднимаясь на ее поверхность по мере нарастания этой мощи. И для правильной оценки русских международных отношений необходимо всегда иметь в виду, что почти во всяком шаге русской внешней политики заключен в более или менее ясной, прямой или косвенной форме вопрос о проливах.

Революция

Единение царя с народом первых дней войны продолжалось очень недолго.

В связи с нарастающим духовным напряжением, вызванным тяжелой войной, постепенно обострялись впечатлительность и терпение интеллигентных классов общества, что и породило в нем, вследствие злосчастного направления нашей внутренней политики, оппозиционные течения, перешедшие в конце концов в революционные настроения.

Вместо того, чтобы стараться, елико возможно, поддерживать в обществе столь необходимые для успешного хода войны стремления к единению всех творческих сил народа с его Верховным правлением, правительство и главным образом, Престол, своими деяниями, наоборот, все больше и больше

углубляли возникшую вскоре после начала войны между ними пропасть.

Эти деяния, имевшие фатальные последствия для будущего России, были: допущенное со стороны Престола влияние на управление страной в столь тяжелый период ее истории распутинской клики и борьбы Верховной власти с Государственной Думой, — так или иначе олицетворявшей творческие силы страны, — к патриотической помощи коих верховная власть не только упорно считала не нужным, но даже считала вредным, прибегнуть.

Крайнее упорство, — не поддававшееся никаким доводам и увещеваниям, откуда бы они ни исходили — в нежелании престола положить конец влиянию Распутина и его клики и нежелание призвать, в столь тяжелый час, к содействию власти общественные силы, а наоборот, борьба с ними, привело наконец все патриотически настроенное русское общество в крайнее отчаяние, чем и объясняется столь быстрый, можно сказать, молниеносный успех революции.

Много уже было написано о Распутине, и было бы излишним возвращаться к описанию и оценке той трагической роли, которую сыграл он в истории России.

Здесь хочу лишь упомянуть о том глубоком влиянии, которое имела «распутиновщина» на умонастроения и духовные переживания личного состава Ставки.

Всем нам, конечно, было известно то положение, которое занял в царской семье этот презренный негодяй, влияние коего на Государыню и Государя не могли ослабить и открыть на него глаза даже представленные документально фотографические доказательства об его низком разврате; мы знали об определенном вмешательстве Распутина и сплоченной вокруг него корыстолюбивой и бесчестной клики, в дела управления государством и в назначения на высшие государственные должности; до нас доходили начавшиеся распространяться в 1916 году в русском обществе слухи о связях распутинской клики с тайными германскими агентами, в связи с чем появились, необоснованные, конечно, обвинения Государыни, — немки по происхождению, — в измене.

В таких условиях упорная защита Государыней и Государем Распутина и его клики оскорбляла наше национальное достоинство и вызывала среди всех нас, так же как и среди всей патриотически настроенной части русского общества, глубокое возмущение.

Столь велико было тогда это возмущение, что даже теперь, когда все безвозвратно минуло и когда с годами улеглись

страсти, оно, при воспоминании об этом трагическом прошлом, все же закипает с прежней безмерной силой.

Вместе с тем упорная борьба Престола в столь тяжелое для страны военное время с Государственной Думой вызывала в нас сильную тревогу за будущее.

Хотя, конечно, нельзя отрицать, что, — весьма, правда, незначительная часть радикально, или вернее революционно настроенных членов Думы, — преследовала не патриотическую, а партийную цель — воспользоваться войной для свержения власти, однако значительное большинство членов Думы имело перед собой единственно лишь патриотическую цель: помочь власти добиться победы в войне. Но, видя систематическое нежелание власти прибегнуть в тяжелый час к помощи олицетворяемых Думой творческих сил страны, и, опасаясь того вредного и растлевающего влияния, которое имела на государственные дела распутинская клика, патриотическое большинство Думы заняло оппозиционное положение по отношению к пагубной внутренней политике правительства, перешедшее, после насильственного акта роспуска Думы в начале 1917 года, в справедливое возмущение, которое окончательно оттолкнуло Думу, а вместе с ней и все русское общество от престола и правительства.

Мы же в Ставке отдавали себе отчет в том, что в обстановке Первой мировой войны, когда сражалась с страшным врагом не только армия, но весь вооруженный народ, успех мог быть достигнут лишь при условии полного единения народа с властью и полного использования всех без исключения творческих сил страны; мы ясно сознавали, что в это время несогласие, а тем более открытая борьба власти со страной, неминуемо должны привести к катастрофе; поэтому и мы, опасаясь за судьбу дорогого нам отечества, с неодобрением и тревогой относились к внутренней политике верховной власти.

Так как Государь горячо любил Россию, упорство, с которым он вел гибельную для нее внутреннюю политику, требует объяснений, чтобы не быть неправильно истолкованным.

Не подлежит, конечно, сомнению, что Государь не питал никаких симпатий к прогрессивным идеям в деле управления государством и не только недоверчиво, но даже враждебно относился к носителям и распространителям этих идей.

При своем религиозном мистицизме он твердо верил, что власть ему дана Богом и что его долг состоит в том, чтобы сохранить ее неумаленной; вследствие этого он отвергал всякие попытки самодеятельности и инициативы общественных сил, видя в этом посягательство на свою власть, и не останавливался

перед тем, чтобы вступать с этими силами в борьбу.

Однако при объяснении того крайнего упорства, с которым Государь вел эту борьбу, нельзя удовольствоваться лишь ссылкой на его религиозный мистицизм, также как нельзя искать причину этого упорства, быть может, в недостатке умственных способностей, ограничивающем его понимание.

Его дед император Александр II и, особенно, его прадед император Александр I были не менее, чем он, мистически настроены и не отличались особенными умственными способностями; однако их пониманию были не только доступны передовые идеи, но к некоторым из этих идей они все же прислушивались.

Основная причина такой разницы между ними и их потомком императором Николаем II заключалась в разнице воспитания, в различии взглядов среды, в которой они вращались, и в характере влияния на них их близких.

На психологии и идеологии императоров Александра I и II неизгладимый отпечаток оставили их воспитатели — швейцарец Лагарп и поэт Жуковский, носители не только передовых, но даже, — что касается Лагарпа, — революционных идей; оба императора и, особенно, Александр I, окружали себя либерально настроенными людьми и вращались в кругу высоко интеллигентных русских и иностранных людей.

Будь у императора Николая II в его молодости такие же воспитатели, как у этих его предков, можно с уверенностью сказать, что и ему, так же как им, было бы доступно правильное понимание блага России и он не вел бы с русским обществом такую ожесточенную борьбу, как это было в Первую мировую войну. Но, как известно, императора Николая II в его молодости, не готовили к занятию престола, и его воспитание не отличалось от воспитания молодых людей, консервативно настроенного русского дворянства; при этом он вращался исключительно в кругу гвардейских офицеров, среди которых господствовали крайне консервативные, а подчас даже ретроградные понятия о государстве и о самодержавной власти.

Излишне, конечно, здесь доказывать, какое решающее влияние имеет на мировоззрение человека воспитание среды, в которой он вращается.

Неоткуда было в психологии императора Николая II зародиться и развиться либеральным взглядам на дело управления государством; воспитание и среда, в которой он вращался, наоборот, способствовали лишь развитию и укреплению зарожденных в нем религиозным мистицизмом ретроградных идей.

Но это еще не все.

Императоры Александр I и II уделяли своим семьям даже, пожалуй, меньше внимания, чем бы сие полагалось; их супруги не имели на них ни малейшего влияния, да к этому и не стремились, а в дела управления государством не могли даже и думать вмешиваться.

Император же Николай II был весь поглощен, как мы знаем, интересами своей семьи, а Государыня, которую он чрезмерно любил, буквально подавляла его слабую волю, и именно она, — больше чем кто-либо и что-либо, — укрепляла в нем ретроградно-мистическую идеологию, неуклонно требуя, чтобы он, не останавливаясь ни перед чем, решительно за эту идеологию боролся.

Вот мы и подошли к трагическому вопросу о фатальном влиянии Государыни на Государя, которое и было главным источником его упорства в ведении пагубной для России внутренней политики.

О том, сколь вредоносны были, по своей отсталости, взгляды Государыни на дело правления русским государством, каким слепым мистицизмом она была проникнута, сколь безгранично была она подвержена воле Распутина, к каким утонченным аргументам она прибегала, чтобы, пользуясь безмерной любовью к себе Государя, заставлять его исполнять ее желания, свидетельствуют, с исчерпывающей ясностью, ее письма к Государю.

Более неопровержимых документов, чем эти письма, для обоснования своих заключений, историческая наука дать не может, и сознающий свой долг перед наукой беспристрастный историк, не может обойти их молчанием, сколь бы это и не приходилось по душе ослепленным сентиментальностью и неспособным подняться на бесстрастный уровень науки читателям.

Хотя имеется целый ряд и других данных для суждения о фатальном влиянии Государыни на Государя, но, из уважения к памяти несчастной женщины-царицы, принявшей за свои невольные заблуждения мученический венец, ограничимся здесь лишь теми, которые вписаны в историю ее собственной рукой.

Но тут возникает перед нами непонятный вопрос, как могло случиться, что иностранная принцесса, родившаяся в культурной западно-европейской среде и воспитанная при английском дворе в духе позитивизма и реализма, подпала под неограниченное влияние некультурного мужика, очутилась в таком мраке мистицизма и стала исповедовать столь отсталые взгляды на государственное правление.

Распространенное объяснение непостижимой приверженности Государыни к Распутину одним лишь тем, что он обладал способностью останавливать припадки гемофилии у наследника, далеко не убедительны, если он такой способностью обладал, то, при нормальном отношении к вещам, достаточно было бы царского повеления, чтобы у него, — как вообще у всякого врача — «купить» эту способность за деньги, не вознося, как это делала Государыня и внушала в своих письмах Государю, такого полуграмотного мужика на степень «лучшего и вернейшего друга» царской семьи, каковым она его считала.

Объяснение такой непостижимой аберрации мышления Государыни можно, по моему глубокому убеждению, найти лишь в изречении «здоровый дух в здоровом теле».

Государыня, вне всякого сомнения, не была вполне здорова, она носила в себе зародыши таинственной и страшной болезни, — гемофилии, — являющейся следствием нарушения физиологического равновесия в организме, или говоря медицинским языком, следствием нарушения функций системы внутренней секреции.

Между тем, современная психофизиология пришла к заключению, что всякое нарушение функций внутренней секреции неминуемо вызывает, более или менее ясно выраженные, а подчас, непосвященному оку даже и не заметные, нарушения в психике, выражающиеся в различных формах истерии и психозов, которые — особенно у женщин — часто проявляются в религиозном мистицизме и экзальтации. Психозы же эти, подчиняя себе работу мысли, лишают ее свободы и приводят к ее аберрации. Таким образом, умозаключения по всем решительно вопросам расцениваются и принимаются неуклонно с точки зрения этих психозов. Ретроградные взгляды Государыни на правление государством и превратные суждения о людях именно и объясняются аберрацией ее мышления под влиянием экзальтированного мистического настроения, коему эти взгляды и суждения полностью отвечали и из коего они прямо вытекали.

Этим также объясняется и то безграничное влияние, которое приобрел на нее Распутин. Известно, что многие женщины с болезненной психикой склонны чрезмерно восторгаться людьми, обладающими свойствами особенно действовать на их эмоции.

Распутин же был постоянно окружен разными экзальтированными мистически настроенными и неуравновешенными женщинами, на которых именно и выявлялась в наивысшей степени власть этого отвратительного мужика.

Исходя из всего этого, заблуждения Государыни в ее

суждениях и чувствах следует приписать болезненному состоянию ее психики. Только при таком объяснении заблуждения эти могут быть названы невольными, и только такое, а никакое иное объяснение может дать истории право снять с ее памяти бремя ответственности за тот вред, который она своими заблуждениями причинила России.

Но как бы то ни было, эти заблуждения, — постоянно и упорно внушаемые Государыней Государю, — воля которого была слепой любовью к ней совсем подавлена, — и который сам был склонен к мистицизму, приведи к небывалому унижению престола в глазах всего света, к глубокому оскорблению чувства национального достоинства всего русского общества и к упорной борьбе власти с творческими силами страны в тяжелый час войны.

Прямым же последствием этого было безграничное возмущение русского общества и полное отчуждение страны от власти и престола, вследствие чего Государь в критическую последнюю минуту своего царствования оказался совершенно одиноким и решительно никто его не поддержал.

Английская и французская революции, жертвами коих пали Карл I и Людовик XVI ясно показали, к каким трагическим последствиям приводит борьба монархов с народным представительством,

Зная, конечно, это, генерал Алексеев с глубокой тревогой за будущее взирал на упорную борьбу престола с нашей общественностью, усугубляемую всеобщим возмущением «распутиновщиной».

Но, как известно, все его старания добиться от Государя изменения пагубного направления его внутренней политики остались тщетными.

Осенью 1916 г., после назначения в сентябре месяце на пост министра внутренних дел А. Д. Протопопова, отношения между Думой и правительством стали все более и более обостряться. О Протопопове было известно, что он психически не вполне нормален и, во всяком случае, крайне неуравновешен. Несмотря на то, что он сам был членом Думы, он повел такую ретроградную и беспорядочную внутреннюю политику, что вскоре вызвал резкие протесты Думы, которая потребовала от правительства его смены.

Кроме того, стало известно, что он в Стокгольме вошел в связь с немецким послом и вел с ним какие-то переговоры, так как вместе с тем было известно, что он пользовался особым доверием Государыни и был преданным исполнителем ее предначертаний, это дало еще большее обоснование молве о том, что измена свила себе гнездо на ступенях самого Престола, и эта

страшная молва нашла себе отголосок на кафедре Государственной Думы.

О том, какое это имело ужасное влияние на настроение общества и на его отношение к Престолу, и говорить нечего.

В конце концов пагубная деятельность Протопопова привела к тому, что на его личности как бы поляризировалась вся борьба между Престолом и русским обществом, возглавляемым Думой.

И несмотря на увещевания ряда авторитетнейших государственных деятелей, несмотря на письменные обращения к нему членов императорской фамилии, — великих князей, — в которых они предостерегали его, что доверие, оказываемое им недостойным того людям, неминуемо приведет Россию и династию к гибели, Государь, поддерживаемый Государыней, оставался непреклонным и ни с Протопоповым, ни с Распутиным расстаться не хотел.

Как раз в разгар этой борьбы, в ноябре месяце, генерал Алексеев тяжело заболел. Главной причиной его болезни было крайнее переутомление, но нет сомнения в том, что этому переутомлению немало способствовало сознание своего бессилия повлиять на Государя, и опасения за исход войны.

Генералу Алексееву был предписан врачами продолжительный отдых на юге.

По его совету Государем был призван для временного исполнения обязанностей начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Гурко.

Служебное положение, которое генерал Гурко занимал, не предназначало его для занятия столь высокого поста, ибо он был младше всех главнокомандующих фронтами и многих командующих армиями.

Но о нем было известно, что он очень решителен, тверд характером и либерально настроен, так что можно было полагать, что именно эти его свойства остановили на нем выбор генерала Алексеева, потерявшего надежду сломить упорство Государя.

О чем они говорили с глазу на глаз при передаче должности, останется навсегда тайной, которую оба они унесли с собой в могилу.

Но факт тот, что с его назначением появились неизвестно откуда взявшиеся слухи, что он, если ему не удастся повлиять на Государя, примет против него какие-то решительные меры.

Однако проходили дни за днями, во время которых борьба Престола с общественностью все более и более ожесточалась, и чувствовалось, что приближается развязка, а никакого влияния генерала Гурко на ход событий не было заметно, так что вернувшийся через полтора месяца к своим обязанностям генерал

Алексеев застал все в еще худшем положении чем то, которое было при его отъезде.

Были ли тому причиной справедливые опасения генерала Гурко, что какое бы то ни было насильственное действие над личностью царя даст последний толчок назревшему уже до крайней степени революционному настроению; или его в последнюю минуту остановило не изжитое еще традиционное верноподданническое чувство, или, наконец, быть может, слухи о его намерениях были лишь поводом вымысла приведенных в отчаяние и опасающихся за судьбу своей родины людей — трудно сказать. Но, во всяком случае, надежды, возлагавшиеся на него в Ставке, ни в малейшей степени не оправдались.

Вскоре после отъезда генерала Алексеева на юг произошло знаменитое выступление в Думе ее члена Пуришкевича. В громовой речи он открыто заявил о том, что народное негодование, вызванное влиянием Распутина на государственные дела, грозит революцией и что Престол не смеет допускать, чтобы через его посредство страной правил этот гнусный мужик.

Это выступление Пуришкевича, крайне правого монархиста, имело потрясающий отклик во всей стране, ибо полностью подтвердило слухи о трагическом положении в деле правления страной.

Но нельзя также отрицать, что оно нанесло жесточайший удар Престолу и окончательно отдалило от него всю страну. Однако, исходя от преданного Престолу человека, это выступление вместе с тем показало, до какой действительно крайней степени дошло негодование всех честных русских патриотов, любящих свою родину.

17 декабря Распутин был убит. Всеобщее ликование, вызванное этим в стране, яснее всего свидетельствует о том, до какой степени переполнилась чаша долготерпения и гнева народного: незнакомые люди, передавая на улице эту весть, бросались с радостью друг другу в объятия.

Казалось бы, что это всенародное выражение протеста должно было, наконец, открыть глаза Престола на пагубность его политики и вызвать коренное ее изменение. Однако этого не произошло. Государыня, похоронив Распутина в дворцовом парке и причислив его к лику святых, ежедневно молилась на его могиле, а Государь еще более твердо и неуклонно продолжал поддерживать Протопопова и его деяния.

Донесения охранного отделения о состоянии умов в стране становились все более и более тревожными, определенно указывая на приближение революции. Ничто уже не могло остановить фатального хода событий. В душах людей вселилось

чувство безнадежности и у всех опустились руки.

При таких условиях революция, конечно, была неминуема.

В двадцатых числах февраля в Ставку начали поступать донесения из Петрограда о волнениях из-за недостатка хлеба и о циркулирующих в связи с этим среди населения зловредных слухах. 25-го начались волнения и забастовки на заводах, а 26-го были получены тревожные сведения о массовом выступлении рабочих, к которым присоединились большие толпы населения; при этом из донесений о беспорядках было видно, что полиция и жандармерия с трудом с ними справляются и что необходимо будет прибегнуть к содействию войск.

Это последнее известие нас в Ставке крайне встревожило, ибо нам было известно, что в Петрограде нет ни одной прочной кадровой войсковой части и что гарнизон его состоит из одного казачьего второочередного полка и из запасных батальонов гвардейских полков, причем эти батальоны укомплектованы запасными нижними чинами старших сроков службы под командованием весьма немногочисленных офицеров запаса, а потому не могут считаться надежными войсковыми частями.

И действительно, вскоре затем пришло донесение, что при попытке употребить запасные батальоны они взбунтовались и перешли на сторону демонстрантов.

Из поступивших в ночь на 27-ое февраля сбивчивых, но крайне тревожных донесений явствовало, что революционная толпа с присоединившимися к ней запасными батальонами смяла полицию и жандармерию, завладела большей частью столицы и осаждает здание Главного Адмиралтейства, куда спасся главнокомандующий Петрограда генерал Хабалов с несколькими ротами военных училищ, правительство же и все правительственные органы перестали действовать, а некоторые члены правительства разыскиваются толпой в целях их ареста. Одним словом, было ясно, что в столице началась революционная анархия.

27 февраля я был приглашен на завтрак к царскому столу. С глубокой тревогой в душе пошел я на этот завтрак, который должен был быть последним завтраком императора Николая II с приглашенными к его столу гостями.

Зайдя по дороге в управление генерал- квартирмейстера, я узнал, что рано утром была получена от председателя Государственной думы Родзянко срочная телеграмма, в которой он, излагая критическое положение в столице, умолял Государя согласиться на образование правительства из пользующихся общественным доверием лиц, считая это единственным выходом из положения для спасения страны.

Эту телеграмму носил лично Государю тяжело больной генерал Алексеев, у которого была высокая температура. Но Государь своего согласия не дал, и это был последний акт его правления, которым он положил конец своей династии и монархии в России...

Завтрак проходил в обычном порядке, но в полном молчании и в скрываемом всеми тревожном настроении.

Государь, по правую руку которого сидел генерал Н. И. Иванов, был бледнее обыкновенного и ни с кем не разговаривал. После завтрака он сейчас же ушел к себе в кабинет, в сопровождении генерала Иванова.

Когда я спускался по лестнице, меня догнал дворцовый комендант генерал Воейков, который, как обычно, выглядел самоуверенно и самодовольно. Тут же на лестнице он мне задал вопрос «Можем ли мы гарантировать безопасность царской семьи в Ливадии». Дело в том, что в связи с событиями в Петрограде, по совету Воейкова, возникло намерение перевезти царскую семью из Царского Села в Крым, если состояние заболевших корью царских детей это позволит.

Ливадийский же дворец находился на самом берегу Черного моря, и вопрос Воейкова относился к безопасности от неприятельского обстрела со стороны моря.

На это я ему ответил, что за безопасность от врага внешнего мы ручаемся, но за безопасность от врага внутреннего — нет. На этой Воейков небрежно махнул рукой и ответил: «Пустяки — с этим мы справимся».

Вернувшись к себе в управление, я застал в кабинете сильно взволнованных Н. А. Базили и С. Н. Ладыженского, которые, зная что морское управление соединено прямым проводом с Главным Адмиралтейством, где находился главнокомандующий Петрограда генерал Хабалов, пришли узнать о положении.

Вскоре пришел к нам после разговора с Государем и генерал Н. И. Иванов с целью вступить в связь с генералом Хабаловым,

От генерала Иванова мы узнали, что Государь повелел ему, с георгиевским батальоном охраны Ставки, немедленно отправиться в Петроград и, присоединив к себе по пути части Царскосельского гарнизона, восстановить в столице порядок. Мы буквально пришли в ужас от такого непонимания размеров происходящей катастрофы: послать этого ветхого старца с горстью хотя бы и георгиевских солдат против десятков тысяч вооруженных и доведенных до исступления революционеров, — было сущим безумием; это было равносильно попытке потушить извержение вулкана стаканом воды.

Наши общие старания убедить генерала Иванова в том, что

при создавшемся в Петрограде положении необходима для водворения порядка по меньшей мере целая боевая дивизия с артиллерией, и что с одним, или даже несколькими батальонами его миссия неминуемого кончится катастрофой — не имели успеха: он отмалчивался, и видно было, что он был уверен, вспоминая свою роль усмирителя солдатских бунтов в Сибири после войны с Японией, что и на этот раз ему удастся стяжать себе в глазах Государя ставу спасителя отечества.

Войти в связь с генералом Хабаловым ему не удалось, ибо прямой провод оказался прерванным, да и само командование генерала Хабалова было уже в это время ликвидировано.

Дальнейшее известно: выехав в тот же вечер из Ставки с георгиевские батальоном, он был остановлен в Царском Селе перешедшим на сторону революции царскосельским гарнизоном, а георгиевский батальон разоружен.

Опасаясь за свою семью, Государь 28-го февраля выехал из Ставки в Царское Село.

Многие ставят ему в вину, что в такой критический момент жизни государства в нем взяли верх чувства любвеобильного семьянина над чувством монаршего долга, которое требовало от него оставаться в Ставке для личного руководства борьбой с революцией, тем более, что, покидая Ставку, он оставлял верховное командование в руках тяжело больного, морально подавленного генерала Алексеева; кроме того, отправляясь в Царское Село, он сам подвергался опасности захвата революционерами.

Но нельзя закрывать глаза на то, что, если бы революционеры захватили в Царском Селе всю царскую семью с царицей и наследником и обратили бы их в своих заложников, Государь, оставаясь в Ставке, неминуемо бы так же покорился их требованиям, как если бы фактически был у них в плену.

К тому же, зная, какое ненормальное положение было в Верховном командовании, где все было в руках начальника Штаба, можно с уверенностью сказать, что, останься Государь в Ставке, ход событий от этого бы не изменился.

Правильнее было бы заблаговременно перевезти, хотя бы на автомобилях, царскую семью из Царского Села в Ставку; но, как раз в это время все царские дети лежали больные корью, а события развивались с такой быстротой, что просто не хватило времени, чтобы, — убедившись в безвыходности положения, — привести немедленно в исполнение эту меру, сознательно при этом рискуя успешностью лечения детей.

В этот критический час злой рок тяготел над Государем: больные дети вдали в объятиях революции и тяжело больной

генерал Алексеев в Ставке, и нельзя поставить ему в вину, что общечеловеческое чувство неудержимо повлекло его к находящейся в такой страшной опасности семье.

Когда царский поезд покидал Ставку, в Петрограде больше не существовало никакой царской правительственной власти, и столица была уже полностью во власти революционеров; министры были арестованы, а из членов Государственной Думы было образовано Временное Правительство, первой задачей которого было не пропустить царя и эшелона с войсками в район Петрограда. Для этого был образован в Петрограде Всероссийский исполнительный комитет железных дорог, — знаменитый ВИКЖЕЛЬ, сыгравший столь решающую роль в успехе революции, которому немедленно и безоговорочно подчинились все железные дороги Петроградского узла; первый акт этого комитета был: остановить движение царского поезда к Царскому Селу, гарнизон которого, состоявший из наиболее преданных Государю гвардейских частей, еще не весь перешел на сторону революции.

Не доезжая 200 километров до Царского Села, царский поезд был остановлен на станции Дно, и все попытки его дойти до Царского Села окольными путями оказались тщетными.

Кто поймет глубину той трагедии, которую должен был в эту минуту переживать в своей душе, считавший себя за час перед тем всемогущим, Монарх, лишенный теперь возможности прийти на помощь своей находящейся в смертельной опасности семье?

Потеряв надежду достигнуть Царского Села, Государь направился в ближайший к Царскому Селу Псков, где находилась штаб-квартира главнокомандующего Северо-западным фронтом генерала Рузского.

Этот болезненный, слабовольный и всегда мрачно настроенный генерал нарисовал Государю самую безотрадную картину положения в столице и выразил опасение за дух войск своего фронта по причине его близости к охваченной революцией столице.

Действительно, в дальнейшем ходе революции оказалось, что чем ближе были войсковые части от революционного центра в столице, тем хуже был их дух и дисциплина; но во всяком случае 1 марта войска Северо-западного фронта далеко еще не были в таком состоянии, чтобы нельзя было бы сформировать из них вполне надежную крупную боевую часть, если и не для завладения столицей, то хотя бы для занятия Царского Села и вывоза царской семьи.

Но у генерала Рузского воля, как и у большинства высших начальников была подавлена и опустились руки под влиянием

пагубной для России политики Престола, и от него нельзя было ожидать энергичных и решительных мероприятий для борьбы с революцией, тем более, что вскоре по прибытии Государя в Псков, было получено требование Временного Правительства об его отречении от Престола, во имя спасения России и безопасности царской семьи.

Нельзя при этом забывать, что всякое насильственное мероприятие против столицы действительно отразилось бы на положении царской семьи в Царском Селе, тем более, что Временное Правительство и без того уже не могло справиться с разбушевавшейся чернью. Поэтому Государь и сам бы на насильственные меры против столицы не согласился. На этот риск мог бы, во имя спасения России, пойти один лишь Петр Великий.

Прежде чем решиться на отречение, которое ему советовал и генерал Рузский, Государь, через посредство Ставки, запросил мнение об этом всех остальных главнокомандующих фронтами.

И тут-то он впервые измерил всю глубину пропасти, которую своим упорным отказом пойти навстречу справедливым желаниям и мольбам страны сам создал между собой и ею, все главнокомандующие, не исключая великого князя Николая Николаевича, ответили, что, во имя спасения отечества, считают необходимым его отречение, а, передавая эти их ответы Государю в Псков, к ним присоединился и его начальник Штаба генерал Алексеев.

Отвергнутый страной, покинутый армией, которую он так любил, отчужденный от своей семьи, император Николай II остался один — не на кого ему было больше опереться, не на что ему было больше надеяться — и он, во имя блага России, отказался от престола.

Ту же горькую чашу испил 100 слишком лет назад Наполеон, когда он, упорно не желая пойти навстречу требованиям страны, жаждавшей мира к конца кровопролитных войн, был покинут своими маршалами и принужден отречься от престола.

Подписав 2-го марта акт отречения, Государь отправился в Ставку, где должен был ожидать прибытия депутатов Временного Правительства, которые будут его сопровождать в заточение в Царское Село к его семье.

Развивавшиеся с невероятной быстротой фатальные события нам в Ставке просто не дали времени прийти в себя; кружилась голова, точно почва уходила под ногами, будущее мнилось чреватым страшными последствиями и никому не было легко на душе.

Рано, туманным утром 3-го марта, идя в управление генерал-

квартирмейстера, я столкнулся в воротах сквера губернаторского дома с каким-то выходящим оттуда человеком в штатском пальто и нахлобученной на глаза барашковой шапке. Со страхом озираясь кругом, он спросил меня «Правда, меня так не узнают?»

То был Воейков, который четыре дня назад с высоты своего величия нагло смотрел на ход событий, а теперь, — перепуганный, — бежал первый, покидая облагодетельствовавшего его Государя.

И в то же время, также один за другим покидали в Царском Селе царскую семью близкие к ней и облагодетельствованные ею люди. Мало, очень мало, кто остался ей верен, ибо редко кому в этом печальном мире свойственно душевное благородство, и неизмерима глубина человеческой низости.

Вечером 7-го марта мы в управлениях Штаба получили следующий, потрясающий, если в него вдуматься, циркуляр «Бывший Верховный Главнокомандующий простится завтра в 11 часов утра в управлении дежурного генерала с желающими чинами Штаба».

К 11 часам утра в большом зале управления дежурного генерала собрались почти все чины Штаба Ставки; мало кто имел низость не прийти. Зал был переполнен и в середине оставалось лишь малое свободное пространство. Царила мертвая тишина, все были подавлены величием несчастья, последний акт которого должен был тут свершиться.

Ровно в 11 часов послышались ответы казаков царского конвоя, стоявших на лестнице, с которыми в последний раз здоровался Государь.

В дверях, при входе Государя в зал, два молодых офицера конвоя упали в обморок.

Государь вошел в свободное пространство зала один, он был страшно бледен и несколько мгновений не мог начать говорить; справившись со своим волнением, он тихо, но ясно сказал «Для блага любимой мною родины, я отрекся от престола; прошу вас служить так же верно России и Временному Правительству, как служили при мне. Прощайте.»

Спазма сдавила горло и он поднес к нему руку. Со всех сторон раздались рыдания. Государь повернулся, подал некоторым из ближе стоявших руки и, сокрушенный, с поникшей головой, ушел.

Кончился многовековой период русской истории, во время которого Романовы создали Великую Русскую Империю; и в этот до гроба незабываемый час все мы поняли безмерную глубину горя последнего из них, невольно способствовавшего гибели любимой им России, ибо над ним тяготел неумолимый Рок.

Этого, в душе мягкого, любвеобильного семьянина судьба не наградила свойствами, необходимыми для управления великой страной. Бремя Рока пало на его слабые и неподготовленные к тому плечи. Глубоко верующий, он всеми силами ревниво охранял — по его глубокому убеждению — самим Богом данную ему власть, и искренно думал, что именно в этом и зиждется благо любимой (!) им России, ибо не умел думать иначе... и за это, после безмерных унижений, перенесенных с истинно святым смирением, принял мученический венец.

Теперь тут и возникает тревожный вопрос, сделало ли верховное командование в лице генерала Алексеева и его сотрудников все, что было необходимо и возможно для предотвращения катастрофы, которая принесла России столько бедствий и страданий, а всему человечеству столько лишений и тревог за будущее.

Для правильного и объективного ответа на этот вопрос нужно прежде всего иметь в виду, что события революционного движения развивались с необыкновенной, можно сказать, — молниеносной быстротой.

Такому быстрому развитию этих событий и успеху революции без сомнения не столько способствовало утомление войной, сколько крайнее негодование политикой Престола и правительства народных масс, видевших только в революции выход из созданного этой политикой безнадежного положения.

Конечно, с того момента, как революцией было окончательно сломлено в столице сопротивление органов правительственной власти, а, особенно, с того момента, как железные дороги подчинились революционному комитету ВИКЖЕТа, против столицы, — принимая во внимание пребывание царской семьи в Царском Селе, — ничего предпринять было уже невозможно. Это и показала неудавшаяся попытка генерала Иванова с георгиевскими батальонами.

Можно, быть может, было бы еще спасти положение принятием энергичных и обширных мер в самые первые дни революционного движения, то есть 25 и 26 февраля. Но для этого Верховное командование и главнокомандование Северо-западным фронтом должно было быть в руках прозорливых, смелых и решительных боевых начальников, каковыми ни генерал Алексеев, ни тем более генерал Рузский не были, к тому же генерал Алексеев как раз в этот критический момент был тяжело болен. Кроме того, петроградские власти, в эти первые дни революции, посылали в Ставку успокоительные донесения и заверения, что с этим движением справятся собственными силами.

В той обстановке, в какой началась и развивалась революция, ее остановить было невозможно. Ее мог, быть может, остановить великий князь Николай Николаевич, — останься он во главе Верховного командования; но при нем революция, наверно, и не началась бы.

Остается, значит, во всей своей широте, чреватый великой ответственностью, вопрос: почему же не были своевременно предприняты меры для предотвращения начала революционного движения в столице и, в случае необходимости, для борьбы с ним.

Верховное командование, даже при поверхностном знании истории, должно было отдавать себе отчет в том, что революционные движения во время войны не редкое вообще явление и что они всегда начинаются именно в столицах Поэтому во время войны всегда должны предприниматься самые обширные и надежные меры для обеспечения порядка в столице.

Особенно же это было необходимо, когда всем нам и, конечно, Верховному командованию стало ясно, что направление нашей внутренней политики способствует развитию революционного настроения в народных массах.

По закону на Верховном командовании лежит долг принять все меры для успешного исхода войны. Революционное движение неминуемо должно было бы иметь отрицательное влияние на этот исход; этого, конечно, верховное командование не могло не знать. Поэтому, — раз оно не было в состоянии изменить пагубное направление нашей политики, — его прямой долг был, — никак не поддаваясь каким-либо чувствам и политическим соображениям, — неукоснительно принять со своей стороны самые решительные и продуманные меры для обеспечения порядка в столице. Это ему повелевал его долг.

Как же оно этот свой долг исполнило?

Верховное командование несомненно знало о нарастании революционного настроения в столице. Об этом его постоянно осведомляли тревожные донесения охранного отделения, в которых прямо говорилось о том, что близится революция.

Правда, министр внутренних дел Протопопов уверял верховное командование, что он с одной лишь столичной полицией и жандармерией справится со всякими беспорядками, но генерал Алексеев, зная как и мы все, оппортунизм, неуравновешенность и крайнюю ретроградность взглядов Протопопова, ни в коем случае не смел положиться на его заверения и, именно потому, что высшая гражданская власть в столице была в руках этого полусумасшедшего и всеми ненавидимого человека, должен был со своей стороны принять особо сугубые меры для обеспечения порядка в столице.

О том, что генерал Алексеев это сознавал, видно из того, что незадолго до начала революции столица и прилегающий к ней район были выделены в особую область, во главе которой был поставлен главноначальствующий генерал.

На эту, особо ответственную в данных серьезных обстоятельствах, должность был, однако, назначен никому не известный и ни чем себя не зарекомендовавший, заурядный генерал Хабалов, который, не отдавая себе отчета в положении, вероятно, из карьерных соображений, не решался докучать Ставке какими-либо своими требованиями, и довольствовался тем, что имел.

Между тем, подведомственный ему гарнизон столицы состоял лишь из запасных батальонов гвардейских полков, казачьего второочередного полка и нескольких сот юнкеров и курсантов разных военных училищ и курсов.

В 1916 году запасные батальоны были укомплектованы главным образом солдатами старых сроков службы, семейными, давно уже потерявшими понятие о воинской дисциплине, и сами были чрезвычайно благоприятным «материалом» для возбуждения, а никак не для усмирения беспорядков; при этом почти все, — к тому же совершенно недостаточные числом, офицеры этих батальонов, призванные также из запаса, — принадлежали к радикально и даже революционно настроенным слоям русского общества; они именно и увлекли в критический момент запасные батальоны на сторону революции и тем обеспечили ей успех.

Во второочередных казачьих частях положение было немногим лучше.

Таким образом, в распоряжении генерала Хабалова для подкрепления, в случае надобности, столичной полиции не было никаких других надежных боевых частей, кроме нескольких сот юнкеров и курсантов.

Как же случилось, что Верховное командование не озаботилось назначить в состав гарнизона столь жизненно важного центра для успешного хода войны, каковым была столица, достаточное число надежных кадровых войсковых частей?

Нам в Ставке было известно, что Государь высказывал генералу Алексееву пожелание об усилении Петроградского гарнизона войсковыми частями из гвардейского корпуса, бывшего на фронте; но, как всегда, раз вверив генералу Алексееву верховное оперативное руководство, Государь не считал возможным на этом своем правильном пожелании настаивать; однако, на этом энергично настаивал командир гвардейского

корпуса генерал Безобразов во время одного из своих приездов в Ставку, незадолго до начала революции.

Все же генерал Алексеев не принял это требование во внимание, ссылаясь на успокоительные заверения петроградских властей и на то, что в Петрограде все казармы заняты запасными батальонами, так что негде будет разместить, особенно в зимнее время, войсковые части, посылаемые с фронта для усиления гарнизона столицы.

Ссылка на переполненные казармы, когда шла речь о столь важном вопросе, как усиление столичного гарнизона, не может рассматриваться иначе, как совершенно несостоятельная отговорка. Мало ли было в Петрограде разных других помещений, кроме казарм, в которых могли бы быть помещены войска, посланные с фронта; да, наконец, можно было, если бы это понадобилось, произвести некоторые «уплотнения» населения, которое до сих пор ни в какой еще мере не испытывало на себе неудобства войны.

Какова же была действительная причина такой непредусмотрительности генерала Алексеева в столь важном вопросе усиления гарнизона столицы?

Вдумайся он в этот вопрос, и «болей за него душой», он не мог бы не озаботиться ненадежностью запасных батальонов и недостаточностью заверений такого человека, каким был Протопопов,

Почему же он не вывел из всего этого неоспоримо напрашивавшихся заключений и не принял соответствующих мер?

Возможно, что направлением нашей внутренней политики воля генерала Алексеева не была в такой степени подавлена; но, несомненно, он с отвращением относился ко всем вопросам, связанным с внутренней политикой, и предпочитал искать решений в «чистой» сфере знакомого ему дела — на фронте.

Генерал Алексеев уже давно подготовлял к весне 1917 года прорыв неприятельского фронта, который должен был бы принести нам окончательную победу. Он лично разработал во всех деталях план этого прорыва и назначил всякой войсковой части ее место и задачу в этой операции, так что всякая войсковая часть была у него на счету. Особенно же важную и ответственную роль должна была сыграть в этой операции гвардия, которая именно для этого и была сосредоточена в соответствующем районе Юго-западного-фронта, далеко от столицы.

Прорыв этот должен был начаться в марте, как только будет благоприятная погода, и генерал Алексеев ревниво охранял всякую войсковую часть, которая должна была в нем участвовать,

руководствуясь при этом теми же соображениями, какими он руководствовался при отказе дать войска для Босфорской операции, питая надежду, что мы достигнем победы раньше, чем вспыхнет революция.

Конечно, если бы его надежды оправдались, он был бы вознесен историей на степень гениального полководца, которая, однако, его дарованиям не соответствовала. Ибо гениальным делает полководца способность предусматривать все, что может помешать исполнению его замысла.

То, что генерал Алексеев не предусмотрел столь очевидной опасности, как революция, которая угрожала его оперативному замыслу, и не принял против этого соответствующих мер, значительно умаляет его полководческие способности и лежит на его ответственности.

Революционный хаос

Несмотря на то, что за годы войны, предшествовавшие революции, кадры нашей армии сильно поредели, и войска, пополненные значительным числом запасных старших сроков службы, больше походили, по своему характеру, на милицию, нежели на регулярную армию, — что впрочем к этому времени имело место во всех воюющих государствах, и несмотря на то, что революционная пропаганда, — вопреки принятым строгим мерам, все же проникала на фронт, настроение войск на фронте непосредственно перед революцией было вполне удовлетворительно, дисциплина достаточно крепка и у командного состава не было сомнения в том, что войска мужественно и без всяких колебаний исполнят любую оперативную задачу.

Но стяжавший себе столь печальную славу «Приказ №1» Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, освобождавший войска от подчинения своим начальникам и в корне нарушивший самые основы воинской дисциплины, имел катастрофическое влияние на боеспособность армии. Переданный по беспроволочному телеграфу, он в один момент стал известен по всему фронту, и мгновенно уничтожил в войсках дисциплину, послушность своим начальникам и сознание своего воинского долга.

В войсковых частях образовались солдатские комитеты, присвоившие себе право критики и утверждения не только административных, но и оперативных распоряжений командного состава, началось преследование солдатами офицеров, не пользовавшихся их симпатиями, каковые в некоторых случаях

сопровождались насилиями и даже убийствами, быстро распространившиеся слухи о разделе помещичьих и казенных земель между крестьянами побудили солдат в массах покидать фронт, чтобы «не опоздать» к этому разделу, под влиянием злонамеренной пропаганды началось во многих местах фронта братание с противником.

Во мгновение ока развернулась во всем своем трагизме картина позорного развала военной мощи великой Империи.

Злейший враг России не мог бы придумать более действенного способа для моментального уничтожения ее военной мощи, чем тот, который придумали составители «Приказа №1».

При этом особо знаменательно то, что этот приказ был первым и последним — никаких других «приказов» за ним не последовало, из чего нельзя не заключить, что единственной целью его авторов было именно желание уничтожить одним ударом русскую военную силу, а это, несомненно, было им внушено врагами России и русского народа.

Позора этого изменнического деяния ничем и никогда не смоют с себя его авторы.

Дабы не задерживать процесс быстрого развала нашей армии, немецким войскам на фронте было приказано ни в коем случае не предпринимать никаких операций, а всеми силами стремиться ускорить этот развал путем братания, пропаганды о мире и даже путем подкупов.

Тут, конечно, не может не возникнуть вопрос, по каким причинам процесс распада нашей армии имел такой поистине молниеносный характер.

На это имело, конечно, большое влияние оказало всеобщее утомление затянувшейся войной. Однако, несмотря на это, армии других, участвовавших в войне стран, — хотя в них и случались вспышки неповиновения — не утратили своей боеспособности, ибо эти вспышки были, как сие имело место, например, во Франции, в корне подавлены решительными мерами твердой правительственной власти.

Затем известное влияние на быстроту распада нашей вооруженной силы имело слабо выраженное в наших народных массах, а следовательно и в войсках, сознание своего патриотического долга — в широком смысле этого понятия, — что является следствием недостаточной степени просвещения и гражданского самосознания.

Наконец — а это, быть может, и было самое главное — не только рядовыми офицерами, но и высшими начальниками овладел с начала революции как бы полный «паралич воли»,

вследствие чего командный состав, в своем большинстве, не проявил достаточной энергии для борьбы с революционным развалом в армии. Явление это в среде рядового офицерского состава может быть отчасти объяснено тем, что к началу революции большинство кадровых офицеров выбыло уже из строя, и их убыль была пополнена офицерами из запаса, принадлежавшими в большинстве случаев к тем слоям русского общества, которые были наиболее подвержены влияниям революционных идей и обладали значительно меньшей «воинской» стойкостью, чем кадровые офицеры. Что же касается высшего командного состава, то этот «паралич воли» перед революцией, может быть объяснен единственной надеждой, что революция выведет Россию из того безнадежного состояния, в которое ее привела губительная внутренняя политика Престола. Но как бы то ни было, этот всеобщий «паралич воли» наиболее ярко выражался в душевном состоянии нашей вооруженной силы в начале революции и был одной из главных причин столь быстрого процесса потери ее боеспособности.

Когда же после первых дней «революционного угара» стало ясно, к каким, еще худшим последствиям, чем политика Престола, приведет Россию революция, командный состав спохватился, но было поздно — остановить этот процесс распада армии было уже невозможно.

Из этого ясно видно, какое отрицательное влияние на процесс распада нашей вооруженной силы имела пагубная внутренняя политика Престола, ибо она была единственным источником «паралича воли» командного состава в начале революции.

При том состоянии, в какое пришла наша вооруженная сила после прихода к власти Временного Правительства, не могло быть и речи о каких бы то ни было активных боевых операциях. Вся деятельность командного состава была направлена на то, чтобы елико возможно задержать распад вооруженной силы и удержать солдат на фронте.

Но тут командный состав столкнулся с противодействием советов солдатских и рабочих депутатов, преодолеть которое он оказался не в состоянии. При этом командный состав не мог рассчитывать на поддержку правительства, которое само было поглощено борьбой с демагогической деятельностью Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, и в этой борьбе постоянно вынуждено делать уступки демагогам.

При таких условиях оперативная работа Верховного командования прекратилась, и вся его деятельность сосредоточилась на том, чтобы убедить Временное Правительство в необходимости поддержать командный состав в деле

восстановления дисциплины в войсках и настоятельной необходимости в связи с этим ограничить демагогическую деятельность советов солдатских и рабочих депутатов.

Однако, все старания Верховного командования в этом направлении оказались безуспешными.

Да это было и неудивительно, ибо Верховное командование потеряло после революции свой былой авторитет. Так же как и большая часть командного состава, Ставка капитулировала перед революцией и воля ее также была парализована.

Это было отчасти следствием идеологии и умонастроений того личного состава Ставки, при котором началась революция.

Как уже было отмечено, этот личный состав, не представляя собой сплоченного единой волей и мыслью тела, не был способен вступить в борьбу с революцией, как это несомненно бы сделал личный состав Ставки Великого Князя Николая Николаевича, который решительно повел бы эту борьбу до конца, не щадя ничего.

Вместо того, чтобы вступить в борьбу с революцией, личный состав Ставки надел красные банты и в процессии под предводительством начальника Штаба покорно отправился на загородное поле у Могилева для участия вместе с населением в манифестации в целях прославления торжества революции. Эта манифестация была организована Могилёвским Советом солдатских и рабочих депутатов, который был образован после успеха революции неизвестно откуда взявшимся подпрапорщиком и какими-то полуинтеллигентными демагогическими «орателями».

И с той поры начался «крестный путь» Ставки. Все ходили, как потерянные; всех подавляло сознание полного бессилия и у всех кружилась голова перед открывшейся под ногами революционной бездной. Почва уходила из-под ног, не на что было опереться.

В связи с провозглашенным Временным Правительством правом синдикального объединения даже в армии и флоте, — чем как бы было легализировано существование советов солдатских и рабочих депутатов, — в Ставке была сделана попытка образовать, по примеру Петрограда, объединение офицеров; но это объединение вскоре после своего учреждения распалось, ничего не достигнув.

Немало также способствовало падению авторитета Ставки и то обстоятельство, что за 5 месяцев существования Временного правительства на посту Верховного Главнокомандующего сменились 5 лиц — генералы Алексеев, Брусилов, Корнилов, Духонин и даже адвокат по профессии, А. Ф. Керенский.

Из этих пяти Верховных Главнокомандующих один лишь Корнилов сделал, как известно, попытку вступить в борьбу с революцией, закончившуюся неудачей и заточением его в Быхове; генерал Алексеев, обессиленный болезнью, переживал ясно на нем видимый душевный слом и, не имея сил для этой борьбы, вскоре ушел с поста Верховного Главнокомандующего; генерал Брусилов и, конечно, А. Ф. Керенский вели на посту Верховного Главнокомандующего политику революционного характера, стараясь найти этим путем недостижимый компромисс с советами солдатских и рабочих депутатов; генерал же Духонин, назначенный перед самым концом Ставки, когда процесс развала вооруженной силы был в сущности уже закончен, был уже бессилен что-либо сделать и был, как агнец, при несен в жертву революции.

Особенно же способствовало падению авторитета Ставки то, что она тотчас же после революции обратилась в настоящий проходной двор.

Со всех сторон нахлынули в нее многочисленные депутации и депутаты разных советов и исполнительных комитетов солдат, рабочих, матросов и крестьян, снабженные какими-то «мандатами», написанными на клочках бумаги, не поддающимися никакой проверке. Все они носились с деловым видом по улицам Могилева, не выказывая чинам Ставки ни малейшего внимания, а, наоборот, во многих случаях, смотря на них враждебно, и буквально врывались к нам в управления, где бесцеремонно рассаживались, не считаясь ни с чем, и предъявляя нам самые абсурдные требования и проекты, касающиеся ведения войны, и даже вмешивались в оперативные вопросы.

Малейшие знаки нетерпения с нашей стороны, а тем более нежелание их выслушивать и удовлетворять их требования, вызывали с их стороны угрозы и обвинения в контрреволюции, которые нередко служили предметом обсуждения в местном совете солдатских и рабочих депутатов.

Временами эти депутации и депутаты собирались для обмена мнений в совершенно загаженных залах верхнего этажа губернаторского дома, где раньше жил Государь, и там на этих сборищах царил тогда настоящий бедлам.

Какой бы то ни было контроль над этими людьми, вторгнувшимися в место расположения Ставки, был совершенно невозможен, и потому в этой толпе проникали в Ставку разные подозрительные аферисты, шпионы, бывшие каторжники и даже умалишенные.

Верховное командование, из опасения навлечь на Ставку подозрение в контрреволюции и сопротивлении «завоеваниям

революции», не решалось воспротивиться этому нашествию, и старалось путем бесконечных разъяснений и увещеваний «ублажить» эту нахлынувшую на Ставку революционную орду.

Так как оперативная работа Штаба Верховного Главнокомандующего фактически прекратилась, или, вернее, была беспредметна, за неспособностью, а в некоторых случаях даже за нежеланием войск выполнять оперативные задачи, то об этой работе не приходится больше и говорить, ибо она была лишена всякой цели. Штаб Верховного Главнокомандующего обратился из повелевающего органа верховного командования в «уговаривающее» и «убеждающее» учреждение, лишенное авторитета.

Для суждения же о том хаотическом состоянии, в каком протекала работа Штаба после революции, приведу лишь несколько характерных эпизодов из тех, поистине кошмарных времен.

Вскоре после отречения Государя адмирал А. И. Русин ушел со своего поста начальника Морского Штаба Верховного Главнокомандующего и на его место был назначен вице-адмирал Максимов, прозванный во флоте, — благодаря своему финскому происхождению, «Пойка». Он говорил по-русски с ярко выраженным финским акцентом, отличаясь полной беспринципностью и громадным честолюбием, совершенно не отвечавшим его более чем ограниченным способностям. После убийства революционной чернью командовавшего Балтийским флотом адмирала Непенина и многих офицеров, Максимов повел на Балтийском флоте до крайности демагогическую политику, имевшую целью достичь своего избрания матросами на пост Командующего флотом. Он этого и достиг ценой всяческих унижений, и обратился на посту Командующего флотом в послушное орудие матросских революционных комитетов, в среду которых втерлись немецкие агенты, имевшие целью совершенно разрушить боеспособность , Балтийского флота и открыть этим немецкому флоту доступ к столице.

Принимая во внимание значение первостепенной важности для обороны столицы — главного центра революционной власти — сохранения боеспособности Балтийского флота, Временное Правительство, отдавая себе ясный отчет в крайней опасности и вредоносной деятельности Максимова, пришло к заключению о необходимости убрать его с поста Командующего флотом, но при первой же попытке оно натолкнулось на сопротивление матросских комитетов, которые решительно выступили в защиту своего ставленника и воспротивились его смене. Тогда Временное Правительство, бессильное привести в исполнение свое решение,

придумало «обойти» Максимова, сыграв на его честолюбии, и предложило ему пост начальника Морского Штаба Верховного Главнокомандующего. На это он согласился, и согласились также на это и матросские комитеты, польщенные назначением их ставленника на столь высокий пост.

Узнав о назначении Максимова, я доложил генералу Алексееву, что служить под начальством этого демагога и принимать участие в его зловредной деятельности не хочу, а потому прошу дать мне другое назначение; о том же я сообщил Морскому Генеральному Штабу в Петроград для доклада Временному Правительству. Генерал Алексеев и Морской Генеральный Штаб принялись меня уговаривать не уходить из Штаба в столь тяжелое время, где я служил с самого начала войны и был хорошо знаком с работой Верховного командования, но я настаивал на своем.

Через несколько дней после этого Керенский, проездом на фронт для «уговаривания» какой-то взбунтовавшейся воинской части, остановился в Могилеве, и генерал Алексеев сообщил мне, что Керенский желает меня видеть.

Тут, в его вагоне на станции, я в первый раз увидел Керенского и имел с ним деловой разговор. Он сообщил мне, что Максимову дано понять, чтобы он не вмешивался в работу Штаба, о которой он не имеет понятия, что его назначение последовало для возвеличения заслуг матросов перед революцией, назначением их избранника на этот высокий пост. Мне же Керенский предложил вести далее работу, не обращая внимания на Максимова и не приводя, попросту, в исполнение его распоряжений.

На этих условиях я согласился остаться в Ставке, и действительно, в течение своего кратковременного пребывания на посту начальника Морского Штаба Верховного Главнокомандующего, Максимов совершенно не вмешивался в дела Штаба, и я его даже редко видел, а все доклады делал помимо него, непосредственно Верховному Главнокомандующему и отправлял распоряжения за подписью последнего.

Как только Максимов был матросами забыт, что произошло, как во всех вообще революциях, весьма быстро, он был сменен и решительно никто из избравших его матросов не подал даже голоса в защиту своего ставленника, так что его ликвидация произошла безболезненно и он исчез, «растворившись» в революционном хаосе.

После его смены Морской Штаб Верховного Главнокомандующего был преобразован в морское управление Штаба Верховного Главнокомандующего и я был назначен его

начальником.

При первой встрече — в связи с назначением Максимова — с А. Ф. Керенским, он произвел на меня впечатление человека совершенно загнанного и изнемогающего под свалившимся на него бременем власти. При наступившем революционном хаосе и бессилии правительственной власти, все почему-то обращались только к нему за разрешением самых разнообразных вопросов и буквально разрывали его на части, вокруг него, где бы он ни находился, носились какие-то растерзанные типы обоих полов, все это в революционной экзальтации галдело, ожидая от Керенского каких-то «чудес».

Произошло это потому, что Керенский, человек с высшим образованием, отдавал себе все же ясный отчет в том, в какую пропасть устремляется Россия под давлением разбушевавшихся революционных страстей; вместе с тем, будучи представителем революционных слоев общества, он не мог не удовлетворять их стремлений к «углублению» революции, умеренные же круги общества старались его использовать для задержания процесса революционного развала, в то время как революционные круги требовали от него обратного, то есть углубления революции.

Будучи сам порожден революцией, он, конечно, не мог вступить с ней в открытую борьбу, да и не обладал для этого соответствующими данными — тут нужен был бы по меньшей мере Ришелье или Наполеон, а потому он и вертелся между революционной демагогией и стремлением спасти Россию от угрожающей ей гибели.

Таким образом, ему не оставалось ничего другого, как «лавировать» и «уговаривать», ясным примером чего служит вышеприведенный случай с назначением Максимова, который, вместе с тем, открывает перед нами все бессилие власти Временного Правительства и его главы А. Ф. Керенского, стяжавшего себе меткое прозвище «Главноуговаривающего».

Однажды, совершенно неожиданно, ко мне в управление пришел молодой морской офицер, бывший по службе на хорошем счету, и, мрачно на меня уставившись странным взглядом, сказал: «Я приехал сюда, чтобы объявить себя диктатором, скажите генералу Алексееву, чтобы он немедленно явился ко мне в гостиницу, где я буду писать основные законы, вас я пока решил оставить на вашем месте», — и вышел.

Было ясно, что он лишился рассудка, но непонятно было, каким образом он попал в Ставку, поэтому я навел справки по прямому проводу в Главном Морском Штабе в Петрограде, откуда мне сообщили, что этот офицер лишился рассудка под впечатлением убийств и преследований офицеров на Балтийском

флоте, был помещен в психиатрическое отделение морской больницы в Петрограде, откуда убежал, и что Штаб просит препроводить его обратно в больницу, в сопровождении санитаров.

Об этом было сообщено коменданту Ставки, который и распорядился о его препровождении в Петроград. В номере же гостиницы, куда он ушел после посещения моего управления, нашли несколько листов бумаги, исписанных параграфами «основных законов».

Однако этим дело не ограничилось.

Не прошло и нескольких дней, как этот же офицер неожиданно явился утром ко мне на квартиру, когда я был в своем управлении, и заявил моей жене, что приехал, чтобы меня убить. Моя жена не растерялась и, осторожно предупредив меня по телефону, сказала ему, что я вернусь домой лишь поздно вечером. Он не стал ждать и ушел.

Между тем контрразведывательное отделение Ставки, которое было мною об этом уведомлено, установило за ним наблюдение, причем оказалось, что его сопровождает какой-то человек, приметы коего совпадали с приметами разыскиваемого контрразведкой немецкого шпиона. Сразу же возникло подозрение, что этот сомнительный человек хочет использовать лишившегося рассудка офицера для каких-то своих целей. Этот сомнительный человек ожидал его на улице, пока он был у меня в квартире, и после они оба направились к губернаторскому дому, где жил генерал Алексеев, но по дороге завернули в ресторан, где лишившийся рассудка офицер начал буйствовать, разбивать обстановку и произносить бессвязные речи. Когда потерявшие след агенты контрразведки нашли его в ресторане, сопровождавший его сомнительный тип уже бесследно исчез.

Впоследствии к этому несчастному офицеру вернулся рассудок, и он нормально продолжал свою жизнь.

Этот случай показывает, до какой степени тяжело влияли на психику офицерского состава страшные на него гонения в начале революции, и как повсюду ослабело исполнение служебных обязанностей, раз психически больной мог дважды беспрепятственно убежать из больницы, а также показывает, в каких тяжелых, — подчас даже опасных, — условиях протекала наша работа в Ставке.

Подтверждением того же служит нижеследующий случай. 9-го июля меня вызывал к прямому проводу адмирал М. И. Смирнов, бывший тогда начальником штаба Черноморского флота, для чрезвычайно важного и срочного разговора. Аппараты «Бодо» прямых проводов, связывающие Ставку с фронтами и

Петроградом, находились в Могилевской почто-телеграфной конторе. Разговор происходил следующим образом: собеседники, находившиеся у аппаратов на обоих концах прямого провода, диктовали разговор телеграфисту, который отстукивал его буквами на ленте аппарата и, конечно, точно знал содержание разговора.

М. И. Смирнов сказал мне, что матросские комитеты вынесли постановление отнять у офицеров их ручное оружие, и явились к адмиралу Колчаку с требованием, чтобы он отдал им свою золотую саблю, полученную им за храбрость в Порт-Артуре во время войны с Японией. Колчак этому решительно воспротивился и выступил против них с горячей патриотической речью, не достигнув, однако, цели. Так как матросы продолжали в грубой форме настаивать на своем, М. И. Смирнов, опасаясь гнева адмирала и возможных, в связи с этим, катастрофических последствий, считал единственным выходом из положения немедленный вызов адмирала Колчака в Ставку.

Керенский, от которого этот вызов зависел, находился в это время в Петрограде, и я сказал Смирнову, что сейчас же передам ему об этом, а сам перешел к рядом стоявшему аппарату «Бодо» прямого провода с Зимним дворцом в Петрограде, где жил Керенский и происходили заседания правительства.

Керенского в Зимнем дворце, однако, не оказалось, и никто не знал, куда он уехал. Между тем М. И. Смирнов вновь сообщил, что адмирал Колчак, после вторичного требования матросов, выбросил свое золотое оружие за борт, не желая его отдавать матросам, и что настроение матросов стало настолько угрожающим, что в любой момент может наступить катастрофа, а потому необходимо вызвать адмирала из Севастополя, не теряя ни минуты.

Тогда я решил, не ожидая ответа от Керенского, послать этот вызов за его подписью.

Тут у меня возникло сомнение, захочет ли передать вызов телеграфист, который ведь знал, что согласие на него не получено еще от Керенского, и который мог поэтому счесть этот вызов «контрреволюционным» деянием с моей стороны.

Раньше, до революции, такой вопрос не мог бы и возникнуть, ибо, конечно, телеграфист не посмел бы не выполнить приказания начальника одного из управлений штаба; но теперь приходилось считаться с его «воззрениями», тем более, что именно телеграфисты, фельдшера, приказчики и тому подобные полуинтеллигенты составляли главный контингент советов солдатских и рабочих депутатов и всевозможных исполнительных комитетов.

Однако все обошлось благополучно: вызов был передан и матросская толпа убралась с флагманского корабля, а через несколько часов в Севастополе был получен вызов, за подписью Временного Правительства, адмирала Колчака в Петроград, куда он в тот же вечер и выехал, чтобы в Севастополь больше не возвращаться.

После его ухода с поста командующего флотом, мы потеряли господство на Черном море, и неприятельские суда, которые за все время его командования ни разу не появлялись на Черном море, начали беспрепятственно на нем плавать и оперировать.

После того, как немецкое командование убедилось в том, что наша армия потеряла свою боеспособность, началась ранней весной массовая перевозка немецких войск с нашего фронта на Запад, где подготовлялось генеральное наступление против наших союзников.

Крайне встревоженные этим наши союзники требовали от Временного правительства, через посредство своих социалистов, участников, так же, как и наши социалисты, II-го интернационала, немедленного принятия решительных мер, чтобы остановить переброску немецких войск на Запад.

Керенский, глава наших социалистов, не намеревался — надо отдать ему справедливость — уклониться от исполнения нами наших союзных обязательств и, стремясь елико возможно охранить честь России, хотел удовлетворить требования союзников.

Поэтому было решено предпринять, издавна уже подготовленный, прорыв на Юго-западном фронте.

Керенский несколько раз ездил на тот участок фронта, где должен был быть этот прорыв осуществлен, и «уговаривал» назначенные для этой операции войсковые части, мужественно исполнить свой воинский долг.

Операция прорыва была предпринята в начале июля месяца в присутствии Керенского и, — благодаря замечательной артиллерийской и инженерной подготовке, а также и благодаря значительной потере боеспособности австрийских войск, — фронт был пробит на широком участке, с которого австрийцы, не выдержав страшной артиллерийской бомбардировки, попросту бежали, так что наши войска беспрепятственно проникли в глубину их расположения на несколько верст, оставив далеко за собой всю укрепленную полосу австрийского фронта и выйдя в глубокий тыл всей системы обороны австрийцев в Галиции.

Полное поражение австрийцев было неизбежно, тем более, что немцы, до такой степени ослабили свой фронт в России перевозками на Запад, что никакой помощи им оказать не могли.

Но тут наши войска остановились, начали «митинговать» и, ссылаясь на большевистский лозунг «война без аннексий и контрибуций», категорически отказались идти дальше. И как ни старался Керенский и другие, бывшие с ним социалисты, сдвинуть их с места, им это не удалось.

Таким образом позорно пропал чрезвычайно благоприятный случай победоносно закончить войну, а австрийцы были спасены от неминуемого поражения.

Тут-то, с одной стороны, стало ясно, как близки были мы, не будь революции, к победе, а с другой стороны, тут же творцы революции воочию убедились, в какое позорное состояние привели их деяния нашу армию.

Тогда-то Временное Правительство, убедившись, что путем «уговаривания» нельзя командовать войсками, вынесло решение о необходимости восстановить, в войсках дисциплину, и с этой целью назначило Верховным Главнокомандующим особо отличившегося на войне генерала Л. Г. Корнилова.

После назначения генерала Корнилова патриотические, умеренно настроенные круги русского общества, потерявшие уже было надежду на спасение России, воспряли духом. Круги эти состояли из деятелей Союзов Земств и Городов, из членов умеренно-либеральных буржуазных партий и из разных представителей культурно-просветительных объединений.

В то время, как революционный центр, возглавляемый Временным Правительством и советами солдатских и рабочих депутатов, находился в Петрограде, деятели вышеупомянутых патриотических объединений, союзов и партий сосредоточились в Москве.

Они организовали там «Общественное Совещание» и пригласили на него генерала Корнилова, надеясь этим поднять патриотическое настроение в стране.

Стремясь расширить, с опорой на общественность, «базу» для приведения в исполнение одобренных уже правительством мероприятии, генерал Корнилов принял приглашение на московское совещание, и этим себя погубил.

Принимая это приглашение, он выходил из рамок своей военной сферы и вступал на политическую почву; будь он при этом дальновиднее и будь он ближе знаком с историей революций, он должен был бы ожидать, что вызовет этим среди революционеров подозрение в «бонапартизме», чего они всегда и везде больше всего боялись, особенно, когда дело шло о боевом и популярном генерале, каковым был Л. Г. Корнилов.

Это, конечно, и случилось.

Если бы генерал Корнилов отдавал себе в этом ясный отчет,

то решился бы на этот шаг лишь после всесторонней и серьезной подготовки, то есть после создания себе мощной военной опоры, путем сосредоточения в Ставке и вблизи столицы боевых и вполне ему преданных сильных войсковых частей, на которые он мог бы, в случае надобности, положиться. Это возможно было сделать исподволь и осторожно, под предлогом формирования в районах поблизости столицы «ударных частей» для Северо-западного фронта, что было Временным Правительством одобрено и было в то время особенно «модно».

Между тем, в Ставке при генерале Корнилове был один лишь ударный полк его имени и текинский дивизион, а на фронте он, по-видимому, ограничился обещанием поддержки со стороны Главнокомандующего Юго-западным фронтом генерала Деникина, что не могло иметь большого значения, ибо этот фронт был слишком далек от столицы.

В Москве генерал Корнилов был встречен с большим воодушевлением и «Московское Совещание» прошло в середине августа месяца под знаком громадного патриотического подъема, что, конечно, не могло не перепугать революционных деятелей и заставить их бояться «за свою шкуру».

В конце августа месяца Временное Правительство предательски спровоцировало генерала Корнилова, обратившись к нему с «конфиденциальной» просьбой послать в Петроград конный отряд, якобы для усмирения готовящегося большевистского восстания, и объявило, когда этот отряд под командой генерала Крымова подошел к столице, что Корнилов намеревается свергнуть правительство и «задушить» революцию. Обвинив его в контрреволюции, Временное Правительство вынесло решение о его смене и аресте, и, помимо Ставки, послало на фронт запрещение исполнять его приказания.

Войска на фронте вновь «революционно» вздохнули и никто, конечно, не принял открыто его сторону. И таким образом пропало, как пропадают «покушения с негодными средствами», выступление генерала Корнилова и вместе с тем безвозвратно погибло успешно начатое им дело восстановления боеспособности армии.

Было ли в действительности у генерала Корнилова приписанное ему Временным правительством намерение свергнуть революционную власть, трудно сказать. В его,планы и мысли были посвящены в Ставке лишь 2 — 3 близких к нему офицера и генерал Деникин на Юго-западном фронте. Даже объявленный вместе с ним арестованным начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал А. С. Лукомский не был в его намерения посвящен, о чем я лично от него узнал во время

разговора, который имел с ним ночью, после получения постановления об аресте генерала Корнилова и его. И я этому верю, ибо А. С. Лукомский, один из мудрейших и дальновиднейших людей, которых я в своей жизни встречал, конечно, удержал бы Л. Г. Корнилова от таких рискованных шагов, которые, без соответствующей подготовки, могли бы лишь привести его и начатое им дело к гибели.

Однако арестовать генерала Корнилова в Ставке было не так-то легко, и не обошлось бы без страшного кровопролития, ибо Корниловский полк и текинский дивизион решили воспротивиться этому силой

Узнав об этом, Временное Правительство поручило трудную задачу приведения в исполнение своего постановления генералу Алексееву, находившемуся в Петрограде «не у дел».

Генерал Алексеев, получив от Временного Правительства заверение, что жизнь генерала Корнилова и его сотрудников не будет подвергнута опасности, взял на себя эту задачу, дабы сколь возможно «смягчить» последствия этого погибшего дела.

После переговоров генерала Алексеева с генералом Корниловым и преданными ему частями, было решено, что генерал Корнилов и его сотрудники будут «заключены» под стражей текинского дивизиона в одной из гостиниц Могилева. По приведении этого решения в исполнение Корниловский полк ежедневно проходил мимо этой гостиницы парадным маршем, приветствуя своего вождя.

Вскоре затем могилевские «узники» были переведены в Быхов, где их так же, как в Могилеве, «караулил» текинский дивизион.

После большевистской революции Л. Г. Корнилов ушел из своей «тюрьмы» и, став во главе своих «тюремщиков» — верных ему текинцев, — прошел легендарным походом через весь Юг России на Дон, где впоследствии геройски погиб, сражаясь во главе Добровольческой армии с большевиками.

Конец Ставки. Генерал Духонин

Вместо генерала Корнилова, Верховным Главнокомандующим был назначен генерал Н. Н. Духонин. Это был храбрый и безупречно честный боевой генерал, по характеру очень мягкий и любезный человек.

После неудачи «Корниловского выступления» развал армии пошел с удвоенной быстротой. Вновь начались гонения и убийства офицеров, по подозрению в принадлежности к сторонникам Корнилова. Комитеты солдат и матросов вновь

набрали силу, и борьба их с правительственной властью и с командным составом обострилась на почве обвинения их в «попустительстве», приведшем-де к Корниловскому выступлению. Временное правительство, потерявшее всякую опору своим предательством Корнилова, принуждено было, в угоду большевистски настроенным революционным комитетам, усилить свою демагогическую политику, что, конечно, не могло привести ни к чему другому, как к захвату, в ближайшее время, власти крайними революционными элементами.

При таких условиях генерал Духонин не мог, конечно, ничего предпринять для задержания развала нашей вооруженной силы, и мы в Ставке оставались бессильными зрителями наступившей агонии великой Российской Империи.

В начале октября месяца немцы, в целях давления на революционный центр в Петрограде и побуждения Временного Правительства к заключению мира, завладели Рижским заливом и заняли Ригу, чем была создана сильная угроза Петрограду.

Рижский залив, который фортификационными работами в течение трех лет войны был к осени 1917 года превращен в неприступный укрепленный район, был занят немцами без боя, ибо команда береговых батарей и гарнизоны островов залива отказались сопротивляться немцам и сдали им свои укрепления.

В Петрограде настала паника, и большевики, бывшие сторонниками немедленного мира, — чем снискали себе расположение солдатских масс, — взяли верх в борьбе с Временным Правительством, все еще старавшимся исполнять наши союзные обязательства.

25-го октября произошел большевистский переворот, во время которого Временное Правительство мгновенно и бесславно погибло.

Таким образом Временное Правительство, избежав воображаемой им со страху военной диктатуры, попало в объятия большевизма, который его и задушил.

Первые дни после ликвидации Временного Правительства большевики посвятили упрочению своей власти захватом министерств, из коих некоторые, в том числе министерство иностранных дел, отказались добровольно им покориться.

Так как на стороне органов правительственной власти не было никакой реальной силы, большевики быстро овладели аппаратом государственного управления в Петрограде, и Ставка осталась последним органом законной верховной власти. Было ясно, что в ближайшее время большевики приступят к ее ликвидации.

Первым актом большевиков после упрочения своей власти в

Петрограде, было требование, обращенное к Ставке, приступить к переговорам о заключении мира, на что Ставка ответила отказом.

Тогда большевики назначили Верховным Главнокомандующим прапорщика Крыленко, который во главе матросских батальонов, бывших главной опорой большевиков при захвате ими власти, был отправлен в Могилев для ликвидации Ставки.

По получении известия о большевистском перевороте, в Ставке настали разногласия в ее личном составе: некоторые стояли за то, чтобы не признавать большевистской власти, и сопротивляться ей, оставаясь в Могилеве; другие считали необходимым немедленно перевести Ставку как можно дальше от Петрограда, в район Юго-западного или даже Румынского фронта, где войска не были в состоянии такого развала, как находившиеся вблизи столицы; но были и сторонники того, чтобы подчиниться большевикам, защищавшие свое мнение тем, что раз Ставка подчинилась Временному Правительству, которое насильственно захватило власть у Царского правительства, то нет основания не подчиниться большевикам, которые тем же путем захватили власть у Временного Правительства.

Однако, упрочение власти большевиков в Петрограде шло столь быстро, что прежде чем Ставка успела подготовиться к сопротивлению, было получено известие о том, что эшелоны во главе с Крыленко двинулись из Петрограда в Могилев.

В Ставке настало смятение. Было сначала решено немедленно переехать на автомобилях в Киев, и генерал Духонин, который все время колебался, какое решение принять, приказал срочно готовиться к переезду. Дела генерал-квартирмейстерства начали уже погружать на грузовые автомобили и жечь то, что нельзя было увезти, как вдруг генерал Духонин отменил свое приказание и решил остаться в Могилеве.

При такой неопределенности положения личный состав Ставки решил собраться, чтобы вынести окончательное решение о судьбе Ставки. Собрались в том самом зале, где происходило прощание с Государем. Собрание носило сумбурный характер и было принято предложение предоставить совету начальников управлений Штаба решение этого вопроса.

Мы — двенадцать начальников управлений, — собрались тотчас же у старшего из нас начальника инженерного управления генерала Величко, где большинством голосов было решено подчиниться большевикам и оставаться в Могилеве. Некоторые из нас, в том числе и автор настоящих воспоминаний, против этого возражали, но безуспешно.

> Когда после неудачи Корниловского выступления стало очевидным, что настало начало конца, — пишет в своей книге воспоминаний последний начальник Морского управления Штаба Верховного Главнокомандующего Александр Дмитриевич Бубнов, — я отправил свою семью из Могилева в сопровождении брата моей жены, уланского ротмистра В. М. Кокушкина, впоследствии геройски погибшего в борьбе с большевиками, на хутор к ее родителям в Саратовскую губернию.

Так как после большевистского переворота не осталось больше сомнений в том, что дни Ставки сочтены, то Черноморский флот был передан в подчинение главнокомандующему Румынским фронтом, а в связи с этим, морское управление Штаба Верховного Главнокомандующего было упразднено.

За несколько дней до гибели Ставки личный состав Морского Управления был распущен, а сам Бубнов решил до последнего момента оставаться в Ставке.

> Считая, что после решения о подчинении большевистской власти, принятого на совещании начальников управления Штаба, настало время покинуть Ставку, я приготовился к отъезду и пошел проститься с генералом Духониным. У него я застал его супругу, милейшую Наталию Владимировну, с которой он в последний раз прощался, отправляя ее в ту же ночь в Киев, чтобы не подвергать ее опасностям, угрожавшим Ставке.

Когда Бубнов вернулся от генерала Духонина, большевистские эшелоны Крыленко были уже на подходе к Могилеву.

Вызвав по телефону шофера автомобиля, который находился в гараже Ставки, Бубнов приказал ему взять с собой запасной бак бензина и подать автомобиль к управлению, намереваясь уехать на нем в Киев, и далее действовать, смотря по обстоятельствам.

Вскоре автомобиль подъехал и шофер поднялся в управление; он сказал, что запасного бака ему не дали, и что только что поступило в гараж запрещение совета солдатских депутатов шоферам выезжать за пределы Ставки.

> Поняв в чем дело, я сказал шоферу, чтобы он отвез меня на железнодорожную станцию, намереваясь сесть в

первый проходящий на юг поезд. Но шофер мне на это ответил, что на станции и на мостах через Днепр выставлены сторожевые посты, которые меня не пропустят. Спросив его, относится ли это запрещение только ко мне, я узнал, что оно распространяется также на генерал-квартирмейстера генерала Дитрихса и на полковника Ткачева, начальника воздухоплавательного управления; оба они были решительные противники подчинения Ставки большевистской власти.

Решив уйти из Ставки пешком, я отпустил своего шофера, поблагодарив его за верную и преданную службу.

Впоследствии стало известно, что генерал Дитрихс и полковник Ткачев, предупрежденные вовремя своими людьми, благополучно скрылись из Ставки: полковник Ткачев, у которого автомобиль был не в гараже Ставки, а при его квартире, сел на него и со стоверстной скоростью пролетел мимо сторожевого поста на мосту, а генерал Дитрихс ушел во французскую военную миссию, где его переодели в форму французского солдата, и он выехал в составе этой миссии, когда она покинула Ставку, после захвата ее большевиками.

В это время эшелоны Крыленко подходили уже к Могилеву, и штаб бригады ожидал распоряжений Ставки для действий, но никаких распоряжений не получал, ибо было принято решение отдать Ставку без сопротивления.

По прибытии на Могилевскую станцию Крыленко вызвал к себе генерала Духонина, которого матросы зверски убили при входе в вагон, где находился Крыленко, и "таким образом кончил свое существование последний законный Верховный Главнокомандующий вооруженных сил России, а с ним кончила свое существование и Ставка — последний оплот русской законной верховной власти".

Так заканчивает свои воспоминания А. Д. Бубнов.

СМУТНЫЕ ДНИ

(Из воспоминаний Б. П. Дудорова об адмирале Непенине, зверски убитом большевиками за то, что под его руководством "флот сохранял спокойствие...")

Революционные события в Петрограде развивались с такой головокружительной быстротой, что даже высшее военное командование столицы оказалось захваченным врасплох. Лишь 27 февраля, когда положение стало совершенно критическим, военный министр генерал Беляев донес в Царскую Ставку и командующему Северо-Западным фронтом, что

> "вспыхнул военный мятеж... погасить который не удалось и многие части присоединяются к мятежникам".

Бунт этот распространился и на морские части. На стоявшем в Неве крейсере «Аврора» был убит, при попытке не допустить на корабль пришедшую банду, его командир капитан 1 ранга Никольский. И, возможно, что лишь благодаря тому, что командир Гвардейского экипажа Великий Князь Кирилл Владимирович сам вывел оставшихся в Санкт-Петербурге запасных и новобранцев Гвардейского экипажа и повел их в строю к Государственной Думе для выражения ей поддержки, там обошлось без эксцессов.

Из-за перерыва сообщений Гельсингфорса с Петроградом сведения о приходящем стали поступать туда прежде всего в Штаб командующего Флотом, что дало возможность Непенину хотя бы отчасти ориентироваться в обстановке момента.

«И все же, — говорит беспристрастный свидетель, имевший возможность на месте, по горячему следу, ознакомиться с ходом событии, — адмирал Непенин неожиданно получил от председателя Государственной Думы телеграмму, сообщающую об образовании Думой Временного комитета, «принявшего, чтобы предотвратить неисчислимые беды», власть в свои руки. Телеграмма давала надежду на сохранение династии лишь в случае отречения Государя от престола в пользу наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. И, добавляя, что Временный комитет уже признан Великим Князем Николаем Николаевичем и несколькими из командующих фронтами, Родзянко просил Непенина в силу острого положения «дать срочный ответ о признании этого комитета и им».

Непенин был страшно поражен этим шагом, пугавшим его последствиями, и только тот факт, что переворот происходил, видимо, с одобрения Великого Князя Николая Николаевича, которого он глубоко уважал, как человека сильной воли, и создание, что раскол в среде высших военных начальников должен гибельно отразиться на боеспособности армии и флота, вынудили его, после долгой внутренней борьбы, признать Временный Комитет Государственной Думы. Медлить было нельзя, так как на Флоте уже поползли зловещие слухи о событиях, и некоторые корабли были уже ненадежны. Непенину оставалось только идти впереди событий, чтобы не упустить инициативы. Если бы не так, то адмирал Непенин сумел бы умереть. Он много раз видел смерть перед глазами и всегда был готов к ней.

И Непенин этот шаг сделал. Но какой ценой внутренней трагедии он за него платил можно судить по словам того же автора, что после посылки своего ответа

> «Непенин ходил как убитый. Прежнего жизнерадостного Непенина нельзя было узнать. Он как-то сразу весь осунулся и постарел за несколько часов».

О своем признании Временного комитета Государственной Думы Непенин тотчас донес в Ставку адмиралу Русину и сообщил старшим начальникам Флота и крепостей Балтийского моря.

Пригласив к себе всех наличных в Гельсингфорсе флагманов, он огласил им телеграмму Родзянко и свой ответ, прибавив, что если кто из них не согласен с его решением, таковых он просит отдельно придти к нему в каюту. Очевидно, он опасался каких-либо репрессий со стороны команд против тех, чей протест мог быть подслушан кем-нибудь из матросов, и оберегал их, принимая все последствия на себя одного.

Все присутствовавшие, за исключением адмирала М. К. Бахирева, признали его решение правильным. Но и этот последний, сперва заявивший Непенину, что, оставаясь верным Государю, он не считает для себя возможным продолжать службу, выслушав его доводы, признал, что в борьбе с внешним врагом уходить в сторону нельзя и остался на своем посту.

Между тем, и на кораблях в Гельсингфорсе уже поползли слухи о происходящем в столице и, чтобы предотвратить волнения, Непенин приказал вызвать на флагманской корабль по два депутата от всех кораблей и частей флота и крепости.

> «Через час, — рассказывает флаг-офицер его штаба, — в командном помещении «Кречета» собралось около

сотни депутатов. Адриан Иванович вышел к ним и произнес самую замечательную речь, из всех которые мне пришлось услышать за всю мою жизнь. Он описал все события последних дней и необходимость продолжать войну. Ввиду происшедших событий положение команд изменится, и он займется этим вопросом завтра же. И под конец, предложил им поговорить между собой и, если они укажут ему на какие-либо срочные меры, он готов их обсудить и, по возможности, осуществить.

Это совещание продолжалось около часа, и когда Адриан Иванович вышел к делегатам, они заявили только три пожелания: во-первых — курить на улице, во-вторых — носить калоши и третье, которое я не могу припомнить, но столь же идиотское.

Непенин бы, видимо, поражен такими скромными требованиями и не колеблясь ответил, что все это легко устроить».

Как видно из этого рассказа, не только каких-либо политических и экономических вопросов, но даже никаких претензий на отмену чисто внешних правил воинской дисциплины, как например, отдание чести офицерам, ни один из этих многочисленных депутатов не поднимал. Каким ярким опровержением является это факт мнению тех, кто, думает, что матросы Балтийского флота якобы не любили своего командующего именно за его требовательность в этом отношении.

И никто из этих делегатов не только не высказал враждебных чувств ни лично к нему ни по адресу своих командиров и офицеров, но даже не упомянул «пищу» — обычный объект претензий в бунтарские дни 1905-1906 гг.

К сожалению, только что вступивший на пост министра юстиции Керенский не смог посетить флот вовремя. Позднейший приезд его в Ревель и прием, оказанный ему там толпами матросов, солдат и рабочих вполне подтвердили возлагавшиеся на него надежды на успокоение масс. Можно думать, что его влияние на них в те дни могло бы предотвратить и всю последующую кровавую трагедию Флота.

Между тем, в Кронштадте, где сосредоточены были многочисленные кадры запасных и имелся значительный элемент революционно настроенных портовых рабочих, волнения выливались в уличных демонстрациях.

«В Кронштадте беспорядки, — телеграфировал 1

марта генерал-квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего начальнику Штаба главнокомандующего Северным фронтом, — Части ходят по улицам с музыкой. Вице-адмирал Курош доносит, что принять меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, он не находит возможным, т.к. не может ручаться ни за одну часть».

Как видно, демонстрации эти носили еще довольно мирный характер, когда телеграмма Непенина должна была уже быть в руках начальства, но, как говорит один из свидетелей последовавших кровавых событий, было задержано ее опубликование. По его мнению, эти эксцессы вероятно могли бы быть предотвращены, если бы сообщение о признании им Временного комитета Государственной Думы было бы немедленно и широко опубликовано. Но, разумеется, это остается лишь в области предположений, хотя и весьма вероятных.

В портах Балтики

Одновременно с отправкой телеграммы о признании Временного Комитета Государственной Думы в Ставку Непенин сообщил об этом и всем старшим морским и военным начальникам подчиненного ему Флота и крепостей.

И, поскольку можно судить о ходе событий в различных пунктах, там где это сообщение было объявлено достаточно своевременно, восприятие событий командами было относительно спокойным.

Так, на стоящих в Ревеле кораблях и в морских береговых командах известие было принято с выжидательной напряженностью, но без особых эксцессов, тогда как в среде войск гарнизона крепости Императора Петра Великого и рабочих порта настроение приняло столь угрожающий характер, что Непенину потребовалось просить председателя Государственной Думы послать туда депутатов для успокоения. Однако прибытие представителей умеренного центра Думы не внесло ожидаемых результатов, и на следующий день Непенин вынужден был вновь обратиться к Родзянко.

«Сообщаю копию моей телеграммы председателю Государственной Думы, — донес он в ставку верховного Главнокомандующего, — положение в Ревеле вновь приняло угрожающий характер. Войска выходят из повиновения. Прибытие членов Государственной думы

не внесло достаточного успокоения. Из Ревеля передают, что является желательным прибытие депутата Керенского, который пользуется особым авторитетом у рабочих».

Бунт в Гельсингфорсе

Тем временем темные силы не дремали и главный их удар был направлен на самое ядро флота в Гельсингфорсе.

Как впоследствии стало известно, Ленин и возглавляемая им партия социал-демократов большевиков широко финансировались Германским Большим штабом в целях морального разложения вооруженных сил России. И полная аморальность ее вождей, готовых на любое предательство своей страны для достижения партийных целей, сделала ее платным агентом Германии, работавшим на поражение России под флагом социальной революции.

Оружием этой работы служила революционная пропаганда, для которой обстановка в Гельсингфорсе являлась весьма благоприятной благодаря легкости установления контакта с людьми из команд, стоявших в бездействии на Свеаборгском рейде и у стенки порта судов. И, как показали события, особенно прочные гнезда бунтарских направлений были свиты на линкорах 2-й бригады.

Все же, несмотря на это, взаимоотношения между офицерским и рядовым составом на большинстве судов в первые дни революции оставались доверчивыми, и Флот все еще не терял свою боеспособность.

Ничто не разделяет людей в такой степени, как взаимно пролитая кровь. Она отравляет души обеих сторон. В народах примитивных она рождает «кровную месть», живущую в поколениях, но и среди людей высокой культуры она вырывает глубокую пропасть, засыпать которую могут лишь долгие годы. И вот, эту-то пропасть предатели рыли руками свихнувшихся под влиянием их пропаганды простых людей.

Кровавая ночь

День 3 марта проходил на Свеаборгс- ком рейде внешне спокойно, когда вдруг, во время ужина, Непенину доложили, что на «Павле» и «Андрее Первозванном» подняли красные флаги и слышна ружейная стрельба. Там, видимо, убивали своих офицеров. Первым естественным его движением было желание немедленно подавить бунт любой ценой. И единственной силой,

способной это выполнить, была 1-я бригада линейных кораблей.

«Дайте мне диспозицию флота на рейде», — приказал он. Адмирал смотрел углы обстрела, задумался и произнес: „Нет, я русской крови не пролью"».

Да, хотя во время смотра «Гангуту» Непенин и говорил, что будь он на месте Канина, то за произошедшее на этом корабле коллективное нарушение дисциплины он утопил мы корабль со всем его экипажем, теперь, в этот грозный момент кровавого бунта, рука его на такое тяжкое дело не поднялась.

Была ли это слабость? Не хватило духа эту угрозу теперь выполнить? Думается, что нет. Вернее, говорил просто здравый смысл. Ведь уверенности в том, что в настоящей обстановке 1-я бригада такой приказ выполнит, быть не могло. А ее неповиновение сделало бы положение ужасающим. Ручьи офицерской крови слились бы в широкую реку.

Печальная же участь флата, как боевой силы, в его глазах, все равно теперь окончательно определилась.

"Россией правит черт!" — воскликнул он, когда ему доложили об убийстве начальника 2-й бригады линейных кораблей контрадмирала Небольсина.

"На «Андрее», «Павле», «Славе» бунт. Адмирал Небольсин убит. Балтийского флота, как военной силы, сейчас не существует", — телеграфировал он в Ставку адмиралу Русину.

И вслед за тем, донес Великому Князю Николаю Николаевичу: "Бунт почти на всех судах".

Однако, и этот пессимистический прогноз положения не останавливает его попыток успокоить разыгравшиеся страсти и, при содействии как со стороны Временного правительства, так и представителей ещё сохранивших благоразумие кораблей хотя бы остановить дальнейшее кровопролитие. И насколько эти попытки, казалось, сулили надежду на успех, можно судить из донесения генерала Алексеева Великому Князю Николаю Николаевичу:

> "Всеподданнейше доношу, что от адмирала Непенина получена следующая телеграмма: собранию депутатов от команд, путем уговоров и благодаря телеграммам министра юстиции Керенского, удалось прекратить кровопролитие и беспорядок".

Увы, вскоре стало ясным, как все это оказалось непрочным. Вызванные депутаты Государственной Думы запоздали, а, тем временем, обеспокоенные успехом противодействия Непенина их разрушительной работе, темные силы положили этому конец его убийством.

А где именно это преступление было задумано и, при том не

только в отношении Непенина, но и офицеров флота вообще, было с наглой откровенностью высказано одним из видных деятелей партии большевиков.

> "Прошло два-три дня от начала переворота, — говорил значительно позже в беседе с морскими офицерами присяжный поверенный Шпицберг, — а Балтийский флот, умело руководимый своим командующим, адмиралом Непениным, продолжал сохранять спокойствие. Тогда пришлось для углубления революции, пока не поздно, отделить матросов от офицеров и вырыть между ними непроходимую пропасть ненависти и недоверия. Для этого был убит адмирал Непенин и другие офицеры. Образовалась пропасть. Не было больше умного руководителя, офицеры смотрели на матросов, как на убийц, а матросы боялись мести офицеров в случае возвращения реакции".

Это свидетельство автора одного из лучших трудов, посвященных Балтийскому флоту в годы Великой войны, не требует комментариев. Подлинные преступники сами раскрыли свою предательскую игру. Работая на немецкие деньги Ленин и его приспешники «во имя углубления революции» предавали врагу и Русский флот и всю Россию.

И, правильно оценив Непенина, как единственного человека, способного своим умом и волей воспрепятствовать их разрушительной работе на Флоте, они его убили.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРМАНЕНТНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

(Из материалов С. А. Зонина)

Так называемая забота

С начала 1920-х годов командному составу Красной Армии и Красного флота внушали: Партия и Советская Власть неусыпно заботятся об их благополучии, о постоянном укреплении оборонной мощи страны. Внушали с нарастающей год от года интенсивностью. Не говоря уж о книгах, статьях военно-политического или коммунистическо-партийного направления, эти будто бы аксиоматические положения начинали любой военно-исторический, оперативно-тактический и даже военно-технический труд. И, конечно, содержались в каждом выступлении начальствующих лиц всех категорий — от стоявших на верхних ступенях властной пирамиды, до тех, кто находился у ее основания. Вначале эта "забота" персонифицировалась в именах Ленина и Троцкого, потом, со второй половины 1920-х, постепенно всех затмил Сталин. После Сталинграда и до смерти он становится уже и Великим Полководцем, и Лучшим Другом, Отцом всех носящих военный мундир.

После Сталина роль Вождя и Пестователя офицерского корпуса перешла к узкому кругу Партийного Руководства, состав коего время от времени менялся. И твердилось непрестанно, провозглашалось, что Партия и ее «ленинский ЦК» и руководят Вооруженными Силами и заботятся о них, как о своем любимом детище.

Удивительно живучи мифы в бывшей Стране Советов. В той или иной мере, они по сей день дают о себе знать, определяя поведенческие реакции на события нашей новой жизни. Вот и миф о всепроникающей всеобъемлющей Заботе Партии о Вооруженных Силах в годы Советской власти, конкретно об офицерских кадрах — живет! Его в полной мере используют макашовы, Руцкие, Тереховы и другие для своих политических спекуляций, грозящих России немалыми бедами...

Существует синдром советского офицера, порожденный генетически внедренным в сознание убеждением в позитивных результатах этой заботы об офицерском сословии....

Ведь и в самом деле, носившие, к примеру, три звезды на двухпросветном погоне до недавнего времени получали по

льготной очереди, рано или поздно, каракулевую шубу для жены, холодильник, «Жигули», а то и «Волгу». Те, что пребывали в меньших званиях, ждали своего часа.

Вспомним, то были годы т.н. дефицита.

А еще миллиарды, вложенные в вооружения, давали свои плоды. Военно-морской флот за два-три десятилетия, прошедшие с конца 1950- х годов, стал если не равным по мощи ВМС США, то, во всяком случае, близко подошел к их уровню, уступая по надводным кораблям и обгоняя по подводным лодкам. Это питало имперскую гордость офицеров, адмиралов и генералов ВМФ, создавало иллюзию причастности к событиям эпохальным.

Вопрос о том, зачем это нужно, во имя чего идет истощающее страну соревнование с самой богатой державой планеты и ее богатыми, процветающими союзниками, чем она завершится в конечном итоге — не ставился. Полагалось аксиомой, что «лагерю социализма» угрожают, что «угроза исходит с океанских направлений». Значит, средств и сил для адекватного ответа на эту угрозу жалеть нельзя, наоборот — флоту нужно увеличивать свои силы в нарастающем темпе, готовиться к глобальной ядерной войне. И силы эти наращивались, готовились.

Все было просто, все ясно.

Кремль же и Старая площадь не жалели Золотых Звезд и орденов, особенно для офицеров и адмиралов с подводных атомоходов. Рост флота, количественный и качественный, обеспечивал карьеру тем, кто служил, не жалея живота своего, но и знал свое место, не конфликтовал с начальством, и, конечно, был полностью лоялен системе. Были ясны перспективы: у СССР со временем будет сильнейший в мире Флот. С увеличением числа кораблей и соединений будут расти и штаты, число должностей, дающих право на золотой погон без просветов. И в самом деле — по адмиралам советский флот обогнал американский куда раньше, чем по кораблям... Вот в этом и была ЗАБОТА: обеспечена карьера, постоянная подкормка дефицитом.

«А что теперь?» — ностальгически вопрошают многие из бывших старших офицеров и адмиралов. И не только бывшие: риторический сей вопрос задает и часть из тех, кто продолжает служить на флоте уже под Андреевским флагом. Теперь, — говорят они, — флот быстро теряет свою мощь, уже утратил или утрачивает военно-морские базы на Балтике и Черном море, за рубежом. Новые корабли не закладываются, замерли работы на большинстве строящихся кораблей. Недостает средств на ремонт и необходимое флоту строительство. И еще на многое другое...

Нет, — говорят они, — при Сталине с флотом был порядок: это он сказал, что СССР нужен могучий океанский флот. При его преемниках тоже был порядок — с некоторыми оговорками. В общем, в эпоху коммуно-советскую все было лучше!

Относительно этого «было лучше» — хорошо бы вспомнить о крестном пути российского офицерского корпуса, — так называемых «спецов», краскомов, командиров — после захвата власти большевиками в октябре 1917 г.

Трагическая история его еще не написана. Да и как можно было браться за эту работу, если архивы, содержащие материалы о репрессиях в Армии и во Флоте в Советский период, трудно доступны и по сей день. Речь пойдет не о тех. кто погибал в кровавых боях на стороне «красных» или «белых» — офицеры оказались в рядах и тех, и других. Мы расскажем о гибели тех, кто служил в Красном Флоте, полагая долгом русского патриота оборонять Отечество на морях и океанах, о тех, кто восстановил флот Советской России, кто обучил для этого флота новые кадры, сформировал программу развития отечественной морской силы и провел ее в жизнь. Кто создавал и осваивал новые корабли, самолеты, новые оружие и технику — все многообразие элементов, составляющих флот. Кто до конца 1930-х годов готовил флот к будущей войне....

...1917 год. Февраль. Крах монархии. Революция. Император Николай II отказывается от престола за себя и своего сына. Отказывается и его брат Михаил. На флотах защитников монархии не нашлось. Лишь в Кронштадте адмирал Н. Р. Вирен, герой русско-японской войны, пытался привести гарнизон к послушанию, но утром 1 марта 1917 года был буквально растерзан матросами и солдатами. В тот день в Кронштадте были убиты контр-адмирал А. Г. Бутаков, полковник Н. В. Стронский, другие офицеры — всего 36 человек. Нет точных сведений о числе офицеров, погибших от рук своих матросов в Гельсингфорсе, тогда главной базе Балтийского флота, в первые дни марта 1917 года. Во всяком случае, были убиты десятки офицеров. Среди них был адмирал А. И. Непенин, командующий Балтийским флотом, сраженный выстрелом в спину у выхода из Военного порта, контр-адмирал А. К. Небольсин, командир 1-й бригады линкоров. Лейтенант П. Тирбах вспоминает, что получив от Совета матросских и солдатских депутатов разрешение «на изъятие тела адмирала Непенина», поехал и обыскал несколько свалок трупов офицеров...

Убийства офицеров в Балтийском флоте продолжались и в месяцы, предшествовавшие Октябрьской революции. Это был, так сказать, еще стихийный период — не санкционированный

государством — истребления офицеров российского флота, проводившийся триадой леворадикальных революционных партий — большевиками, эсерами и анархистами. Напомним, что власть Временного правительства на Балтийском флоте была эфемерна, реально она находилась в руках матросского Центробалта, состоявшего из представителей упомянутых партий.

После «Великого Октября» уничтожение офицеров флота стало перманентным, все нарастающим. Уже не стихийным был этот процесс, ибо проводился специальными органами власти новой государственности — Советской России, а потом СССР (хотя «гнев народа» и допускался, и даже провоцировался). Начало было положено на Черноморском флоте, в Севастополе.

> "В Крыму воцарился большевизм в самой жестокой разбойничье-кровожадной форме"

— пишет очевидец Н. Кришевский в своих воспоминаниях.

Под руководством или при попустительстве Советов группы матросов арестовывали, убивали офицеров только потому, что они — офицеры. Уже в январе 1918 года тюрьма в Севастополе была переполнена арестованными. Но с каждым днем число заключенных росло. Потом была устроена комедия суда. Революционный трибунал заседал в Морском собрании. Смертных приговоров было немного, но для оставленных в живых «сроков» не жалели: старший лейтенант Б. В. Бахтин получил 16 лет, капитан 1 ранга Ф. Ф. Карказ и контр-адмирал Н. Г. Львов — по 10 лет... Поскольку законов не существовало, то назначение наказания было совершенно произвольным. Однако не пришлось ни названным офицерам, ни другим отбывать сроки наказания. Не один раз в феврале в тюрьму врывались матросы и требовали выдачи им офицеров- заключенных. Комиссар тюрьмы запрашивал Совет и получал приказание выдать.

Еще в декабре на Малаховом кургане были расстреляны капитан 2 ранга В. М. Пышнов, капитан 1 ранга В. И. Орлов, старший лейтенант В. Е. Погорельский, лейтенант Б. Д. Дубницкий, убит находившийся на излечении на госпитальном судне капитан 1 ранга Ф. Д. Климов... В феврале 1918 года число убитых офицеров продолжало расти. Были выданы матросам и расстреляны контр-адмирал Н. Г. Львов, капитан 1 ранга Ф. Ф. Карказ, капитан 2 ранга И. Г. Цвингман, старший лейтенант Б. В. Бахтин, командир эсминца «Жуткий» был убит караулом, когда его выводили из зала суда...

Всего в декабре 1917 — феврале 1918 года были расстреляны, большей частью без суда, 50 офицеров, вице-адмирал, четыре контр-адмирала, генерал-лейтенант, пять генерал-майоров, три

флотских врача (имевших звание военных чиновников), священник. Расстреливали в феврале офицеров в Карантинной балке, там, где когда-то был некрополь греков-херсонеситов.

Впрочем, едва ли это полные сведения. По свидетельствам очевидцев, матросы обходили дома, арестовывали офицеров, чиновников, священников, мулл и расправлялись с ними. В ночь с 23 на 24 февраля было убито несколько сот человек. 24 февраля отряд матросов из Севастополя учинил кровавую расправу в Симферополе. Было убито, по приблизительным подсчетам, 170 офицеров — морских и армейских. О трагедии офицеров-черноморцев писала Анна Ахматова в стихотворении, посвященном брату, мичману Виктору Горенко:

Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малахова кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на белый свет.

Затем вновь пришел черед Балтийскому флоту.

Корабли Балтийского флота привели из Гельсингфорса и Ревеля в Кронштадт и Петроград бывшие офицеры, подписавшие «контракт ...военного флота Российской Федеративной Республики». "Обещаю честью и верно служить в военном флоте... ", значилось в нем. И они служили честно. Корабли привели, преодолев ледяные поля Финского залива, с некомплектом в командах, под обстрелом артиллерии с захваченных финнами островов. Потому что пусть в Петрограде у власти большевики и эсеры, но нельзя же позволить высадившимся в Финляндии немцам и побеждающим своих «красных» финским войскам генерала Маннергейма захватить российские корабли.

Балтийский флот был спасен для России. Значительная часть этих кораблей приняла участие в войне с Финляндией в 1939-1940 гг., а затем в Отечественной войне. А до этого — в защите Петрограда-Кронштадта от германского и британского флотов в 1918 и в 1919 годах. Однако, вскоре офицеры почувствовали недоверие, враждебность большевиков-комиссаров, чекистов. Их лишь терпели как специалистов-профессионалов — заменить некем. Как ни удивительно, бывшие офицеры оставались верны своим обязательствам, данным при поступлении на службу в Красный Флот. Лишь немногие из них,

большей частью молодые офицеры, вступившие в партию эсеров, приняли участие в т.н. «волнениях» на Минной дивизии. Это соединение было наиболее сильным, обладавшим наибольшим боевым опытом и сплоченностью экипажей в Балтийском флоте. Его эсминцы, закаленные в боях с германским флотом, стояли на Неве, на каждом — три-четыре 120-миллиметровых орудия...

К началу лета 1918 года матросская масса Минной дивизии вошла в острый конфликт с назначенным Лениным комиссаром-большевиком И. П. Флеровским. Флеровский установил жесткий контроль за деятельностью командующего Балтийским флотом бывшего капитана 1 ранга А. М. Щастного, за выборными матросскими органами власти на кораблях и в Минной дивизии — судовыми комитетами и Комитетом дивизии. Была отменена выборность комиссаров кораблей, началась ликвидация матросских комитетов (полковые комитеты в Красной Армии уже были ликвидированы). Тогда делегаты от кораблей Минной дивизии приняли резолюцию с требованием распустить орган Советской власти в Петрограде — Петроградскую Коммуну, а всю власть «вручить морской диктатуре Балтийского флота», созвать Всероссийское учредительное собрание, провести перевыборы Советов — «как местных, так и Совета народных комиссаров». Власти в Москве и в Петрограде отнесли происходящее на Минной дивизии на счет происков контрреволюции — адмиралов и офицеров флота. Между тем, «волнения» на Минной дивизией свидетельствовали о разочаровании масс в партии большевиков и Советской власти — еще за три года до событий в Кронштадте...

ВЧК не медлила: 27 мая 1918 года комфлота Щастный был арестован и немедленно препровожден в Москву. В сопроводительной к арестованному чекисты указали, что взят он "по подозрению в контрреволюционной агитации, попустительстве таковой на флоте, невыполнении приказов Советской власти и злонамеренном дискредитировании ее в глазах матросов с целью ее свержения".

Неожиданный арест Щастного вызвал возмущение матросов. Совет комиссаров Бал- тфлота, состоявший из избранных матросами комиссаров кораблей и соединений, потребовал вернуть комфлота в Петроград и судить его на флоте. Но Ленин и Троцкий полагали Щастного опасным, считали возможным, что он, опираясь на Балтфлот, на Кронштадт, возглавит антибольшевистские силы, возьмет власть в Петрограде. И хотя следствие не выявило фактов, подтверждавших эти опасения, трибунал при ВЦИК 21 июня 1918 года приговорил А. М. Щастного к расстрелу. Приговор над спасителем Балтийского флота был немедленно приведен в исполнение. И до

расстрела, и после него ВЧК произвела аресты офицеров в Минной дивизии, в других соединениях и учреждениях флота.. К сожалению, не удалось найти документы, раскрывающие масштабы этих арестов...

Казнь Щастного была первой казнью на Балтфлоте, санкционированной Советской властью на высшем уровне.

Поначалу она возмутила даже матросов- большевиков. П. Е. Дыбенко (в 1917 году председатель Центробалта, потом некоторое время — нарком по морским делам) даже опубликовал 30 июля в газете «Анархия» письмо протеста:

> "Мы не повинны в этом позорном акте восстановления смертной казни и в знак протеста выходим из правительственных партий",

— говорится в нем. Впрочем, коммунисты-фрондеры вскоре смирились, расстрелы стали обычным делом.

После казни Щастного на Балтфлоте были упразднены Совет комиссаров и Совет флагманов, вся власть сосредоточилась у главного комиссара, назначаемого ЦК партии большевиков, а затем перешла к Реввоенсовету (как везде в Красной Армии и Красном Флоте). Судьбу офицеров, служивших в Красном Флоте, решали уже не судовые комитеты и не комитеты соединений, члены которых еще помнили, как проявил себя офицер в боях с германцами, а Реввоенсовет, назначенные политотделом комиссары и ЧК. Очень скоро офицерские судьбы оказались полностью в руках чекистов и только их. Реввоенсовет лишь иногда пытался отстоять некоторых из «бывших», особо необходимых флоту. При молчаливом согласии Реввоенсовета Балт- флота в конце лета 1918 года чекисты арестовали большую группу бывших офицеров флота.

> "Затем их погрузили на баржу, вывели на Большой Кронштадтский рейд, там открыли дно баржи... В их числе были капитан 1 ранга П. М. Плен, капитан 1 ранга К. П. Гертнер... "

Факт этой расправы подтверждается и английскими источниками:

> "В последних числах августа 1918 г. две баржи, наполненные офицерами, потоплены, трупы были выброшены на берег в имении одного из моих друзей, расположенном на Финском заливе; многие были связаны по двое и по трое колючей проволокой».

Уточним лишь техническую деталь: баржи не затопили, это были т. н. «шаланды-грязнухи» с раскрывающимся дном для сброса грунта на дно залива... Эти массовые казни, без суда и приговора, были одним из эпизодов «красного террора" — мести за убийство председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого и покушения на В. И. Ленина 28 августа 1918 года, к которым офицеры не имели никакого отношения.

Думаю, точное число жертв «красного террора» в Петрограде, Кронштадте и Ораниенбауме в конце лета — начале осени 1918 года никогда точно подсчитано не будет. Многие расстрелы, в первую очередь офицеров, проводились по инициативе местных властей, так сказать, их «силами», и никак не фиксировались. В двадцатые годы в Англии и во Франции, с помощью российских эмигрантов, предпринимались попытки подсчитать число жертв «красного террора» в Петрограде и Кронштадте. Число казненных по этим подсчетам достигало нескольких тысяч.

> «В одном Кронштадте за одну ночь было расстреляно 400 человек. Во дворе были вырыты три большие ямы, 400 человек поставлены перед ними и расстреляны один за другим».

Конечно, эти подсчеты весьма приблизительны. Но ошибка здесь, на мой взгляд, возможна лишь в сторону преуменьшения числа казненных.

Пришел 1919 год. На Петроград наступал белогвардейский Северный корпус генерала А. П. Родзянко. 12 июня восстали форты Обручев, Красная Горка и Сераз Лошадь. Но командный состав кораблей, стоявших в Кронштадте, остался верен присяге, данной Советской России. Бывшие офицеры держали данное слово. Путь кораблям британского флота к Петрограду был закрыт. Артиллерия форта Красная Горка была подавлена огнем линкоров. Как и «волнения» на Минной дивизии в 1918 году, восстания на фортах и в частях Красной Армии на фронте близ них имели глубокие социальные причины. Но ЧК объясняла их лишь происками белогвардейцев. В дни наступления белой армии чекисты под руководством Я. Х. Петерса, заместителя председателя ВЧК, провели в Петрограде массовые аресты. В Крестах оказались многие бывшие офицеры. За редким исключением, это были люди, стоявшие «над схваткой», сознательно занявшие нейтральную позицию, не желая участвовать в гражданской войне. Были среди арестованных и люди, служившие в Красном Флоте, делом доказавшие свою лояльность новой власти.

Еще более массовые аресты бывших офицеров петроградская

ЧК провела в сентябре 1919 года, когда к Петрограду приближалась армия генерала Н. Н. Юденича. Еще 6 августа были арестованы адмиралы А. В. Развозов (в марте 1918 г. командовавший Балтийским флотом, а до этого, в течение всей войны, командовавший его соединениями) и М. К. Бахирев (в прошлом командир 1-й бригады линкоров Балтфлота, в которую входили новейшие корабли типа «Севастополь»). Бахирев был расстрелян вскоре после ареста, а Развозов семь месяцев находился в больнице Крестов и умер от гнойного аппендицита 14 июня 1920 года.

Если когда-нибудь будет составлен хронологический перечень арестов и гибели офицеров флота после октября 1917 года, то окажется, что не было месяца, когда бы не гибли они в тюрьмах и концлагерях. Офицеры уничтожались постоянно и планомерно. Но временами этот процесс вдруг ускорялся, усиживался, получал большие масштабы. Как правило, эти пики репрессий имели тесную связь с общим внутриполитическим положением в стране. Такими пиками было уничтожение офицеров флота в 1918 и 1919 годах.

Следующий пик пришелся на 1921 год... Он связан с событиями в Кронштадте, начавшимися 1 марта 1921 года и объявленными Лениным, Троцким и другими руководителями партии большевиков белогвардейским мятежом, а также «делом ПБО» и массовыми арестами бывших офицеров флота в конце августа.

...К полудню 18 марта 1921 года сопротивление кронштадтцев было подавлено. В Военной гавани капитулировали команды линкоров «Петропавловск» и «Севастополь», главной силы восставших. Началась расправа с «мятежниками» и «изменниками делу революции». Не только участие в боях, но само пребывание в Кронштадте и на его фортах в дни восстания квалифицировалось как преступление. Впрочем, тех, что брали в плен с оружием в руках, практически не оказалось. Плененных в бою расстреливали на месте. По данным штаба Балтийского флота на февраль 1921 года, гарнизон Кронштадта и экипажи кораблей, стоявших в его гаванях, насчитывали 1455 командиров и 25 432 рядовых. Начиная со второй половины дня 17 марта (когда кронштадтцам стало ясно, что они потерпели поражение) от острова Котлин в сторону Финляндии по льду залива потянулись тысячи людей в военной форме и в гражданском платье. Всего ушло в Финляндию около 8 тысяч человек, в том числе до 500 офицеров.

Потери защитников Кронштадта в боях оцениваются очень приблизительно. С их учетом можно предположить, что примерно

13-18 тысяч кронштадтцев были пленены, из них 600-900 человек — командный состав. Что стало с пленными? Состоялось несколько десятков судебных процессов, на которых «мятежникам» выносились суровые приговоры: как правило, подсудимые приговаривались к расстрелу или заключению в концлагеря. Однако, большая часть кронштадтцев предстала перед чрезвычайными «тройками». Здесь дело не затягивали — приговор выносился немедленно и тут же приводился в исполнение. 20 марта «тройка» приговорила к расстрелу 167 военморов линкора «Петропавловск» за «активное участие в Кронштадтском мятеже». Казнь состоялась немедленно. День спустя расстреляли 32 военмора с «Петропавловска» и 39 — с «Севастополя», 24 марта — еще 27 военморов «Петропавловска»... Заметим, что понятие «военмор» включает в себя и рядовых и командиров. Еще предстоит изучение документов ЧК в архиве, чтобы выяснить социальный состав казненных кронштадтцев. Осужденные к заключению кронштадтцы расстреливались и в концлагерях. В. Т. Шаламов пишет о расправе над кронштадтцами в лагерях в Холмогорах. Прибывшие в лагерь «мятежники», получившие при расчете на построении нечетный номер, сразу были расстреляны. Как узнать — сколько же из плененных кронштадцев остались живы, сколько были расстреляны в Кронштадте и на острове Котлин, в лесу на южном берегу Финского залива — на полпути от Царского Села к Павловску? Выяснить это, скорее всего, уже невозможно. Неизвестна и судьба еще около трех тысяч военморов, списанных в дни мятежа с кораблей, стоявших в Петрограде: с линкора «Полтава», эсминцев. На «Полтаве» тогда не оставили ни одного матроса, линкор охраняли армейские курсанты. Предстоит выяснить еще и участь тех курсантов Училища командного состава Морских Сил, которые отказались участвовать в подавлении «мятежа» и были вывезены воинским эшелоном на юг, будто бы на укрепление флота на Черном море. Однако, не удалось найти подтверждение их прибытия ни в Севастополь, ни в Николаев.

Итак, массовые казни «мятежников» — непреложный факт. Но постановлением ВЦИК и Совнаркома от 17 января 1920 года «высшая мера» была отменена. Выход нашли: в том же постановлении указывалось, что

> «возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержкой мятежных царских генералов может вновь нарушить устойчивое положение Советской власти... может вынудить возвращение к методам террора...».

И 4 ноября того же года ВЦИК и СТО (Совет Труда и Обороны) предоставили губернским революционным трибуналам и ЧК право «непосредственного исполнения приговора до расстрела включительно» в местностях, объявленных на военном положении. Как известно, военное положение в Петрограде было введено с началом Кронштадтских событий. Таким образом, руки у ЧК были развязаны.

Подавление восстания в Кронштадте не остановили дальнейшие большевистские репрессии. Руководство ВЧК в центре и на местах полагало, что железный порядок в стране следует поддерживать методами устрашения, перманентно продолжая репрессии. Поводы же для их проведения найдутся, а еще их можно и создать.

26 июля 1921 года «Петроградская правда» опубликовала выдержки из доклада ВЧК о раскрытых и ликвидированных в РСФСР «контрреволюционных заговорах». Впервые там упоминается о некой ПБО — «Петроградской народной боевой организации», входящей будто бы в «Областной комитет Союза освобождения России». Газета сообщала, что заговор в Петрограде раскрыт и ликвидирован еще в июне, что арестованы «сотни членов боевых и террористических организаций...».

Более подробная информация о ПБО появилась 31 августа в «Известиях ВЦИК». То было сообщение ВЧК «О раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти». А уже 1 сентября «Петроградская правда» опубликовала список расстрелянных — 61 фамилию...

О деле ПБО в свое время было несколько публикаций еще в советской прессе «горбачевского периода». Скажу лишь, что наряду со штатскими участниками этой на самом деле не существовавшей «контрреволюционной организации» — В. Н. Таганцевым, Н. С. Гумилевым, князем С. А. Ухтомским, М. М. Тихвинским и другими невинными мужчинами и женщинами, были расстреляны и бывшие офицеры флота. Это были командир подводной лодки «Тур» А. В. Мациевский, мичман (23 года) Н. В. Кунцевич, стажер с той же лодки, мичман (21 год) минер эсминца «Азард» Г. В. Золотухин, мичман (24 года), еще два мичмана — С. И. Романов и Г. А. Пижмовский, уже давно сидевших в Крестах и притянутых к «делу ПБО», очевидно, для числа. В этом списке расстрелянных не было С. В. Зарубаева, бывшего контр-адмирала, в момент ареста — начальника Военно-морских учебных заведений, хотя в сообщении ВЧК он назван одним из трех руководителей «офицерской организации ПБО». С. В. Зарубаев, старший артиллерист крейсера «Варяг» в русско-японскую войну, в первую мировую — командир линкора и

командир бригады новейших линкоров Балтфлота (приведший, спасая ее от немцев, в марте 1918 года из Гельсингфорса в Кронштадт), командовавший затем Балтийским флотом до расстрела А. М. Щастного, был казнен чекистами в октябре 1921 года...

Арестованных по «делу ПБО» расстреляли 24 августа. Без суда. Приговоренные практически не имели возможности просить ни о пересмотре дела, ни о помиловании. По-видимому, эту спешку с казнями ВЧК нужно было как-то мотивировать. В подобных случаях чекисты не раз уже использовали ложную информацию. И, с развертыванием «дела ПБО», в органы советской власти и военному командованию начала поступать информация о предстоящем 25-30 августа из Эстонии, Латвии и Финляндии вторжении белых на территорию Петроградской губернии. По приказу ВЧК за подписями В. Р. Менжинского и Г. Г. Ягоды председатели ЧК пограничных губерний устанавливали взаимодействие с частями Красной Армии, контролировали коммуникации и пр., чтобы предупредить контрреволюционное «начало восстания в погранполосе». И командование Петроградского военного округа (ПВО) направило бронепоезда в сторону Нарвы и к Ямбургу, приводило в готовность войска.

Соответствующие указания получили и Морские силы Балтийского моря (МСБМ), как стал именоваться Балтийский флот. О принятых на флоте мерах комиссар Морского штаба Республики В. П. Автухов, матрос-большевик, докладывал главному комиссару Морских Сил Республики И. Д. Сладкову:

> «...Силы флота: «Парижская коммуна» — грузится углем, сможет выйти в четверг, пять эсминцев типа «Новик», четыре эсминца типа «Амурец», миноносцы «Ловкий» и «Крепкий», подводные лодки — шесть, канонерская лодка «Храбрый» и 12 тральщиков».

Могли ли, однако, силы флота, перечисленные Автуховым, на самом деле выйти в море и вести бой? Не могли, ибо начиная с ночи 21 на 22 августа в Кронштадте и Петрограде ВЧК провела повальные аресты бывших офицеров — командного состава МСБМ, штаба и учреждений Морских Сил Республики, военно-морских учебных заведений и Морской академии. Поэтому из-за отсутствия командного состава большинство кораблей выйти в море не могли. Корабли флота оказались небоеспособными...

Активное участие в жестоких репрессиях против кронштадтцев приняли главный комиссар Морских Сил Республики И. Д. Сладков, ряд подчиненных ему комиссаров.

Сладков имел уже опыт уничтожения. В конце 1920 года он прославился кровавыми расправами в Керчи и Феодосии. Назначенный в ноябре 1920 года комендантом Керченского укрепленного района МСЧиАМ, пренебрегая объявленной амнистией сложившим оружие врангелевцам, Сладков организовал массовые расстрелы не только бывших офицеров, но и членов их семей. Расстреливали тогда и отставных офицеров, людей весьма преклонных лет. На побережье Крыма флотские офицеры в отставке составляли значительную часть населения…

М. Волошин писал:

> «Ночью гнали разутых, голых. По оледенелым камням. Под северо-восточным ветром. За город в пустыри. Полминуты рокотали пулеметы. Доканчивали штыком».

По данным А. Здановича, в конце 1920 года было расстреляно около двенадцати тысяч не эвакуировавшихся с врангелевскими частями генералов, офицеров и военных чиновников армии и флота».

> «Общее количество арестованных по делу «ПБО» составляло свыше 200 человек», — сообщает историк ВЧК-ГПУ. — «…Наиболее опасные из них… были расстреляны, остальные приговорены к различным срокам лишения свободы» .

Отметим любопытную особенность: массовые аресты командного состава Морских Сил в Петрограде и Кронштадте, а затем и в Мурманске и в Крыму планировались и проводились ВЧК не только без ведома Реввоенсоветов Морских Сил всех морей, но и Реввоенсовета Республики, председателем которого был в то время наркомвоенмор Л. Д. Троцкий, второе лицо в пирамиде партийно-государственной иерархии. А ведь эти аресты сделали флот небоеспособным. Парадоксально — с одной стороны, ВЧК предупреждает об ожидаемых в конце августа 1921 года вторжениях контрреволюционных сил из Прибалтики, требует от армии и флота повышения боевой готовности и пр., а с другой, — перефразируя известные слова царя Петра, — практически лишает одну из рук «потентата» возможности действовать. Впрочем, в дальнейшем не раз в нашей истории ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ весьма эффективно подрывали оборонную мощь страны.

В делах ВЧК, хранящихся в соответствующих архивах, можно, очевидно, найти документы, раскрывающие последовательность

возникновения плана истребления командных кадров Морских Сил, состоявших почти полностью из бывших офицеров, генералов, адмиралов и военных чиновников. Мои попытки ознакомиться с ними потерпели неудачу. Зато повезло с поисками в Центральном государственном архиве ВМФ — ЦГА ВМФ. Вот первый документ:

> «По заданию ВЧК от 13.08.21 за №9474/6062/ш в течение 3-5 дней проводится операция (изъятие в Кронштадте и Петрограде)...
>
> *Подписал представитель ВЧК, Петроград, №8/с, 17.08.21. Панкратов».*

«Изъятие» — аресты. Сказано лаконично, видимо, адресат предварительно извещен. Указание это получил В. А. Автухов — комиссар Морского штаба и помощник главного комиссара Морских Сил Республики. Одновременно Панкратов почто-телеграммой приказывает начальнику ПВО Даубе:

> «Во исполнение телеграфного распоряжения Президиума ВЧК от 13 августа 1921 г. ... предлагается Вам принять экстренные меры предотвращения возможных выступлений и восстаний со стороны флота. Для чего провести:
>
> 1) изъять всех морских офицеров, особенно действующих судов, подозреваемых в неверности Советской власти, обратив особое внимание на артиллеристов и командиров, умеющих управлять судном...»

Итак, арестовать всех подозреваемых, тем более — умеющих что-либо делать!

В начале 1921 года, в связи с окончанием гражданской войны, Красная Армия и Красный Флот приступили к преобразованиям, необходимым для перехода к мирному времени. Бюджет Наркомата по военным и морским делам резко сокращался, предстояло и сокращение штатной численности армии и флота. Логично, что в это время РВСР принял решение о переаттестации всего командного состава. Однако комиссии по фильтрации были образованы политическими органами, вошли в них комиссары, исходившие, как показала практика, из принципа — всякий выходец из «враждебных классов» потенциальный враг. Таким образом, комиссии по фильтрации превратились в органы партийно-политической проверки, и объективности им явно

недоставало. Центральную фильтрационную комиссию (ЦФК), разместившуюся в Петрограде в Адмиралтействе, объявил своим приказом и возглавил комко-морси (комиссар при командующем Морскими Силами Республики), он же главный комиссар И. Д. Сладков. Своим заместителем по ЦФК он назначил Автухова.

Работать фильтрационные комиссии начали в июне 1921 года, и собранные ими материалы сразу же оказались в органах ВЧК, проявлявших особый интерес к «бывшим» — не только офицерам, но и не успевшим окончить училища гардемаринам. Особенно внушителен список ЦФК по Петрограду и Кронштадту. Всего в нем 977 человек: 783 офицера (включая 80 гардемарин) и 194 военных чиновника (в российском ВМФ им соответствуют офицеры интендантской и медицинской службы). Вот более подробные данные по включенным в этот список: вице-адмиралов — 1, контр-адмиралов — 10, генералов флота — 8, генерал-лейтенантов — 4, генерал-майоров — 33, капитанов 1 ранга — 52, капитанов 2 ранга — 108, старших лейтенантов — 56, лейтенантов — 76, мичманов — 111, мичманов военного времени — 26, гардемарин — 80…

ВЧК получила от ЦФК списки всех «бывших» по Морскому ведомству с указанием домашних адресов и телефонов, социального положения (то есть сословия — из потомственных или личных дворян, почетных граждан), титула, если он имелся в прошлом. В последней графе списка, напротив фамилии, комиссар вписывал самое важное аббревиатурой: ВСВ (враг советской власти), ПНБ (политически неблагонадежен)… И эти три грозные буквы стояли напротив чуть ли не каждой фамилии. В одном из списков под №13 значился командующий Морскими Силами Республики бывший контр-адмирал А. В. Немитц. Лояльность его Советской власти прошла проверку в годы гражданской войны, свидетельством чему была награда — орден Красного Знамени. Однако материалы на Немитца из ЦФК в Особый Отдел ПВО были отосланы еще 1 августа 1921 года.

Списки, присланные комиссарами, в ЦФК суммировали, оформляли строго секретными протоколами на заседаниях, которых бывало по несколько в день. Уже 21 августа протокол №4 ЦФК зафиксировал нарастающим итогом число командиров флота, которых должно арестовать, — «всего рассмотрено к изъятию 329 человек». А ВЧК в лице Панкратова продолжала нажим, сообщая о готовящихся нападениях из-за рубежа, уточняя, кого еще нужно включить в проскрипционные списки:

«Заместителю комкоморси тов. Автухову. В

дополнение и изменение ранее данных распоряжений... сообщаю, что срок операции сокращается до 48 часов, считая с 10 часов утра 20 августа с.г. В основе работ непременно лежит в первую голову изъять: офицеров, происходящих из дворян, князей, баронов, графов, высшей интеллигенции и т.д. Как на спецов, подлежащих изъятию, следует обратить внимание на артиллеристов, минеров и по должностям командиров судов. Имейте в виду Академию, где состав подлежит изъятию почти в целом. Все меры примите к окончанию работ в указанный срок».

Сами же чекисты, имитируя масштабность и опасность предстоящей «операции», стягивали в Петроград и Кронштадт свои отряды из Вологды, Петрозаводска, Пскова, Новгорода и Вятки. Ни командование МСБМ, ни штаб Морских Сил Республики, находившийся тогда в Петрограде, поставлены в известность не были. Грозные повестки о вызове на фильтрацию подписывали комиссары. Не явиться было невозможно, повестка гласила:

«Предлагаю Вам в порядке боевого (!) приказа обязательно сегодня же, не считаясь ни с какими препятствиями, явиться в центральную фильтрационную комиссию. . . Явка обязательна сегодня же 22 августа и возлагается на Вашу личную ответственность.

Комиссар (подпись)».

Начальники и командиры отпускали своих подчиненных, не ведая, что видят их, может быть, в последний раз. Да многие и сами были вызваны... В Кронштадте командный состав вызвали в Морское инженерное училище, в Петрограде — в здание 2- го Балтийского экипажа.

Итак, жаркий летний день 22 августа. Командиры пришли по форме дня — в белых кителях и брюках. Они входили по одному в комнату, где заседала ЦФК. Тут же у бывших офицеров и прочих вызванных отбирали документы, и уже через другую дверь, так, чтобы не видели ожидающие своей очереди, выводили под охраной красноармейцев в заранее подготовленный кубрик. Дверь и окна его охранялись часовыми. В ночь на среду всех арестованных перевезли в закрытых грузовиках на Николаевский вокзал, посадили в «Столыпины». Ни известить семьи, ни получить из дома какие-либо вещи не разрешили. Так и отправились «бывшие» в дальний и долгий путь в белой форме.

Сколько же командиров арестовали чекисты? Число арестованных в архивных документах варьируется, но в большинстве списков 360 человек. 360 из 977. В первую очередь это был плавсостав — командиры кораблей, артиллеристы, минеры, штурманы, инженер- механики. Но не забыли чекисты и Морской штаб, штаб МСБМ, академию, училища...

О массовых арестах, масштабы которых превзошли многократно то, что было в 3918 и 1919 годах, командование МСБМ узнало в тот же день. Командующий Морскими Силами Республики узнал позже. На его счастье, в августе он инспектировал МСЧиАМ, а выехал еще в начале июля. В его спецпоезде отправился в Крым Н. С. Гумилев. Сергей Маковский вспоминал:

> «Гумилев выхлопотал себе право проехать... до Севастополя и обратно. В Севастополе допечатывалась его последняя книга стихов «Огненный столп». Деньги на это издание он нашел, по-видимому, у кого-то из крымских моряков».

К несчастью, Николай Гумилев вернулся в Петроград скоро, покинув поезд Немитца, по словам Маковского, «человека образованного и обаятельного». Вернулся на свою погибель — в ночь с 2 на 3 августа его арестовали. Немитц же ареста избежал. Представитель ОО ПВО в МСБМ А. Грибов докладывал начальнику ОО ПВО Даубе:

> «Комиссия обсуждала о трех главных лицах Морведа, как-то: коморси Немце *(здесь и далее как в тексте. — Правильно — Немитце. —С.З.),* начальнике штаба всех Морских Сил Республики Домбровском *(правильно — Домбровском. — С.З.)* и главного механика Морведа Викторе *(правильно — Винтере. — С.З.)*. Комиссия почти в целом высказалась за то, чтобы их изъять из рядов Красного Флота, но, учитывая техническую сторону Балтфлота, что их некем заменить как занимающих такие высокие посты, решили оставить под вопросом».

В 1921 году военного флота на Севере и Дальнем Востоке практически не существовало, на Черном море он был невелик. Подавляющее большинство бывших офицеров, флотских генералов и адмиралов, ставших военными специалистами Красного Флота — военморами, служили в Петрограде и Кронштадте — единственной оставшейся военно-морской базе на Балтике. В Петрограде размещались штаб и центральные

учреждения, Академия, училища и научно-исследовательские организации Морских Сил Республики. Таким образом, аресты командного состава флота в Петрограде и Кронштадте нанесли сокрушительный удар по флоту в целом.

То, что случилась катастрофа и подчиненный ему Балтийский флот — МСБМ — небоеспособен, М. В. Викторову, бывшему старшему лейтенанту царского флота, стало ясно уже в понедельник к вечеру, когда он узнал о массовых арестах командного состава на кораблях и в своем штабе. В состоянии неуемной тревоги и он, и начальник штаба МСБМ Л. М. Галлер находились с начала августа. В Петрограде и Кронштадте шли аресты — возобновлялись вроде бы закончившиеся репрессии после падения Кронштадта. Грибов, представитель ОО ПВО при МСБМ, что-либо пояснить отказывался. Молчал и начальник Политотдела П. И. Курков, хотя и обещал разобраться в причинах ареста командиров-военморов в Кронштадте. Викторову и Галлеру лишь оставалось гадать о внутренних причинах происходящего. Но к исходу 22 августа, прикинув, кого «изъяли», они решили, что ждать более нельзя. Коморси Немитце находился на юге, начальник Морского штаба А. В. Домбровский от каких-либо действий без санкций коморси отказывался. Ведь это означало вступление в конфронтацию с всесильным Сладковым, с Автуховым — комиссаром штаба. Галлер быстро составил текст рапорта Немитцу от наморси Викторова. Согласился подписать его и И. К. Наумов, член РВС МСБМ и комиссар МСБМ, добавив — с уточнением.

> «Минная дивизия: — боеспособность впредь до укомплектования судов минспецами, артспециалистами, механиками и командирами потеряна...
>
> Дивизия подлодок: — боеспособность понижена на 30%...
>
> Дивизия траления: — боеспособность понижена на 30%...
>
> Линейный корабль «Парижская коммуна». Боеспособность нарушена...»

В конце рапорта все-таки сделал приписку осторожный комиссар Наумов:

> «Фактическую сторону (военно-техническую) свидетельствую равно и относительно Дивтрала. В остальном вообще относительно фильтрации и списания комсостава остаюсь при своем мнении».

Иначе говоря, комиссар Наумов полагал аресты бывших офицеров делом необходимым и полезным.

Такого же мнения придерживался и уполномоченный ОО ПВО Грибов. 9 сентября он докладывал своему начальнику Даубе:

> «Я полагаю, что чем больше их[23] будет изъято, тем быстрее будет строиться наш Красный Флот. А старых военспецов использовать в тылу по специальности, а когда встретится нужда, мы всегда сможем их... заставить работать так, как захочет Пролетарская Диктатура».

Чекист Грибов был прозорлив — до первых «шарашек» оставалось меньше десятилетия.

Но военные моряки-профессионалы имели иное мнение. 3 сентября наморси М. В. Викторов направляет официальное письмо комкоморси И. Д. Сладкову с просьбой освободить часть арестованных. Но, похоже, никто освобожден не был. Родным арестованных, неожиданно лишившимся главы семьи в ту пору, когда паек военмора составлял единственный источник существования, даже не отвечали.

Возникали ли у комиссаров сомнения в правомерности или хотя бы целесообразности прошедших арестов? С самого начала против массовых арестов выступил Г. П. Галкин, комиссар штаба МСБМ до ноября 1921 года, с 26 ноября — комиссар Оперативного управления Морского штаба Республики, с 1922-го, — комиссар этого штаба. Возможно, что благодаря ему не «изъяли» тогда многих «бывших», в том числе Викторова и Галлера. К тому времени Галкин прошел на флоте немалый путь: в 1912 году поступил в Кронштадтскую школу юнг, потом служил на линкоре «Андрей Первозванный», унтер-офицером на эсминце «Автроил». После Февральской революции он депутат Ревельского Совета, член Центробалта, депутат Гельсингфорского Совета, входил в Совкомбалт, в партию большевиков вступил в 1918 году... Знавший Галкина в первую мировую по Минной дивизии контрадмирал В. А. Белли отзывался о нем с большим уважением, отмечал его интеллигентность, живость ума.

Эшелон с арестованными военморами пришел в Москву, в Бутырке их разделили на группы и отправили в тюрьмы разных городов — в Казань, Тулу, Нижний Новгород, Харьков, Орел, Брянск, Курск, Ярославль, Вологду... Особенно большие группы направили в Харьков (101 человек), Курск (47 человек) и Новгород (36 человек). Может быть, в Москве были переполнены тюрьмы, а может быть, планируя расправу, в ВЧК решили, что малыми партиями в разных городах это намерение осуществить

проще. В столице же остались десятка два-три арестованных, наиболее интересовавших ВЧК — тех, от которых собирались добиться ключевых показаний.

Еще на пути к Москве арестованные попытались известить телеграммой о происшедшем Л. Д. Троцкого и в копии — Ф. Э. Дзержинского и наркома Рабкрина (фамилию наркома Рабкрина Сталина, видимо, не знали).

> «Голодая и страдая от холода, — говорится в телеграмме, — следуя по направлению к Москве, обращаемся к Вам как своему народному комиссару и взываем к Вашим человеческим чувствам, просим Вашего распоряжения о снабжении нас необходимой одеждой, бельем и пищей. Горячо просим прислать Вашего представителя, дабы он мог лично убедиться и доложить Вам о нашем положении».

Телеграмму подписали «представители эшелона Бокард и Коль. Возможно, что Троцкий, получи он эту телеграмму, узнав о массовых арестах в своем наркомате, и начал бы что-то делать. Ведь в строительстве Красной Армии и Флота он опирался на сочетание и сотрудничество военспецов из офицеров, генералов и адмиралов с комиссарами-большевиками. Вторые должны были контролировать первых, не вмешиваясь в оперативные и военно-технические вопросы. Но телеграмма была перехвачена на станции Малая Вишера, оригинал ее тут же попал в руки коменданта эшелона.

Как ни странно, но в архивных документах мне не удалось найти каких-либо следов борьбы коморси Республики Немитца за освобождение своих подчиненных. На своей высокой должности он оставался до 22 ноября 1921 года. Но, может быть, с августа находясь под подозрением у ВЧК и Сладкова, Немитц не имел возможности действовать? Или это он предпринял попытку освободить хотя бы часть заключенных, добившись от Сладкова письма к Троцкому с просьбой вернуть в МСБМ 97 военморов? Письмо это от 15 октября логично и грамотно, написано со знанием дела. Вряд ли оно могло принадлежать перу Сладкова. В письме содержится признание — заменившие арестованных «совершенно не могут управлять судном, что сопряжено с авариями и другими весьма нежелательными явлениями». С просьбой о пересмотре дел арестованных к А. Х. Артузову, члену коллегии ВЧК и начальнику Особого отдела ВЧК обращается также в это время и Галкин.

Но целеустремленная, упорная работа по освобождению командных кадров флота из тюрем ВЧК началась, однако, лишь

после того, как в командование Морскими Силами Республики вступил Э. С. Панцержанский, бывший старший лейтенант и старший офицер эсминца «Гром» в Моонзундском сражении в начале октября 1937 года, в гражданскую командовавший Онежской флотилией, а после ее окончания — начальник Морских Сил на Каспии и Черном море. По воспоминаниям Н. М. Панцержанской, жены коморси, арестованной сразу же вслед за мужем — «врагом народа» в 1938 году, Э. С. Панцержанский был вызван из Севастополя в Москву Троцким в конце сентября или в начале октября 1921 года. Председатель Реввоенсовета предложил ему пост командующего Морскими Силами и помглавкомора (помощника главкома по морской части). В этих воспоминаниях говорится, что Панцержанский был принят Лениным и Троцким и что он доложил вождям о массовых арестах военморов из бывших офицеров, о резком снижении из-за этого боевой готовности флота. На что ему будто бы было предложено подать наркомвоенмору списки арестованных с пояснительной запиской.

Такая справка и была 22 ноября, то есть в день вступления Панцержанского в должность, подана за его подписью Троцкому.

> «Арест командного состава Балтийского флота и Петроградских морских учреждений, — указывается в «справке», — был приурочен к моменту фильтрации, причем наибольший комплект арестованных пришелся на сборный фильтрационный пункт, куда стекались по вызовам комиссии...»

В тот же день, явно по договоренности с Панцержанским, отправляет письмо Троцкому и начальник МСБМ Викторов:

> «...моряки до сего времени сидят в заключении... положение их крайне тяжелое, так как большинство из них было взято в легких костюмах; питание — едва хватающее, чтобы не умереть.
>
> Согласно Вашего приказания доношу список лиц комсостава, которых я лично знал как честно служащих РСФСР и коих ходатайствую вернуть на Балтийский флот:
>
> Ралль — начальник Оперативной части, Вонлярлярский — нач. 2 дивизиона тральщиков, Черепанов — командир «Яуза», Павлович — командир 4 дивизиона тралыциков, Александров — командир «Кубань», Кузнецов — флаг-секретарь наморси, Шельтинга — командир эск. миноносца «Изылметьев»,

Дулов — командир эск. миноносца «Гарибальди», Сно — инженер-механик, Жиденев — старший механик «Изяслав».

В заключение ходатайствую о немедленном освобождении всех арестованных, коим не предъявлено никаких обвинений и о возвращении в свои части...».

Троцкий действует.

Вполне вероятно, самолюбие Троцкого было задето. ВЧК провела аресты без его ведома и даже уведомления. И Реввоенсовет Республики вступил в конфликт с ВЧК.

Троцкий против Дзержинского... Надо отметить, что председатель РВСР, взявшись за освобождение бывших офицеров, действовал быстро и энергично. Уже 24 ноября его управделами пересылает «справку» Панцержанского и доклад Викторова «на заключение» заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту. Положение Уншлихта было явно затруднительным. Очевидно, ВЧК не получила ко времени запроса Троцкого показаний арестованных об их контрреволюционной деятельности. «Дело», по замыслу масштабное, очевидно, не складывалось, и это поняли в ВЧК. Еще в середине октября 18-е отделение Особого отдела ВЧК предложило своему начальству разделить на две категории 321 военмора, находившихся на тот момент в тюрьмах (а где еще 39 человек?!). К первой категории автор документа предлагал отнести «лиц политически неблагонадежных и вообще нежелательных в рядах Красного Флота». Ко второй — «лиц, в отношении которых надлежит вести дальнейшую разработку и следствие на предмет изобличения их в соприкосновенности к зарубежному шпионажу и другим преступлениям».

Не подумайте, что отнесенным к первой категории предлагалось дать свободу.

> «Имея в виду безусловную недопустимость возвращения этих военморов в Красный флот Республики, т.к. в противном случае может вызвать нежелательные последствия, как **подрыв авторитета комиссарского состава и разложение во флоте** (разрядка моя. — С.З.), полагаю освободить из-под стражи и направить в распоряжение губвоенкомов разных городов Республики».

Освобождаемых (вернее — ссылаемых) предлагалось «раскомандировать» по 38 городам — в Коканд в том числе! Ибо

это «не дает возможности скопления в одном месте больших групп». Затем следовали и прочие иезуитски изощренные предложения чекиста: запретить освобождаемым въезд в Петроград и Кронштадт, вообще в приморские города без особого разрешения; местным губчека взять их на учет и вести за каждым агентурное наблюдение, представляя ежемесячно (!) сведения в ВЧК. Ну а те 58 человек, что были отнесены к второй категории, переводились в Москву «на предмет изобличения»...

После получения «справки» и доклада от Панцержанского и Викторова Троцкий вынес вопрос об освобождении арестованных на Политбюро ЦК РКП(б). Позиции Троцкого в Политбюро были тогда сильны. В выписке из протокола заседания, хранящейся в ЦГА ВМФ, говорится:

> «Слушали об арестованных военморах Балтфлота (т.т. Зоф, Артузов, Дзержинский)... Постановили:
>
> 17). Комиссии (т.т. Курский, Зоф, Галкин, Артузов) просмотреть данные об освобождении 360 моряков с точки зрения их политической неблагонадежности и возможности вернуть на морскую работу, на Балтийский флот — в частности. Срок — недельный.
>
> *Подпись: секретарь ЦК В. Молотов»*

Заметим, что благодаря Троцкому и Зофу, стоявшим на позициях прагматических, комиссию удалось сформировать на сбалансированной основе: председатель Д. И. Курский — нарком юстиции РСФСР, члены — В. И. Зоф и Г. П. Галкин (от Морских Сил), А. Х. Артузов (от ВЧК). Имя Сладкова отсутствует — он болен, и его обязанности исполняет Зоф.

Комиссия приступила к работе незамедлительно. На первом же заседании Галкин заявил, что ссылки ВЧК на материалы ЦФК как основания для арестов несостоятельны. При определении виновности арестованных следует исходить лишь из материалов ВЧК. Однако Дзержинский, с которым Артузов тут же связался по телефону, все-таки предложил пересматривать дела с учетом данных ЦФК. От себя Артузов добавил, что о возвращении арестованных на флот не может быть и речи... Галкин и Зоф решительно не согласились с Дзержинским и Артузовым. Похоже, что Артузов в чем-то уступил. В тот же день Зоф докладывал Троцкому:

> «По требованию РВСР, ВЧК согласилась освободить значительную часть, возражая, однако, против требования Моркома (Морского командования. — С.З.) о

распределении освобождаемых военморов для работы для их дальнейшей службы».

Далее Зоф сообщал, что «во время нахождения в заключении умерло пять человек»...

В число освобождаемых из тюрем решением комиссии, председателем которой состоял наркомюст Курский, было представлено 283 человека. Были ли освобождены в дальнейшем оставшиеся в заключении, что с ними стало, еще предстоит выяснить. Но и из числа выпущенных на свободу вернуться на корабли разрешили лишь 37, вернуться на флот (с запрещением служить в Петрограде и на Балтийском флоте) — 91, с разрешением служить в Морских Силах в Петрограде, но только на берегу — 69. И все-таки это была победа, хотя и неполная.

В архивах ЦГА ВМФ имеются скудные сведения и об арестах «бывших» на Севере и в Крыму. В одном из дел — сведения об аресте в Мурманске в ночь на 5 сентября 1921 года на своих квартирах 16 бывших офицеров, тут же отправленных в Петроград в распоряжение ОО ПВО. К сожалению, ничего не могу сказать о дальнейшей их участи. В те дни в Мурманске военный флот состоял из двух небольших миноносцев, нескольких тральщиков и катеров-истребителей» — все, что осталось после того, как англичане в 1920 году увели корабли Флотилии Северного Ледовитого океана. Этими арестами морские силы на Севере были лишены командного состава почти полностью.

Еще более драматично развивались события в начале 1922 года в Севастополе — главной базе Морских Сил Черного и Азовского морей (МСЧиАМ). Приняв должность командующего Морскими Силами Республики, Панцержанский назначил начальником МСЧиАМ А. М. Максимова, бывшего вице-адмирала и начальника Минной обороны Балтийского флота, после февральской революции избранного матросами командующим Балтфлотом, но смещенного Временным правительством. В 1920 году его арестовала в Одессе местная ЧК. Тогда Панцержанскому удалось добиться его освобождения. Бывший адмирал был назначен командиром Действующего отряда МСЧиАМ. И вот от него в феврале 1922 года Панцержанский получил телеграмму о массовых арестах бывших офицеров в Севастополе.

Командный состав флота на Черном море, как и везде состоявший из бывших офицеров, поредел настолько, что для укомплектования кораблей, штабов и береговых учреждений Панцержанский, который был назначен начальником МСЧиАМ 1 декабря 1920 года, запрашивал пополнение из Петрограда, с Онежской флотилии и Морских Сил Каспийского моря. Каждый

военмор-командир был на счету. Однако в ночь на 16 февраля 1922 года ЧК арестовала в Севастополе несколько десятков бывших офицеров. И руководил изъятием недавно назначенный начальником Особого отдела (ОО) МСЧиАМ В. В. Ульрих...

26 февраля комиссар Морских Сил Республики В. И. Зоф направил письмо В. Р. Менжинскому:

> «Прошу принять реальные меры к скорейшему разбору об аресте комсостава Черноморского флота».

Из ВЧК последовал немедленный ответ: по поводу этих арестов необходимо обратиться во Всеукраинскую ЧК... Между тем аресты командного состава в Севастополе продолжались. Арестовывали тех, кто в свое время был как-то связан с деникинским и врангелевским флотом, может быть, и служил там, но в Бизерту с белогвардейским флотом не ушел. Остался в Крыму, поверив амнистии, объявленной Советской властью.

И вновь наморси А. М. Максимов и член Реввоенсовета И. К. Кожанов взывают о помощи. В телеграмме, полученной Э. С. Панцержанским, говорится:

> «В Севастополе и Керчи производятся аресты офицеров и чиновников деникинской и врангелевской (армий. — С.З.), которые будут отправлены на Север. Упомянутых лиц 238, из коих половину можно отпустить без ущерба для дела. Остальных Реввоенсовет Чернофлота просит Вашего ходатайства об оставлении на местах как высококвалифицированных специалистов. В противном случае в Чернофлоте будет большой некомплект комсостава, что, безусловно, отразится на деле. Намечены дальнейшие выделения (надо понимать — аресты. — С.З.), против чего РВС будет протестовать вплоть до разрыва отношений с ЧК. Просим Вашей поддержки в центре. О последующем просьба уведомить».

Опять Зоф направляет полученную телеграмму Менжинскому, опять просит «ускорить выяснение причин массовых арестов командного состава Черноморского флота». А Всеукраинская ЧК действовала даже более оперативно, чем в Петрограде и Кронштадте: приговоры выносились незамедлительно, преимущественно — «к высшей мере». С помощью Троцкого Панцержанскому и Зофу удалось приостановить исполнение приговоров, добиться освобождения части арестованных. Но сколько всего было арестовано моряков-

командиров в Крыму, сколько расстреляно, сколько «отправлено на Север»? Это еще предстоит установить.

Затеянное ВЧК масштабное дело в Петрограде и Кронштадте, с привлечением «малого» дела в Мурманске, не было доведено до конца. Умельцы из ВЧК не соединили их с проведенной Ульрихом «операцией» в Морских Силах на Черном море.

А ведь явно замышлялся грандиозный политический процесс с привлечением 600— 700 бывших офицеров.

Помешала энергичная борьба за освобождение военморов, развернутая Панцержанским, Галкиным и Зофом?

Сыграло роль оскорбленное самолюбие Троцкого?

Может быть, все обстояло проще — ВЧК отказалась от первоначального замысла потому, что спешно началась подготовка к громкому, с международным резонансом, процессу бывших союзников большевиков — эсеров. Решение о проведении этого процесса ЦК РКП(б) приняла декабре 1921 года, но подготовкой в ВЧК занялись, конечно, раньше. На подготовку процесса эсеров были брошены ведущие чекистские силы, в том числе и Агранов.

Продолжение следует

В ВЧК и в ГПУ — так стала называться с февраля 1922 года тайная политическая полиция партии большевиков — умели прятать концы в воду. И даже официальной справке их прямых наследников, датированной 1993 годом, не очень-то веришь. О числе казненных и оставленных в живых репрессированных в марте-сентябре 1921 года кронштадтцев 10 отдел УКГБ ЛО сообщил такие, цифры: осуждены к расстрелу 2103, к различным мерам наказания 6459, а всего «привлечено» 10026.

Могли, конечно, пять сотен матросов, расстрелянных, по свидетельству Питирима Сорокина, на Казанском кладбище в Царском Селе через три дня после взятия Кронштадта, и входить в число этих 2 103. А могли и не входить. Как наверняка не вошли вывезенные эшелоном из Петрограда куда-то на юг и исчезнувшие... И почему только «матросов»? Об уцелевших кронштадтцах-офицерах не говорит никто — не видели... Вот и число погибших арестованных 22 августа 1921 года бывших офицеров флота установить практически невозможно. Мало, очень мало командиров-военморов вернулось на флот, ВЧК в 1921-м сделала свое черное дело — флот безвозвратно потерял весомую часть своих лучших командных и инженерных кадров, имевших опыт Первой мировой войны. Судьбы лишь нескольких десятков «бывших», что-то около шестидесяти, продолживших

службу в Красном Флоте после освобождения в 1922—23 годах, можно попытаться проследить по флотским архивам. Об остальных, которым запретили служить на флоте, ставших гражданскими людьми и рассеявшихся по Советской России, — как узнать? Где бы они ни поселились, все сразу же становились объектами пристального внимания ВЧК-ГПУ-НКВД и, рано или поздно, их жертвами. «Бывшие» были первыми кандидатами на арест.

Те, что вернулись в Петроград-Ленинград, в Кронштадт, Севастополь и Николаев, в другие центры флотских регионов и продолжили, в том или ином качестве, флотскую службу, тем более были на подозрении у ГПУ. В дела, заведенные на очень многих еще в 1918 году, пополненные новыми записями в 1919 и 1921-м, продолжали подшиваться все новые и новые материалы. Конечно, эти записи в делах появлялись, если однажды арестованный выходил на свободу, чтобы вновь стать потенциальным очередником ГПУ. Если выходил. Жизнь, работа на свободе, служба во флоте для бывших офицеров были паузами между пребываниями в тюрьмах и лагерях ГПУ.

Следующий после 1921 года пик арестов на флоте пришелся на 1929—1931 годы. Но аресты начались раньше — в 1925—1927 годах. Быть может, и «идея» создания нового крупного дела родилась, когда число арестованных бывших офицеров достигло некой критической массы? Конечно, поводом для арестов служили доносы бдительных граждан и инициатива низовых чекистов — работу-то показать надо! Но обстановка нетерпимости к командному составу из бывших офицеров была постоянна и создавалась партийно-политическими органами. Политотделы секретными донесениями, по крайней мере два раза в год, докладывали по инстанции, каков в их соединениях процент командиров «из дворян» и «прочих».[24] Вот и политуправление МСБМ докладывало:

«...Классовый состав на 1.10.26.

> По командирам плавсостава: рабочих — 18,7%, крестьян — 30,2%, дворян — 16,6% (на 1.04.26 было 20%), прочих — 34,5%. Из них членов и кандидатов ВКП(б)— 30,7%.
>
> По береговому командному составу: рабочих — 20,5%, крестьян — 53%, дворян — 5,5%, прочих — 21%. Из них членов и кандидатов ВКП(б) — 32,5%.
>
> Уменьшение дворян — по изъятию ГПУ и сокращению при переходе на новые штаты.
>
> Командный состав по образованию: окончили

дореволюционные военно-морские училища и академию — 22,6%; советский военно-морские училища — 45,8%; не имеют спец. военно-морского образования — 22,2%» .

Командиры получившие специальное военно морское образование до революции, а их из общего числа почти четверть, все за редким исключением из дворян, некоторые — их очень немного — из почетных граждан (из купечества, интеллигенции), представляли собой высший и средний командный состав. Они занимали должности в командовании и штабе МСБМ, были командирами соединений и начальниками штабов соединений, командирами надводных кораблей и подводных лодок, флагманскими специалистами соединений. И, конечно, бельмом на глазу у политработников. От них следовало избавляться. Дело, как видим, шло от 20 до 16% за полгода, т.е. удалены из флота около тридцати бывших офицеров «по изъятию ГПУ и сокращению».

Надо думать, темпы этого изъятия не удовлетворяли ни партийно политические органы, ни ГПУ. Командование флота и соединений всеми силами препятствовало удалению опытных командиров, ибо без них боевая готовность, боевая подготовка флота были просто невозможны. Но командование в этом отношении, начиная с середины 20-х годов, все ощутимее становилось бессильным. Обманчивый коварный НЭП — время кажущейся относительной либерализации — доживал свои последние дни. Сталин целеустремленно проводил линию на разгром всех, кто в партийном руководстве мог быть препятствием его единоличной власти. Но прежде чем расправиться с известными стране «вождями» и их сторонниками, нужно было приучить класс-гегемон к массовым репрессиям, создать обстановку всенародного психоза, вредительского синдрома, которому в дальнейшем было суждено трансформироваться в синдром «врагов народа».

Как известно, открыло череду политических процессов «вредителей» Шахтинское дело. Но подготовка началась раньше, в том числе и в Ленинграде. 15 мая 1927 года «Ленинградская правда» напечатала фельетон «Академический ковчег». Автор его М. Горин бил тревогу. Академия наук заполнена «бывшими». Фельетон был сигналом к атаке для ленинградских чекистов, в частности, для занимавшихся Морскими Силами. Ведь в Управлении ВМС (УВМС), в МСБМ, в Военно-морской академии (ВМА), в Специальных курсах усовершенствования командного состава (СКУКС), в военно- морских училищах, в Научно техническом комитете (НТК) и связанном с ним Особом

техническом бюро (Остехбюро) практически все значимые должности были заняты «бывшими».

Чекисты, курировавшие Красный Флот, конечно не дремали. Правда, в формулировках обвинений до 1928 года «вредительство» еще отсутствует — используется прежняя, апробированная в 1918-21 годах «участие в контрреволюционном монархическом заговоре». И не успели освобожденные из тюрем в августе 1921 года прийти в себя, как начались новые аресты. Так, 8 декабря 1924 года арестовывается командир линкора «Марат» В. В. Вонлярлярский. Для ареста было достаточно доноса управдома: в такой-то квартире собираются «бывшие», будто бы в карты играют, о чем то говорят. По такому доносу был вновь арестован 14 октября 1926 года Ю. Ф. Ралль, к тому времени командир линкора «Марат» — это он сменил Вонлярлярского. На этот раз пронесло — через три месяца освободили. Далеко не всегда исход был столь благополучен. Арестованный 30 мая 1925 года Д. И. Федотов, в Первую мировую старший минный офицер прославленного эсминца «Новик», в гражданскую — начальник Онежской флотилии Красного Флота, командир эсминца, а в мирные дни — помощник начальника Военно-морского училища, был приговорен к расстрелу «как активный участник военно-монархической организации».

В числе нескольких бывших офицеров 25 мая 1925 года был арестован флагманский минер бригады подводных лодок МСБМ А. В. Томашевич, прослуживший мировую и гражданскую воины на эсминцах. И он обвинялся в том, что был членом «военно-монархической организации».

Вскоре чекисты решили, что пора создавать групповое дело. Постановлением коллегии ОПТУ от 28 февраля 1927 года «за участие в контрреволюционной монархической организации на МСБМ» были приговорены к заключению в концлагерь на 10 лет — 7 командиров из бывших офицеров, на 5 лет — 8, на 3 года — 4. Двое «бывших» высланы в Сибирь на 3 года. Всего по этому делу было репрессировано 22 человека. Для большинства из них это был второй, третий или даже четвертый арест после Октябрьского переворота.

Стоит отметить, что среди получивших 5 лет лагерей оказался А. Н. Бахтин, бывший старший лейтенант, командир подводной лодки «Пантера», Той лодки, что потопила к востоку от Котлина английский эсминец «Виттория» — единственный корабль противника, пущенный ко дну торпедным ударом из- под воды в гражданскую войну.

Кажется, впервые чекисты арестовали «краскома» — молодого командира эсминца «Володарский» П. П. Чувахина, выпускника

ВМУ им М. В. Фрунзе, протестовавшего во время отпуска в родной деревне против изъятия хлеба у крестьянина-середняка. Но это был единичный случай. Черед «краскомов» и «красных академиков» (выпускников ВМА, начиная с 1927 года) еще не пришел. Большевистская гильотина отсечет им головы или они отправятся в лагеря в 1937—38 годах.

Формируются флотские дела

Конец 1929 — начало 1930 года — время своеобразного соревнования гепеушных целевых групп. Дела формировали спешно. Главное внимание руководство ГПУ уделяло «Промпартии» — здесь трудились асы подобных дел Черток, Радзивиловский, уже не раз упоминавшийся Агранов. О делах «Промпартии» и «Академическом» в нашей печати было уже немало публикаций, хотя тема эта, конечно, далеко не исчерпана. О деле же «контрреволюционной вредительской монархической организации в Морских Силах» почти ничего не опубликовано. А ведь подавляющее большинство проходивших по нему были петербуржцами-ленинградцами, уверен, что их потомки и по сей день живут в нашей городе.

Из материалов архива УМБР по С.-Петербургу и ЛО следует, что всего по этому делу было осуждено 120 человек. Проходило же по делу значительно больше — раза в два-три. Параллельно работали по крайней мере три группы следователей ГПУ — у каждой свое направление, свое дело. В дальнейшем дела будут объединены... Вот эти дела: по контрреволюционной вредительской организации бывших офицеров в УВМС РККА, по контрреволюционной вредительской монархической организации бывших офицеров на флоте (в МСБМ и МСЧМ) и контрреволюционной вредительской организации (иногда именуемой «группировкой») в ВМА, СКУКС и училищах.

В 1924 году прошла реорганизация наркомата по военным и морским делам. Двуединый наркомат, в котором Армия и Флот были равны и имели свои равноправные штабы, был реорганизован. В составе наркомата по военным и морским делам появилось автономное Управление ВМС РККА. Во главе УВМС стоял начальник Морских Сил РККА, подчиненный наркомвоенмору К. Е. Ворошилову.

Своего штаба ВМС были лишены с 1926 года, некоторые его функции перешли к 2-му отделу Оперативного управления штаба РККА. УВМС со всеми своими управлениями и НТК, ВМА, СКУКС и военно-морские училища находились в Ленинграде, хотя сам начальник Морских Сил РККА Р. А. Муклевич постоянно

пребывал в Москве. Таким образом, дела, которые велись ГПУ в Ленинграде, охватывали все центральные учреждения ВМС, все его научные и учебные заведения, а также МСБМ — тогда главный, самый мощный флот страны. Кроме того под ударом ГПУ оказались заводы, поставлявшие флоту корабли, вооружение и технику. Подавляющая часть их находилась в Ленинграде, а также в Николаеве.

Главными органами УВМС к началу 1930 года были УСУ (Учебно-строевое управление), ТУ (Техническое управление) и НТК. В ведение УСУ входили поддержание и обеспечение боевой готовности ВМС, планирование и руководство боевой подготовкой, разработка уставов и наставлений и т.д., проведение инспекций на флотах и в учреждениях ВМС. Во главе УСУ стоял М. А. Петров, бывший капитан 1 ранга, бесспорно выдающийся деятель военно-морской науки и основной автор первого Боевого устава Красного флота.

В ведении ТУ находились эксплуатация и ремонт кораблей, их вооружения и технических средств, руководство ремонтными заводами и мастерскими ВМС. ТУ получало от НТК эскизные проекты кораблей, вооружения, различных технических средств, рассматривало эти проекты и выдавало заказы заводам на опытные образцы. При передаче того или иного проекта в серийное производство ТУ через своих приемщиков вело наблюдение за ходом работ, принимало готовую продукцию — корабли, вооружение и т.д. Начальником ТУ был Н. И. Власьев, окончивший в 1909 году Технологический институт. В первую мировую Власьев служил во флоте, остался ему верен и после Октября. Он был начальником Волжского судоремонтного и механического завода — филиала Балтийского. Позже долгие годы служил в ТУ, пока не стал его начальником. Это был человек увлеченный, неуемной энергии, истинный радетель отечественного флота. Талант инженера сочетался в нем с прекрасными организаторскими способностями. Его помощниками были опытнейшие специалисты из бывших офицеров, в большинстве прошедшие русско-японскую и первую мировую войну. Назовем помощника начальника ТУ Б. А. Жаринцева, начальника механического отдела Р. Р. Грундмана, начальника артиллерийского отдела П. П. Соколова...

В своей работе Власьев опирался в первую очередь на сотрудничество с НТК, образованным в 1919 году. НТК был наследником и продолжателем Главного управления кораблестроения, существовавшего как важнейший орган флота с 1911 по 1919 год. Председателем НТК с 1927 года был

Н. И. Игнатьев, человек замечательный. Это был всесторонне образованный военно-морской специалист, боевой офицер-артиллерист на крейсере «Жемчуг» в Цусимском сражении, служил на крейсерах «Аврора», «Диана» и «Богатырь», несколько лет руководил Артиллерийским офицерским классом, обучение в котором давало высшую квалификацию артиллеристам.

В начале 1914 года Игнатьев в Генморе — Морском Генеральном штабе — начальником тактическо-организационной части. На второй год мировой войны Игнатьев был назначен флагманским артиллеристом штаба командующего Балтийским флотом. В марте 1917 года он принял руководство Главным управлением кораблестроения. В этой должности он оставался и после Октября.

Офицер-патриот делал все возможное, чтобы сохранить боеспособность флота, защищавшего Петроград от германцев. Игнатьев болезненно переживал упадок флота, набиравший силу хаос и произвол большевиков, убийства и преследования офицеров. 17 ноября 1917 года Игнатьев обратился с открытым письмом к матросам — участникам Всероссийского общефлотского съезда:

> «В отношении большинства офицеров сделана с вашей стороны огромная, труднопоправимая ошибка. Вы отвергли от себя офицерство; вы не захотели призвать нас к общей работе, к творчеству новой жизни... Вы занялись расширением революции не в меру ретиво. В результате в офицерской среде росла пассивность, безразличие...»

И, пророчески предупреждая, что может произойти, если, «идя под гору, снять тормоза», так закончил свое послание:

> «У нас будет маленький социализм и большая нищета... Что же делать? Как узнать истину, хотя бы горькую, но зато всю истину? Путь один: широкая гласность, свободное слово, свобода печати».

Увы, призыв этого флотского либерала и патриота услышан не был. А текст его оказался приобщенным к его делу в ГПУ.

М. А. Петров, Н. И. Игнатьев и Н. И. Власьев на рубеже 30-х годов совместными усилиями, в тесном творческом сотрудничестве выработали концепцию, выражаясь современным языком — военно-морскую доктрину для ВМС СССР. Они также руководили реализацией программы военного судостроения на 1924—27 годы, разработанной под руководством

Э. С. Панцержанского, А. В. Домбровского, М. А. Петрова и Н. И. Власьева. Программа военного судостроения на 1927—32 годы создавалась под руководством Петрова, Игнатьева и Власьева и была ими обоснована. Авторы ее исходили из военно-политического положения и возможностей экономики. В предложенном Совету Труда и Обороны (СТО) проекте предлагалось: в Балтийском море «иметь твердые шансы в борьбе с английским флотом с помощью береговой обороны и иметь перевес на море над объединенными силами прилегающих стран». В Черном море — «обеспечить активную оборону берегов в случае наличия линкоров в составе эскадр противника и обеспечить перевес на море над объединенными силами прилегающих стран, если у них не будет линейных сил».

Вскоре, однако, стало ясно, что усиление флота по программе на 1927—32 годы недостаточно. Германия, Швеция, Финляндия, Турция и Румыния приступали к увеличению своих флотов. На специальном заседании РВС СССР 7 и 8 мая 1929 года были заслушаны доклады начальника штаба РККА М. Н. Тухачевского и начальника УСУ УВМС М. А. Петрова «О военно-морской обороне СССР». В докладах явственно обозначились разногласия по строительству ВМС. Штаб РККА считал нецелесообразным расходовать средства на модернизацию линкоров и предлагал «строить морскую оборону» на основе мощной береговой артиллерии, морской авиации, подводных лодок и так называемого москитного флота (то есть боевых катеров — торпедных и др.). Петров от имени ВМС предлагал не только сохранить и модернизировать линкоры, но и, наряду с подводными лодками и катерами, строить эсминцы. Новая программа военного судостроения на 1928—33 годы была принята на заседании СТО 4 февраля 1929 года.

В целом предложения ВМС были приняты. В течение ряда лет прошли модернизацию линкоры, было достроено несколько эсминцев, началось строительство подводных лодок, сторожевых кораблей, торпедных катеров. Был достроен крейсер «Красный Кавказ»... В общем, усилиями в первую очередь Р. А. Муклевича, М. А. Петрова, Н. И. Игнатьева и Н. И. Власьева был принят план, по которому не только достраивались, модернизировались корабли, но и начиналась разработка новых проектов кораблей и их строительство. Это был прорыв, и три радетеля флота — Петров, Игнатьев и Власьев — отпраздновали это событие, как вспоминал В. А. Белли, в московском «Метрополе».

Вскоре, однако, пришли огорчения. РВС, во исполнение решения Политбюро, предложил сократить пятилетний план судостроения на 85 млн. рублей. Это случилось в июле 1929 года.

Началось свертывание судостроения. И тут же пошли аресты... Уменьшение уже утвержденных ассигнований было связано с провалом плана пятилетки. Нужно было найти и виновников провала.

ГПУ искореняет «вредителей»

Вступив в должность председателя НТК в 1927 году, Н. И. Игнатьев сменил бывшего контр-адмирала П. Н. Лескова, исполнявшего ее с 1923 года. Возможно, уход из председателей НТК дал Лескову несколько лет жизни, но лишь несколько: в ноябре 1937 года бывший командир крейсера «Аврора», в первую мировую — командир бригады крейсеров и командир Морской крепости Петра Великого (район Ревеля), был арестован НКВД. Заслуги и преклонный возраст (73 года) не помогли — расстреляли.

Игнатьев собрал в своем комитете опытных, талантливых специалистов из бывших офицеров, с опытом войны. Заместителем председателя НТК и председателем артиллерийской секции был Г. Н. Пелль, профессор ВМА, талантливый инженер, конструктор морских артиллерийских систем. После окончания Морского корпуса в 1904 году Пелль служил на крейсере, миноносце, эскадренном броненосце «Слава», преподавал в Артиллерийском офицерском классе. В 1918 году бывший капитан 2 ранга Пелль становится начальником артиллерийского отдела ГУК, начинает преподавать в ВМА... Г. Н. Пелль в 1928-29 годах дважды побывал в командировках в США, Франции и Германии для изучения организации проектирования, изготовления и испытания морской артиллерии и приборов управления ее огнем. Пелль был автором ряда изобретений, руководил проектированием 180-миллиметровой артиллерийской башни для крейсера «Красный Кавказ», позже использованной для создания башен крейсеров типа «Киров» и «Максим Горький». Авторитет его в области морской артиллерии был непререкаем. В 1958 году, когда пересматривались дела репрессированных, контр-адмирал Е. Е. Шведе (также проходивший по делу в 1930 году) показал, что Пелль был конструктором мирового уровня. В. А. Белли рассказывал, что в США и во Франции ему предлагали остаться, обещая создать все условия для научной работы, присвоить соответствующее воинское звание. Но Пелль отказался.

Председателем секции подводного плавания НТК, с момента создания ее в 1923 году, был один из наиболее опытных подводников русского флота А. Н. Гарсоев. В годы Первой

мировой Гарсоев командовал подводной лодкой.

Минную секцию, ведавшую минным и торпедным оружием, возглавлял Ю. Ю. Кимбар, бывший капитан 2 ранга, с 1906 года служивший на кораблях Балтийского флота. В 1918 году он назначается главным минером МСБМ, в 1921 — старшим помощником главного минера Морского штаба Республики. Затем он преподавал в ВМА. Ю. Ю. Кимбару принадлежит ряд изобретений. В работе этой секции видная роль принадлежала также В. Е. Эмме, бывшему офицеру с боевым опытом.

В физико-химической секции НТК, ведавшей взрывчатыми веществами, председателем до июля 1929 года был С. Н. Вуколов, ученик и соратник Д. И. Менделеева, ученый-химик с мировым именем, а после него — М. П. Мальчевский. Не менее опытные специалисты из бывших офицеров возглавляли секции — кораблестроительную (Ю. А. Шиманский), механико-электрическую (А. В. Акимов) и связи (А. И. Берг).

Пелль был арестован в начале марта 1930 года, Кимбар в конце этого месяца. Еще раньше, в конце 1929 года, чекисты забрали С. Н. Вуколова и Я. Н. Перепелкина, инженера-конструктора в артиллерийской секции. Метод создания «дела» в ВЧК-ГПУ был уже отработан давно. Вначале арестовывается некто не первого, так сказать, плана, у него выбиваются показания на вышестоящих, запланированных основными персонажами «дела». Вот и в показания Перепелкина следователи-чекисты вписали, что в НТК «долгие годы существует вредительская организация, в которую входят бывшие офицеры и инженеры бывшей фирмы "Эриксон"». В деле Перепелкина появились показания на Н. И. Игнатьева, Г. Н. Пелля и некоторых других сотрудников НТК, на главного инженера завода «Большевик» (Обуховского) К. К. Чернявского, бывшего офицера, на заместителя М. А. Петрова по УСУ УВМС В. П. Римского-Корсакова, на инженеров-электриков завода "Электроприбор" — бывшей фирмы "Эриксон". Материалы дел Перепелкина и Вуколова были использованы чекистами для предъявления обвинений Игнатьеву и Власьеву — их арестовали 5 апреля 1930 года.

В первом протоколе допроса Игнатьева, в день ареста, записаны его слова:

> «Службу несу беззаветно и работаю, не жалея себя, но возможность ошибок (и даже крупных), конечно, допускаю».

Проходит три месяца, и подпись Игнатьева появляется на листе с «признанием»: «Я осознал, что моя работа по НТК была безусловно вредительской». Как следователи получали подписи

под этими будто бы признаниями? По свидетельствам В. А. Белли и некоторых других тогда арестованных, данным в 1958 году, следователи применяли методы жестокого физического воздействия. Так, Игнатьева и Петрова сажали в подземные камеры, заполненные водой. И, конечно, следователи применяли методы психологического давления. Арестованные были лишены возможности узнать что-либо о своих близких, применялся так называемый допросный многочасовый «конвейер». Бывало, что «конвейер» продолжался не одни сутки. Были ли «признания» результатом перенесенных физических и моральных мук, наступавшего чувства безнадежности, безысходности? Были ли такие, кто с удовольствием оговаривал своих товарищей, сослуживцев? Видимо, установить это невозможно. Писали показания и следователи, и арестованные своей рукой под их диктовку — все было. Скажу лишь, что, читая многие сотни страниц дел, встретил лишь один случай, когда допрашиваемый выдавал больше, чем у него требовали. Об этом несколько позже...

В начале 1931 года разгром НТК завершился. Волна арестов вымыла большинство его руководящих сотрудников. В камерах тюрьмы ГПУ оказались также А. П. Гарсоев, М. П. Мальчевский, В. Е. Эмме, начальник испытательного артполигона А. П. Белобров, многие другие. Нанесло ГПУ и удар по Остехбюро ВСНХ.

Остехбюро — Особое техническое бюро по военным изобретениям специального назначения — было основано 18 июля 1921 года. Оно стало преемником и продолжателем Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства, начавшей свою деятельность в 1914 году. Возглавлял Остехбюро талантливый изобретатель инженер В. И. Бекаури. Он был бессменным руководителем этого прообраза научно-исследовательских институтов оборонного профиля вплоть до своего ареста и расстрела как «врага народа» 8 февраля 1938 года. Тематика Остехбюро была отчасти флотская. Поэтому в его работе принимали деятельное участие те, кто служил в НТК и ТУ, преподавал в ВМА, на СКУКС и в училищах. Аресты Пелля, Кимбара, Гарсоева, Вуколова, Игнатьева и других сразу же дезорганизовали работу бюро. В числе арестованных оказался даже 72-летний капитан опытового судна М. Н. Беклемишев, бывший генерал-майор флота, один из создателей первой российской подводной лодки «Дельфин».

В один день с Игнатьевым ГПУ арестовало начальника ТУ Власьева. Вслед за ним на протяжении полугода были арестованы его заместитель Б. А. Жаринцев, начальники и помощники

начальников отделов Р. Р. Грундман, Г. В. Ломан, А. П. Суковатицын, А. А. Остроградский, А. М. Невинский, А. Ф. Сушинин, П. В. Кернер, В. С. Дмитриевский и другие — все бывшие офицеры флота, инженер-механики и строевые, прошедшие мировую войну, а некоторые и русско-японскую. Среди арестованных оказались и подчиненные ТУ приемщики кораблей и техники на заводах, в том числе в Николаеве, где достраивались крейсер «Красный Кавказ» и эсминцы «Фрунзе» и «Дзержинский». Это были бывшие офицеры П. И. Клопов, В. И. Пестов, Л. В. Костылев, Б. В. Дроздов и ряд других. Они проходили по делу не только как вредители, но и как обвиняемые в связи с английской разведкой .

Строевой командный состав ВМС, начальствующий и старший командный, по понятным причинам на рубеже 30-х годов состоял, в основном, из бывших офицеров. Поясним, что «строевые» — это окончившие Морской корпус и Отдельные гардемаринские классы до Октября, а также уже значительный к тому времени контингент выпускников Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе (бывший морской корпус). УСУ УВМС был укомплектован также строевыми командирами, за редким исключением из бывших офицеров. В 1930—31 годах были арестованы заместитель начальника УСУ В. П. Римский-Корсаков, начальники основных отделов и их заместители, старшие инспекторы. В числе их были А. А. Дубровский, Б. И. Смирнов, А. Б. Белобров, А. П. Травиничев... Десятки «бывших» проходили по делу и ждали своей участи. М. А. Петрова, начальника УСУ, и заместителя наморси Красного Флота Р.А. Муклевича арестовали 12 октября 1930 года.

Петров фактически руководил ВМС, так как Муклевич, большевик с 1906 года, унтер-офицер, политработник в гражданскую, не обладал для этого достаточными знаниями. Это был всесторонне эрудированный блестящий штабной работник. Он служил на кораблях всех классов, уже в 1915 году стал помощником флаг-капитана штаба Балтийского флота, в 1917 получил назначение флаг-капитаном по оперативной части штаба Балтийского флота, то есть капитан 1 ранга Петров ведал в штабе оперативными вопросами. После Октября Петров был лоялен по отношению к Советской власти, и в 1920 году его назначили начальником Оперативного управления Морского штаба Республики. В 1922 году Петров возглавляет Морскую академию (будущую ВМА), потом — УСУ, становится правой рукой Муклевича...

Петров отстаивал необходимость для страны иметь сбалансированный военно-морской флот, то есть имеющий в

своем составе линейный флот и легкие силы, подводные лодки и морскую авиацию, сильную береговую оборону. Он ратовал за создание флота на Севере и Тихом океане. Арест М. А. Петрова и одновременно с ним А. В. Домбровского, бывшего начальника Морского штаба Республики, лишил ВМС наиболее опытных руководителей высшего звена.

В чем только ни обвиняли Петрова чекисты... В 1931 году Б. И. Смирнов встретился с Петровым в Кемьлаге.

> «Меня держали 36 часов на «конвейере», — рассказывал бывший начальник УСУ. — После этого я подписывал не глядя все, что они хотели».

Арест Петрова и его подчинённых по УСУ полностью дезорганизовали управление флотами и центральными учреждениями ВМС. Резервом для замещения должностей в высшем звене управления ВМС всегда была ВМА, а также СКУКС — среди их преподавателей было немало бывших офицеров с опытом войны. Но и по ВМА и СКУКС нанесли удар чекисты. В 1929—31 годах и здесь было сработано «дело». Аресты в ВМА и на СКУКС были подготовлены вроде бы сугубо научной дискуссией о том, какой военно-морской флот нужен СССР, как должен он использоваться, какие задачи решать в неизбежной будущей войне с капиталистическим миром. Вернее сказать, не подготовлены, а спровоцированы, потому что оппоненты из числа окончивших к началу 30-х годов ВМА — коммунисты А. П. Александров, К. И. Душенов, И. К. Кожанов, И. М. Лудри и другие прямо, устно и печатно, называли М. А. Петрова, Б. Б. Жерве — начальника кафедры стратегии и оперативного искусства и недавнего начальника ВМА и еще некоторых преподавателей ВМА проповедниками «вредительской теории владения морем». Так что дело «вредителей» здесь просто само шло в руки чекистов. Оставалось лишь составить проскрипционные списки. В них попали преподаватели кафедр стратегии и оперативного искусства, тактики, военно-морской истории, специальных кафедр — артиллерийской стрельбы, торпедного оружия и др. В их числе — В. А. Белли, В. П. Суковатицын, Л. Г. Гончаров, Ю. А. Добротворский, В. А. Унковский...

Нашли вредителей чекисты и на СКУКС. Были арестованы начальник командирских курсов подводного плавания Н. А. Зарубин, начальник артиллерийского класса, по совместительству главный инженер завода «Большевик» К. К. Чернявсюш, преподаватели, также вышедшие из бывших офицеров, И. И. Монтлевич, М. Л. Бертенсон,

Д. С. Лемтюжников...

Часть арестованных в ВМА по какой-то причине сгруппировали для особого дела в «Академическую контрреволюционную вредительскую группу». Как указано в деле, оно

> «возникло на основании поступивших... агентурных данных, свидетельствующих о том, что в ВМА и СКУКСе имеет место зажим и компрометация лучших командиров флота из пролетарской среды, создание в системе ВМУЗов хаоса по подготовке командного и спецсостава флота, в результате чего выпускаемые на флот специалисты, оцениваемые Жерве и др. отличными отметками, будучи на самом деле не годны для работы в сложных военно-морских условиях».

Следователь, составивший обвинительное заключение, в число тех, кто вел «к-р. работу» в ВМА и на СКУКС включил Б. Б. Жерзе, Ю. А. Добротворского, В. В. Селитринникова, Д. П. Белоброва, Ф. Ф. Клочанова, Р. А. Холодецкого, В. Е. Эмме и его жену А. Н. Эмме, которая «знала о к-р. работе, но скрыла».

В список «к-р. и вредителей» попали и те, кто уже пал от руки чекистов, умер, и те, кого еще предстояло арестовать. Так, в перечне оказались умершие контр-адмирал А. В. Развозов и генерал-майор Н. Л. Кладо, капитаны 1 ранга Е. А. Беренс и И. И. Ренгартен, еще не арестованные на день составления обвинения А. П. Гарсоев, Ю. Ю. Кимбар, Е. Е. Шведе и Б. Е. Егорьев. А состояла «к-р работа» в том, в частности, что на месте «изучались условия создания в Мурманске базы большого флота». Кроме того, занятия в ВМА велись по «программам, модернизированным соответственно опыту мировой войны и прогрессу военно-морской тактики. Опыт гражданской войны игнорировался».

> Когда в 1927 году «партия и Советское правительство перешли в социалистическое наступление, — говорится далее в обвинительном заключении, — наступил период активизации к-р вредительской деятельности на основе подготовки интервенции. Проводилось вредительство во всех отраслях военно-морского дела».

Аресты в ВМА и на СКУКС, а также в училищах привели к тому, что многие дисциплины читать было некому. Не стало и учебников, методических пособий и пр., т.к. было изъято все

написанное, разработанное «вредителями». Резко снизился качественный уровень подготовки слушателей.

Чекисты «трудятся» на флотах

В отчете по боевой подготовке за 1931 год МСБМ читаем:

> «В начале текущего года ...за контрреволюционную вредительскую работу были взяты ряд командиров флота — бывших старых офицеров: ...из командиров соединений... взято 3 чел, начальник штабов соединений —2, командиров дивизионов — 3, командиров кораблей — 7».

Столько было «взято», но еще больше оказались подследственными (но еще не арестованными), проходили по делу свидетелями и отстранялись от должности. Поэтому итоговые данные за 1931 год в этом отчете выглядят так:

> «В результате арестов и перемещений:
> 1). Из 8 командиров соединений вновь назначены — 5;
> 2). Из 8 командиров дивизионов — 6;
> 3). Из 2-х командиров линкоров — 1;
> 4). Из двух командиров кораблей 1 ранга — 2;
> 5). Из 20 командиров кораблей 2 ранга — 1;
> 6). Из 9 командиров подводных лодок — 5».

Заметим, что в отчете не указано число арестованных и перемешенных «бывших старых офицеров» в штабе МСБМ, среди помощников командиров кораблей и флагманских специалистов в штабах соединений, в береговой обороне и других не корабельных частях МСБМ. Как и в 1921 году, повальные аресты и перемещения командного состава резко снизили боевую готовность флота.

Настоящему разгрому подвергла ГПУ штаб МСБМ. В 1930 году по обвинению в контрреволюционном вредительстве были арестованы начальник штаба МСБМ А. А. Тошаков, начальник оперативного отдела Я. А. Хвощинский, начальник отдела боевой подготовки С. А. Плотников, начальник управления комплектования Л. А. Поленов, его помощник В. Н. Федотов, начальник отдела этого управления Б. В. Биллевич и его помощник Д. С. Поляков, первый помощник начальника санитарного отдела А. И. Беспальчиков. Все они были бывшими офицерами, за исключением Беспальчикова, имевшего в

дореволюционном флоте положенный врачу чин военного чиновника — коллежского советника.

Начальник штаба МСБМ А. А. Тошаков, бывший старший лейтенант, командовал эсминцем, после Октября служил в штабе командующего Морскими Силами Республики, в 1919-м был арестован ВЧК, но через некоторое время освобожден, стал начальником Оперативного управления Морского штаба Республики, затем — УСУ, а с 1927 года начальником штаба МСБМ. Бывший мичман Хвощинский до того, как получить назначение в оперативный отдел штаба МСБМ, командовал эсминцем и подводной лодкой, закончил ВМА. Человек сильной воли и большой физической силы, купавшийся всю зиму в Неве, Хвощинский оказался одним из очень немногих, отказавшихся подписать признание во «вредительстве» и «к-р работе»...

Тысячестраничные тома дел арестованных в 1927—1931 годах бывших офицеров читаешь с чувством боли и отвращения. Они заполнены наглой, нелепой ложью следователей-чекистов. И становился понятно, почему те, кто выжил, так страдали в 1958 году, когда давали показания при пересмотре «дел»... Тогда лишь снимали судимость, это была еще не реабилитация... Вызывались эти люди в прокуратуру, чтобы дезавуировать свои показания тех уже далеких лет. Никто не имеет права осудить их. Ведь многие, судя по записям в делах, вызванные для заслушивания приговора «тройки» ГПУ, отказывались от своих показаний и заявляли, что подписи их «получены под давлением». Что, впрочем, чекистами никогда во внимание не принималось. Почти все, вызванные в 1958 году в прокуратуру, сразу же отказывались от вырванных у них показаний — оговоров, самооговоров... Среди них были контр-адмирал В. А. Белли, Е. Е. Шведе, капитан 1 ранга Д. П. Белобров... Я сказал «почти все». Два человека в 1958 году не пожелали отказаться. Один из них был Леонид Соболев.

В 1930 году бывший мичман Леонид Соболев служил в оперативном отделе штаба МСБМ под началом Хвощинского. Он оказался одним из немногих уцелевших в 1930-31 годах бывших офицеров, проходивших по делу «контрреволюционной вредительской группировки на флоте». Миновала его тяжкая участь многих «бывших» и в 1937-38-м. Понятно поэтому приглашение его к военному прокурору для дачи показаний в 1958 году. Соболеву был задан вопрос: «Что вы можете сказать по существу своих показаний от 25, 26, 29 ноября и 6, 11 декабря 1930 года в отношении... вредительской деятельности этих лиц[25] и вредительской деятельности Хвощинского и др. в разработке мобилизационного плана КБФ (термин ошибочный: тогда МСБМ. — С.З.), комплектации флота кадрами, организации

службы и боевой подготовки?»

9 февраля 1958 года Леонид Соболев письменно собственноручно ответил на эти вопросы так:

> «Характеристики их сделаны мною в свое время в свидетельских показаниях от 25/26 ноября 1930 года. При всей своей резкости они верны и отражают действительность».

Что же это за показания, которые Соболев полагает «отражающими действительность»? Тогда, в конце тридцатого, Соболев, надо признать — с несомненным литературным даром, не только ответил на конкретные вопросы следователя ГПУ о своем непосредственном начальнике Хвощинском, но и дал по своей инициативе общую характеристику работы всего штаба МСБМ и начальника МСБМ М. А. Викторова, исписав немало страниц своим четким штурманским почерком. Никого не упустив, он разделил всех командиров из «бывших» в штабе МСБМ, а также в соединениях МСБМ и МСЧМ на четыре группы: «карьеристов», «шипящих», «чуждых абсолютно» и тех, чья «связь с прошлым сильна». К «карьеристам» были отнесены Хвощинский, Новицкий (флагштурман МСБМ), Сивков (командир линкора «Октябрьская революция»), Боголепов (начальник штаба дивизии крейсеров МСЧМ), Солоницын (из оперативного управления штаба РККА), Поленов, Макаров, Самойлов (командир крейсера «Профин- терн»), Рубанин (штаб МСБМ), Викторов, Иконников. Своего начальника Хвощинского Соболев включил и в число тех, «чья связь с прошлым сильна», вместе с Петровым, Макаровым, Галлером (командиром бригады линкоров), Никоновым и некоторыми другими. К «чуждым абсолютно» отнес Тошакова, Поленова, Биллевича, Федотова... В общем, следователь-чекист получил неплохой материал для соответствующей ориентации в кадрах штаба и соединений. Доброго слова, между прочим, Леонид Соболев не сказал ни об одном из бывших офицеров, служивших в то время в МСБМ и МСЧМ. Во всяком случае нет их в собственноручных письменных показаниях будущего автора «Капитального ремонта». В сущности Соболев не изменил свои показания 1930 года:

> «Деятельность Тошакова и Хвощинского — по тем результатам их работы над планом войны — я считаю вредительской. Причины вредительства... мне неизвестны».

Как было сказано ранее, в августе 1921 года Соболев был

арестован и несколько месяцев провел в тюрьме ВЧК. Ужас перед возможным повторением былого не мог не владеть им. Когда Соболева допрашивали, Тошаков и Хвощинский уже были арестованы. И он мог сделать для себя определенные выводы. Например, о бессмысленности выступления в их защиту. Однако Соболев дал показания и против тех, кто еще не был арестован. Посмотрим, что пишет он в 1958 году (когда, казалось бы, можно и покаяться), о начальнике МСБМ.

> «При анализе работы штаба (МСБМ. — С.З.) мне стало ясно, Викторов никак не может командовать флотом, и что прием его в партию будет величайшей ошибкой.. В справедливости этого убеждения я не сомневаюсь и сейчас».

Соболев не только информировал об этом секретаря парторганизации, но и, по согласованию с ним, выступил 13 декабря 1930 года на открытом партийном собрании штаба МСБМ, на котором Викторова должны были принимать в ВКП(б), с призывом отказать ему в этом. Нужно пояснить, что в конце 1930 года по указанию ЦК ВКП(б) проводился прием в партию крупных военачальников из «бывших» — командующих округами и флотами, командиров крупных соединений. Понятно, что отказаться от предложения вступить «в ряды» было нельзя. Вернее, можно, но последствия легко прогнозировались. Прием в партию для того же Викторова был некой индульгенцией, которая на какое-то время давала защиту от ГПУ. Если бы партсобрание приняло предложение Соболева, выразив тем самым недоверие наморси Викторову, то, скорее всего, ГПУ занялось бы им тотчас. Архивные документы свидетельствуют, что он находился под непрерывным наблюдением Особого отдела флота, фиксировались все его встречи, разговоры, проверялась переписка. Даже привычка при плохом настроении раскладывать пасьянс и та не осталась без внимания. Докладывали, когда и сколько раз. В 1932 году Викторов был назначен начальником Морских сил Дальнего Востока (с 1935 — командующим Тихоокеанским флотом) В 1937 году Викторов — командующий ВМС РККА, флагман флота 1 ранга.

«Враг народа» М. В. Викторов был расстрелян в августе 1938 года. С уважением вспоминают о нем многие деятели нашего ВМФ, в том числе Н. Г. Кузнецов. ГПУ тогда его не тронуло, некоторых других, из внесенных в его схему, также. Соболев из ВМС был уволен. Появился профессиональный писатель Леонид Соболев. А его товарищи и сослуживцы, бывшие офицеры флота, руки ему больше никогда не подавали и знать не желали.

Где сейчас хранятся дела черноморцев — бывших офицеров 1929-31 годов, еще следует выяснить. И только после изучения их можно будет получить более или менее полную картину репрессий в МСЧМ. По данным же дел из архива УМБР по СПб. и ЛО в конце 1930 — начале 1931 года были арестованы как «члены контрреволюционной вредительской организации в МСЧМ» начальник артиллерии Севастопольской крепости Г. Н. Четверухин, начальник штаба Береговой обороны МСЧМ В. К. Васильев, командир бригады крейсеров Г. Г. Виноградский (до 9 мая 1930 года — начальник штаба МСЧМ), командир бригады подводных лодок Г. В. Васильев, флагманский механик МСЧМ М. Д. Величковский... Как уже было сказано, список этот безусловно неполон. Но и приведенные имена свидетельствуют, что арестами ГПУ были тогда вырваны из руководства МСЧМ опытнейшие командиры и специалисты.

Так, бывший старший лейтенант Виноградский, на момент ареста флагман 2 ранга, что соответствует контр-адмиралу, всю Первую мировую войну провел на Балтийском флоте, на эсминцах, под началом А. В. Колчака и его преемников по командованию Минной дивизией. Был награжден четырьмя орденами — все они были с мечами, то есть за храбрость, да еще французским орденом Почетного легиона и черногорским. В гражданскую Виноградский командовал эсминцем, дивизионом эсминцев в Красном Флоте — на Балтике, в 1921-м был назначен командиром Минной дивизии... В дальнейшем, после структурных преобразований в МСБМ, командовал бригадой эсминцев, с 1928 года был начальником штаба МСЧМ.

Это был одаренный человек, профессионал высочайшего класса. Его не только уважали, но и любили за прямоту и честность, за несколько старомодную вежливость и неизменную заботу о подчиненных — и о командном составе, и о рядовых военморах. Бывшие офицеры, служившие под его началом, были благодарны ему за защиту от ВЧК и ГПУ. Делал он это бесстрашно, хотя в его личном деле с давних пор значилось, что старший брат Н. Г. Виноградский — в эмиграции, шофер такси в Париже. Десятки командиров эсминцев вырастил Виноградский, но во всех документах ВЧК-ГПУ, начиная с 1918 года, неизменно включался в списки «опасных» — то ли монархистов-заговорщиков, то ли контрреволюционеров, членов организации «бывших» Знал он об этом или до поры не знал, но жил и служил без оглядки на грозящие беды. Настоящий, мужественный был человек. Таким и воспитывал сына Георгия. В 1938 году он был курсантом ВВМУ им. М. В. Фрунзе, готовился стать командиром ВМФ...

Немалый урон нанесли чекисты МСЧМ в 1930-31 годах. Значительное число бывших офицеров проходило по «вредительским» делам, многие были арестованы или отстранены от должности. Проходили месяцы, а то и годы, прежде чем удавалось восстановить на должном уровне деятельность штабов, командование соединениями.

Было ли «вредительство»?

Возможно, кому-то покажется, что вопрос поставлен неправомерно — отрицательный ответ абсолютно ясен. Но не следует забывать, что ясен не всем. Неофашисты нагло заявляют, что цифры уничтоженных в годы сталинских репрессий многократно преувеличены, а то и вовсе миф. Однажды я рассказывал о репрессиях на флоте в 1929-31 годах. Среди слушателей были и отставники-офицеры, служившие в то время на флоте. Один из них попытался оспорить факты репрессий в МСБМ. «Я тогда служил, — сказал он. — Никаких репрессий в тридцатом не было, первый раз об этом слышу». Похоже, был он искренен. Аберрация памяти? Найдутся, впрочем, и такие, кто будет отрицать непреложные факты во имя определенных целей. Поэтому — было ли «вредительство?»

На завершающем этапе работы ленинградских чекистов отдельные дела, о которых шла речь выше, были объединены, составлено обобщающее обвинительное заключение. Суть его сводилась к следующему. В 1924-1930 годах «ответственными лицами» УВМС, ТУ, НТК и Остехбюро была составлена «вредительская программа» восстановления и строительства флота, направленная «на отрыв средств от главной силы — сухопутной армии, тормоз постройки доступного нам флота». Береговая оборона на Балтике и Черном море находилась в неудовлетворительном состоянии, и вопрос о ее улучшении УВМС не ставился.

В 1958 году, готовя материалы для снятия обвинений и последующего освобождения еще оставшихся в живых заключенных из числа бывших офицеров флота, арестованных в 1924—1931 годах, 3-е Главное управление МГБ направило начальнику Главного штаба ВМФ адмиралу Ф. В. Зозуле письмо от 7.08.58 за №3/6/11962 с просьбой проверить обоснованность приведенного выше обвинительного заключения (насколько мне известно, никогда ранее обоснованность обвинительных заключений ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ в системе ВМС не проверялась). Ответить МГБ было поручено Морскому НТК, и подписал документ, отправленный в МГБ, его начальник адмирал

Л. А. Владимирский. Составлен этот документ с тщательностью и полнотой, которой отличалось все, за что отвечал Владимирский, один из замечательных деятелей советского ВМФ, выдающийся флотоводец, в годы Отечественной войны командовавший эскадрами Черноморского и Балтийского флотов, Черноморским флотом.

В ответе МНТК указано, что «отрыва средств» от армии не было, так как ВМС, начиная с 1928 года, получали из военного бюджета лишь чуть более 6%. Первая программа строительства ВМС на 1924—1927 годы была, в сущности, судоремонтной, так как на большее не имелось ни средств, ни производственных возможностей. Вторая шестилетняя программа строительства ВМС, совершенно правильно обоснованная Петровым и Власьевым, включала восстановление, достройку кораблей, а также строительство новых. Никаких элементов вредительства в них МНТК не усматривает. Более того, благодаря усилиям Игнатьева и Власьева, ВМС сами разработали эскизные проекты кораблей, заказали металл, механизмы и оружие. В результате этой работы НТК и ТУ 5 марта 1927 года были заложены в Ленинграде первые три подводные лодки для МСБМ и через месяц — первые три для МСЧМ. Нет никакого вредительства также и в программе кораблестроения, принятой в 1929 году. Со стороны УСУ, НТК и ТУ делалось все для ее выполнения, но сокращения бюджетных средств, относительно первоначальных, накладывали определенные ограничения. Петров, Игнатьев и Власьев «вынуждены были оговорить себя, признать себя виновными в том, к чему они сами не имели никакого отношения». Так, Береговой обороной УВМС лично Петров и возглавляемое им УСУ заниматься не могли, поскольку эта часть ВМС в своей деятельности, планах развития и пр. руководствовалась в целом указаниями штаба РККА и находилась под его контролем.

В итоге МНТК в 1958 году пришел к выводу, что «никакого вредительства не было». Таким образом, ложность обвинений арестованных бывших офицеров по делам УСУ, НТК, Остехбюро и ТУ — УВМС в целом, — подтверждается этой высокой инстанцией ВМФ СССР. Столь же абсурдны обвинения ГПУ, выдвинутые по делам ВМА и СКУКС, по делу «вредительской контрреволюционной организации» на МСБМ и МСЧМ.

Итак, никакого вредительства не было. Бывшие офицеры — командиры ВМС РККА, воспитанные в духе чести и верности присяге, служили на совесть. Но надо признать — не Советской власти и ВКП(б), не коммунистическим вождям Ленину и Троцкому, а затем Сталину, — а Отечеству, России. Советская

власть была им мачехой. Партия идеологически обосновывала их истребление, через свой разветвленный аппарат направляла этот процесс. ВЧК-ГПУ год от года наращивали темп уничтожения бывших офицеров российского флота. Непрерывные аресты, гибель друзей, сослуживцев былых и нынешних, однокашников по Морскому корпусу, Морскому инженерному училищу, Отдельным Гардемаринским классам, другим военно-учебным заведениям были буднями их жизни, бытом. Появившиеся было с началом НЭПа надежды на возрождение России как страны с либеральными порядками вскоре рухнули. Но что-либо менять в своей жизни было уже поздно. Эмигрировать невозможно. «Бывшие» не могли не понимать, что стали заложниками ГПУ и остается лишь надеяться, что твой черед не придет в ближайшее время. С болью думали они о судьбе, которая ожидает их близких. Многие встретили Октябрь юными мичманами, к 1930 году у них были маленькие дети...

Хорошо это или плохо, но нет никаких данных о существовании каких-либо тайных обществ, групп из бывших офицеров, никаких контрреволюционных организаций, будто бы раскрытых ПТУ в конце 20-х — 30-х годов.

Офицерские судьбы

Они служили флоту — те, кому дозволяли ВЧК-ГПУ. Они готовили Флот к войне — что и положено офицеру, а это работа творческая. Играющий в шахматы непременно должен думать и за противника. Военные в таком же положении. И каждый из «бывших» на своем месте старался переиграть возможного противника: план возможных боевых действий должен быть лучше, чем у противника; корабли должны лучше стрелять и маневрировать; командиры и команды их лучше обучены, а потому и должны лучше действовать... И то, что довлело, что постоянно угрожало им и их близким, не могло этому помешать. Потому что человек творческий, — а всякая работа в той или иной степени есть творчество, — не может не добиваться лучших результатов в своем деле. Казалось бы, вся страна должна застыть в ужасе — гибли люди, исчезали, находились в постоянном ожидании ареста, — а жизнь шла! Ученые делали открытия, инженеры изобретали, создавались выдающиеся произведения в литературе и искусстве. В такой обстановке постоянного давления со стороны власти, постоянного ожидания ареста трудились все «бывшие» — и матросы, и офицеры, и адмиралы многострадального Советского Флота.

notes

Примечания

1

Через семь с половиной лет после начала русско-японской войны, 18 августа 1911 года капитан корпуса, инженер-механиков флота П. Фёдоров был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за «принятие мер к спасению от потопления эскадренного броненосца «Цесаревич», получившего опасную подводную пробоину от взрыва неприятельской мины».

2

Первый командир «Цесаревича», капитан 1 ранга Иван Константинович Григорович (1853-1930) — был одним из наиболее выдающихся офицеров Русского Флота, вложивших все силы в дело возрождения флота после его почти полного уничтожения в русско-японской войне. Занимая с 19 марта 1911 года пост морского министра, адмирал Григорович провел гигантскую работу по созданию небольшого, но хорошо оборудованного флота, способного прикрыть подступы к Петербургу и обеспечить общие стратегические Замыслы России в период Первой мировой войны. Несмотря на правительственную чехарду, адмирал Григорович занимал свой пост вплоть до падения монархии в феврале 1917 года и был, по меткому выражению Ленина, единственным умным человеком во всем царском правительстве.

3

Контр-адмирал Вильгельм Карлович Витгефт (1847-1904), временно назначенный командующим эскадрой, оказался на этом посту совершенно случайно, из-за спешного отъезда адмирала Алексеева и неприбытия вовремя адмирала Скрыдлова. Несмотря на бессомненную личную храбрость и большой опыт штабной работы, опыта флотоводца у него не было, поскольку вся его служба в адмиральском звании (с 1899 года) прошла на берегу. Вступив в командование эскадрой, Витгефт на первом же собрании флагманов и командиров заявил: «Жду от вас, господа, не только содействия, но и совета. Я — не флотоводец».

4

Порванный осколками китель и брюки принца Хироясу до сих пор экспонируются в мемориале «Миказа» в Сасебо.

5

В бою 28 июля броненосец «Цесаревич» выпустил по противнику сто четыре 12" снаряда, пятьсот девять 6" снарядов, восемьдесят один 75-мм и сто двадцать семь 47-мм снарядов. Броненосец получил попадание в надводную часть пятнадцатью 12" снарядами, несколько снарядов попали в подводную часть, но особенно серьезных повреждений корабль не имел. Из экипажа броненосца (не считая адмирала Витгефта и офицеров его штаба) были убиты один офицер (лейтенант С. В. Драгичевич-Никшич) и восемь матросов, ранены пять офицеров и сорок два матроса.

6

Капитан 2 ранга Дмитрий Петрович Шумов, чья энергия и мастерство постоянно спасали «Цесаревича» с момента его выхода из Тулона в 1903 году, был награжден за спасение броненосца в бою 28 июля высшей офицерской боевой наградой — Георгиевским крестом 4-й степени. Д. П. Шумов был зверски убит 20 июля 1906 года в Кронштадте взбунтовавшимися матросами, когда он один, без оружия, пытался остановить обезумевшую, пьяную толпу.

Георгиевскими крестами 4-й степени были также награждены офицеры «Цесаревича»: капитан 2 ранга Ненюков и лейтенант Пилкин. Указом от 7 августа 1906 года по представлению комиссии, разбиравшей бой 28 июля, были награждены еще несколько офицеров «Цесаревича»: капитан 1 ранга Иванов — орд. Св. Владимира 3-й степени с мечами, лейтенанты Данилов — орд. Св. Станислава 2-й степени с мечами, Сполатбог — орд. Св. Анны с мечами и бантом, ст. механик Афанасьев — орд. Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, штабс-капитан Федоров — орд. Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, поручик Корзун — орд. Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, врач Шплет — орд. Св. Анны 3-й степени с мечами.

7

В 1915 году немецкая разведка инспирировала волнения на многих русских кораблях, направленные против многочисленных офицеров, имеющих немецкие фамилии. Утомленные бездельем экипажи линейных кораблей стали требовать смены этих офицеров. В России всегда любили и любят сваливать на «измену» неумение воевать. Были волнения и на «Цесаревиче», в результате которых был сменен его командир Николай Готлибович Рейн — Георгиевский кавалер времен русско-японской войны.

8

Предчувствия капитана 1 ранга Руденского оправдались: линейному кораблю «Гражданин-Цесаревич» выпала честь участвовать в последнем бою Русского Флота под Андреевским флагом. Этот бой, получивший название Моонзундского, как и все многочисленные поражения Русского Флота, оброс легендами, в которых подчеркивается героизм (настоящий и вымышленный) отдельных кораблей или даже моряков и на этом фоне затушевывается главное — немцы всего за одну неделю овладели теоретически неприступной Моонзундской позицией и буквально вышвырнули из Рижского залива Русский Флот, наглядно продемонстрировав, что ждало бы Русский Флот на центральной позиции в 1914 году, не будь немецкий флот связан англичанами в Северном море. Все источники о Моонзундском бое любят говорить о неравенстве сил, но нельзя забывать, что довольно крупное соединение Русского Флота опиралось на мощнейшую систему минной и береговой обороны в сложнейших условиях узких акваторий архипелага, где каждый квадратный метр простреливался батареями или был завален минами. Другое дело, что русская армия и флот к этому времени были уже деморализованы политическими событиями в стране и не желали воевать, чем и воспользовался противник. И уж совсем смешно звучит утверждение, что революционные моряки в Моонзундском бою преградили путь немцам к революционному Петрограду. Даже если бы «Слава» была затоплена на фарватере, стащить ее оттуда было бы делом одной недели. Немцев остановил не Русский Флот, а Брестский договор, заключенный большевистским правительством, захватившим власть после переворота 25 октября 1917.

Кстати, и судьба у них одна: адмиралы Развозов, Бахирев и много других офицеров флота были расстреляны, на всякий случай, в 1919 году по стандартному обвинению в контр-революции. Несколько позднее эта же судьба ждала и их оппонентов по 1917 году, Антонов-Овсеенко, Дыбенко, Крыленко и многие другие стихийные вожди флота тех смутных лет также были расстреляны, став жертвами той беспощадной машины, на создание которой они отдали все свои силы и энергию.

10

Старший офицер «Славы», капитан 2 ранга Л. М. Галлер в советское время занимал последовательно должности командира линкора «Марат», командующего Балтийским флотом, начальника Главного Морского штаба и заместителя Наркома ВМФ. В 1948 году адмирал Галлер был арестован по обвинению в передаче союзникам в годы Второй мировой войны немецких торпед, захваченных на одной из потопленных в Финском заливе немецкой подводной лодке. И, хотя на передачу торпед была санкция трех членов политбюро и ГКО: Молотова, Берии и адмирала флота Кузнецова, суд под председательством маршала Говорова приговорил Галлера к десяти годам тюремного заключения, лишив его звания адмирала. В 1950 году Л. М. Галлер умер в тюрьме, предварительно сойдя с ума.

11

Конечно, было невозможно осуществить уничтожение офицеров по спискам в условиях Февральской революции в Гельсингфорсе, как это делалось позднее в 1919, 1920 и 1921 гг. Многие из включенных в списки уцелели, как, например, адмирал Максимов, многие из не включенных в списки погибли. Много офицеров, арестованных в те дни в Гельсингфорсе, просидели до октябрьского переворота и были включены в списки заложников после объявления так называемого «красного террора», постепенно уничтожаясь вплоть до 1935 года, когда после убийства Кирова были расстреляны последние заложники. Многие продолжали содержаться под арестом на фортах Кронштадта. Их расстреливали по тому или иному поводу. Остатки их были освобождены во время Кронштадтского мятежа в марте 1921 года и были расстреляны после его подавления. Лишь одному из них — капитану 2 ранга Дарагану, бывшему командиру эскадренного миноносца «Деятельный», удалось бежать в Финляндию. Я хочу подчеркнуть, что здесь речь идет только о морских офицерах, арестованных после Февральской революции.

Интересно отметить, что кронштадтские «революционеры», выполняющие, пусть даже неосознанно, задание немецкой разведки, натравливали матросов на офицеров, уверяя, что последние являются немецкими шпионами.

13

По пути в госпиталь мичман Воробьев был забит ногами на глазах у врача на улицах Гельсингфорса, где шла резня еще более страшная, чем на кораблях.

14

Еще до сих пор в разных концах СССР всплывают эрмитажные ценности, о происхождении которых владельцы ничего не знают. Однако, в разговорах быстро выясняется, что их прадед служил матросом на Балтике в 1917 году.

15

А. М. Щастный — организатор «Ледового похода», был в мае 1918 года награжден орденом «Красного Знамени», для получения которого был вызван в Москву. Он был застрелен в кабинете Троцкого то ли самим Троцким, то ли его адъютантом. Первое вероятнее. Причиной было резкое осуждение Щастным Брест-Литовского договора, который, по его мнению, был «жидовским заговором с целью погубить Россию». Поскольку убийство Щастного невозможно было скрыть, его задним числом объявили одновременно немецким и английским шпионом, желающим сорвать переход флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Нелепость этого обвинения очевидна. «Шпион» Щастный мог и не возвращаться из Финляндии. Однако, деваться некуда и уже более шестидесяти лет советские историки выискивают в весьма толковых распоряжениях Щастного доказательства его измены, забыв о том, что весь флот на Балтике был спасен трудом, энергией и распорядительностью этого скромного офицера.

16

На эсминцах, попавших в плен со всеми экипажами, был захвачен Раскольников — командующий Балтфлотом, позднее обмененный и бежавший за границу, выпустивший первые разоблачительные книги о тирании Сталина.

17

Куда попала третья торпеда, остается тайной. Все английские источники хором утверждают, что она попала в «Петропавловск», все советские, также хором, это отрицают. Однако, характерно то, что после налета катеров на Кронштадт «Петропавловск» более в действиях ДОТа участия на принимал и был срочно заменен «Севастополем», прибуксированным (машины не действовали!) из Петрограда.

18

Дыбенко П. Е. в 20-х годах опубликовал книгу «Из недр царского флота к Великому Октябрю». После расстрела Дыбенко в 1937 году эта книга была уничтожена. Ее нет даже в ЦВМБ. Переизданная в сокращенном виде в 1958 году, она, видимо, подверглась сильной редакции и никак не может служить источником ни по истории флота, ни по истории его революционной деятельности.

19

По поводу Дыбенко, служившего на линкоре матросом и вроде бы ничем не занимавшегося, кроме революционной деятельности, сохранилась легенда, впрочем, мало похожая на правду. Однажды во время артиллерийских стрельб Дыбенко сделал замечание командующему флотом о неправильном определении им дистанции до цели, назвав правильную цифру. (Можно подумать, что командующие флотами сами определяют дистанции и дают целеуказания!). Эссен, якобы, вызвал к себе Дыбенко и сказал: «Ты либо будешь повешен, либо моё место займешь!», на что Дыбенко ответил: «И к тому и к тому готов!»

Легенда, конечно, более позднего происхождения, когда Дыбенко уже стал советским вельможей, чья тяга к роскоши и женщинам удивляла даже его не очень щепетильных коллег и даже его собственную любовницу Коллонтай. Беда только в том, что Дыбенко, видимо, сам поверил в эту сказку и осмелился возражать т. Сталину. По возвращении в Ленинград, Дыбенко на вокзале встретил его личный друг Голошвили — замначальника ленинградского НКВД. Через два часа Дыбенко был расстрелян...

20

В одной из этих легенд говорится, что первая «революционная» ячейка на «Императоре Александре II» возникла еще в 1902 году, когда броненосец стоял в Тулоне. Во всех источниках указывается 1902 год. Авторы легенды даже на побеспокоились выяснить, что корабль покинул Средиземное море в августе 1901 года и весь 1902 год уже находился на Балтике. Большевистская деятельность на «Императоре Александре II» все время связывается с личностью унтер-офицера И. Д. Сладкова (1890-1922), который на корабле никогда не служил, находясь на линкоре «Гангут», где участвовал в волнениях 1915 года, связанных с обострением антинемецких настроений, немецкой фамилией командира и демонстративным, по мнению матросов, неучастием лидеров в войне. Таких примеров можно привести очень много. Легендирование собственной истории — один из основных признаков большевизма.

21

П. Д. Хохряков (1893-1918) был одним из тех, кто занимался конвоированием царской семьи из Тобольска в Екатеринбург и ее охраной на первом этапе содержания в доме Игнатьева. Расстрелян по приговору комиссии, расследовавшей дело «Об убийстве царской семьи».

22

См. об этом более подробно в нашей книге «Черноморская Цусима». И. Б.

то есть бывших офицеров флота. — С.З.

«прочие» — «почетные граждане», «мещане», но не рабочие и крестьяне. — С.З.

выше в тексте перечислены Тошаков, Хвощинский, Плотников, Поленов, братья Биллевичи, Федотов, Никонов, Мамонтов, Беспальчиков. — С.З.